

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

На правах рукописи

Ракачев Вадим Николаевич

**НАСЕЛЕНИЕ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В 1930–1950-е гг.:
ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Научный консультант:
Ратушняк Валерий Николаевич,
доктор исторических наук,
профессор

Краснодар – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
1. Теоретико-методологические положения исследования и общие характеристики развития населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.....	53
1.1 Теоретические и методологические подходы к изучению историко-демографических процессов.....	53
1.2 Динамика численности населения Кубани и Ставрополья.....	74
1.3 Размещение населения и процессы урбанизации на Кубани и Ставрополье в контексте модернизационных изменений 1930–1950-х гг.	103
2. Демографические процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг.....	133
2.1 Трансформация рождаемости: факторы, динамика и последствия	133
2.2 Динамика показателей смертности и потери населения.....	162
2.3 Основные тенденции развития брачно-семейных отношений.....	203
3. Состояние и динамика демографических структур Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.....	225
3.1 Половозрастная структура населения.....	225
3.2 Социальный состав и занятия населения.....	252
3.3 Грамотность и образовательный уровень населения.....	272
3.4 Национальная структура населения.....	291
4. Миграционные процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг.....	318
4.1 Переселенческая политика Советского государства в 1930-е гг. и ее реализация на Кубани и Ставрополье.....	318
4.2 Миграции периода Великой Отечественной войны и их демографические последствия для региона.....	349

4.3 Миграционное движение населения Кубани и Ставрополя во второй половине 1940-х – 1950-е гг.....	378
Заключение.....	410
Список используемых источников и литературы.....	425
Приложения	485

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Демографические процессы на протяжении всей истории человечества имели определяющее для его существования и развития значение. Оптимальная численность, высокие качественные характеристики, расширенное воспроизводство населения составляют основу благоприятной демографической ситуации, что, в свою очередь, обеспечивает успешное развитие государственной или национальной общности.

Для постсоветской России характерна сложная демографическая ситуация: отрицательный баланс в естественном движении населения, проблемные явления в брачно-семейной, половозрастной, этнической структуре, кардинальные изменения в миграции. Эти и другие, подобного рода, явления и процессы, обуславливают необходимость обращения к анализу исторических событий прямо или косвенно оказавших влияние на современные демографические процессы.

Проблематизация в области современной российской демографической действительности привлекает внимание научной общественности. Однако, наряду с подлинно научными трудами в этой объектно-предметной области имеют место спекулятивные конструкции о характере демографического перехода в нашей стране, проводятся некорректные сопоставления с другими современными обществами и историческими эпохами.

Одним из самых спорных и неоднозначно трактуемых периодов российской истории, стал период 1930–1950-х гг. На этом, сравнительно небольшом, отрезке времени произошли коренные изменения жизненных условий и демографических моделей поведения населения. Данные изменения стали результатом как исторически обусловленных процессов модернизации, так и специфических для российского общества экстремальных факторов: индустриализации, коллективизации и раскулачивания, Великой Отечественной войны, репрессий, депортаций, голода и проч. События,

происходившие в общественно-политической и экономической жизни страны, вызвали глубокие изменения социально-структурного характера. Существенно менялись численность населения, пропорции в составе по этнической принадлежности, половозрастным признакам, возникли и закрепились новации в брачно-семейных отношениях, профессиональной занятости, радикально изменилось соотношение городского и сельского населения, специфический вид приобрели миграции. Демографические процессы, рассматриваемого периода, заложили основу и задали вектор последующих долгосрочных изменений в численности, составе и структуре народонаселения советского общества, неизбежно находящих свое преломление в современной российской действительности.

Демографическая история 1930–1950-х гг. долгое время являлась «белым пятном» в российской историографии, материалы переписей и статистического учета, архивные документы были закрыты для исследователей. На сегодняшний момент российскими и зарубежными историками проделана большая работа в области изучения различных аспектов развития советского общества в период 1930–1950-х гг., в том числе и демографической истории. Результаты научного поиска опубликованы в монографических изданиях, сборниках статей, статьях в периодической печати. С тематикой, обращенной к данной проблеме проведено большое количество научных конференций всероссийского и международного уровня.

Внимательное изучение научных достижений позволяет констатировать наличие определенного несоответствия. Если в изучении общероссийских тенденций демографического развития этого периода в последние годы появились глубокие и содержательные научные исследования, то демографическая история отдельных регионов раскрыта еще недостаточно. Особенно это относится к использованию концептуальных теоретических построений, возможностей, предоставляемых наличием современной источниковедческой базы, вовлечения в познавательный процесс ресурса междисциплинарности.

Актуальность комплексных историко-демографических региональных исследований определяется тем фактом, что социально-демографическое пространство страны существует как совокупность социально-территориальных общностей, для каждой из которых характерны специфические особенности в процессах воспроизводства демографической структуры, влияния миграции населения на определенных исторических этапах регионального развития.

В диссертации исследовательское внимание и действия обращены к населению регионов Кубани и Ставрополя, которое исторически сложилось и обрело свою качественную определенность в составе множества социальных, этнических и конфессиональных образований, имеющих как автохтонное, так и переселенческое происхождение. Занимая пространство Северо-Западного Кавказа, данные территории обладают ярко выраженным своеобразием на фоне прочих регионов страны. Эта специфика проявляется в существенных особенностях жизнедеятельности: социально-экономических, социокультурных, социально-демографических.

Исследования, направленные на выявление региональной специфики демографических процессов, в том числе и исторических условий развития населения, актуальны и востребованы сегодня. Они позволяют осуществлять мониторинг демографической ситуации, осуществлять демографическое прогнозирование, разрабатывать эффективные меры демографической и социальной политики.

Таким образом, научная актуальность проблемы обусловлена научной и практической потребностью в системном сравнительном социально-демографическом исследовании населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг., с учетом всех факторов его исторической и социальной обусловленности.

Степень разработанности проблемы. Изучение демографической истории традиционно носило междисциплинарный характер и в современной историографии наряду с гуманитарными, широко используются работы

представителей социальных и естественных наук, что дает возможность более полного и глубокого рассмотрения проблемы.

В хронологическом плане работы, посвященные историко-демографической проблематике можно разделить на два больших блока: исследования советского и постсоветского периода, которые также внутренне не однородны, поскольку их содержание во многом зависело от конкретной политической ситуации в стране. Представляется возможным выделить следующие этапы в отечественной историографии исследуемой проблемы: 1) 1930-е – первая половина 1950-х гг.; 2) вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.; 3) середина 1980-х – до настоящего времени.

Вместе с тем, массив исторических исследований демографического развития советского общества включает наряду с отечественными работы зарубежных авторов. Они представляют собой своего рода альтернативный взгляд на советскую историю, который так же эволюционировал в условиях изменяющейся социально-политической реальности.

Рассмотрим подробнее содержание отдельных историографических периодов.

Первый этап (1930 – первая половина 1950-х гг.). Сложившаяся в этот период социально-политическая ситуация в стране, установившаяся тоталитарная система стали серьезным препятствием на пути объективного и всестороннего изучения социально-демографических явлений. Им придавалось второстепенное значение, что в последствие решило судьбы многих научных работ и развитие демографической науки в целом. Для исследований 1930–1950-х гг. характерно идеологическое содержание и достаточно ограниченный круг вопросов, освещаемых авторами. В тоже время происходит развитие теоретико-методологической базы демографических исследований¹.

---

¹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / предисл. С.Г. Струмилина. М.; Л., 1930; Гозулов А.И. Морфология населения: Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей – 1926, 1920 и 1897 гг. Ростов н/Д, 1929; Боярский А.Я. Статистика населения.

Несоответствие идеологическим требованиям закрыло дорогу многим демографическим работам и статистическим данным. Под «идеологический запрет» попали результаты переписи 1937 г., которые были признаны дефектными и на долгие годы оказались закрыты для исследователей. Всесоюзная перепись 1939 г. скорректировала данные в соответствии с властными установками, однако и они публиковались весьма ограничено. Как правило, это были общие сведения по стране без детальной разработки отдельных характеристик населения. Материалы переписи частично были представлены в работах Д. Бузина, И. Саутина, В.Н. Старовского, С. Сулькевича¹. В полном объеме результаты переписей 1937 и 1939 гг. стали доступны для исследователей только спустя 60 лет.

Сокращение научных исследований в области исторической демографии наблюдается в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Сложности статистико-демографического учета в военные годы создали значительные пробелы в данных и прежде всего на тех территориях, которые находились в зоне боевых действий и оккупации. Сами же материалы демографической статистики в условиях военного времени использовались исключительно под грифом «для служебного пользования». Как следствие, один из наиболее важных вопросов после окончания войны – численность демографических потерь, оставался открытым. Идеологический контроль здесь проявляется достаточно жестко и в открытом доступе была лишь официально одобренная информация. Данные по демографическим потерям сначала были озвучены И.В. Сталиным, затем Н.С. Хрущевым,

---

М., 1938; Пустоход П.И., Воблый В.К. Переписи населения / под ред. М.В. Птухи. М., 1936; Старовский В.Н. Азбука статистики / под общ. ред. И.А. Кравалю. 3-е изд. М., 1936; Римский Л. Адыгя в боях за сплошную грамотность. М., 1931; Сачков Д. Северо-Кавказский край: Экономический очерк. Пятигорск, 1934; Районы Северного Кавказа: краткий статистический справочник. Пятигорск, 1935.

¹ Бузин Д. Население страны социализма: К итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. // Проблемы экономики. 1939. № 5. С. 35–46; Саутин И. Всесоюзная перепись населения 1939 года. М., 1938; Старовский В.Н. Основные вопросы статистики населения // Записки плановой Академии им. Молотова. 1940. С. 48–72; Сулькевич С. Территория и население СССР. М., 1940.

Л.И. Брежневым и М.С. Горбачевым. Недоступность для исследователей достоверных источников информации, сводила характер анализа к общим замечаниям и выводам.

Второй этап (вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.). XX съезд партии 1956 г. и последовавшая за ним либерализация советского общества, положили начало новому периоду в истории страны и в развитии научных исследований. В этот период наблюдается оживление в сфере исследований, посвященных демографическим проблемам. Начинает восстанавливаться демография как наука, появляются работы советской демографической школы, становятся доступными некоторые ранее закрытые данные.

Происходит обращение к теме демографических последствий войн, в научный оборот вводятся зарубежные исследования¹. Важным вкладом в изучение демографической истории российского крестьянства в период Великой Отечественной войны стала работа Ю.В. Арутюняна, основанная на большом количестве статистического материала².

Помимо исследований, освещающих военные события и их последствия в масштабах страны³, формируется блок работ, посвященный региональному

---

¹ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселения Европы. Людские потери в вооруженных силах в войнах XVII – XX вв. М., 1960; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; Митрофанова А.В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны // Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны: Сборник статей. М., 1976. С. 9–52; Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. // Население и методы его изучения. М., 1975; Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967; Riecker K. Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Frankfurt a.M., 1955.

² Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. / ред. П.Н. Поспелов и др. М., 1960–1965; История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. / гл. ред. А.А. Гречко. Д.Ф. Устинов. М., 1973–1978; Мерцалов А.Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978; Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972; Донченко В.Н. Демобилизация Советской армии и решение проблем кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 96–102; Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982; Куманев Г.А. Советский тыл – фронту. 1941–1945 гг. М., 1970.

анализу проблем народонаселения¹.

Частичное снятие идеологических запретов способствовало знакомству советских ученых с трудами ведущих зарубежных исследователей в области исторической демографии: Л. Анри, Дж. Хаджнала, П. Ласлетта, А. Сови. Это способствовало заметному развитию советской демографической науки и в частности исторической демографии. Важность последней отмечал Л. Анри, говоря о необходимости использования исторических данных для объективного демографического прогноза².

Первая обобщающая работа по исторической демографии, подготовленная сотрудниками МГУ Г.Е. Ананьевой и А.П. Судоплатовым вышла в свет в 1976 г.³ Несколько позднее А.Г. Вишневский и И.С. Кон констатировали: «Опыт исследователей в разных странах свидетельствует: ни анализ сегодняшних, ни прогноз завтрашних демографических тенденций не может претендовать на научность, если нет ясного понимания их исторического генезиса, происходящие на наших глазах, огромные демографические сдвиги не могут быть поняты и даже описаны без помощи серьезных и разносторонних сравнительно-исторических исследований»⁴.

Приоритетными направлениями демографических исследований советских ученых в этот период становятся проблемы воспроизводства населения, влияния социальных факторов на демографические процессы,

---

¹ Лазарева С.Л. Временная оккупация края и её последствия // Учёные записки кафедры общественных наук. Пятигорск, 1958. Т. XVI. С. 421–460; Исаченко Л.И. Трудовые подвиги рабочего класса и крестьянства Кубани и Ставрополя в первый период Великой Отечественной войны // КПСС в период социалистического и коммунистического строительства. Ставрополь, 1972. С. 341–351; Темиров У.Е. Трудовой вклад населения Карачаево-Черкессии в дело победы над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкессия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Материалы областной научно-теоретической конференции. 1977 года. Черкесск, 1982. С. 38–59.

² Анри Л. Проблемы современной демографии: наблюдение и язык // Изучение мнений о величине семьи / под ред. А.Г. Волкова и Л.Е. Дарского. М., 1971. С. 114–126.

³ Ананьева Г.Е., Судоплатов А.П. Историческая демография // Система знаний о народонаселении / под ред. Д.И. Валентея. М., 1976.

⁴ Вишневский А.Г., Кон И.С. Предисловие // Брачность, рождаемость, семья за три века / отв. ред. А.Г. Вишневский и И.С. Кон. М., 1979. С. 3.

трансформация советской семьи, миграция и методы ее управления, этнодемографические процессы и др. Это находит отражение в трудах А.Г. Вишневого, М.Г. Григорьянц, А.И. Гозулова, А.Я. Кваши, М.В. Курмана, Г.С. Невельштейна, С.А. Новосельского, В.В. Покшишевского, Е.А. Садвокасовой, Б.Ц. Урланиса и др.¹

Важным стимулом к изучению населения стала очередная Всесоюзная перепись населения 1959 г. Накануне проведения переписи наблюдался рост публикаций методико-методологического характера, связанных с требованиями и особенностями проведения переписей населения, работ пропагандистского характера, разъясняющих необходимость и важность учета населения². Ряд исследователей обращается к материалам предыдущих переписей, в частности переписи 1939 г.³

Активно разрабатывались результаты переписи 1959 г. помимо общих сведений и сводных результатов, часть работ содержала анализ отдельных свойств и характеристик населения⁴.

---

¹ Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР. М., 1969; Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976; Кваша А.Я. Динамика численности населения СССР за 50 лет // Здравоохранение Российской Федерации. 1967. № 12. С. 10–13; Курман М.В. Актуальные вопросы демографии: Демографические процессы в СССР в послевоенный период. М., 1976; Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки. М., 1978; Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Новосельский С.А. О ранней детской смертности (1941 г.) // Вопросы демографии и санитарной статистики: Избранные произведения / под ред. проф. А.М. Меркова. М., 1958; Невельштейн Г.С. Территориальные различия естественного движения населения СССР // География населения в СССР: основные проблемы. М.; Л., 1964. С. 144–159.

² Птуха М.В. Методы проведения переписей населения в СССР // Доклады советских ученых на XXX сессии Международного статистического института. М., 1957. С. 40–47; Боярский А.Я. Всесоюзная перепись населения // Научные доклады высшей школы: Экономические науки. 1958. № 4; Гозулов А.И., Хрипушина Р.С. Перепись населения СССР 1959 г. и ее народнохозяйственное значение. Ростов н/Д, 1958.

³ Подьячих П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1957; Статистические материалы: Некоторые итоги переписи населения 1939 года // Вестник статистики. 1956. № 6. С. 89–96.

⁴ Боярский А.Я. Население нашей страны // Политическое самообразование. 1963. № 3. С. 113–116; Максимов Г.М. Движение и состав населения СССР // История СССР. 1961. № 1. С. 28–48; Урланис Б.Ц. Рост населения СССР. М., 1966; Вострикова А. Численность населения СССР и его возрастная структура // Вестник статистики. 1960. № 4. С. 55–64; Хоменко А.П. Семья и воспроизводство населения. М., 1980; Максимов Г.,

Особое внимание при изучении населения по-прежнему уделяется этнической структуре, что обусловлено многонациональным составом населения страны и особенностями национальной политики советского государства. Это стимулировало теоретические и эмпирические исследования этнодемографических проблем, урбанизационных процессов в 1960–1980-е гг. в работах В.И. Козлова, А.Г. Волкова, В.В. Покшишевского, Г.А. Бондарской и других ученых¹.

Это дало толчок развитию исследований в регионах. В числе работ, посвященных этническому составу населения Краснодарского края, следует выделить доклад научного сотрудника Государственного музея этнографии народов СССР А.С. Бежковича «Современный этнический состав населения Краснодарского края»², представленный на заседании Географического общества СССР в 1967 г. В нем автор, обращаясь к материалам переписей населения СССР 1926 г. и 1959 г., впервые пытается дать объяснение резкому сокращению численности украинского населения на Кубани.

Ценной работой в области изучения этнического состава населения Кубани явилась коллективная монография под редакцией К.В. Чистова «Кубанские станицы» подготовленная по итогам этнографической экспедиции АН СССР³. Обращение к полевым этнографическим материалам позволило по-новому взглянуть на демографические процессы, уточнить и

Исупов А. Национальности СССР по данным Всесоюзной переписи населения // Вестник статистики. 1960. № 4. С. 65–75; Родзяловская В.В. Уровень образования населения СССР // Вестник статистики. 1961. № 3. С. 3–12; Смирнов К. Численность и состав сельского населения СССР // Экономика сельского хозяйства. 1963. № 9. С. 41–47.

¹ Козлов В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1982; Волков А.Г. Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР // Проблемы современной урбанизации / под ред. Ю.Л. Пивоварова. М., 1972. С. 105–124; Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография. 1969. № 5. С. 3–15; Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР. (Этнодемографический аспект). М., 1977; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы и культуры. М., 1985.

² Бежкович А.С. Современный этнический состав населения Краснодарского края: Доклады по этнографии отделения географии Географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 5.

³ Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1967.

детализировать многие выводы. Необходимость изучения этнодемографических проблем для региона, традиционно многонационального, способствовала появлению работ и региональных авторов¹.

Другим важным направлением в российской исторической демографии стало обращение к теме миграции. Появляется большое количество теоретических работ советских авторов, публикуются работы зарубежных ученых. В методологическом плане происходит формирование теоретических подходов к управлению миграциями, осмысление миграционной политики 1930–1950-х гг. К этому направлению относятся работы В.И. Переведенцева, Ж.А. Зайончковской, Л.Л. Рыбаковского, П.Г. Подъячих, Т.И. Заславской².

Среди работ посвященных миграционной проблематике большое значение имела монография Н.И. Платунова «Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.)»³. Работа опирается на широкий круг источников, большая часть которых используется автором впервые. В ней рассмотрена организация советского планового сельскохозяйственного и промышленного переселения. Одна из глав монографии посвящена плановому переселению красноармейцев на Кубань и Ставрополье. Но изданная в Томске, относительно небольшим

---

¹ Абулова Е.А. Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе // Создание и развитие национальной государственности народов Северного Кавказа (республ. сборник). Ставрополь, 1977. С. 6–21; Волкова Н.Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX вв. // Советская этнография. 1971. № 2. С. 38–47; Бекижев М.М. Формирование советской интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.). Черкесск, 1978; Невская Н.И. Особенности воспроизводства населения Северного Кавказа // Развитие и размещение производительных сил Северного Кавказа: Сборник статей. Ростов н/Д, 1972. С. 112–125.

² Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М., 1972; Подъячих П.Г. О расчете перспективной численности населения с учетом планируемой миграции // Вопросы народонаселения и демографической статистики (Доклады советских ученых и специалистов на всемирной конференции ООН по вопросам народонаселения 1965 года). М., 1966. С. 239–251; Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973; Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975; Заславская Т.И. Методика выборочного обследования миграции сельского населения. Новосибирск, 1969.

³ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

тиражом работа осталась незамеченной большинством кубанских и ставропольских историков, как и работа Е.И. Турчаниновой, изданная в Душанбе и посвященная вопросам коллективизации на Ставрополье¹.

Новый импульс анализ проблем демографической истории 1930–1950-х гг. приобретает на третьем этапе, начавшемся с середины 1980-х гг. Это связано, прежде всего, с открытием архивов и доступом к новым источникам для исследователей. Это позволило постепенно воссоздать картину численности, состава, естественного движения населения страны и других демографических показателей по материалам Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. и опубликовать результаты этой работы. Научный интерес исследователей был направлен на материалы самих переписей, стремление определить степень их достоверности и пригодности для демографического анализа и оценки демографических процессов в стране в 1930-е гг.²

Выходят целый ряд работ не только аналитического характера, но и имеющих принципиальное методико-методологическое значение для анализа демографических процессов в СССР в первой половине XX в. Это работы Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой, В.Б. Жиромской, П.М. Поляна, В.П. Попова и др.³

Среди работ, опубликованных в 1990-е гг. – первом десятилетии XXI в.,

---

¹ Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Ставрополье. Душанбе, 1963.

² Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 174–203; Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. М., 1990. Вып. 3–5 (ч. II). С. 6–63; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Тольц М. Статистика как инструмент политики Советского Союза // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 108–125; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.

³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. М., 1998; Харькова Т.Л. Население Советского Союза 1922–1991. М., 1993; Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 3–15; Полян П.М. Динамика расселения в России и демографические катастрофы XX столетия // Известия РАН: Серия географическая. 2003. № 3. С. 44–52.

необходимо особо выделить исследования В.Б. Жиромской, посвященные проблемам развития народонаселения СССР в 1930–1960-х гг. Анализируя процессы естественного движения, В.Б. Жиромская делает вывод о том, что определяющим фактором в рассматриваемый период была сверхсмертность населения. Автором детальному анализу подвергнуты материалы переписей 1937 и 1939 гг., предложена методика определения приписок, использованных при фальсификации материалов переписи 1939 г., позволившая определить реальную численность населения страны и отдельных регионов¹. Посредством историко-демографического анализа был изучен жизненный потенциал послевоенных поколений России. Рассматривая вопросы продолжительности жизни поколений, перенесших тяготы Великой Отечественной войны, автор уделяет особое внимание выявлению и анализу факторов экзогенного порядка, повлиявших на жизненный потенциал российского населения².

Важное значение для понимания механизмов демографической трансформации в стране на протяжении XX в. имеют работы А.Г. Вишневого. Процессы демографического перехода, особенности и последствия демографической модернизации рассматриваются им с привлечением широкого круга разнообразных источников, в том числе и исторических³.

Процессу советской модернизации – форсированному переходу от традиционного сельского общества к городскому, посвящена работа А.С. Сенявского. Происходившие социально-демографические процессы в

---

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Она же. Социальный состав и занятия населения России в конце 1930-х гг. // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 11–35; Она же. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

² Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений России: историко-демографический аспект: 1946–1960. М., 2009.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Он же. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики // Семья: и семейная политика: М., 1991; Он же. Демографическая революция: 2-е изд. М., 2005; Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

стране автор рассматривает с точки зрения «урбанизационного перехода», как важнейшей части исторического процесса¹.

Ценным для изучения процессов российской урбанизации как в методологическом, теоретическом, так и в фактологическом плане является коллективный труд «Город и деревня в европейской России: сто лет перемен»², представляющий собой междисциплинарное исследование, созданное на стыке истории, демографии и географии.

Большое теоретико-методологическое значение имеет работа И.Г. Яковенко, в которой репрессии рассматриваются как культурный феномен и вписываются в широкий контекст социальной и культурной реальности. И.Г. Яковенко, как и Е.Н. Стариков отмечает, что возможность применения репрессивных методов, существенно повлиявших на демографическое развитие, в советском государстве была, в частности, обусловлена традиционным менталитетом и сознанием российского общества³.

Наряду с изучением собственно демографических процессов значительное внимание уделяется исследователями проблемам трансформации социальных институтов, связанных с процессами воспроизводства. Историко-демографический анализ проблем российской городской семьи в 1927–1959 гг. дается в работе Н.А. Араловец⁴. Автор анализирует широкий круг проблем, связанных с семьей и процессами ее трансформации в условиях демографического перехода. Проблемы сельской семьи, ее эволюции в период с 1897 по 1959 гг. с позиций историко-демографического подхода исследуются в работах О.М. Вербицкой⁵.

---

¹ Сенявский А.С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

² Город и деревня в европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник / под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М., 2001.

³ Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011; Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996.

⁴ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.

⁵ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х –

В области исторической демографии появляются работы затрагивающие демографическое развитие отдельных регионов России. К их числу относится монография И.Н. Гавриловой, посвященная демографическому развитию Москвы за весь период ее существования¹.

Демографические процессы в Западно-Сибирском регионе рассматривается в работах В.А. Исупова. Автор также обращается к теме демографических кризисов и катастроф, рассматривая их в контексте общероссийских проблем². Работы И.Л. Жеребцова посвящены демографическим процессам в Республике Коми³. С.И. Сивцева исследует демографическую проблематику на материалах Северо-Восточной Сибири⁴, В.А. Журавлева на материалах Урала⁵.

Региональные особенности и закономерности демографических процессов на Северном Кавказе рассмотрены В.М. Кабузаном⁶. Появляются работы региональных исследователей, раскрывающие историко-демографические проблемы Северного Кавказа, Кубани и Ставрополя: В.С. Белозерова, М.Ю. Макаренко, В.Н. Ракачева, Я.В. Ракачевой⁷.

начало 60-х гг. М., 1992; Она же. Российская сельская семья в 1987–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009.

¹ Гаврилова И.Н. Население Москвы: исторический ракурс. М., 2001.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Он же. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Он же. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2010.

³ Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005; Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.

⁴ Сивцева С.И. Демографическая история Якутии (1941–1945 гг.) / отв. ред. В.Б. Жиромская. Новосибирск, 2012.

⁵ Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск, 2012.

⁶ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб, 1996.

⁷ Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005; Макаренко М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2009; Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Т. 1–2. Краснодар, 2005–2007; Ракачев В.Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002.

Анализ историографической ситуации и состояние источниковой базы по демографической истории СССР 1930-х гг., обобщение новейших достижений отечественной историко-демографической науки получили отражение в монографии С.И. Голотика и В.В. Минаева¹.

К началу 2000-х гг. осознается необходимость создания на основе многочисленных исследований обобщающих трудов историко-демографического характера. В их числе особо стоит отметить трехтомное издание «Население: России в XX веке: Исторические очерки»². В этой фундаментальной работе подготовленной ведущими демографами России, под редакцией Ю.А. Полякова, впервые в отечественной истории была представлена целостная картина демографических процессов в стране, был введен в научный оборот обширный архивный материал.

Снятие ряда ограничений на данном этапе дало толчок изучению ранее закрытой для исследователей темы – репрессивной политики советского государства. В числе первых в этом направлении стали работать отечественные ученые-эмигранты и зарубежные исследователи А.М. Некрич, М.С. Геллер, Р. Конквест, С. Максудов, А.И. Солженицын³. Статистические показатели, приведенные в этих работах, основывались на косвенных данных и примерных расчетах, имели слабую документальную базу, но они положили начало целенаправленному изучению демографических проблем советского общества.

Постепенно расширяются возможности для профессиональных историков, открываются новые документы в архивах страны, эмоциональные

---

¹ Голотик С.И., Минаев В.В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004.

² Население: России в XX веке: исторические очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. В 3-х т. М., 2000–2012.

³ Конквест Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988; Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней. 3-е изд. London, 1989; Некрич. А.М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон, 1979; Максудов С. Потери населения СССР. Benson, 1989; Геллер М.С. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования: В 2 т. М., 1989.

оценки сменяются конкретными фактическими данными. Выходят в свет работы с объективной оценкой масштабов раскулаченных, жертв голода и политических репрессий, военных потерь и т.д. Знаковыми для изучения коллективизации и раскулачивания, масштабов кулацкой ссылки и связанных с ней потерь являются работы Н.А. Ивницкого. Автор детально, на значительном фактическом материале, используя уникальные документы ранее секретных и малодоступных архивных фондов, воссоздает обобщающую картину «кулацкой» ссылки в масштабах всей страны¹.

Процессы коллективизации, раскулачивания и компенсаторных миграций через призму вовлечения и участия в них Красной Армии анализирует Н.С. Тархова. Рассматривается заселение кубанских станиц, опустевших в результате раскулачивания и голода, красноармейцами².

Период демократизации, появление новых источников привели к активному обсуждению прежде табуированной темы – голода и политических репрессий 1930-х гг. Появляются многочисленные работы российских и зарубежных авторов, посвященные этим проблемам³.

Расширился спектр вопросов, рассматриваемых в региональной историографии, освещаются новые аспекты процессов коллективизации, раскулачивания, голода на Кубани и Ставрополье в работах И.И. Алексеенко, Н.А. Мальцевой, О.В. Матвеева, Е.Н. Осколкова, В.Н. Ратушняка, А.Ю. Рожкова, В.Е. Щетнёва и др.⁴

---

¹ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Он же. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.

² Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010; Она же. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932/1933 г. (по материалам РГВА) // Голос минувшего. Краснодар, 1997. № 1. С. 38–43.

³ Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 гг. в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 17–26; Хубова Д.Н. Черные доски: *tabula rasa*: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / отв. ред., вступ. ст. Ю.Н. Афанасьев. М., 1995. С. 67–88.

⁴ Алексеенко И.И. Голодомор на Кубани 1932–1933 гг. Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы I регион. науч. конф. Краснодар, 2003. С. 35–

Значительное место проблеме голода 1932–1933 гг. отводится в украинской научной литературе. Здесь широко используется для обозначения голода 1932–1933 г. термин «голодомор»¹. Труды украинских ученых представляют интерес для нас и по той причине, что практически во всех работах голод рассматривается не только на территории Украины, но и в других регионах страны, в том числе на Северном Кавказе. На территориях Кубани и Ставрополья украинцы были одной из наиболее многочисленных этнических групп, и голод оказал заметное влияние на динамику их численности в этом регионе.

Наряду с одиозными работами по проблемам голода 1932–1933 гг., обвиняющими Россию в геноциде украинцев, среди украинских исследований есть и серьезные с исторической точки зрения работы. Однако и они не избежали влияния современной политики Украины с ее риторикой об организованном и целенаправленном со стороны России характере голода.

40; Осколков Е.Н. Голод 1932–1933 гг. Хлебозаготовки и голод 1932–33 гг. в Северокавказском крае. Ростов-н/Д, 1991; Он же. Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. В Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995. С. 115–119; Ратушняк В.Н. Хлеб ценою голода // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы I региональной научной конференции. Краснодар, 2003. С. 23–24; Щетнёв В.Е. Коллективизация, раскулачивание, голод 1932–1933 гг. глазами партийно-советских руководителей // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы II региональной научной конференции. Краснодар, 2004. С. 83–86; Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье / под ред. Т.А. Невской. Монография. Издание 2-е дополненное. Ставрополь, 2009; Ракачев В.Н. Государственная политика хлебозаготовок 1932–1933 гг. на Кубани и ее демографические последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: Материалы научно-практической конференции / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. С. 129–141; Рожков А.Ю. «Мыши съели людей...»: Память о голоде 1932–1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. ... С. 48–57; Матвеев О.В. Методологические аспекты устной истории голода 1932–1933 г. на Кубани // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. ... С. 19–32.

¹ Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. / за ред. В. Васильева, Ю. Шаповала. Київ, 2001; Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки / під ред. В.А. Смолія. Київ, 2003; Кульчицький С.В. Голод 1932–1933 рр. в Україні як геноцид: мовою документів, очима свідків Київ, 2008; Кульчицький С.В. Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. Київ, 2008; Захаров Е. Чи можна кваліфікувати Голодомор 1932–1933 роки в Україні та на Кубані як геноцид? Харків, 2008; Василенко В. Голодомор 1932–1933 років в Україні як преступление геноцида: правовая оценка. Київ, 2009.

Придание политического смысла научным работам, намеренное дистанцирование от российских ученых занимающихся этими проблемами, сузили исторический дискурс, способствовали тенденциозному анализу исторических источников.

Более взвешенным представляется взгляд на эту проблему российских исследователей. Используя, в том числе, в научной дискуссии понятие «голодомора», они подчеркивают невозможность разделения голодающих регионов на Украину, Северный Кавказ с одной стороны и остальные регионы, с другой. Давая оценку драматическим событиям отечественной истории начала 1930-х гг. российские ученые выступают против политизации проблемы голода, и прежде всего против позиции выдвигаемой рядом украинских исследователей, определяющих голод на Украине как целенаправленный геноцид украинского народа¹.

Как отмечает российский историк В.В. Кондрашин: «К сожалению, эта трагическая страница (голод 1932–1933 гг. в СССР) в отечественной истории приобрела в последнее время особый подтекст. Она превратилась в разменную монету в руках политиков и обслуживающих их лиц, устраивающих “пляску на костях”, в завуалированной форме предъявляя претензии к России за события 70-летней давности.

Речь идет о событиях в современной Украине, где в силу политической конъюнктуры появилась теория, разделившая трагедию всего советского крестьянства в 1932–1933 гг. на “геноцид голодомором в Украине” и голод в остальных регионах бывшего СССР, в том числе и в России. Получается, что было как бы два голода, один настоящий – “голодомор” для жителей Украины и другой, менее страшный, – просто “голод” для всех остальных. По циничной логике некоторых сторонников данного подхода, Россия должна согласиться

---

¹ Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: Кто виноват? // Судьбы российского крестьянства / отв. ред., вступит статья Ю.Н. Афанасьев. М., 1995. С. 43–66; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в России и на Украине: трагедия советской деревни // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуды. Токио, 2005. С. 234–264.

с такой оценкой событий 1932–1933 гг., чтобы стать “демократической страной” ... Мы категорически против такой постановки вопроса и считаем, что трагедия 1932–1933 гг. в СССР должна не разъединять, а объединять Россию и Украину...»¹.

По-новому взглянуть на проблему голода позволяют работы ученых-социологов². Социологический анализ голода предпринят в классическом труде П.А. Сорокина «Голод как фактор». Уникальный по своему характеру труд основан на огромном количестве фактического материала и на личном опыте автора, ставшего свидетелем голода 1920-х гг. в РСФСР. Для нашего исследования труд П.А. Сорокина ценен в теоретическом и методологическом плане и позволяет взглянуть на голод как механизм управления обществом, как своеобразный инструмент подавления и манипуляции.

Другим аспектом отечественной истории 1930–1950-х гг., прямо и косвенно повлиявшим на демографические процессы, была репрессивная политика советской власти, сопровождавшаяся значительными человеческими жертвами и массовыми принудительными перемещениями населения (депортациями). Данная политика и ее последствия долгое время оставались «белым пятном» в истории страны и получили освещение в научной литературе лишь с конца 1980-х гг. Это работы И.И. Алексеенко, О.В. Матвеева, Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова, В.П. Данилова, В.Н. Земскова, Н.А. Ивницкого, А.Д. Койчуева, А.Н. Коцониса, П.М. Поляна, О.В. Хлевнюка, А.С. Хунагова, Т.П. Хлыниной, В.Е. Щетнёва и др.³ Появление этих работ,

---

¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 6.

² Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / вступ. ст., сост., коммент., подгот. к печ. В.В. Сапова и В.С. Сычевой. М., 2003; Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе. СПб, 2009.

³ Бугай Н.Ф. К вопросу о депортациях народов Северного Кавказа в 30–40-е гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (1920–1960-е годы). М., 1998; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011; Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР выселить греков» (о депортации греков в 1930–1950 годы). М., 1999; Данилов В.П. Сталинизм и советское общество // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы II регион. науч. конф. Краснодар, 2004. С. 4–9; Земсков В.Н.

подготовленных на архивных документах позволило перевести дискуссию о репрессиях и депортациях в научное русло, исключить работы, основанные на домыслах.

Из зарубежных авторов, затрагивающих в своих работах проблемы политических репрессий, голода 1930-х гг. и их влияния на демографические процессы в СССР, необходимо выделить таких ученых как: В.А. Андерсон, Р. Биннер, А. Блюм, Л. Виола, У. Голдман, А. Грациози, Р.У. Дэвис, А.Р. Лерс, М. Меспуле, Р.Д. Пеннер, Х.Р. Роуланд, Б.М. Таугер, С.Г. Уиткрофт, Ш. Фитцпатрик, М. Юнге и др.¹

Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; Хлевнюк О.В. 1937 год: противодействие репрессиям // Они не молчали / сост. А.В. Афанасьев. М., 1991. С. 24–43; Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов н/Д, 1998; Коцонис А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е гг. // Понтийские греки // *Studia Pontoscaucasica*. III. Краснодар, 1997. С. 29–43; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999; Макаренко М.Ю. Анализ демографических потерь 1930-х гг. в зарубежной и отечественной исторической демографии // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы III всерос. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 33–36; Щетнев В.Е. «Расказачивание» как форма репрессий (1919 – середина 1930-х гг.) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы III Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 43–48; Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993; Хлынина Т.П. В преддверии «большого террора»: борьба с контрреволюцией в Адыгее в начале 1930-х гг. и ее последствия // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: Материалы IV Всерос. науч. конф. / гл. ред. С.А. Кропачев. Краснодар, 2006. С. 107–112; Баранов А.В. Миграционные процессы и миграционная политика на Юге России в 1920–1933 гг.: основные тенденции развития // *Общество: философия, история, культура*. Краснодар, 2016. № 10. С. 82–85; Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003; Баев Р.Р., Епифанов А.Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 2007.

¹ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006; Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005; Graziosi A. Lettered a Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomati italiani, 1932–1933. Torino, 1991; Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 1999; Viola L. *Contending with Stalinism: Soviet power and popular resistance in the 1930s*. Ithaca, 2002; Wheatcroft S.G. *The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960* // *Slavic Review*. Cambridge, 1999. Vol. 58. № 1. P. 159–165; Davies R.W., Wheatcroft S.G. *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933*. N.Y., 2004; Penner

Значительным вкладом в разработку проблемы политических репрессий 1930–1940-х годов на Кубани и в стране являются работы С.А. Кропачева, в которых автор раскрывает механизм репрессивного советского аппарата, исследует статистику жертв политического террора¹.

Уникальное в своем роде историко-демографическое исследование демографических потерь депортированных народов проводит в своей работе известный специалист по математической демографии Д.М. Эдиев².

Выходят в свет работы обобщающего характера, в которых развитие Кубани и Ставрополя освещается в различных аспектах, в том числе рассматриваются вопросы демографического развития региона, динамики структуры населения, миграционных перемещений и т.д.³ В отдельных случаях материал носил тенденциозный характер, результаты развития подавались и рассматривались как достижения советской власти, при этом негативные моменты в событиях и их последствиях умалчивались или же не акцентировались. Так в работе «Население и трудовые ресурсы»⁴ дается комплексная характеристика населения Северо-Кавказского экономического

D.R. Stalin and the Ital'ianka of 1932–1933 in the Don Region // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. Paris, 1998. Vol. 39. № 39. P. 1–2; Tauger M.B. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931–1933 // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 2001. № 1506; Tauger M.B. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // *Slavic Review*. Cambridge, 1991. Vol. 50. № 1. P. 70–89; Anderson B.A. Family and fertility in Russian and Soviet censuses // *Research Guide to Russian and Soviet Censuses*. Ithaca, 2016. P. 131–154; Goldmen W. Women, the State and Révolution. Soviet Family Policy and Social Life 1917–1936. Cambridge, 1993; Leurs A.R., Rowland H.R. Population redistribution in the USSR. It's impact of Society, 1897–1977. N.Y.; Washington, 1979.

¹ Кропачев С.А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40 годов. Краснодар, 1993; Он же. Десять лет, изменившие страну // Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов: Сб. науч. ст. Краснодар, 2006; Он же. Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии: сб. науч. статей. Краснодар, 2010.

² Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов. Ставрополь, 2003.

³ Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. / отв. ред. А.А. Коробейников. Ставрополь, 1986; Ставропольский край в истории СССР. Пособие по историческому краеведению / под общ. ред. П.А. Шацкого. Ставрополь, 1975; Наш край: Документы, материалы (1917–1977 гг.) / сост.: Н.С. Дикалова и др. Ставрополь, 1983.

⁴ Население и трудовые ресурсы / отв. ред. Г.С. Гужин. Ростов н/Д, 1987.

района, отмечается важность и актуальность проведения научного исследования демографических процессов.

Выполненная скорее в экономическом ключе работа, тем не менее содержит обширный историко-демографический материал, прослеживая развитие всего района и конкретных административно-территориальных образований в его составе на основе материалов Всеобщих переписей населения и данных текущей статистики. В то же время многие спорные вопросы, связанные с динамикой населения авторами обходятся, как отмечается в предисловии «в работе старались избегать дискуссий, поскольку это увело бы в сторону от главных целей»¹. Поэтому, зачастую те или иные изменения в населении подаются как факт без какой-либо интерпретации и оценки, обходятся «острые» дискуссионные моменты. В частности, резкое сокращение сельского населения в Краснодарском крае в период 1930-х гг. объясняется авторами как результат миграций из села в город, но при этом очевидно, что рост городского населения шел заметно меньшими темпами.

Значительный объем вышедшей во второй половине 1980–1990-х гг. научной литературы по проблеме потерь населения в 1937–1945 гг. потребовал работы по ее систематизации. Результатом такой работы стал выход в свет монографии С.А. Кропачева и Е.Ф. Кринко, в которой авторы провели детальный разбор историографической базы по проблемам общей оценки сталинских репрессий, феномена «большого террора» и его масштабов, оценки численности заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев, депортаций народов СССР, оценок демографических последствий Великой Отечественной войны². В работе дана периодизация выработки представлений о перечисленных выше событиях и выделены основные подходы, используемые различными авторами при их анализе: конкретно-исторический и историко-демографический.

---

¹ Население и трудовые ресурсы... С. 6.

² Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг. масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012.

Один из важных методологических выводов, к которому приходят исследователи, вывод об определяющем влиянии советской национальной политики на развитие народов страны, в том числе на этнодемографические процессы. Политика нациестроительства и коренизации, ее влияние на демографические процессы рассмотрены в работах И.А. Тверитинова, Т.П. Хлыниной, А.В. Сивера, А.Е. Тер-Саркисянц, В.Г. Шнайдера и др.¹

Малоизученным на протяжении выделенного историографического периода оставался вопрос об украинизации (в рамках политики коренизации) Кубани и ее этнодемографических последствиях. Этой проблеме посвящены работы И.Г. Иванцова² и И.Ю. Васильева³. Причину резкого сокращения численности украинского и рост русского населения на Кубани в 1930-е гг. И.Г. Иванцов видит в форсированном внедрении украинизации, зачастую имевшей насильственный характер, что вызвало отвращение и отторжение ко всему украинскому у местного населения, что выразилось в добровольной масштабной русификации.

Украинизации в РСФСР и в частности на Кубани посвящена работа

---

¹ Тверитинов И.А. Национально-территориальное строительство в Северо-Восточном Причерноморье и на Кубани // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 21–27; Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе в 1920-е – 1940-е годы // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 133–137; Шнайдер В.Г. Нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007; Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.): сб. статей / под ред. Н.Ф. Бугая и др. Майкоп, 1995; Плохотнюк Т. Немецкое население Северного Кавказа в условиях тоталитарной системы в середине 1920-х – 1930-х гг. // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев: Материалы конф. М., 1999. С. 149–157; Сивер А.В. Шапсуги: Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002; Тер-Саркисянц А.Е. Национальные меньшинства Краснодарского края Российской Федерации: история и современное положение // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. М., 1996. С. 138–182.

² Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар, 2009.

³ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010; Он же. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014.

украинского историка Д.В. Бачинского¹. Автор дистанцируется от политических штампов, представляя и анализируя исторические факты. В его работе приводится статистический материал как по расселению украинцев в РСФСР, так и по числу украинизированных учебных заведений.

Пересматривается и во многом по-новому переоценивается в изменившихся общественно-политических условиях история Великой Отечественной войны. Подвергаются сомнению цифры прямых и косвенных потерь страны в войне. Используя новые архивные документы и широко привлекая методы математического и статистико-демографического анализа исследователи осуществляют оценку людских потерь².

Значительный блок трудов, посвященных Великой Отечественной войне и ее последствий для Кубани и Ставрополья представляют работы региональных исследователей³.

Важным аспектом с точки зрения анализа динамики населения региона в

---

¹ Бачинський Д.В. Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція: навч. посібник. Чернівці, 2010.

² Кваша А.Я. Демографическое эхо войны // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 18–26; Поляков Л.Е. Цена войны: Демографический аспект. М., 1985; Рыбаковский Л.Л. Великая Отечественная: людские потери // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 85–95; Он же. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне // Прикладная демография (работы 2001–2003 гг.). М., 2003. С. 53–142; Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001; Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. статей. СПб, 1995; Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М., 2010; Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998–1999.

³ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д, 2003; Малышева Е.М. Вермахт и оккупация: Теория и практика // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 1997. Вып. 2. С. 96–101; Кринко Е.Ф. Война и демография: население Адыгеи в 1941–1945 гг. // Историческая демография. 2009. № 2 (4). С. 55–59; Бочкарёва З.В. Национальная политика фашистской Германии на Северном Кавказе // Российские историки-германисты: кто они, над чем работают? / отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1994. Бюл. 2. С. 53–57; Журавлёв Е.И. Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2001. № 1. С. 36–43; Кубань, опаленная войной (о жертвах и злодеяниях захватчиков на территории Краснодарского края, временно оккупированной в 1942–1943 гг.). Краснодар, 2005; Ставропольцы в Великой Отечественной войне / под ред. Д.В. Кочуры и др. Ставрополь, 1995.

период войны является анализ процессов мобилизации, эвакуации, реэвакуации, миграций, связанных с вывозом рабочей силы в Германию, этническими депортациями. Исследования, затрагивающие данные проблемы, как правило, опираются на статистический материал, использование которого позволяет в определенной степени восстановить картину динамики населения и оценить масштабы их влияния на общую численность и состав населения региона. Интерес в этом отношении представляют работы таких авторов как Е.Ф. Кринко, С.И. Линец, А.В. Мещерякова, Т.А. Петренко, М.Р. Стругова М.Х. Шебзухов¹.

Исследования по изучению восстановительного послевоенного периода ориентированы не только на хозяйственно-экономический аспект, но и на социально-политический: возвращение репатриантов и военнопленных, трудности реадаптации, социально-психологические проблемы послевоенной жизни находят отражение в работах национального и регионального уровня².

Вопросы послевоенного голода, ставшего тяжелым испытанием для еще не вполне восстановившей свои силы после войны страны, рассматривают в своих работах В.П. Попов, В.Ф. Зима, М.Р. Стругова, Н.В. Кузнецова³.

---

¹ Кринко Е.Ф. Миграции населения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: причины и последствия // *Historia Caucasia: Региональный исторический сборник научных статей*. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 58–77; Петренко Т.А., Линец С.И. Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и неудачи. Пятигорск, 2005; Мещерякова А.В., Линец С.И. Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск, 2006; Шебзухов М.Х. Тыл фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. Майкоп, 1993.

² Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных // *Социологические исследования*. 1991. № 1. С. 13–16; Он же. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; Пискунов С.А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. Благовещенск, 2016; Стругова М.Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // *Голос минувшего*. Краснодар, 2000. № 3–4. С. 31–39; Сеитова Э.И. Переселенческий билет: трудовая миграция в Крым (1944–1976). Симферополь, 2013; Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

³ Попов В.П. Голод и государственная политика: 1946–1947 гг. // *Отечественные архивы*. 1992. № 6. С. 36–40; Зима В.Ф. Второе раскулачивание (Аграрная политика 40-х – начала 50-х годов) // *Отечественная история*. 1994. № 3. С. 109–125; Он же. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; Кузнецова Н.В. Карточная

Отдельную группу исследований составляют работы социологов, географов, историков, статистиков, косвенно затрагивающих проблемы динамики населения страны и региона в изучаемый период, его структуры, факторов, определявших эти изменения. Данные работы важны прежде всего с теоретико-методологической точки зрения, поскольку позволяют подвести концептуальную базу под обширный исторический материал¹.

В последние годы появляется все больше работ, основанных на междисциплинарном подходе, интерес к проблемам населения проявляют не только историки, демографы, этнологи, социологи, но и математики. Методы точных наук позволяют проводить ретроспективный анализ развития народонаселения. В этом направлении выполнены работы А.В. Коротаева, А.С. Малкова, Д.А. Халтуриной, С.А. Нефедова, В.Н. Ракачева, А.А. Халафяна и др.²

Различные аспекты проблемы исследуемой в данной работе затронуты в диссертационных исследованиях, выполненных по разным научным направлениям³.

система в условиях голода 1946–1947 гг. (по материалам областей Нижней Волги) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы II регион. науч. конф. Краснодар, 2004. С. 154–158; Стругова М.Р. Социально-экономическое положение колхозников Кубани в послевоенный период (голод 1946–1947 гг.) // Крестьяноведение – V. Социокультурные аспекты: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.; Краснодар, 2002. С. 110–116.

¹ Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 259–276; Петров В.Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004; Пироженко О.Ю. Теоретические основы исследования урбанизации как фактора пространственного развития территории // Наука й економіка. 2012. № 4 (28). С. 287–294; Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. М., 2009; Шупер В.А. Почему не происходит сжатие социально-географического пространства // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 67–73.

² Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005; Ракачев В.Н., Халафян А.А. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 5 (15). С. 150–156; Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.

³ Бондарев В.А. Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): Автореф. дис.

Таким образом, анализ литературы по теме исследования свидетельствует об её недостаточной исторической изученности и отсутствии обобщений по уже введенным в научный оборот статистическим данным о демографическом развитии населения Кубани и Ставрополья. Перечисленные выше работы отражают лишь отдельные аспекты проблемы и концентрируются на рассмотрении демографического развития СССР/РСФСР в целом, демографические процессы на Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. не являлись объектом комплексного самостоятельного научного исследования. Исходя из этого строилась логика определения объекта, предмета, целей и задач диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования является население двух российских регионов – Кубани и Ставрополья, которое выступает в качестве специфических социально-территориальных общностей, с присущим им региональным своеобразием в демографических процессах.

Предметом исследования являются характер и тенденции демографических изменений в населении Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.

... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2001; Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003; Войтенко Е.А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005; Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии источниковедения. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Мухортов А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1950 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014; Служак О.Ю. Миграционные процессы на Ставрополье во второй половине XX века: историко-культурный аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; Стругова М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007; Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-е – 50-е годы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Долинянська Т.В. Голод в СРСР: ретроспективний соціально-політичний аналіз: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2006; Сергиенко Л.М. Население Ставрополья накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.): историко-демографический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2016; Пискунов С.А. Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР (2-я половина 1940–1980-е гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017.

Цель и задачи исследования. Исходя из степени изученности темы, цель работы определена как выявление характера и тенденций демографических изменений в населении Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. в их исторической обусловленности и преемственности.

Для достижения цели в исследовании были определены *следующие задачи*:

- сформировать комплекс методологических подходов и теоретических средств, ориентированных на исследование истории социально-демографических изменений;

- определить характер и динамику численности, показать качественную специфику населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг., выявить основные этапы демографического развития региона в исследуемый период;

- выявить особенности территориального распределения населения на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг., определить изменение поселенческой структуры региона;

- раскрыть характер и особенности процессов воспроизводства населения: рождаемости, смертности, брачности и разводимости на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. в их исторической преемственности и обусловленности;

- установить состояние и тенденции изменений в демографических и социальных структурах населения Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг.;

- определить характер и специфику миграционных процессов в 1930–1950-е гг. на Кубани и Ставрополье;

- выявить общие и различные черты в демографическом развитии Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг., определить решающие факторы данного развития.

Территориальные рамки исследования охватывают территории Кубани и Ставрополья – историко-географических областей, занимающих пространство Северо-Западного Кавказа. Сегодня эти территории включают

Краснодарский и Ставропольский края, Республики Адыгею и Карачаево-Черкесию. В данной работе в рассматриваемый период 1930–1950-х гг. территории Кубани в административно-территориальном плане с 1924 по 1934 гг. были частью Северо-Кавказского края, а с 1934 по 1937 гг. в Азово-Черноморского края в составе Кубанского, Армавирского, Майкопского и Черноморского округов и Адыгейско-Черкесской АО. С 1937 г. на этих территориях был образован Краснодарский край, с входящей в его состав Адыгейской автономной областью. Территории Ставрополя с 1924 по 1937 гг. в составе Ставропольского и Терского округов были так же включены в Северо-Кавказский край. Туда же были отнесены Карачаевская и Черкесская АО. С 1937 г. эти территории были частью Орджоникидзевского края, а в 1943 г. был образован Ставропольский край, с входящими в его состав Карачаевской и Черкесской автономными областями (с 1958 г. – Карачаево-Черкесской АО).

Учитывая подвижность административно-территориальных границ Кубани и Ставрополя, расчет статистико-демографических показателей в работе проводился в соответствие с происходившими административно-территориальными изменениями.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1930–1950-х гг. Данный период является одним из самых насыщенных и трагических в современной истории России. Значительная часть этого временного отрезка пришлась на время руководства страной И.В. Сталина, вследствие чего в историографии он часто определяется как «сталинский период».

Учитывая комплексный междисциплинарный характер исследования, внутренняя структура работы определяется логикой демографических изменений в их взаимосвязи с ключевыми историческими этапами, а также базовым фактическим материалом (данными всесоюзных переписей населения – 1926, 1937, 1939, 1959 гг.).

Методологические основы работы. Методологическую основу диссертационного исследования образуют базовые положения теории

модернизации, в ее отнесенности к изучению истории социально-демографических явлений и процессов, в частности таких ее теорий как демографический, урбанизационный и миграционный переходы.

Методологическими принципами, использовавшимися в диссертационном исследовании, были: научность, объективность, всесторонность.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составляют научные положения и выводы отечественных и зарубежных историков и демографов: В.А. Борисова, А.Я. Боярского, А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, В.Б. Жиромской, А.Я. Кваши, З. Павлика, Д.И. Валентея, Ю.А. Полякова, Э. Роскета, Л.Л. Рыбаковского, А. Сови, Р.И. Сифман, Б.Ц. Урланиса, Д.К. Шелестова, и др¹.

Задачи диссертационного исследования решались путем применения междисциплинарного подхода, широко использовались положения и методы демографической науки, истории, статистики, социологии, экономики.

Одним из основополагающих в диссертационном исследовании стал конкретно-исторический метод, позволяющий изучать демографические события и процессы во всей их специфике, с учетом конкретных исторических условий, влияющих на территориальные особенности воспроизводства населения.

---

¹ Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России, 1897–2007: избранные демографические труды. М., 2007; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975; Вишневский А.Г. Время демографических перемен: избранные статьи. М., 2015; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006; Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в. М., 2012; Валентей Д.И. Изучение народонаселения: вопросы методологии. М., 1987; Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974; Историческая демография: проблемы, суждения, задачи / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1989; Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968; Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 1: Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. М., 2016; Сови А. Общая теория населения. В 2 т. Т. 1. Экономика и рост населения. М., 1977; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960; Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987; Павлик З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 158–168; Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.

Применяемый в работе историко-генетический метод позволил установить причинно-следственную связь между происходящими на разных исторических этапах социально-экономическими и политическими процессами, с одной стороны и изменениями в демографической подсистеме – с другой, выявить и объяснить причины и последствия тех или иных событий, влияющих на эти изменения.

Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить полученные диссертантом данные как внутри выделенных хронологических и территориальных рамок, так и с данным полученными исследователями по другим административно-территориальным образованиям, а также в РСФСР и СССР.

Анализ демографических изменений на протяжении рассматриваемого временного периода осуществлялся с использованием проблемно-хронологического метода.

Применение в работе системного подхода позволило рассмотреть исследуемые события в их взаимосвязи и взаимообусловленности, как компоненты целостной социальной системы, с определенной структурой и подвергающейся воздействию окружающей ее среды. Применяемые в работе структурно-функциональный и синергетический подходы рассматривались в рамках системного подхода.

Значительная часть данных используемых в работе: коэффициенты, индексы, относительные и абсолютные показатели, были получены на основе использования статистических и математических методов. При анализе статистических данных, составлении таблиц и диаграмм использовалось современное программное обеспечение.

Понятийный аппарат диссертационного исследования опирается прежде всего, на такие базовые термины демографической науки как население, воспроизводство, смертность, рождаемость, брачность, урбанизация, демографические структуры, процессы и проч.

Аналитические процедуры в отношении населения рассматриваемых

регионов проведены посредством выделения в нем основных структур: половозрастной, брачной, этнической, образовательной, профессиональной, пространственной и проч. При этом учитывалась их взаимосвязь и взаимообусловленность, пространственная и временная динамика.

Активно используя эти принципы и подходы в данной работе, автор признает определяющую роль теоретико-методологических достижений отечественной и зарубежной науки в исследовании демографической истории России 1930–1950-х гг. и стремится полноценно использовать их эвристический потенциал.

Источниковой базой исследования послужили документы и материалы, различные по происхождению и содержанию, которые можно разделить на несколько групп.

1. *Статистические источники.* В рассматриваемый период в стране были проведены три всеобщие переписи населения: 1937, 1939 и 1959 гг. Их материалы образуют каркас статистических данных, использованных в диссертационном исследовании. Также к анализу были привлечены данные Всесоюзной переписи 1926 г., позволившие проследить демографическую динамику на более продолжительном по времени отрезке. Материалы переписей представляются наиболее полным с точки зрения многообразных характеристик населения статистическим источником. Однако для всестороннего анализа они должны быть дополнены данными текущего статистического учета населения.

Учитывая специфику советского общества, статистические материалы переписей населения и документы текущего статистического учета попадали в открытый или частичный доступ¹ в крайне ограниченном виде. Таким образом, нам видится необходимость разделения статистических источников на опубликованные и неопубликованные.

---

¹ Под частичным доступом понимается выпуск статистических материалов с грифом «для служебного пользования». Это хотя и являлось ограничением, но все же давало исследователям доступ к материалам и возможность их анализа.

Опубликованные источники. К ним относятся Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. представленные в виде многотомного справочного издания, материалы по Кубани и Ставрополью представлены в томах 5, 9, 17, 22 и 39¹.

Значительным фактом в изучении демографических изменений в СССР послужила публикация документов и материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. Ю.А. Поляковым, В.Б. Жиромской, И.Н. Киселевым².

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. стали доступны благодаря опубликованной в 1992 г. работе «Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги»³. Она явилась первым изданием посвященным данной переписи⁴, вместе с тем представленный в ней материал давал лишь общие ознакомления с демографическими процессами, происходившими в СССР в этот период и не отражал большинство демографических показателей по Кубани и Ставрополью.

Начавшаяся после смерти Сталина либерализация общества сделала статистические материалы более доступными для изучения. Были подготовлены материалы переписи 1959 г.⁵, где содержались и сравнительные таблицы с данными переписей 1939 и 1926 гг.

Разрозненный демографический материал представлен в многочисленных статистических сборниках⁶ широко используемых в работе.

---

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. тт. 5, 9, 17, 22, 39. М.: ЦСУ СССР, 1928–1929.

² Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 3–25; № 8. С. 30–52; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др.; сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007 и др.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др.; авт. коммент. Н.А. Араловец и др. М., 1992.

⁴ Отсылки к Всесоюзной переписи населения 1939 г. были в ряде статистических справочников с середины 1950-х гг., но целой работы посвященной переписи населения 1939 г., до 1992 г. не было.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.

⁶ Кубанский статистический сборник за 1929–1930 год. Краснодар, 1930; Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1934;

Неопубликованные источники. Основным источником статистических данных о развитии народонаселения СССР в 1930–1950-х гг. послужили материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Здесь были изучены материалы фонда 1562 «Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР», описи: 20, 27, 33, 329, 336; фонда 4372 «Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)», Оп. 92 и фонда 5675 «Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954», Оп. 1.

Значительный массив статистических данных о естественном движении населения, брачности, разводимости, здравоохранению и др. представлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ): фонд А-374 «Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат РСФСР)», оп.: 14, 23, 24, 30; фонд Р-5446 «Совет Народных Комиссаров СССР – Совет Министров СССР. 1923–1991», оп. 1, 47; фонд Р-9414 «Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Министерства внутренних дел СССР», Оп. 1; фонд Р-9415 «Главное управление милиции», оп. 3; фонд Р-9479 «4-й Спецотдел Министерства внутренних дел СССР (Отдел спецпоселений)», оп. 1.

Существенным вкладом в источниковую базу диссертации стали материалы текущего статистического учета, представленные в региональных архивах. В них содержится богатый и практически не использованный фактологический материал по рождаемости, смертности, брачности, разводимости населения Кубани и Ставрополья. Из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) были использованы материалы: фонд Р-1246 «Статистическое управление Краснодарского края. 1937–1990 гг.»¹, описи: 1, 14; фонд Р-1393 «Краснодарский краевой отдел здравоохранения», Оп. 1. В Центре документации новейшей истории Краснодарского края

Ставрополье за 50 лет: сборник статистических материалов. Ставрополь, 1968; Народное хозяйство Краснодарского края. Краснодар, 1958; Цензы 1945–1951 гг.: Материалы к серии «Народы Советского Союза». В 4-х ч. М., 1991.

¹ В 1930–1950-е гг. фонд носил название «Краснодарское краевое управление народохозяйственного учета Госплана СССР».

(ЦДНИКК) представлен фонд 1774-А «Краснодарский крайком ВКП(б)», описи: 1, 4. Статистический материал по Ставропольскому краю представлен в материалах Государственного архива Ставропольского края (ГАСК): фонд Р-1886 «Статистическое управление Ставропольского края (ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР)», описи: 1, 3, 5; Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК): фонд 1 «Ставропольский краевой комитет ВКП(б) – КПСС», Оп. 1.

2. *Документы органов партийной и государственной власти.*

Отдельный блок архивных материалов – это делопроизводственные документы. Они включают различного рода директивы, циркуляры, материалы отчетно-информационного характера государственных и партийных органов всесоюзного и местного уровня. Их значение для исследования обусловлено тем фактом, что многие из них непосредственно дали толчок событиям, изменившим структуру населения Кубани и Ставрополья, оказали влияние на демографическое развитие региона. Эти документы также представлены в виде опубликованных и не опубликованных материалов.

Опубликованные. Первые информативные и доступные сборники о проведении коллективизации появляются в 1970-х гг.: «История индустриализации СССР: 1929–1932 гг.», «Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.)» и др.¹ Но закрытость информации, нежелание разглашать проблемные стороны коллективизации повлиявшие на демографическое развитие населения создало существенные пробелы в источниковой базе, которые начинают ликвидироваться в конце 1990-х – 2000-е гг. Появляются фундаментальные сборники документов и материалов: «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939.

---

¹ История индустриализации СССР: 1929–1932 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.Е. Полетаев. М., 1970; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.): материалы и документы / под ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972; Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927–1941 гг.): Сборник документов и материалов / сост. Н.С. Вертышева, Э.М. Ефимова-Сякина, В.Ф. Латкин, А.А. Прохорова; науч. ред. И.И. Алексеенко. Краснодар, 1981. Т. 2.

Документы и материалы» в 4-х томах, «Трагедия Советской деревни. В 3-х томах; «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940» в 2-х книгах, «Голод в СССР. 1930–1934 гг.», «Голод в СССР. 1929–1934» в 3-х томах, «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.»¹.

В этот период появляются и первые сборники документов, посвященные репрессиям в отношении народов СССР в 1930–1950-е гг. и национальной политике в целом: «По решению Правительства Союза ССР...»; «Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: “Их надо депортировать...”»; «Сталин И. “Мобилизовать немцев в рабочие колонны...”»; «Сталинские депортации. 1928–1953»; «Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы»; «Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953»².

Также в работе использованы материалы региональных архивов, представленные в сборниках документов и материалов: «Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» в 3-х томах, «Кубань, опаленная войной (о жертвах и злодеяниях захватчиков на территории Краснодарского края, временно оккупированной в 1942–1943 гг.)»; «Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-

---

¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2005; Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2005. Кн. 1; Голод в СССР. 1930–1934 гг. Сборник документов / сост. О.А. Антипова и др. М., 2009; Голод в СССР. 1929–1934: В 3-х т. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М., 2012–2013; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис и др. М., 2001.

² «По решению Правительства Союза ССР...»: Сборник документов / сост., авторы введения, комментарии Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003; Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М., 1992; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы / под ред. З.Б. Караевой, И.М. Шаманова. Черкесск, 1993; Сталин И. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...»: Сборник документов (1940-е годы). М., 1998; Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук В 3-х т. М., 2000; Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 / сост.: Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк (отв. сост.) и др. М., 2013.

документальный альбом»¹; «Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «Наш край 1917–1977: сборник документов»; «Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930–1940-е годы: сборник документов»; «Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях» и др.²

Неопубликованные документы. Несмотря на существенные изменения в области доступности исторических источников, многие из которых были опубликованы и представлены широкому кругу читателей, тем не менее, формировались они в соответствии с определенной тематикой и не всегда содержат необходимый для работы материал. Это придает особую ценность материалам, хранящимся в фондах архивов. Среди архивных источников этой группы важное место занимают делопроизводственные материалы госучреждений и общественных организаций прямо и косвенно повлиявшие на демографическую и миграционную политику. Документы делопроизводственного характера представляют собой своеобразную систему, поскольку распоряжения, постановления, отчеты одних инстанций порождали соответствующую документацию других органов. Зачастую составить реальную картину произошедших событий удастся при привлечении документов и материалов нескольких архивов позволяющих сделать обобщения и выводы.

---

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Краснодар, 2000–2003; Кубань, опаленная войной (о жертвах и злодеяниях захватчиков на территории Краснодарского края, временно оккупированной в 1942–1943 гг.). Краснодар, 2005; Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом / сост. А.А. Алексеева, А.М. Беляева, И.Ю. Бондарь. Краснодар, 2002.

² Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962; Наш край: Документы, материалы (1917–1977 гг.) / сост.: Н.С. Дикалова и др. Ставрополь, 1983; Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930–1940-е годы: сборник документов / сост. Г. Никитенко, Т. Колпикова. Ставрополь, 2010; Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 гг. Сборник документов / сост. В. Белоконь, Т. Колпикова. Ставрополь, 2011; Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. Т.А. Булыгина; сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь, 2005.

Анализ документов осуществлялся в соответствии с хронологическим принципом в порядке их принятия и применения. Такой подход позволяет проследить влияние тех или иных решений на демографические процессы.

Процессам коллективизации, раскулачивания, репрессиям, высылки и голода на Кубани и Ставрополье изменивших демографическую карту региона посвящен большой объем документов в центральных и региональных архивах: ГАРФ: фонд Р-5446, Оп. 1; фонд Р-9414, Оп. 1; фонд Р-9479, Оп. 1; фонд А-374, Оп. 23, 30; РГАЭ: фонд 8040 «Министерство хлебопродуктов СССР», Оп. 8; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): фонд 17 «Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991), описи: 3, 8, 21, 42, 88, 118, 162, 163, 166; фонд 81 «Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991)», Оп. 3; фонд 82 «Молотов Вячеслав Михайлович», Оп. 2; фонд 558 «Сталин Иосиф Виссарионович», Оп. 11. В ГАКК: фонд Р-580 «Исполнительный комитет Славянского районного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, станица Славянская Славянского района Кубанского округа Северо-Кавказского края, 1924–1939 гг.», Оп. 1; фонд Р-577 «Приморско-Ахтарский районный ЦИК», Оп. 1; фонд Р-687 «Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета народных депутатов, Краснодарский крайовой Совет народных депутатов, г. Краснодар, 1937–1994 гг.», описи: 1, 2, 3, 5. В ЦДНИКК представлены документы Краснодарского краевого комитета ВКП(б) – фонд 1774-А, описи: 1, 4, а также районных комитетов: фонды 162, 1072, 1075, 1222, 1384, 1863, 2662. В ГАСК фонд Р-1852 «Исполнительный комитет Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся», Оп. 12.

Источником изучения организации миграций, в том числе сельскохозяйственного и красноармейского переселения в СССР в 1930–1950-е гг. являются документы и материалы РГАЭ – фонд 5675 «Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954», Оп. 1; ГАРФ – фонд А-327 «Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР, отдел по организации приема и хозяйственному устройству переселенцев»,

Оп. 2; фонд 3302 «Всероссийское общество содействия трудящихся ассирийцев», Оп. 1; Российский государственный военный архив (РГВА) – фонд 9 «Политическое управление РККА. 1-й отдел – организационно-распределительный (1928–1934 гг.), Оп. 36; ГАКК – фонд Р-1539 «Переселенческий отдел исполнительного комитета Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся, г. Краснодар, 1937 – 1953 гг.», Оп. 1; фонд Р-1594 «Кубанский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, 1924–1939 гг.», Оп. 1, а также директивные письма Краснодарского крайкома ВКП(б) районным комитетам – фонд 1471, Оп. 1 и фонд 1629, Оп. 1. ЦДНИКК – фонд 8069 «Политотдел Ново-Леушковской МТС», Оп. 1; фонд 1774–А., Оп. 2; Государственный архив Ростовской области (ГАРО) – фонд Р-1390 «Азово-Черноморский краевое земельное управление (Край ЗУ) краевого исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся», описи 6, 7; фонд Р-2608 «Азово-Черноморский краевой переселенческий комитет при Президиуме краевого исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», Оп. 1; Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) – фонд 8 «Азово-Черноморский крайком ВКП(б)», Оп. 1; фонд 166 «Политсектор МТС Азово-Черноморского края», Оп. 1.

Документы и материалы, связанные с Великой Отечественной войной, депортациями народов и послевоенным восстановлением народного хозяйства, организацией послевоенного переселения представлены в: РГАЭ – фонд 8040, Оп. 8; ГАРФ – фонд 9479, Оп. 1; РГАСПИ – фонд 82, Оп. 2; фонд 644 «Государственный комитет обороны (1941–1945 гг.)», Оп. 1. В ГАКК: фонд Р-535 «Уполномоченный по снабжению эвакуированных поляков по Краснодарскому краю, Министерство торговли РСФСР (1944–1945 гг.)», описи 1, 2; фонд Р-897 «Краснодарская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками их пособниками», Оп. 1; фонд – Р-585 «Исполнительный комитет

Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся (Краевой приемно-распределительный пункт по приему репатриированных советских граждан, станция Кавказская г. Кропоткин Краснодарского края, 1945–1946 гг.)», Оп. 1; в ЦДНИКК: фонд – Ф. 1774-А, описи: 2, 3; фонд 4384 «Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Краснодарскому краю», Оп. 1; в ГАСК – фонд Р-1852, Оп. 12; ГАНИСК – фонд 1, Оп. 2.

Использование данных материалов позволяет рассмотреть происходившие в этот период административно-территориальные изменения, учет которых необходим для точного статистико-демографического анализа.

3. *Сборники законов и постановлений*¹ правительства СССР и ЦК КПСС являются важной группой исторических источников для изучения рассматриваемого периода. Создание достаточно спорной юридической базы для обоснования и проведения репрессий, регулирования миграции и репродуктивного поведения населения оказало существенное влияние на развитие демографических процессов на Кубани и Ставрополье.

4. *Периодическая печать*. При анализе этого вида источников нами учитывался официальный статус данного органа печати и исторический период, определявшие его характер и направленность. Все это особенно актуально для рассматриваемого периода 1930–1950-х гг. Являясь официальным органом государственной власти центральные газеты «Правда», «Известия», «Труд» и региональная «Молот» отражали официальную точку зрения на процессы, происходящие в стране. В них публиковались законодательные акты, постановления и другие официальные документы, связанные с вопросами демографического развития населения региона, что

---

¹ Сборник законов СССР. М., 1931. № 44; Собрание Законов СССР. 1934. № 33; Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. № 61; Уголовный кодекс РСФСР. Статья 58. М., 1948; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштама. М., 1956; Ведомости ВС СССР. 1964. № 52; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2-х ч. / сост.: В.С. Кулагина, В.А. Щепиков; под общ. ред. и с предисл. Г.Ф. Весновской. Курск, 1999.

позволяет нам их использование в качестве важного исторического источника. В тоже время приводимые статистические данные подлежат верификации и определенной коррекции. В диссертации используются и материалы печатных изданий, вышедших в годы фашистской оккупации в регионе. Это коллаборационистская газета «Кубань».

5. *Материалы личного происхождения.* Особого внимания в качестве источника заслуживает мемуарная литература, по отношению к которой мы пытались соблюдать особую осторожность. Авторы мемуаров были непосредственным образом вовлечены в исторический процесс, но, это в свою очередь обуславливает субъективность их мнений. К тому же часть из них подверглась репрессиям в рассматриваемый период, что не могло не отложить определенный отпечаток на их интерпретацию событий. Следует учитывать тот факт, что воспоминания, связанные с раскулачиванием, коллективизацией, голодом, массовыми репрессиями впервые стали появляться на страницах периодической печати. Это, зачастую приводило к появлению умозрительных цифр, основанных на примерных расчетах.

В числе источников личного происхождения использованных в диссертации воспоминания С.В. Никифорова, И.Л. Полежаева, Г.А. Беликова, В. Барки (В.К. Очерета)¹.

Значительный пласт документов, содержащих личные воспоминания, находится в ЦДНИКК «Отклики и воспоминания на статью И.И. Алексеенко»². Это письма граждан – современников событий 1930-х гг., которые позволяют нам воссоздать многомерную палитру общественного мнения в отношении проводившихся мероприятий.

Особый взгляд на проблему исторического развития страны в данный период представлен в мемуарных источниках. В первую очередь это

---

¹ Воспоминания Сергея Васильевича Никифорова // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3. С. 98–102; Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы, ст-ца Уманская) // Там же. С. 51–61; Барка В. Кубанский холокост // Там же. С. 62–69; Беликов Г.А. Оккупация: Ставрополь. Август 1942 – январь 1943 гг. Ставрополь, 1998.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225.

воспоминания руководителей центральных органов власти: Н.С. Хрущева, В.М. Молотова, А.И. Микояна¹.

Обширная источниковая база, сформированная в ходе диссертационного исследования, вполне репрезентативна и позволяет решить поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в совокупности полученных автором выводов и обобщений теоретического и эмпирического характера, позволяющих целостно представить рассматриваемую проблему. Автором впервые:

- доказана эффективность комплексного подхода при изучении исторических процессов, предполагающего определенный компромисс между линейно-стадиальным и цивилизационным подходами. Обосновано методологическое значение и реализован в исследовании истории социально-демографических явлений и процессов комплекс теорий модернизации. В частности, использованы ресурсы теорий демографического, урбанизационного и миграционного переходов для анализа историко-демографических процессов в регионах Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг.;

- впервые на основе значительного массива разнообразных источников, в том числе впервые введенных в научный оборот, уточнена численность населения Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг., определены особенности в динамике численности населения региона;

- предложена авторская периодизация демографического развития Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период, основанная на взаимосвязи социально-политических и экономических событий в истории страны и соответствующих им демографических изменений в регионе;

- определена специфика поселенческой структуры Кубани и

---

¹ Хрущев Н.С. Воспоминания: время, люди, власть: в 2-х книгах. М., 2016; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева; послесловие С. Кулешова. М., 1991; Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

Ставрополья, которая на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняла аграрную специфику, темпы и характер урбанизации в регионе;

- установлены общие черты и специфические особенности в изменениях показателей рождаемости, смертности, брачности разводимости на Кубани и Ставрополье, определен характер влияния экстремальных факторов на процессы воспроизводства в регионе;

- выявлены особенности половозрастной, этнической, отраслевой, профессиональной и образовательной структур населения на Кубани и Ставрополье, определены ключевые факторы обусловившие динамику структур населения в рассматриваемый период;

- выявлено и проанализировано влияние миграций на демографические процессы и структуры населения Кубани и Ставрополья;

- определены сходство и различия в демографическом развитии Кубани и Ставрополья на протяжении рассматриваемого периода, определены факторы, которые обусловили эти особенности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Процессы модернизации в российском обществе в 1930–1950-е гг. необходимо рассматривать на основе комплексного подхода, который подразумевает определенный компромисс между стадияльно-линейными и цивилизационными теориями. Основываясь на данном подходе можно утверждать, что модернизация в России с одной стороны является универсальной стадией общего исторического процесса, в рамках которой происходит движение к новым современным формам общественных отношений во всех сферах общественной жизни. С другой стороны, цивилизационные особенности российского общества накладывают свой отпечаток на процесс его обновления и трансформации.

Особенности российской модернизации на этапе 1930–1950-х гг. заключались в следующем: 1) инициатива модернизационных преобразований и их реализация исходит исключительно от государства; 2) модернизация осуществляется в короткие сроки, т.е. носит форсированный характер; 3) она

осуществляется на принципиально новом социально-экономическом базисе; 4) широко используются репрессивные методы; 5) модернизация рассматривается не в качестве органической, а в качестве вынужденной, защитной меры и носит принудительный характер.

2. Динамика численности населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. была положительной, однако темпы прироста были невысокими. Темпы прироста населения в регионе были выше, чем в РСФСР, но ниже средних по СССР. Демографический переход предполагал на первом этапе существенный рост населения, но объективно этот прирост был полностью нивелирован действием экстремальных факторов: голодом, политическими и этническими репрессиями и депортациями, военными событиями. Прирост населения обеспечивался в регионе в значительной степени за счет положительного сальдо миграции.

3. Демографическую историю Кубани и Ставрополья 1930–1950-х гг. можно условно подразделить на четыре этапа: 1) 1930 –1941 г.; 2) 1941–1945 гг.; 3) 1945–1955 гг.; 4) 1955–1959 гг. На каждом этапе действовал свой комплекс факторов, определявших своеобразие демографических процессов. Однако демографические изменения иногда выходят за рамки выделенных этапов в силу своей инерционности, наблюдается эффект «демографического эха».

4. За период 1930–1950-х гг. на Кубани и Ставрополье абсолютная и относительная численность городского населения выросла вдвое, но темпы урбанизации отставали от общесоюзных. Урбанизация в регионе носила экстенсивный характер: население городов росло за счет миграции из села и преобразования сельских населенных пунктов в городские. К концу исследуемого хронологического периода Кубань и Ставрополье оставались аграрными регионами, урбанизационный переход здесь не был завершен.

5. Показатели рождаемости на Кубани и Ставрополье на протяжении 1930–1950-х гг. снижались. Закономерное снижение рождаемости в условиях демографического перехода ускорялось действием экстремальных факторов.

Смертность на протяжении рассматриваемого периода характеризовалась неустойчивостью. Действие экстремальных факторов затормозили модернизацию смертности с количественной стороны, но ее качественный характер неизбежно менялся вследствие развития медицины, совершенствования социально-экономической сферы, изменения уклада жизни. Результаты этих изменений сказались, прежде всего, на показателях младенческой смертности и на структуре смертности. Последствия высокой смертности и снижающейся рождаемости были чрезвычайными, негативно влияли на динамику общей численности населения, деформировали его структуру.

6. Половая структура Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период характеризовалась значительными деформациями, которые на Кубани были выражены в большей степени, чем в целом по стране. В отличие от ситуации в стране – в регионе половые диспропорции смещены были в более молодой возраст. Наблюдается постепенное старение населения, однако половозрастные пирамиды Кубани и Ставрополья к концу 1950-х гг. еще сохраняли прогрессивную форму. Важным фактором, оказавшим влияние на половозрастную структуру региона в рассматриваемый период, выступали миграционные процессы: Кубань и Ставрополье на протяжении всего рассматриваемого периода остаются регионами привлекательными с миграционной точки зрения, что отчасти способствовало сглаживанию диспропорций половозрастной структуры.

7. Характер изменений отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополья в период 1930–1950-х гг. был напрямую связан с социально-экономическими преобразованиями в стране, произошли кардинальные изменения в области грамотности населения, прежде всего женского. Неуклонно росла доля занятых в отраслях нематериального производства. Рост занятых в промышленности происходил сравнительно небольшими темпами, сохранялась значительная доля занятых в сельском хозяйстве, что было связано с хозяйственной спецификой региона.

8. В рассматриваемый период Кубань и Ставрополье сохраняют статус полиэтничных территорий при доминирующей доле восточнославянского населения. Наиболее высокие показатели этнической мозаичности были характерны для районов Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод. В рассматриваемый период произошли кардинальные изменения в этнической структуре населения обеих территорий: резко сократилась численность украинцев, русское население стало доминирующим. В результате репрессий и депортаций ряд народов, традиционно проживавших на территории Кубани и Ставрополья, фактически прекратили здесь свое существование.

9. Значительную роль в развитии населения Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг. играли миграции. В управлении миграциями государство использовало административный подход. Одной из целей миграционной политики было перераспределение демографических ресурсов с учетом нужд индустриализации, где сельскохозяйственным регионам, к которым относились Кубань и Ставрополье, отводилась роль донора. Вместе с тем, привлекательность региона для стихийных мигрантов обеспечивала здесь положительное сальдо миграции.

10. Демографические процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. в основном не имели существенных различий, что было обусловлено схожими условиями и хозяйственной структурой регионов, но имели свою специфику на разных исторических этапах. На Кубани наиболее заметные демографические изменения произошли в 1930-е гг., когда ее население пострадало в результате депортаций и голода 1932–1933 гг., а потери населения компенсировались масштабным красноармейским переселением. На Ставрополье существенные демографические изменения происходят в 1940-е гг. в результате депортации карачаевцев, ликвидацией Карачаевской АО и компенсаторных миграций на территории, опустевшие в результате выселения северокавказских народов. Ставрополье в этом миграционном потоке выступало в качестве территории-донора.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту научных специальностей ВАК. Работа выполнена по специальности 07.00.02. – Отечественная история. Область исследования: п. 4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 11 – Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны; п. 15 – Исторический опыт российских реформ; п. 19 – История развития российского города и деревни; п. 23 – История Великой Отечественной войны.

Научно-теоретическая значимость диссертации. Материалы проведенного диссертационного исследования обеспечивают приращение исторического знания в аспекте соответствия конкретных фактов, в их процессуальной динамике, положениям общей теории модернизации при исследовании истории состояний и изменений состава и структуры населения в отдельных регионах на протяжении определенных временных периодов.

Предложенный автором подход для анализа исторических процессов основанный на синтезе линейно-стадиальной и цивилизационной концепций, положений теории зависимости и мир-системной теории создает новые эвристические возможности при изучении процессов отечественной истории.

Ряд положений и выводов развивают и дополняют отдельные аспекты теории модернизации: демографического перехода, процессов урбанизации и миграционных процессов применительно к конкретным условиям советского общества периода 1930–1950-х гг.

Использование новых теоретических положений наряду с расширением исследовательских возможностей в связи с изменениями в российском обществе: рассекречиванием архивных документов, плюрализмом идеологических подходов дает мощный толчок для дальнейших исследований демографических процессов в стране и в ее регионах.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что материалы и выводы данного исследования могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации, Краснодарского и

Ставропольского краев в практике разработки демографических концепций и программ, способствовать эффективной социально-экономической и демографической политике, оптимизации межэтнического климата в регионе. Результаты могут применяться в качестве учебных и методических материалов в процессе подготовки специалистов по направлениям: «История», «Демография», «Социология», «Экономика», «Менеджмент и управление», а также использоваться общественными организациями с целью распространения и популяризации достоверных знаний о демографической истории Кубани и Ставрополя, о народах, населяющих регион, способствовать формированию культуры межэтнического взаимодействия.

Апробация работы. Ряд положений и выводов, полученных в ходе работы над диссертацией, прошли соответствующую апробацию: были представлены на всероссийских и международных научно-практических и научных конгрессах, конференциях и семинарах. Материалы диссертации представлены в 97 публикациях, в том числе 5 монографиях (из них 4 в соавторстве), 21 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Отдельные результаты и выводы, изложенные в диссертации, были получены в ходе работы автора над научными проектами, реализованными при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, других российских и зарубежных научных фондов.

В целях распространения научных знаний по исторической демографии, под руководством автора подготовлен открытый многофункциональный интеллектуальный электронный ресурс «Демография Северо-Западного Кавказа» – <http://wiki.kubsu.ru/index.php> на электронной площадке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

На основе материалов диссертационного исследования автором разработаны и читаются специальные учебные курсы: «Демографическая история Кубани XIX–XX века», «Этнические миграции на Кубани: история и современность», «Социальная структура населения Кубани: ретроспектива и

современные тенденции», «Этносоциология», «Этносоциальные и этнополитические процессы на Северном Кавказе», «Этносы и культуры Северного Кавказа» в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и программах переподготовке государственных служащих в Краснодарском крае.

Отдельные элементы работы были использованы автором при разработке «Основных положений государственной национальной политики в Краснодарском крае», рекомендациях органам государственной власти Краснодарского края и муниципального образования гор. Краснодар.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура диссертации. Основой структурного построения работы является проблемно-хронологический принцип. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя тринадцать параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В 1930–1950-е гг.

1.1. Теоретические и методологические подходы к изучению историко-демографических процессов

Изучение историко-демографических процессов невозможно без определения гносеологического смысла исходных понятий. В данной работе такими категориями выступают исторический процесс, демографический переход, модернизация и др. Им присуще многообразие смысловых значений, отражающих существующую в научном сообществе дискуссию.

Базовым в данной работе выступает понятие «исторического процесса». Определяя исторический процесс как своеобразную временную последовательность определенных событий, вследствие которых происходят реальные количественные и качественные общественные изменения, в единстве закономерного и случайного, внутреннего и внешнего¹, необходимо обратиться к вопросу о его природе.

Относительно природы исторического процесса в научном дискурсе, отечественном и зарубежном, существует на протяжении длительного времени серьезная дискуссия. При наличии множества точек зрения и позиций, основной спор ведется вокруг вопроса о направленности и содержании исторического процесса. В этом направлении сложились и конкурируют между собой линейно-стадиальная и цивилизационные парадигмы.

Первая из них – линейно-стадиальная, представляет собой взгляд на развитие человеческого общества как на поступательный процесс эволюции. Такое понимание истории предполагает существование стадий развития для

---

¹ Сенявский А.С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 23.

всего человечества в целом и для отдельных обществ и постепенный переход из одной стадии в другую по восходящей линии. Активное формирование теоретических взглядов в этом направлении связано с эпохой Просвещения. Именно в это время складываются базовые представления и понятия, описывающие процесс социокультурной динамики с позиций эволюционного подхода. В том числе идеи общности человечества и человеческой истории, закономерном движении человеческих обществ по пути совершенствования социальных форм и отношений, наличии универсальных и общеобязательных (единых для всех) факторов и результатов этого движения. Формируются представления о типичных для всей человеческой истории этапах (стадиях) развития: дикости, варварстве и цивилизации (А. Фергюсон и др.), охотничье-собирательской, пастушеской (скотоводческой), земледельческой и торгово-промышленной стадиях (А. Тюрго, А. Смит и др.).

Позже этапы всемирно-исторического процесса стали соотноситься с локально-историческими обществами и их хронологической последовательностью. Как следствие были выделены и вошли в широкое употребление такие этапы истории как древневосточная, античная, средневековая, новая (Л. Бруни, Ф. Бьондо, К. Келлер и др.). Свои концепции в ключе эволюционного подхода формулируют О. Конт, Л.Г. Морган, Г. Гегель, Э.Б. Тейлор. Классическим примером применения линейно-стадиального подхода к анализу исторического процесса является теория К. Маркса об общественно-экономических формациях.

В русле линейно-стадиального подхода сформулирована теория модернизации, представляющая исторический процесс как социальную эволюцию в направлении от аграрного (традиционного, преמודерна) общества к современному (модерну, а затем постмодерну), а также различные концепции неозволюционизма.

Несмотря на широкое распространение к началу XX в., линейно-стадиальный подход подвергся критике. В качестве его слабой стороны противники отмечали чрезмерную приверженность к вертикальным связям и

универсализму при полном игнорировании связей горизонтальных между сосуществующими в пространстве социально-историческими организмами.

На основе критики эволюционного подхода складывается новое понимание исторического процесса, основанное на представлении о том, что человечество представлено совокупностью самостоятельных обществ, имеющих собственную уникальную историю и культуру. При этом логика развития для этих своеобразных социальных образований универсальна, они появляются, достигают расцвета и погибают. Так или иначе, одни сменяют другие.

В современной науке это направление получило название цивилизационного подхода (Ф. Нортроп, А. Крёбер, Дж. Фейблман, П.А. Сорокин и др.)¹. В его рамках выделяются в частности теорию локальных цивилизаций (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Элиас и др.) и связанную с ней концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона². Основные идеи, которые формулируют сторонники данного подхода заключаются в принципиальном отрицании единого взаимосвязанного исторического процесса и собственно отрицание связей, взаимных влияний между своеобразными социокультурными образованиями, отстаивание мысли об их многообразии и в силу этого категорической несравнимости и несопоставимости.

Идеи эти оказались востребованными во второй половине XX в. в связи с крушением колониальных империй в стремительно меняющемся мире. Эволюционные концепции виделись многим левым интеллектуалам в

---

¹ Крёбер А.Л. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. Г.В. Вдовиной. М., 2004; Крёбер А.Л. Стиль и цивилизации // Культурология: Дайджест / редкол.: И.Л. Галинская (гл. ред.) и др. М., 2001. № 1 (16); Фейблман Дж. Движение культур / пер. с англ. О. Билык, Л. Мостовой // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 3. С. 96–117; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М., 1992.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003; Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2001; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1–2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М., 1998; Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / пер. А.М. Руткевич. В 2 т. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М., 2001; Huntington S. The Clash of Civilizations. N.Y., 1996.

качестве своеобразной модели скрытого управления зависимыми странами. Однако и цивилизационный подход не избежал крайностей. Если эволюционные теории не рассматривали специфику каждого исторического организма, его культурное разнообразие, страдали упрощением и прямолинейностью в понимании исторического процесса, отрицали горизонтальные связи, то цивилизационный подход при всех его многообразных вариациях, напротив, заходил в тупик при необходимости объяснения цикличности в историческом развитии, наличия типических явлений, не принимал во внимание взаимосвязь и преемственность культур и обществ.

Это привело к появлению нескольких научных направлений пытающихся учитывать проблемные стороны эволюционного и цивилизационного подходов. Следствием своеобразной теоретической конвергенции стало создание теорий зависимости. В частности эти идеи активно разрабатывают П. Баран, А-Г. Франк, Дж. Арриги, Т. Дус Сантус, Э. Кардоза, С. Буасье, С. Амин, Г. Зиммер, Р. Пребиш¹. Последний ввел в научный оборот такие понятия, как «центр» и «периферия», ставших ключевыми для последующего понимания и анализа исторических процессов.

Наибольшее развитие подобные взгляды получили в работах французского историка Ф. Броделя² и американского социолога

---

¹ См.: Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и стоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова, Н. Эдельмана. М., 2006; Baran P. Political Economy of Growth. N. Y., 1967; Frank A.G. ReOrient. Berkeley L.A. London, 1998; Дус Сантус Т. Структура зависимости // Скепсис. 2008. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sceptsis.net/journal/issue4/> (дата обращения: 12.03.2016); Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007; Пребиш, Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6. С. 44–52; Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. – XX в. н.э.). М., 2001. Вып. III; Буасье С. Теория и стратегия поляризованного развития в Латинской Америке // Известия СО АН СССР. Серия «Общественные науки». 1976. № 6. Вып. 2. С. 33–38; Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002.

² Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée // Annales: ESC. Octobre – decembre. 1958. Vol. XIII. № 4. P. 725–753 (русский перевод: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / общ. ред. И.С. Кона. М., 1977. С. 114–142.).

И. Валлерстайна¹. Новый подход получил название «мир-системного». В качестве основного тезиса в нем принимается идея о том, что сегодня доминирующими являются не связи между цивилизациями, а связи между наиболее развитым центром – своеобразным цивилизационным «ядром», «полупериферией» и зависимой «периферией» (странами третьего мира), различающимися по степени индустриализации и экономического развития. Эти связи построены на неэквивалентном разделении труда и капитала между центром и периферией. Полупериферия не статична, она может менять свое положение, выступая в роли своего рода амортизатора. Процесс модернизации может сказаться на ее развитии неоднозначно, страны полупериферии могут преобразоваться в ядро, либо перейти в разряд периферийных.

С динамикой экономических циклов в мир-системе согласуются и экономические циклы Кондратьева². Представители мир-системного подхода отмечали тот факт, что на процесс модернизационного развития полупериферийных и периферийных стран центр оказывает влияние с целью не допустить как утраты им своей гегемонии, так и резких изменений в экономической и политической сферах.

Теории зависимости и мир-системный подход позволяют понять и объяснить ряд событий в новой истории, и в первую очередь событий XX века, которые показали значительное разнообразие процессов модернизации. В частности, возможность их осуществления на базе недемократических политических режимов, ценностях коллективизма и т.п.

В то же время неизбежность и в некоторой степени необходимость полупериферии и периферии двигаться по заданному центром направлению, указывает на некую закономерность, универсальность модернистских трансформаций. Причем для этих стран движение в этом направлении не было внутренней потребностью, а скорее происходило под давлением внешней

---

¹ См.: Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ. М.М. Гурвица, П.М. Кудюкина, Л.В. Феденко под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М., 2003; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004.

² Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

среды, стало следствием глобализации. Для них сама модернизация зачастую имела характер «догоняющей»¹.

Предпосылками российской модернизации – перехода от аграрного общества к индустриальному, было активное развитие капиталистических отношений в Европе, приведшее на рубеже XIX–XX вв. к кардинальным изменениям в мировой системе. Россия, как верно отмечает Б. Кагарлицкий «... при высоком, даже гипертрофированном развитии рыночных связей, характеризовалась низким развитием буржуазных отношений непосредственно на производстве»². Оставаясь на старом экономическом базисе, Россия не только не могла претендовать на роль великой державы, но и сохранить свое полупериферийное положение. В этом контексте революция 1917 г. не была случайностью, она показала, что путь модернизационного развития реализуемый царской властью, а затем Временным правительством существенно запаздывал, требовались новые интенсивные методы решения назревших задач. Октябрьская революция знаменовала собой не только изменение политического строя, это был выбор нового пути модернизации.

Модернизация представляет собой сложный феномен, который непосредственно затрагивает все сферы общества и сопровождается индустриализацией, урбанизацией, демократизацией и ростом образования, миграционным и демографическим переходом, трансформацией брачно-семейной сферы, формированием либерально-демократических институтов, правового государства и гражданского общества и другими изменениями³.

Взгляд на движение общества в направлении от аграрного к индустриальному получает наибольшее развитие в общественных и гуманитарных науках со второй половины XIX в. в трудах К. Маркса,

---

¹ Подвойский Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 3–13.

² Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С. 30.

³ Крадин Н.Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и математика: модели и теории / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2008. С. 178.

Ф. Тённиса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и др.¹ Ключевой идеей выступала идея прогрессивного развития общества, которое в итоге приведет к экономическому и социально-культурному сближению стран и народов. По словам У. Мура: «модернизация – путь к конвергенции стран с различной исторической судьбой в едином мировом сообществе»².

Действительно уникальность и своеобразие множества локальных аграрных обществ и культур унифицируется путем технизации, стандартизации, массификации производства и потребления как материального, так и духовного.

Особое значение придавалось процессу индустриализации, прежде всего в таких отраслях как энергетика и металлургия, которые составляли базу промышленного производства. Неравномерность и асинхронность движения стран по пути модернизации и, прежде всего, индустриализации, позволили со временем сформулировать «концепцию догоняющего развития», согласно которой уже апробированный опыт западных стран мог использоваться «отстающими» в промышленном развитии странами, в том числе и Россией. Большая территория, значительные природные богатства, демографический потенциал существенно повышали для России шансы догоняющего развития.

«Догоняющее развитие, – как отмечал А.Г. Вишневский, – порождаемые им конфликты внутри общества и его культуры надолго становятся главным стержнем исторического пути России. Модернизация советского общества – не более чем этап, пусть и очень важный, этого пути»³.

Индустриализация придавала импульс другому аспекту модернизации – развитию городов и в целом усиливала процессы урбанизации. Развитие

---

¹ Зиммель Г. Избранное. В 2-х т. М., 1996; Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер с нем. Д.В. Скляднева. СПб., 2002; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006; Маркс К. Капитал. В 3 т. М., 1984; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

² Цит. по: Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2010. С. 19.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 16.

промышленности требовало концентрации рабочей силы вокруг предприятий, стимулировало движение традиционного сельского общества к современному городскому.

По словам А.С. Сенявского модернизации соответствует определенный этап урбанизации, определяемый как «урбанизационный переход». Стадия урбанизационного перехода явилась социальной и экистической (поселенческой) составляющей частью того процесса, который может быть определен как индустриальная модернизация, пишет он. И сам урбанизационный переход можно охарактеризовать как «комплексный модернизационный процесс, включающий чрезвычайно высокое по историческим темпам, радикальное преобразование всех сторон общественной жизни на “городских” началах: производственной, экистической, социально-демографической и социальной»¹.

Влиянию модернизационных процессов оказываются подвержены все стороны человеческой жизни, не исключая и демографическое поведение. Развитие городов и городского образа жизни кардинально меняло сознание человека, его ценностный мир, в том числе и установки в сфере воспроизводства. Следствием индустриализации и урбанизации стал «демографический переход». Сам термин был введен в научный оборот Ф. Ноутстайном в 1945 г.², на основе концепции «демографической революции» разрабатываемой в 1909–1934 гг. А. Ландри³.

Содержанием концепции демографического перехода выступает долговременная тенденция взаимосвязанного изменения параметров рождаемости и смертности, выразившаяся в исторически обусловленном качественном переходе – смене исторических типов воспроизводства. В ходе демографического перехода демографическое поведение все более

---

¹ Сенявский А.С. Указ. соч. С. 36.

² См.: Notestein F.W. Population: The Long View // Food for the World. Ghicago, 1945. P. 36–57.

³ Ландри А. Демографическая революция / пер. с франц. Е. Петуховой по тексту: Landry A. La revolution demographique. P., 1934 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php> (дата обращения: 17.11.2016).

обуславливается не биологическими законами, а социальными условиями¹.

Вопросам демографического перехода в отечественной и зарубежной науке посвящены многочисленные исследования². Скорее здесь можно говорить не об одной концепции, а о группе близких по смыслу концепций.

Структурно демографический переход представляет собой последовательную смену четырех фаз, в ходе которых качественно и количественно изменяются показатели воспроизводства. На первой фазе демографического перехода вследствие улучшения системы здравоохранения и условий жизни наблюдается радикальное падение смертности. За этим следует столь же радикальное сокращение показателей рождаемости (в качестве ближайшей причины которого выступает распространение практик и техник планирования семьи), но с очень заметным запозданием³. В определенный момент, когда устанавливаются низкие показатели смертности, а рождаемость все еще по инерции продолжает быть высокой в населении может наблюдаться резкий рост, получивший название «демографического взрыва».

Переход ко второй фазе характеризуется дальнейшим снижением коэффициента смертности, который достигает очень низких показателей. Одновременно очень стремительно начинают понижаться показатели

---

¹ Воспроизводство населения СССР / под ред. А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова. М., 1983. С. 5, 18; Баркалов Н.Б. Моделирование демографического перехода. М., 1984. С. 4.

² См.: Менделеев Д.И. «Из заветных мыслей. 1905 г.» // К познанию России, М., 2002; Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975; Павлик З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века: сборник статей / под ред. А.Г. Вишневого, И.С. Кона. М., 1979. С. 158–168; Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982; Судоплатов А.П. Современная буржуазная демография: критика основных теоретических концепций. М., 1988; Захаров С.В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий // Демография и Социология. Семья и семейная политика. / отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 1991. Вып. 1. С. 87–102; Капица С.П. Мировой демографический кризис и Россия // Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2009. С. 71–88; Caldwell J.C. *Démographie Transition Theory*. Dordrecht, 2006; Chesnais J.C. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford, 1992 и др.

³ Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Указ. соч. С. 84.

рождаемости и, как следствие, естественный прирост постепенно замедляется, его показатели также начинают снижаться. На третьей фазе вследствие постепенного старения населения показатели смертности снова начинают расти. Снижение показателей рождаемости замедляется и к концу третьей фазы достигает уровня простого замещения поколений. Смертность же пока еще не достигла уровня простого воспроизводства. Завершается демографический переход фазой, для которой характерно сближение коэффициентов рождаемости и смертности и наблюдается стабилизация показателей воспроизводства и численности населения¹.

Рассматриваемый нами исторический период – 1930–1950-е гг. совпал с первой фазой демографического перехода в России, а события этого периода выступили значимыми факторами, повлиявшими на характер демографических изменений.

Наряду с трансформацией образа жизни и демографического поведения меняется и миграционное поведение, наряду с урбанизационным и демографическим первая половина XX в. в России ознаменовалась переходом миграционным.

Автор концепции миграционного перехода В. Зелинский предполагал, что процесс миграции носит эволюционный характер. Закономерным в отношении подвижности населения является «переход от малоподвижного (“сидячего”) образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию территориальных перемещений населения по мере утверждения индустриального общества, что связано с прогрессом в области транспорта и средств коммуникации, расширением информационного пространства, формированием единых национальных, а затем и мировых рынков труда и капитала»².

---

¹ Народонаселение: энциклопедический словарь / глав. ред. Г.Г. Меликьян. М., 1994. С. 110–111; Коротаяев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. М., 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=169&Itemid=1 (дата обращения: 07.09.2016).

² Народонаселение: энциклопедический словарь ... С. 230–231.

Миграционный переход также проходит в своем движении ряд последовательных стадий. На первой стадии фактически соответствующей демографическому взрыву, нарастает массовое переселение из села в город, активизируются процессы колонизации новых территорий сельским населением, как в пределах своих стран, так и за рубежом, ширится эмиграция, значительных масштабов достигают сезонные и маятниковые миграции и проч. Для второй стадии свойственно ослабление миграционных потоков в город и нарастание возвратных миграций в связи с трансформацией и усложнением социальной и поселенческой структуры общества. Третьей фазе соответствует снижение как абсолютных, так и относительных показателей миграционных перемещений в направлении село-город при одновременном росте межгородских миграционных потоков и возвратных переселений. Фактически прекращаются миграции на вновь освоенные территории, откуда постепенно наблюдается незначительное возвратное движение. Все большие масштабы приобретают межстрановые миграции, в которые включается преимущественно квалифицированная рабочая сила¹.

Таким образом, вступив на путь модернизации, Россия должна была последовательно преодолеть соответствующие стадии. Однако путь этот был долгим и сложным, отличался заметной спецификой в силу исторических, социокультурных и других причин, ярко проявившихся в рассматриваемый период. Кроме того, значительная географическая протяженность и природно-климатическое многообразие определило особенности этих трансформаций в региональном масштабе.

В конце XIX – начале XX в., к началу модернизационного перехода Россия представляла собой аграрное общество с демографическими характеристиками, соответствующими такому обществу – высокая смертность, высокая рождаемость, слабая урбанизация.

В социальных науках по отношению к таким обществам используется

---

¹ Народонаселение: энциклопедический словарь ... С. 230–231.

термин – «холистское», т.е. общество, опирающееся в своем существовании на всеобщие (традиционные) ценности, а не индивидуальные интересы¹. Как правило, в таком обществе высока степень централизации и государственной власти. В этом заключалось одно из важных отличий российской модели модернизации: именно государство, а не частный капитал, как в ряде европейских стран, играло важную роль в проведении преобразований. Из европейских стран наиболее близка к такой модели Германия, где также была высока роль государства и административных рычагов.

Революция 1917 г. только усилила роль государства. Пришедшие к власти большевики, понимали, что требуется изменить самого человека, население страны должно отказаться от прежних социокультурных ценностей, необходимо сформировать новый тип человека – «человека коммунистического». Только на этих условиях было возможно удержать власть и осуществить программу модернизации. Реализация этих планов виделась на основе этатистской модели управления.

Специфичным для России был то, что те или иные действия, преобразования здесь зачастую опирались на репрессии. «Идеи, материальное вознаграждение – как отмечает И.Г. Яковенко, все действовало в паре с жесткими репрессивными методами (в России – авт.). Но как все в культуре, репрессия не может быть бесцельной и бессмысленной, она преследует цель воспроизводства социальности и культуры. Имеем ли мы дело с превентивной репрессией или репрессией, наступающей как кара за нарушение норм и правил, репрессивное поведение преследует цели формирования требуемых характеристик носителей культуры, воспроизводства значимых параметров социокультурного организма, противостоит хаотизации. В эпоху перемен репрессия может становиться инструментом изменения общества в направлении, которое осознается правящей элитой как необходимое»².

Вопрос о роли государства в осуществлении насилия и его правовых

---

¹ Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна, 1997. С. 10.

² Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 16.

основах активно обсуждался в начале XX в. «Современное правосознание выработало положение о том, что государство должно ограничивать свободу в сфере экономических отношений и регулировать их в соответствие с интересами всего народа» – писал Б.А. Кистяковский. Близкую этим взглядам позицию выражал М. Вебер, утверждая, что «государство есть то человеческое сообщество, которое претендует на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство»¹.

П.А. Сорокин полагал, что этатизм и принуждение тесным образом связаны и не мыслимы друг без друга. «Под идеальным (предельным) принудительно-этатистским обществом я понимаю такой агрегат, – писал он, в котором государственная власть централизованно регулирует все стороны поведения и взаимоотношения своих подданных, начиная с взаимоотношений религиозных, правовых, нравственных и т.д. и кончая взаимоотношениями экономическими. Это общество, где власть и ее агенты полностью регулируют и нормируют поведение граждан, предписывая им, что они должны делать, каким трудом, и как именно, им следует заниматься, вступать или не вступать в брак и при каких условиях, что им есть, жить или умереть, иметь или не иметь детей и т.д. – словом все сферы поведения и все взаимоотношения. Говоря юридическим языком, здесь совершенно нет частно-правовых отношений, а все отношения – публично-правовые, регулируемые и определяемые сверху»².

Этатистская модель государства сложилась и существовала в России исторически, и революция ее отнюдь не разрушила, но восприняла и облекла в иные идейные формы. Сущность советского/большевистского этатизма была очень метко выражена 26 декабря 1929 г. в публичной речи академика И.П.

---

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. 1918 г. // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденоко. М., 1990. С. 645.

² Сорокин П.А. Голод как фактор... С. 410–411.

Павлова, произнесенной им по случаю 100-летия И.М. Сеченова. «Мы живем под господством жесткого принципа: государство, власть – все. Личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение»¹.

В СССР этатизм, полагает О.И. Шкаратан, сложился в форме этакратизма, с присущим ему государственным способом производства, базирующемся на государственной собственности и властно-хозяйственных отношениях. В то же время это была новая социальная система, не являющейся ни капиталистической, ни социалистической по своей сути. Так как собственность в таком обществе обеспечивала право контроля и получения прибыли, но оба этих права были сконцентрированы в руках советской администрации. Это противоречило основным социалистическим принципам, но способствовало сближению советской модели социализма с азиатскими диктатурами². Этакратизм в этом отношении, согласно О.И. Шкаратану, не уникален для СССР, а представляет собой специфическую форму модернизации (индустриализации) неевропейских государств³. Этот факт отмечали и такие авторы-марксисты как М. Джилас⁴ и М. Кастельс⁵.

На специфический характер советской модернизации указывает Н.Н. Крадин: «сложившееся после 1917 г. общество следует рассматривать как особую “негативную форму синтеза”: модернизирующегося традиционного общества с отрицанием капитала, обусловленного влиянием марксизма. Данное направление трансформации, по всей видимости, было

---

¹ Самойлов В., Виноградов Ю. Иван Павлов и Николай Бухарин (От конфликта к дружбе) // Звезда. СПб., 1989. № 10. С. 116.

² Шкаратан О.И. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. № 2. С. 78.

³ Там же. С. 69.

⁴ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

⁵ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 38.

предопределено: 1) особой ролью государства в России; 2) слабостью институтов гражданского общества; 3) широким распространением вульгарного марксизма (смесь народничества с «революционных авторитаризмом»). В результате было создано антикапиталистическое по форме общество, в котором структурообразующим элементом выступала, не собственность, а отношения власти-собственности, основной формой эксплуатации было не отчуждение стоимости, а отчуждение воли»¹.

Модернизация в экономической сфере в условиях советского общества реализовывалась посредством мобилизации, все ресурсы были направлены на противостояние любой внешней и внутренней силе, угрожавшей новому строю, новой власти. Такая экономическая модель реализуется в экстремальных и чрезвычайных условиях при исключительной роли государства, которое является единственным субъектом, способным в масштабах общества обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов на решение поставленных задач².

Демографический ресурс, как и материальный, необходимый для индустриализации советская власть черпала из села. Такой механизм А.С. Сенявский определяет в качестве «самоколонизации» или «внутренней колонизации». «Коммунистическая идеология, – пишет он, – была особым способом решения национально-государственных проблем путем предельной концентрации ресурсов нации на ключевых направлениях используя инструмент внутренней колонизации и идеологической экспансии. «Самоколонизация», т.е. использование для индустриализации – и, шире, урбанизации – материальных и людских резервов села, а также подневольного труда целых репрессированных социальных категорий, была жестким, аморальным, но объективно прагматически действенным средством выживания советского социума. Происходило это в условиях жесткого противостояния враждебному миру, в борьбе за удержание страны на уровне

---

¹ Крадин Н.Н. Указ. соч. С. 180.

² Седов В.В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003. С. 21.

жизнеспособного в техногенной цивилизации общества»¹.

Таким образом, объективная необходимость и неизбежность модернизации российского общества происходила в условиях этакратической модели советского государства, необходимости выстоять в условиях враждебного новому строю окружения, экономической разрухи, сохранения и воспроизводства отдельных форм традиционалистского сознания и поведения населения. В этой ситуации усиление редистрибуции², полагает Е.Н. Стариков, было связано с технико-технологической фазой индустриального догоняющего развития. В XX в. захват редистрибуцией ведущей роли в экономике той или иной страны – это явный прорыв архаики в современность³.

Подобная модель в ее общих чертах проявилась в ряде других стран «догоняющей модернизации». Как отмечает И.Г. Яковенко: «политическая система, тип экономики, государственная идеология в данной ситуации значения не имеют. Классические капиталистические общества первого эшелона модернизации или диктатуры развития, возникающие в XX в. решали хотя и по-разному одни и те же задачи – разрушения традиционной культуры, перехода общества от экстенсивной к интенсивной стратегии исторического бытия, радикального изменения ментальности. В этом отношении коллективизация, Голодомор, “Указ о трех колосках”, уголовное наказание за опоздание на работу стоят в одном ряду с практикой огораживания, законами против бродяжничества, смертной казнью за проникновение в цех с целью сломать станок или виселицей за карманную кражу на сумму свыше 5 шиллингов»⁴.

Необходимым был и демографический ресурс, индустриализация потребовала больше рабочих рук, которые форсировано в короткие сроки в

---

¹ Сенявский А.С. Указ. соч. С. 249.

² Редистрибуция (от лат. *Redistributere* – перераспределять) – термин, введенный Карлом Поланьи, – собирание воедино большей или меньшей части продукта, созданного в той или иной человеческой группе, чаще всего его концентрацию в руках её главы, с последующим его распределением внутри той же самой группы.

³ Стариков Е.Н. Указ. соч. С. 21.

⁴ Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 28.

большом количестве так же можно было привлечь из деревни. С другой стороны, деревня также нуждалась в рабочей силе, возникает противоречие, которое усугубляется тем фактом, что модернизация неизбежно влияла на изменения в демографической структуре населения.

Население становится важнейшей частью реализации большого экономического и политического плана, что, в конечном счете, повлекло за собой и социальные изменения. Основные социальные институты наполняются новым содержанием. Главная цель создать управляемую человеческую массу способную выполнять стоящие перед страной задачи.

Начало XX в. – это период громадного технического толчка, связанного с модернизацией, механизация затронула не только техническую сферу, но и сферу социальную. В работах представителей гуманитарных наук все чаще государство сравнивается с машиной, а люди в нем с винтиками, механизмами. Эти идеи соответствовали концепции индустриализации, СССР – представлялся государством-машиной, слаженным механизмом, где каждому человеку – винтику была отведена своя роль. Логика технизированного политического проекта строилась на том, что в машине все рационализировано, каждый винтик имеет свое предназначение, без которого машина работать не может. Эту мысль развивает историк и социолог Р. Фюлёп-Миллер в своей работе «Дух и лицо большевизма» опубликованной в 1926 г. «Поклонение машине стало новой религией большевиков с Лениным как ее пророком, – пишет он. Все общество должно быть организовано на научных технических принципах, стать безотказно функционирующей машиной, а человек ее винтиком»¹.

Рационализированные механизмы управления экономикой переносятся на социальную сферу. Большое распространение, в том числе и в СССР, получают работы американских инженеров Ф. Тейлора и Г. Форда, французского инженера А. Файоля. Последний в своей книге «Общее и

---

¹ Fuelop-Miller R. Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in Soviet Russia. N.Y., 1965. P. 117.

промышленное управление»¹, сделавшей переворот в технологии управления обобщил управленческий опыт и создал теорию администрирования, обосновал возможность ее применения в государственном управлении. Идеи А. Файоля о позитивном управлении, ответственности, дисциплине, социальном порядке, который он объясняет как «определенное место для каждого и каждый на своем месте»², подчинение личных интересов общественным, удачно вписывались в советскую модель модернизации. Книги Файоля издаются в СССР, широко используются в системе административного планирования с оговорками. «Нужно будет сохранить известную сдержанность по отношению к обычным социальным сентенциям капиталистических писателей, – отмечалось в предисловии к книге Файоля, – и подвергать анализу лишь голую механику управления»³.

В русле этого глобального техногенного проекта осуществлялись две мета-модели социальной интеграции: американская, более известная как модель «плавильного котла»⁴ и советская – «советского человека», активно реализуемая с 1930-х гг.⁵ Это был новый идеальный тип бескорыстного патриота, человека, способного общественные интересы поставить выше личных, рожденного для того, чтоб «сказку сделать былью».

Преобладание государственных задач над индивидуальным выбором проявилось в управлении демографическим и миграционным поведением. В условиях модернизации активно стимулировались миграции в направлении село-город. В итоге огромные массы людей оказываются вовлеченными в добровольную и вынужденную «индустриальную миграцию», которая с конца 1920-х гг. переходит под жесткий контроль со стороны государства. Советская

---

¹ Файоль А. *Общее и промышленное управление* / пер. В.Б. Бабина-Кореня, предисл. А.К. Гастева. М., 1923.

² Лешапель Ж. *Идеи Анри Файоля: Анри Файоль – Позитивное управление*. М., 1924. С. 21.

³ Файоль А. Указ. соч. С. 108.

⁴ См.: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. *Этносоциология*. М., 1998. С. 33.

⁵ *Родной Сталин* // Правда. 1939. 21 дек.

модель управления миграцией основывалась на так называемом «административном подходе», согласно которому человек может быть переселен в любую точку обитаемого географического пространства в соответствии с политическими, экономическими и другими государственными задачами. Причем необязательно насильственным путем¹.

Этот принцип выходил далеко за пределы сферы управления обществом и в полной мере отражал «материалистическую веру большевиков о возможности “выправить” все ошибки природы и общества, в частности, и путем плановых переселений, преодолевая с их помощью исторически сложившееся несоответствие между природными и демографическими ресурсами такой гигантской страны как Россия–СССР»².

Подобная социальная инженерия определяла приоритет социальных инструментов в вопросах регулирования демографического поведения. По справедливому замечанию А.Г. Волкова и А.Г. Вишневого «биологическое выступает не непосредственно, оно включено в социальное, выступает в “снятом виде”. Поэтому и само воспроизводство как процесс, протекающий на уровне общества в целом, есть процесс не биологический и не биосоциальный, как часто думают, а социальный»³.

Значимую роль социальных факторов отмечали и другие советские демографы. Так, Р.Н. Пуллат считал «неправомерным исключать из предмета исторической демографии анализ социально-классовой и профессиональной структуры населения. В противном случае мы рассматриваем человека в народонаселении лишь в биологическом аспекте, исключая социально-экономическую сторону»⁴, Г.М. Коростелев и В.С. Краев утверждали, что «развитие народонаселения должно рассматриваться в качестве социального фактора, т.е. фактора общественно-исторического процесса. Включая в себя

---

¹ См.: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Указ. соч. С. 88.

² Сенявский А.С. Указ. соч. С. 55.

³ Воспроизводство населения СССР... С. 13.

⁴ Пуллат Р.Н. Историческая демография в СССР (значение, место, итоги и перспективы развития) // Проблемы исторической демографии в СССР: Сборник статей / под ред. Р.Н. Пуллата. Таллинн, 1977. С. 9.

социальное, демографическое и физическое развитие населения, оно имеет своим источником действие законов общества»¹.

Таким образом, теоретический анализ показывает, что концепции модернизации и демографического перехода имеют большой эвристический потенциал для понимания происходящих в советском обществе в 1930–1950-е гг. социальных и демографических изменений.

Вместе с тем, существующие в исторической и демографической науках подходы к пониманию социальной сути демографических изменений не обеспечивают достаточной полноты и эффекта системного познания. Имеющиеся закономерности построены на общемировых моделях демографического развития, во многом не учитывающие специфику советского общества в 1930–1950-е гг., обусловленную как специфическим политическим режимом, так и относительной общемировой экономической и социальной изоляцией, определившей специфический характер советской цивилизации. Это в свою очередь повлияло на характер демографических процессов. Исходя из этого используемые автором теоретические концепции и методологические подходы применяются с учетом социокультурной и политической специфики советского общества.

Проведенный анализ базовых понятий и теорий, которые образуют теоретико-методологический каркас диссертационного исследования, позволяет сделать вывод о необходимости органичного сочетания двух основных подходов в познании исторической реальности: эволюционного и цивилизационного, поскольку каждый из них представляется ценным с эвристической точки зрения и способен по-своему интерпретировать различные аспекты событий и процессов отечественной истории.

Теория модернизации как частный случай линейно-стадиального подхода и цивилизационный подход вовсе не взаимоисключаемы, они способны дополнить друг друга. Целостное и глубокое изучение отечественной истории

---

¹ Коростелев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения. М., 1981. С. 14.

возможно не на основе их противопоставления, но с помощью их органичного синтеза.

Рассматривая процессы модернизации в российском обществе в 1930–1950-е гг. с позиций теории зависимости, которая подразумевает определенный компромисс между стадийно-линейным и цивилизационным подходом можно сделать следующие выводы.

Процесс модернизации в России с одной стороны является универсальной стадией общего исторического процесса, в рамках которой происходит движение к новым современным формам общественных отношений во всех сферах общественной жизни. С другой стороны, цивилизационные особенности российского общества накладывают свой отпечаток на процесс его обновления и трансформации на пути модернизации.

В качестве особенностей российской модернизации на этапе 1930–1950-х гг. можно выделить следующие:

- инициатива модернизационных преобразований и их реализация осуществляется исключительно государством;
- осуществляется в короткие сроки, т.е. носит форсированный характер;
- осуществляется на принципиально новом, революционном социально-экономическом базисе;
- осуществляется при широком использовании репрессивных методов;
- воспринимается не в качестве органической, а в качестве внешней, носит принудительный характер.

В свою очередь, демографический переход как важный аспект общего процесса модернизации также имел свои особенности. При этом формы и методы здесь имели прямую связь со спецификой модернизации в других сферах общества, а именно:

- государство регулировало, а в некоторых случаях осуществляло прямой контроль над репродуктивным, самосохранительным и

матримониальным поведением граждан (за счет правовых ограничений, партийного контроля, системы здравоохранения, социальных льгот и гарантий и проч.);

– как следствие, изменение основных демографических показателей (коэффициентов смертности, рождаемости, брачности, разводимости) происходило также в форсированном порядке;

– контроль над демографическими процессами осуществлялся в том числе с применением репрессивных мер (депортации, уголовная ответственность за аборты и проч.) возможность индивидуального выбора в сфере демографического поведения была существенно ограничена;

– при этом закономерные изменения в демографической сфере связанные с демографическим переходом нарушались под воздействием экстремальных событий отечественной истории: снижение показателей смертности замедлялось вследствие репрессий, голода, войны, снижение показателей рождаемости, напротив, ускорялось под влиянием тех же факторов.

1.2. Динамика численности населения Кубани и Ставрополья

Период 1930–1950-х гг. – время в истории страны, наполненное событиями, прямо и косвенно повлиявшими на демографические процессы. Индустриализация и коллективизация, раскулачивания, неурожай и голод 1932–1933 гг., репрессии, массовые принудительные переселения, война, послевоенная разруха и голод конца 1940-х гг., концентрация экстремальных факторов на протяжении сравнительно небольшого исторического периода привела к коренной трансформации моделей демографического и миграционного поведения населения.

Сложность анализа демографических процессов на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. обусловлена многими факторами и в первую очередь противоречивостью и недостатком статистических источников.

Недостоверность и неполнота многих из них являются следствием исторических и социально-политических условий, в которых они формировались. Возможность сопоставления данных часто затруднена вследствие многочисленных административно-территориальных преобразований, менявших границы территорий, в рамках которых проводился учет населения.

Административно-территориальное устройство региона до образования Краснодарского и Ставропольского краев имело свою достаточно давнюю историю, связанную с присоединением и освоением Северо-Западного Кавказа российским государством.

Кубань в административно-территориальном плане во второй половине XIX в. была представлена двумя единицами: Кубанской областью, образованной в 1860 г., с центром в городе Екатеринодаре и Черноморской губернией, преобразованной в 1896 г. из Черноморского округа с центром в городе Новороссийске¹.

В период Гражданской войны происходит ряд кратковременных административных преобразований, завершившихся созданием в марте 1920 г. Кубано-Черноморской области с центром в г. Екатеринодаре, в декабре того же года, переименованного в Краснодар. В июле 1922 г. из состава области была выделена территория заселенная адыгейцами (черкесами) и образована Черкесская (Адыгейская) автономная область, центром которой стал г. Краснодар².

В феврале 1924 г. в регионе произошли новые административные изменения – была образована Юго-Восточная область³ определенная как экспериментальный сельскохозяйственный регион, объединившим

---

¹ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост.: А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. Краснодар, 1986. С. 21, 56.

² Тархов С. Изменения административно-территориального деления России в XII–XX веках // Логос. 2005. № 1 (46). С. 74.

³ В ряде официальных документов наряду с Юго-Восточной областью употребляется наименование Юго-Восточный край.

практически всю географическую территорию Северного Кавказа, за исключением Дагестана.

В июле 1924 г. область была разделена на новые административные единицы – округа, территория Кубани охватывала 4 округа: Армавирский, Кубанский, Майкопский, Черноморский, а Ставрополя – 2 округа: Ставропольский и Терский. Национальных автономий районирование не коснулось. В ноябре 1924 г. Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край с центром в г. Ростове на Дону. Деление на округа и национальные области осталось прежним¹.

В январе 1934 г. в ходе процесса разукрупнения региона Северо-Кавказский край был разделён на Азово-Черноморский с центром в г. Ростове-на-Дону и собственно Северо-Кавказский край, центром которого стал г. Пятигорск. Территории современных Краснодарского края и Ростовской области, а также Адыгейская автономная область вошли в состав Азово-Черноморского края.

13 сентября 1937 г. постановлением ВЦИК Азово-Черноморский край был разделен на две территориальные единицы: Краснодарский край с центром в г. Краснодар и Ростовская область с центром в г. Ростов-на-Дону².

Схожие процессы происходили и на территории Ставрополя. В 1847 г. Кавказская область, существовавшая с 1785 г., была преобразована в Ставропольскую губернию. В 1918 г. территория Ставрополя была включена во вновь образованную Северо-Кавказскую советскую республику, а после ее упразднения в декабре 1918 г. вновь преобразована в Ставропольскую губернию, но уже в составе РСФСР³. 13 февраля 1924 г. был образован Северо-Кавказский край и территории Ставрополя в составе Ставропольского и

---

¹ Основные административно-территориальные преобразования ... С. 79.

² Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1937. № 61. Ст. 267.

³ Краткая справка об административно-территориальных изменениях Ставропольского края за 1920–1992 гг. / Комитет Ставропольского края по делам архивов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stavkomarchiv.ru/opendata> (дата обращения: 25.05.2016).

Терского округов были включены в его состав. После преобразования Северо-Кавказского края в 1934 г., центр его был перенесен в г. Пятигорск¹.

17 ноября 1920 г. в составе Горской республики образуется Карачаевский национальный округ с административным центром в Кисловодске. 12 января 1922 г. ВЦИК издает декрет о создании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области, напрямую входящей в РСФСР, но уже 26 апреля 1926 г. она была разделена на две самостоятельные автономные единицы – Карачаевскую автономную область (КАО) и Черкесский национальный округ² вошедшие в состав Северо-Кавказского края. В 1928 г. Черкесский национальный округ был преобразован в Черкесскую автономную область.

15 декабря 1936 г. из состава Северо-Кавказского края были выделены три автономных области: Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская, статус которых был повышен до АССР и также Дагестанской АССР. Сам край и старое название сохраняются, но административный центр края теперь переносится в г. Ворошиловск (Ставрополь) и в его составе из национальных автономий оставались Карачаевская и Черкесская АО. 13 марта 1937 г. Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский, а его территория приблизилась к границам современного Ставропольского края. В 1943 г. Орджоникидзевский край был переименован в Ставропольский³. В этом же году Карачаевская автономная область была упразднена, а ее районы подчинены Ставропольскому крайисполкому⁴. В 1957 г. после реабилитации карачаевцев, восстановление автономии произошло через создание новой административной единицы – Карачаево-Черкесской АО.

В 1944 г. из состава Ставропольского края были выведены Моздокский, Кизлярский, Наурский и Шелковской районы⁵. Последние изменения границ

¹ Ставрополье за 50 лет: Сборник статистических материалов. Ставрополь, 1968. С. 8.

² Карачаевцы. Выселение и возвращение... С. 7.

³ Ставрополье за 50 лет ... С. 8.

⁴ Краткая справка...

⁵ Указ Президиума ВС СССР от 22 марта 1944 г. «Об образовании Грозненской области в составе РСФСР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного

Ставропольского края происходят в 1958 г. когда из его состава выделилась временно входившая в него Калмыцкая АО, преобразованная затем в Калмыцкую АССР¹.

Изменения административно-территориальных границ Краснодарского и Ставропольского краев после их образования в качестве самостоятельных административных единиц происходили в пределах их территорий, и лишь в некоторых случаях шло перераспределение населения приграничных районов, которые либо включались, либо исключались из состава краев. Однако такие территориальные преобразования в целом не влияли на демографическую ситуацию в регионе.

Анализируя демографические процессы и структуры в исследуемых регионах, мы сталкиваемся с необходимостью перерасчетов статистических данных с учетом изменений в административно-территориальном делении. Так же необходимо учитывать, что ряд статистических источников содержит данные о населении с учетом автономных национальных образований (Адыгейской и Карачаево-Черкесской АО), входивших в разное время в состав Краснодарского и Ставропольского краев. Такой подход к анализу статистического материала позволяет лучше понять влияние исторических событий на демографические процессы в рассматриваемых регионах с учетом этнической, хозяйственно-экономической, социально-культурной специфики.

Базой для анализа демографических процессов происходящих на Северо-Западном Кавказе в 1930–1950-е гг. послужили результаты Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 и 1959 гг., а также документы текущего статистического учета.

Но объективный анализ статистических источников, невозможен без понимания социально-политических условий проведения переписей населения. Этатистский характер советского общества, несомненно, накладывал отпечаток на все области жизнедеятельности, не исключая

Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Манделъштама. М., 1956. С. 42.

¹ Ставрополье за 50 лет... С. 8.

статистический и демографический учет. Так если перепись 1926 г. проводилась в ситуации относительного плюрализма, то установившийся в конце 1920-х гг. тоталитарный режим диктовал свои условия для проведения переписей 1937 и 1939 гг.

Перепись населения СССР 1926 г., по праву считается одной из наиболее содержательных в демографическом плане. Разработчики переписи, с одной стороны использовали опыт Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., с другой ее попытались исправить ее проблемные стороны.

Согласно данным переписи 1926 г. наличное население Кубани составило 3 038 052 чел.¹, в том числе по округам: Армавирскому – 927 392 чел., Кубанскому – 1 489 088, Майкопскому – 330 135, Черноморскому – 291 437 чел. В Адыгейской АО (по переписи 1926 г. Адыгейско-Черкесской АО) проживало 113 481 чел.²

Население Ставрополя насчитывало 1 173 142 чел., в том числе в Ставропольском округе – 668 968 чел., Терском округе – 504 174, Карачаевской АО – 64 623, Черкесской АО – 37 005 чел.³

В 1930-е гг. реорганизуется система учета населения, разрабатываются ее правовые основы. ЦИК и СНК СССР принимают ряд постановлений: 27 декабря 1932 г. введены паспорта с целью улучшения учета населения городов, рабочих поселков и новостроек⁴; 21 сентября 1935 г. введена обязательная выдача свидетельств о рождении; 27 июля 1936 г. устанавливается порядок и сроки регистрации рождений и смертей⁵. В результате этих мер учет населения становится более строгим и детальным. Запись актов гражданского состояния Постановлением ЦИК от 10 июля 1934

---

¹ Численность населения рассчитана с учетом Адыгейской АО.

² Рассчитано по источнику: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. М., 1928. Т. 5. С. 57–62, 71–81, 96–100, 106.

³ Рассчитано по источнику: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 83–87, 91–95, 112, 116.

⁴ СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

⁵ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. Отдел первый. 1932. № 8. С. 516; 1934. № 36. С. 283; 1936. № 44. С. 366.

г. была возложена на общесоюзный НКВД.

Необходимость передачи ЗАГСов в ведение НКВД, была аргументирована «вредительской работой, скрывая рост населения путем недоучета рождаемости и явно преувеличивая смертность населения путем регистрации по несколько раз смертей одних и тех же лиц»¹. Эти мероприятия должны были обеспечить максимальную «прозрачность» учета населения и возможность проведения действительно объективной переписи.

Перепись населения 1937 г. должна была наглядно продемонстрировать произошедшие в СССР изменения, достигнутые за первые десятилетия советской власти, продвижение советского общества по пути индустриализации и модернизации. Строились довольно оптимистичные прогнозы, хотя коллективизация, голод 1933 г., депортации несомненно должны были сказаться на численности населения. И.В. Сталин в отчетном докладе XVII съезду партии 26 января 1934 г. отметил, что «население Советского Союза со 160,5 млн чел. в конце 1930 г. увеличился до 168 млн чел. в конце 1933 г.»². Эти данные были подхвачены СМИ, которые писали о том, что ежегодный прирост населения в Советском Союзе составляет 3 млн чел, а это «на целую Финляндию»³.

В соответствие с этими оптимистичными цифрами строились и демографические прогнозы ЦУНХУ Госплана СССР. Рассчитанные на данных естественного прироста середины 1920-х гг., без учета экстремальных факторов первой половины 1930-х гг. прогнозные значения показывали, в среднем, численность населения СССР на 1937 г. 180 млн чел., а к 1939 г. 183 млн чел.⁴

Данные проведенной в 1937 г. переписи значительно разошлись с ожидаемыми цифрами. Общая численность населения СССР с учетом

---

¹ Волков А.Г. Избранные демографические труды: Сборник научных статей / сост. и науч. ред. А.Г. Вишневский. М., 2014. С. 129.

² Правда. 1934. 28 янв. С. 3.

³ Правда. 1935. 4 дек. С. 1.

⁴ Волков А.Г. Перепись населения 1937 года...

контингентов НКО и НКВД составила 162 млн чел. Сравнение с данными Всесоюзной переписи населения 1926 г. (147 млн чел.) показывало, что увеличение составило всего лишь 15 млн чел.¹, т.е. прирост составил 10,2% за межпереписной период, а среднегодовой прирост за 10 лет соответственно 1%². Такой прирост является довольно низким, тем более, если взять в расчет тот факт, что демографический переход в стране только начинался и показатели рождаемости были достаточно высокими. Низкие темпы прироста были обусловлены заметным повышением показателей смертности населения, а ошибка в прогнозе вызвана в первую очередь недоучетом смертности в 1930-е гг., о которой не раз упоминали руководители ЦУНХУ³. Какой эффект и какие последствия имело оглашение этих цифр понимали и руководители ЦУНХУ. В служебной записке М.В. Курман сообщает об итогах переписи 1937 г. начальнику ЦУНХУ И.А. Кравалю: «Такой коэффициент смертности невозможен в условиях СССР, он более чем в два раза выше смертности всех европейских стран и совпадает со смертностью населения в старой Российской империи, бывшей по этому показателю на первом месте (выделено в самом тексте документа – авт.)»⁴.

Численность населения РСФСР по данным переписи населения 1937 г. составила 104,5 млн чел., прирост за межпереписной период с 1926 г. по 1937 г. составил 11,8%⁵. В Азово-Черноморском крае переписью было учтено 5 774,5 тыс. чел., в том числе 230,1 тыс. чел. в Адыгейской АО, а в Северо-Кавказском крае, включая Карачаевскую и Черкесскую АО – 1 692,3 тыс. чел.⁶

Большинство современных российских демографов считают данные переписи 1937 г. довольно точными, а недоучет населения по разным оценкам варьируется от 0,3 до 1,2%⁷. Но существенное расхождение данных с

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 25.

² Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом... С. 33.

³ Блюм А., Меспуле М. Указ. соч. С. 94; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 6.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 26.

⁵ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 48.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 226.

⁷ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России...

политически ангажированными вероятностными прогнозами, привело к тому, что перепись была официально признана дефектной, проведенной с «грубейшими нарушениями», а данные признаны недействительными¹.

Объявленная вредительским актом², перепись 1937 г. была изъята из оборота. Были исключены и возможные обсуждения результатов переписи, ее использование в статистических целях, она оказалась практически под запретом до второй половины 1980-х гг.³

В действительности перепись раскрыла сложную демографическую ситуацию, сложившуюся в стране в ходе форсированного строительства «нового общества». Перепись показала расхождение планируемой численности по прогнозам ЦУНХУ и результатами переписи населения, по меньшей мере в 13 млн чел⁴.

Признав материалы переписи 1937 г. дефектными СНК Союза ССР поставил перед ЦУНХУ Госплана СССР задачу: в январе 1939 г. провести новую Всесоюзную перепись населения⁵. Она должна была показать произошедшие перемены в стране как в области государственного строительства (индустриализации), так и в улучшении жизни граждан⁶.

Результаты проведенной в 1939 г. Всесоюзной переписи населения в большей степени удовлетворили руководство страны, а вопрос о возможной фальсификации данных переписи начал открыто обсуждаться лишь в конце 1980-х гг.⁷, тогда же были и опубликованы первые архивные материалы⁸.

С. 35; Лившиц Ф.Д. Указ. соч. С. 199; Волков А.Г. Шаг к правде (О статье Ф.Д. Лившица) // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 169–170.

¹ Правда. 1937. 26 сент. С. 3.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 536. Л. 5–6.

³ Лившиц Ф.Д. Указ. соч. С. 175.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 57. Л. 5–6; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 24. Д. 14. С. 2–3.

⁶ Правда. 1937. 23 дек.

⁷ Тольц М. Сколько же нас тогда было? // Огонек. 1987. № 51. С. 10–11; Тольц М. Статистика как инструмент политики... С. 108–125; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.

⁸ См.: Перепись 1939 г.: документальные источники Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР // Материалы к серии «Народы Советского Союза». М., 1990. Ч. 1–15.

Согласно официальным данным Всесоюзной переписи 1939 г. численность населения СССР составила 170,5 млн чел., РСФСР – 109,4 млн чел.¹ Вместе с тем на имя Сталина и Молотова поступают секретные письма в которых приводится другая цифра переписи – 167,3 млн чел.² Расхождение между двумя итоговыми данными в 3,2 млн чел. актуализировало вопрос о достоверности материалов переписи и обоснованности возможных приписок. Однако активная научная дискуссия по данной проблеме стала возможной только с середины 1980-х гг.

Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова определяют оправданную поправку в 0,4% (0,7 млн чел.)³, следовательно необоснованная приписка составляет 2,5 млн чел. По расчетам Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева размер допустимой поправки составляет 0,2%, это примерно 0,4 млн чел. Исходя из этого они полагают, что численность населения на момент переписи 1939 г. составляла 167,6 – 167,7 млн чел., а размеры фальсификации – 2,8–2,9 млн чел. (1,7%)⁴. А.Г. Волков, В.В. Цаплин полагают, что преднамеренный переучет в переписи 1939 г. составил 1–2 млн чел.⁵ Д.Д. Богоявленский, подводя итог научной дискуссии пишет о том, что чистая фальсификация в переписи составила 1,7 млн. (т.е. 1% от итоговой численности), а в целом численная вилка приписки в переписи 1939 г. лежит между 1,7 и 2,8 млн чел.⁶ Таким образом, можно сделать вывод, что факт фальсификации материалов переписи 1939 г. имел место, но был не столь значителен. Это позволяет использовать архивные демографические

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 39; Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др.; авт. коммент. Н.А. Араловец и др. М., 1992. С. 240.

² Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 50.

³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России... С. 38.

⁴ Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... С. 51.

⁵ Волков А.Г. Перепись населения 1937 года...; Цаплин В.В. Указ. соч. С. 175–181.

⁶ Богоявленский Д.Д. О приписках в переписи 1939 г. // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/archiv01.php> (дата обращения: 25.01.2017).

материалы с учетом возможных поправок на приписки.

С конца 1980-х гг. в научной среде шел активный поиск оптимальных способов расчета величины приписок и определения достоверной численности населения на 1939 г.¹ В большей степени это коснулось общей численности населения Советского Союза, а вопросы о размерах приписок и корректировке данных по отдельным регионам РСФСР оставались практически неизученными. Безусловно, практика статистических приписок коснулись всего РСФСР, но размер приписок были неодинаковым для разных административно-территориальных образований.

Как полагает В.Б. Жиромская, за счет приписки численность населения РСФСР была преднамеренно увеличена на 2,5 млн чел. Однако эта цифра включает военнотружущих и заключенных, без учета которых приписка составила 1,7 млн чел. Исключение данных категорий дает возможность уменьшить обоснованную поправку до 0,1% и в результате корректировки получить численность населения РСФСР в 107,9 млн чел. Официально была объявлена численность в 109,4 млн чел., соответственно необоснованная приписка составила 1,6%².

Несколько сложнее определить размеры приписки и масштабы фальсификации данных переписи для отдельных регионов России. Учитывая механизм приписки и черновые материалы переписи, В.Б. Жиромской была определена подлинная численность населения отдельных районов и автономий России и величина необоснованной приписки. В тех регионах, где влияние экстренных условий на численность населения было заметно меньшим, размер приписок в материалах переписи так же был небольшим, и составлял примерно 2,1%. Но там, где последствия голода, репрессий и депортаций были значительными, существенно выросли размеры приписок

---

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Указ. соч.; Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... № 8. С. 3–52; Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г: История проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992; Тольц М.С. Статистика как инструмент... С. 108–125 и др.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 50–51.

(2,4–10%)¹. К этим территориям относились, в том числе, Кубань и Ставрополье.

Основываясь на данной методике расчета приписок и используя официальные данные Всесоюзной переписи 1939 г. В.Б. Жиромской была проведена корректировка статистических материалов переписи и определены возможные размеры приписок для регионов РСФСР, в том числе для Кубани и Ставрополья, а так же входивших в их состав Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей. Нами были аналогично рассчитаны соответствующие показатели для территории Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) края без автономий, а так же с учетом административно-территориальных преобразований (таблица 1.1).

Как уже отмечалось выше, Кубань и Ставрополье попали в число регионов с высокой убылью населения и соответственно с большим числом приписок. В то же время в Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областях процент убыли был несколько ниже. В «русских» районах Кубани и Ставрополья увеличение размеров приписки было связано с тем, что местное население в большей степени пострадало вследствие коллективизации, раскулачивания и голода начала 1930-х гг. Собственно еще сами организаторы переписи 1937 г. при разработке ее материалов и анализе динамики численности населения разделили административно-территориальные образования на 5 групп.

Начальник ЦУНХУ И.А. Краваль в правительственной записке на имя В.М. Молотова и И.В. Сталина относит Кубань и Ставрополье к группе, в которую вошли в основном сельскохозяйственные районы: «5-ю группу составили области и республики, давшие уменьшение населения главным образом в силу неблагоприятного естественного движения населения. Сюда относятся области Украины (кроме Донбасса), Казахстан, а среди областей РСФСР Азово-Черноморский край, русские районы Северного Кавказа, АССР

---

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 53, 57.

немцев Поволжья, Саратовская область, Куйбышевская область, Курская область, именно те области, где сопротивление кулачество коллективизации было наиболее ожесточенным. Данные переписи показывают, что влияние сопротивление кулачества на численность населения было значительно больше, чем это учитывалось регистрацией рождаемости и смертности ЗАГСами»¹.

Таблица 1.1 – Численность населения Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краев, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей по данным переписи 1939 г., чел.²

Административно-территориальные единицы	Официальные данные переписи 1939 г.	Данные переписи (без приписок)	Приписка	
			человек	%
Краснодарский край	3172674	3102757	69917	2,25
Адыгейская АО	241799	237711	4088	1,7
Краснодарский край без Адыгейской АО	2930875	2865046	65829	2,29
Орджоникидзевский край	1950887	1908690	42197	2,2
Орджоникидзевский край ³ (в скорректированных границах 1959 г.)	1707363	1670609	36753	2,2
Карачаевская АО	150303	147513	2790	1,9
Черкесская АО	92898	91263	1635	1,8
Орджоникидзевский край без Карачаевской и Черкесской АО	1464162	1432643	31518	2,2

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 19–20.

² Таблица составлена по источнику: Жиромская В.Б. Демографическая история России ... С. 54.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 5–7; Д. 269. Л. 1–2; Д. 274. Л. 7–8; Д. 275. Л. 1–2; Д. 276. Л. 1–2; Д. 607. Л. 19–36, 55–81; ГАКК. Ф. 1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 51–57. Определение численности населения Орджоникидзевского (Ставропольского) края на 1939 г. представляет ряд трудностей в связи с тем, что часть территорий края впоследствии были переданы Дагестанской, Северо-Осетинской и Чеченской АССР. В частности, Кизлярский, Моздокский, Наурский, Шелковской районы. Таким образом, расчет численности населения Ставрополя для дальнейшего его сопоставления проведен с учетом данных административно-территориальных преобразований.

Снижение естественного прироста в этих регионах было следствием репрессий и голода. Наряду с прямой убылью населения, миграционным оттоком населения, меняется и репродуктивное поведение, что существенно сказалось на показателях рождаемости.

Согласно данным переписи 1939 г. население Краснодарского края с Адыгейской АО составило 3 172 674 чел., без учета АО в крае насчитывалось 2 930 875 чел. Полученные с помощью перерасчетов цифры демонстрируют убыль населения Кубани к 1939 г. Это подтверждается сравнением материалов переписей 1926, 1937 и 1939 гг. В 1926 г. население Кубани насчитывало 2 966 142 чел.¹ (без автономии), в 1937 г. – 2 881 262 чел.² (убыль составила 84 440 чел., или 3% к 1926 г.), в 1939 г. – 2 930 875 чел. согласно данным переписи и 2 865 046 чел. по скорректированной численности³. В итоге убыль составила соответственно 1,2% по официальным данным и 4% по отношению к скорректированной численности.

Население Орджоникидзевского (Ставропольского) края в 1939 г. с учетом входивших в него автономных областей – Карачаевской и Черкесской насчитывало 1 950 887 чел., численность жителей территорий, которые составили впоследствии Ставропольский край, насчитывала 1 707 363 чел. с населением автономных областей и 1 464 162 чел. без них. С учетом скорректированной численности, в том числе и по вышедшим из состава края территориям – 1 670 609 чел., а без учета автономных областей – 1 432 643 чел. В Карачаевской и Черкесской автономиях переписью было учтено 150 303 и 92 898 жителей соответственно. Всего в пределах автономных территорий

---

¹ Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 96–100, 106 (Численность населения Кубани без автономии на 1926 г. рассчитана с учетом территориальных изменений: на основе населения четырех округов – Армавирского, Кубанского, Майкопского и Черноморского за вычетом населения г. Майкопа, Гиагинского района и Ханского сельсоветов, переданных 10 апреля 1936 г. из состава Майкопского округа в состав Адыгейской автономной области).

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 30.

³ См.: Таблица 1.1 – Численность населения Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краев, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей по данным переписи 1939 г., чел.

Орджоникидзевского (Ставропольского) края проживало 243 201 тыс. чел. Согласно скорректированной численности население автономий на 1939 г. составляло 238 776 чел. В том числе 147 513 чел. в Карачаевской и 91 263 чел. в Черкесской автономных областях¹.

В демографическом развитии территорий наблюдались определенные различия. Если на Кубани согласно скорректированным данным присутствовала очевидная убыль, то численность населения Ставрополья с 1926 г. по 1939 г. выросла. Однако, произошедший за межпереписной период прирост был незначительным. За 13 лет население Ставрополья увеличилось в абсолютных цифрах на 38 269 чел. или на 2,7% по отношению к скорректированной численности и на 69 788 чел. или на 5% по отношению к официальным данным переписи². При таком незначительном приросте, вызванном историческими катаклизмами, численность населения Ставрополья так же не избежала искажения и приписок.

Среднегодовая убыль населения Кубани составляла в межпереписной период 0,1% (относительно официальных данных) и 0,3% (относительно скорректированной численности). Среднегодовой прирост на Ставрополье в межпереписной период был невысоким (0,2 и 0,4% соответственно) при общесоюзном показателе в 1,24%³.

Динамика численности населения автономий имела несколько иной характер. Население Адыгейской автономной области в 1926 г.⁴ составляло 185 391 чел. К 1939 г. оно увеличилось до 237 711 чел. (скорректированная численность). Темпы прироста населения за межпереписной период составили

---

¹ См.: Таблица 1.1 – Численность населения Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краев, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей по данным переписи 1939 г., чел.

² Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 83–87, 91–95, 112, 116; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 1.

³ Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–95, 96–100; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 1; Д. 274. Л. 1.

⁴ Численность Адыгейской АО на 1926 г. рассчитана с учетом территориальных изменений: население Адыгейско-Черкесской автономной области плюс население г. Майкопа, Гиагинского района и Ханского сельсоветов, переданных 10 апреля 1936 г. из состава Майкопского округа в состав области.

28,2%. Ежегодный прирост, таким образом, составлял 2,2% и был выше общесоюзного¹.

Население Карачаевской и Черкесской автономных областей, имея по данным переписи 1926 г. население 64 613 и 36 996 чел. (с учетом населения Баталпашинского района² – 41 632 чел.) к 1939 г. так же увеличилось. За межпереписной период прирост населения автономий составил в абсолютных цифрах 132 531 чел., темпы прироста 124,7%. Ежегодные темпы прироста составили 9,6%³. Такие темпы могут быть объяснены высокими показателями естественного прироста и повышенной миграционной активностью населения.

Таким образом, приписки имели место как в «русских» районах Кубани и Ставрополья, так и в национальных автономиях, однако, в автономиях процент приписки был ниже, что опять же можно объяснить тем, что эти территории в меньшей степени подверглись пертурбационным процессам начала 1930-х гг.

Подтверждают сокращение численности населения в эти годы и данные по естественному движению населения. Так в предварительных итогах естественного движения населения за 1939 г. отмечалось, что 13 областей и краев показали количество родившихся близкое к данным предыдущего 1938 г., в том числе такие крупные по численности населения области как

---

¹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 69. Л. 32; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 269. Л. 1.

² Баталпашинский район был образован 2 июня 1924 г. в составе Карачаево-Черкесской АО. 26 апреля 1926 г. Карачаево-Черкесская АО была разделена на Карачаевскую АО и Черкесский национальный округ, а 1 мая Баталпашинский район был передан в состав Армавирского округа Северо-Кавказского края. В состав района были включены Баталпашинский, Зеленчукский, Исправненский, Кардоникский, Красногорский, Николаевский, Овечкинский, Сторожевой и Усть-Джегутинский с/с. В 1930 г. окружная система в СССР была упразднена и Баталпашинский район перешёл в прямое подчинение Северо-Кавказского края. 10 июля 1931 г. Постановлением Президиума ВЦИК Баталпашинский район был упразднён. При этом Баталпашинский, Николаевский, Овечкинский и Сторожевой сельсоветы были переданы Черкесской АО, а Зеленчукский, Кардоникский, Красногорский и Усть-Джегутинский сельсоветы – Карачаевской АО. Исправненский и Фроловский сельсоветы были переданы в Отрадненский район Северо-Кавказского края (Постановление Президиума ВЦИК от 10 июля 1931 года // СУ. 1931. № 40. Ст. 315).

³ Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 112, 116; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 275. Л. 1; Д. 276. Л. 1.

Московская, Ленинградская, Новосибирская, Свердловская и Краснодарский край. В Краснодарском крае, кроме того, отмечено увеличение смертности в 1939 г. по отношению к 1938 г., которое составило – 108,4%¹.

Определенная разница была в приписках к численности мужского и женского населения. В отношении мужчин она колебалась от 2,8% в стабильных районах до 4% в наиболее проблемных, женщин в среднем составляла 1%.

Итоги переписи 1937 г. обнаружили значительные потери мужского населения. В одном из документов, характеризующем ошибки переписи отмечалось, что «значительный недоучет населения ясно виден из сопоставления полового состава населения по переписи 1937 г. и по переписи 1926 г. Доля мужчин в населении 1926 г. была пониженная (вследствие убыли мужчин в период первой Мировой и Гражданской войн). Несомненно, что к 1937 г. доля мужчин в населении должна была увеличиться, но результаты переписи показывают обратную картину. По сравнению с 1926 г. доля мужчин несколько снизилась с 48,3% в 1926 г. до 48,0 % в 1937 г. В абсолютных числах к 1937 г. число мужчин в СССР увеличилось с 1926 г. на 9,4%, женщин на 11%, т.е. темпы роста численности мужчин ниже темпов роста женского населения»².

Статистические отчеты объясняли этот факт ошибкой переписи, вредительством «антисоветских элементов»³. Однако перепись отразила реальную ситуацию, действительно прирост мужского населения был меньше чем женского, поскольку именно мужское население сильнее пострадало в ходе коллективизации, раскулачивания, депортаций и других экстремальных фактов. На Кубани, где масштабы этих процессов были более значительными и соответственно потери мужского населения были выше, процент приписки к мужскому населению был более высоким и составлял 3,8%, на Ставрополье

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 393. Л. 25.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 159–160.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 158–160.

немногим меньше – 3,7% (таблица 1.2).

Таблица 1.2 – Численность населения Краснодарского, Орджоникидзевского (Ставропольского) краев, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей с распределением по полу на 1939 г.¹

Административные единицы	Мужчины				Женщины			
	Официальные данные переписи населения 1939 г.	Скорректированная численность, тыс. чел.	Приписка		Официальные данные переписи населения 1939 г.	Скорректированная численность, тыс. чел.	Приписка	
			в тыс. чел.	в %			в тыс. чел.	в %
Краснодарский край	1484,8	1429,8	54,6	3,8	1688,3	1673,0	15,3	0,9
Адыгейская АО	113,0	109,9	3,1	2,8	128,8	127,8	1,0	0,8
Краснодарский край без Адыгейской АО	1371,4	1319,9	51,5	3,9	1559,5	1545,2	14,3	0,9
Орджоникидзевский край	929,2	896,4	33,1	3,7	1021,7	1012,3	9,1	0,9
Карачаевская АО	73,9	71,8	2,1	2,9	76,4	75,7	0,7	0,9
Черкесская АО	44,6	43,4	1,2	2,8	48,3	47,9	0,4	0,8
Орджоникидзевский край без Карачаевской АО	810,7	781,2	29,8	3,8	897,0	888,7	9,0	1,0

Еще меньше приписки были в национальных автономиях. В Адыгейской и Черкесской автономных областях этот показатель составил 2,8%, в Карачаевской – 2,9%. В то же время численность женского населения региона, в меньшей степени затронутого репрессиями в связи с раскулачиваем и коллективизацией сфальсифицирована с меньшей долей приписки. По всем территориям приписка к женскому населению не превышала 1%, но все же была чуть выше в «русских» районах Кубани и Ставрополя.

¹ Таблица рассчитана и составлена на основе источников: Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 58; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81.

Если среднегодовой прирост населения между переписями 1926 и 1939 г. по СССР (в его прежних границах) составил 1,24%, то среднегодовой прирост в 1940 г. по Советскому Союзу (в его прежних границах) составил 1,39%, с включением новых территорий и республик (Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии, Северной Буковины, Восточной Польши) 1,35%¹.

Однако в исследуемых регионах прирост населения за 1940 г. фактически отсутствовал. Данные ЦСУ за 1940 г. показывают убыль населения Ставрополья по сравнению с 1939 г., а численность населения Кубани, хотя и увеличилась, но прирост составил 0,2% (таблица 1.3).

Таблица 1.3 – Численность населения Орджоникидзевского (Ставропольского) и Краснодарского краев на 1940 г. тыс. чел. (с АО)²

Административные единицы	Город	Село	Всего
Орджоникидзевский (Ставропольский) край	342	1357	1699
Краснодарский край	783	2396	3179

Приведенные цифры убыли населения Кубани и Ставрополья показывают на определенную связь демографических изменений с внешними причинами: политическими решениями, кризисами, катастрофами. С целью проведения верификации данных, полученных после корректировки материалов переписи, нами были применены методы вероятностно-статистического анализа. Это позволило построить ретроспективную математическую модель демографического роста населения Кубани³. Был взят временной ряд 1870–1937 гг., составленный по данным проводимых переписей населения и документам текущего статистического учета⁴.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 15.

² Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3151. Л. 35.

³ Расчеты численности населения Кубани с использованием методов вероятностно-статистического моделирования были проведены в неразделенном соавторстве с д.т.н., профессором А.А. Халафьяном.

⁴ Составлено по: Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: этностатистическое исследование. СПб., 1996; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кубанская область. Т. 65; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Черноморская губерния. Т. 70; Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1925; Кубанский статистический сборник за 1929–

Учитывая произошедшие за этот исторический период многочисленные административно-территориальные изменения был произведен перерасчет в рамках территориальных границ Краснодарского края на 1937 г.

Для разработки вероятностно-статистической модели в качестве инструментария использовался пакет прикладных программ STATISTICA 6.1¹.

Регрессионная модель строилась на данных текущей демографической статистики численности населения Кубани с 1870 г. по 1926 г., недостающие цифровые показатели были рассчитаны вероятностно-статистическими методами. Возможные значения численности населения за 1939 г., были рассчитаны по линейной и квадратичной модели, состав соответственно 4 227 тыс. чел. и 4 538,4 тыс. чел.² Однако в применяемых моделях проявился недостаток, из-за монотонности не видно тенденцию резкого снижения численности в 1920, 1923, 1926 гг.

Преодолеть этот недостаток и показала прогнозируемую численность населения на 1939 г. позволяет кубическая регрессионная модель, согласно полученным расчетам численность населения составляет 4 044 тыс. чел. при 95%-м доверительном интервале (2 404,7 и 6 800,7)³. Перспективность данной модели состоит в том, что тренд предсказанных значений численности населения Кубани с 1927 г. в основном верно моделирует тренд исходных значений периода 1870–1926 гг., а рассчитанная на 1939 г. численность населения, составившая примерно 4 млн чел., обладает исторической правдоподобностью. К недостаткам модели можно отнести довольно широкий доверительный интервал.

1930 год. Краснодар, 1930; Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Краснодар, 1922; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5. М., 1928; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом...

¹ Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных. Второе издание. М., 2010.

² Ракачев В.Н., Халафян А.А. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 5 (15). С. 151.

³ Там же. С. 153.

По критериям качества модели нами был произведен экспериментальный подбор параметров модели экспоненциального сглаживания. Метод экспоненциального сглаживания был осуществлен с помощью процедуры «автоматического поиска» оптимальных параметров модели, которые приняли следующие значения: α (альфа) = 0,83; δ (дельта) = 0; γ (гамма) = 0. Прогноз на 1939 г. составил 3 952,5 тыс. чел., что несколько отличалось от прогноза, сделанного методом АРПСС – 4 044 тыс. чел. (рисунок 1.1).

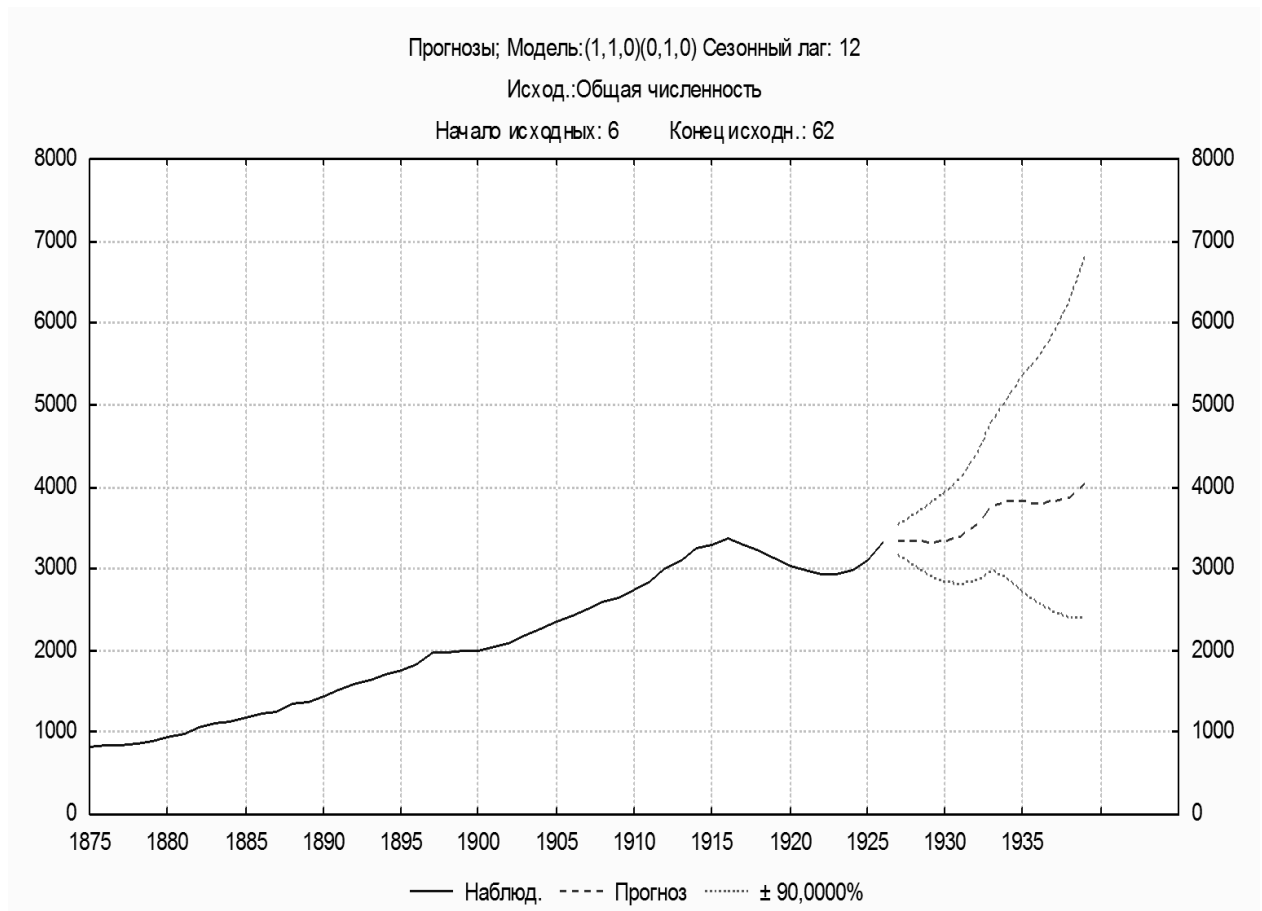

Рисунок 1.1 – Прогнозная динамика численности населения Краснодарского края на 1920–1940-е гг.

Таким образом, используя методы математического моделирования нами было получено пять вероятностных значений роста численности населения Кубани к 1939 г.: 1) 4 227 тыс. чел.; 2) 4 538,4 тыс. чел.; 3) 4 044 тыс. чел.; 4) 3 952,5 тыс. чел.; 5) 3 619 тыс. чел. Используя среднее арифметическое по пяти вероятностным значениям, мы получаем предполагаемое значение

численности населения на 1939 г.: $(4\ 227 + 4\ 538,4 + 4\ 044 + 3\ 952,5 + 3\ 619) / 5 = 4\ 082,18$ тыс. чел. Исходя из этого возможно предположить, что численность населения Кубани в условиях отсутствия экстремальных факторов влияющих на естественный прирост должна была составить величину от 3,5 до 4 млн чел.¹

Расхождение прогнозной цифры с официальными данными переписи 1939 г. составляет от 450 тыс. по нижнему сценарию до 1 млн. чел по верхнему. Это подтверждает нашу гипотезу о существенном влиянии политических и социальных факторов на демографические процессы 1930-х гг. Возникшие демографические деформации в структуре населения Кубани и Ставрополя были следствием раскулачивания, голода, репрессий и иных экстремальных факторов.

Существенным фактором, оказавшим влияние на численность населения Кубани и Ставрополя в 1940-е гг. стала Великая Отечественная война. Прямые и косвенные потери вооруженных сил на фронтах, гибель мирного населения на оккупированной территории, сверхсмертность среди военнопленных, насильственный вывоз населения на работы в Германию, тыловые и прочие потери, увеличившаяся миграционная подвижность населения оказали влияние не только на общую численность, но и на демографические процессы и структуру населения.

Анализ статистико-демографических данных периода Великой Отечественной войны осложняется закрытым характером многих статистических источников, их отсутствием в результате гибели документации в экстремальных условиях войны, сложностями собственно статистического учета, его хаотичностью, прерывностью и т.д. Кроме того, отдельные контингенты, в частности военнослужащие, учитывались отдельно НКО СССР и не попадали в статистику органов ЗАГС НКВД. Весьма запутанным был учет заключенных и ссыльнопоселенцев².

---

¹ Ракачев В.Н., Халафян А.А. Указ. соч. С. 155.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине

Вместе с тем, имеющиеся данные показывают убыль населения на Кубани и Ставрополье, а также позволяют в некоторой степени оценить ее масштабы после освобождения от оккупации (таблица 1.4).

Таблица 1.4 – Численность населения по регионам подвергнувшимся оккупации (Кубань и Ставрополье)¹

Регион	По переписи 1939 г.			На 1 ноября 1944 г.			Убыль к 1939 г.		
	город	село	всего	город	село	всего	город	село	всего
Краснодарский край	771,5	2400,3	3171,8	500,6	1942,5	2443,1	-270,9	-457,8	-728,7
Ставропольский край	416,6	1534,6	1951,2	309,5	1231,9	1541,4	-107,1	-302,7	-409,8

Демографические потери (не только армейские, а общие потери населения) Краснодарского и Ставропольского краев в войне были велики. Их население сократилось более чем на 20% (на 23% сократилось население Кубани, на 21% Ставрополья). Но в наибольшей степени пострадало и сократилось более чем на треть (на 35,1%) численность городских жителей в Краснодарском крае и более чем на четверть (на 25,7%) число горожан в Ставропольском крае. Убыль сельского населения была в обоих регионах примерно одинаковой (19,1 и 19,7% соответственно). Значительное сокращение горожан было следствием эвакуации, поскольку большинство из них эвакуировались вместе с предприятиями в тыл, кроме того, часть горожан во время оккупации перебиралась за город.

На 1 января 1945 г. численность населения Краснодарского края по данным Центрального статистического управления составляла 2553,1 тыс. чел., в том числе 217,4 тыс. чел. в Адыгейской АО, Ставропольского края – 1339,8 тыс. чел., в том числе 87,7 тыс. чел. в Черкесской АО².

XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 141.

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 475. Л. 54–56, 62–65.

² Оперативные сведения Центрального статистического управления Госплана СССР о численности населения СССР на 01.01.1945 г. Дело № Ф – 2708/С // Цензы 1945–1951 гг.: Материалы к серии «Народы Советского Союза». В 4-х ч. М., 1991. Ч. 1. С. 105, 107, 112.

После окончания Великой Отечественной войны численность населения Кубани и Ставрополя восстанавливается за счет демобилизованных, эвакуированных и репатриированных граждан. К концу 1945 г. в Краснодарский край прибыло 116 764 чел.¹, в Ставропольский – 50 945 чел.² демобилизованных из рядов Красной Армии.

Помимо жителей, возвращавшихся после войны в родные места, в поисках лучшей жизни в регион активно прибывают мигранты из других областей страны. Разрушенное войной хозяйство Кубани и Ставрополя, с одной стороны, нуждалось в дополнительных рабочих руках для восстановления, с другой стороны, переселенцы попадали в трудные условия: не хватало жилья, продовольствия и проч.³ Потери имущества вследствие военных действий и оккупации составляли, по подсчетам финансовых органов, в Краснодарском крае 420 776 тыс. руб., Ставропольском – 395 632 тыс. руб.⁴

Данные таблицы 1.5 показывают, что к 1948 г. население Кубани и Ставрополя, хотя и не достигло предвоенного уровня, но восстанавливалось достаточно быстрыми темпами, преимущественно за счет положительного миграционного сальдо.

Таблица 1.5 – Численность населения Кубани и Ставрополя 1940–1948 гг., тыс. чел.⁵

Год	Краснодарский край	Ставропольский край
1940	2930,7	1707,9
1944	2443,1	1541,4
1945	2482,0	1339,8
1946	2548,0	1699,4
1948	2870,0	1700,5

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1558. Л. 7.

² ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 8.

³ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 24. Л. 88.

⁴ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 192. Л. 27–30.

⁵ Рассчитано и составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 475. Л. 54–56, 62–65; Д. 577. Л. 54–56, 62–65; Оп. 329. Д. 2230. Л. 1; Д. 3157. Л. 2, 25, 26; Оперативные сведения Центрального... С. 105, 112.

На показатели естественного прироста оказывали влияние половая диспропорция вследствие войны, а также демографические ямы в возрастной пирамиде связанные с голодом, повышенной смертностью, депортациями, войной и другими экстремальными факторами. А продолжающаяся репрессивная политика советского государства в послевоенный период существенно сдерживала наметившийся компенсаторный демографический подъем.

Окончание массовых политических репрессий, XX съезд КПСС, осудивший прежние методы политического руководства и взявший курс на либерализацию режима, процессы реабилитации привели в движение огромные массы людей и стали определяющими факторами в изменении демографической ситуации в стране и в регионе на протяжении 1950-х гг.

Демографические последствия «сталинской эпохи» отразились в первой послевоенной переписи населения 1959 г., проведение которой долгое время откладывалось. Она зафиксировала определенные результаты демографической модернизации советского общества, которая с одной стороны, шла своим чередом по мере продвижения страны по пути индустриализации, с другой, тормозилась и направлялась вспять под влиянием различной глубины и масштабов катастроф, противоречивых политических решений, консервацией отдельных элементов традиционного общества и т.д.

Наличное население РСФСР по данным Всесоюзной переписи 1959 г. составило 117 534,3 тыс. чел.¹ В различных районах страны население в разной степени пострадало от войны. Это соответственно отразилось в различии, иногда весьма существенном, показателей естественного прироста и в итоге на численности населения отдельных регионов. Численность населения районов бывших под временной оккупацией либо уменьшилась, либо ее увеличение шло более медленно. Районы, находившиеся в оккупации, понесли большие потери от военных действий, для них была характерна

---

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 6.

более низкая рождаемость и более высокая смертность среди гражданского населения. В восточных районах, куда была эвакуирована значительная часть населения, потери были меньшими, а естественный прирост несколько выше.

Кубань и Ставрополье, были зоной активных военных действий. Значительная часть их территорий находилась, хотя и сравнительно недолгое время, под оккупацией и, следовательно, испытала на себе в полной мере последствия войны. Вместе с тем за двадцать лет прошедшее со времени предыдущей переписи 1939 г. население региона увеличилось. Население Краснодарского края на 1959 г. насчитывало 3 762 499 чел., в том числе 284 690 чел. проживало в Адыгейской автономной области (без Адыгейской АО 3 477 809 чел.). Численность населения Ставропольского края с КЧАО по данным переписи составила 1 882 911 чел. (без АО 1 604 952 чел.) Население Карачаево-Черкесской автономной области насчитывало 277 959 чел.¹

Средний прирост населения в РСФСР за послевоенные годы составил 8,8%, однако эти показатели значительно варьировались по регионам. На Северном Кавказе прирост населения за указанный период составил 19,5%. В Краснодарском крае прирост был несколько ниже, чем по Северному Кавказу, но значительно превышал среднероссийские показатели. За период с 1939 г. по 1959 г. население Краснодарского края увеличилось на 18,7%. Население Ставрополья увеличилось в меньшей степени, за межпереписной период его численность выросла на 9,6%. Среднегодовой прирост соответственно составил на Кубани 0,9% и 0,5% на Ставрополье. Население Адыгейской АО выросло на 17,7%, Карачаево-Черкесской АО увеличилось на 14,3%. Темпы ежегодного прироста здесь составили 0,9 и 0,7% соответственно² (таблица 1.6).

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 1; Д. 269. Л. 1; Д. 274. Л. 1; Д. 275. Л. 1; Д. 276. Л. 1; Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. ... С. 20–21; Население и трудовые ресурсы... С. 63.

Таблица 1.6 – Динамика численности населения Краснодарского и Ставропольского краев, Адыгейской и Карачаево-Черкесской АО¹ в 1926–1959 гг., тыс. чел.²

Год	1926	1939	Прирост/ убыль	1959	Прирост/ убыль
Краснодарский край ³	3038052	2930875	-107177	3477809	546934
Ставропольский край ⁴	1370954	1464115	93161	1604952	140837
Адыгейская АО	113481	241799	128318	284690	42891
Карачаево-Черкесская АО	101609	243201	141592	277959	34758

Среднегодовые показатели абсолютного прироста населения за 1939–1959 гг. на Кубани оказались в два с лишним раза выше, чем в 1926–1939 гг., хотя на этот период пришлось тяжелое время военных потерь, оккупации и послевоенного голода⁵.

Темпы роста городского населения здесь в этот период имели положительные показатели (4,3%), тогда как в селе устойчивым был процесс сокращения населения (-2,3%). В сравнении с темпами роста за 1926–1939 гг. в 1939–1959 гг. ежегодный прирост городского населения в абсолютных цифрах был несколько выше – 1,69 тыс. чел. против 1,36 тыс. чел. Численность сельского населения за рассматриваемый период уменьшалась, шел процесс интенсивного сокращения числа сельских жителей. В значительной степени это было обусловлено неблагоприятной возрастно-половой структурой сельского населения, что в свою очередь нашло отражение в показателях естественного движения населения.

¹ Для корреляции статистических данных Всесоюзных переписей 1926 г., 1939 г. и 1959 г. данные 1926 г. и 1939 г. по Карачаевской АО и Черкесской АО объединены.

² Таблица составлена на основе источников: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 1; Д. 269. Л. 1; Д. 274. Л. 1; Д. 275. Л. 1; Д. 276. Л. 1; Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. ... С. 20–21.

³ Численность населения Краснодарского и Ставропольского краев приводится без учета автономных областей.

⁴ Численность населения Ставропольского края в 1939 г. рассчитана в границах 1959 г. с учетом переданных другим административным единицам территорий: Кизлярского, Моздокского округов и Наурского района.

⁵ Рассчитано по: Население и трудовые ресурсы ... С. 63.

Как видно из таблицы 1.7, темпы прироста на протяжении первого периода (1926–1939 гг.) были существенно выше в автономных областях, особенно в этом отношении выделяется Карачаево-Черкесская автономная область, тогда как в Краснодарском крае наблюдалась убыль, а Ставрополье весьма незначительный положительный прирост. В следующий период темпы прироста населения в регионе были более однородны и колебались незначительно в зависимости от территории: от 9,6% на Ставрополье до 18,7% в Краснодарском крае (по СССР прирост за межпереписной период составил 22,4%, по РСФСР 7,4%)¹. Если на первом этапе более высокие темпы прироста наблюдались на Ставрополье, то на втором, напротив, более активно росло население Кубани.

Таблица 1.7 – Темпы прироста населения Кубани и Ставрополья за 1926–1959 гг.², %

Административные единицы ³	Прирост за период			Среднегодовой прирост		
	1926–1939 гг.	1939–1959 гг.	1926–1959 гг.	1926–1939 гг.	1939–1959 гг.	1926–1959 гг.
Краснодарский край	-3,4	18,7	14,5	-0,3	0,9	0,4
Ставропольский край	6,8	9,6	17,1	0,5	0,5	0,5
Адыгейская АО	113,1	17,7	150,9	8,7	0,9	4,2
Карачаево-Черкесская АО ⁴	139,4	14,3	173,6	10,7	0,7	4,8

В целом за более чем тридцатилетний период динамика численности в Краснодарском и Ставропольском крае была положительной, однако темпы

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. ... С. 6.

² Таблица составлена на основе источников: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 1; Д. 269. Л. 1; Д. 274. Л. 1; Д. 275. Л. 1; Д. 276. Л. 1; Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. ... С. 20–21; Население и трудовые ресурсы ... С. 63.

³ Численность населения Краснодарского и Ставропольского краев приводится без автономных областей. Численность населения Ставропольского края в 1939 г. рассчитана в границах 1959 г. с учетом административно-территориальных преобразований.

⁴ Для корреляции статистических данных Всесоюзных переписей 1926 г., 1939 г. и 1959 г. данные 1926 г. и 1939 г. по Карачаевской АО и Черкесской АО объединены.

прироста были крайне низкими. Первая стадия демографического перехода здесь не сопровождалась демографическим взрывом. Несмотря на прямые и косвенные потери в период Великой Отечественной войне, массовые депортации народов за пределы региона, а так же последствия послевоенного голода, рост населения на Кубани и Ставрополье был выше среднероссийских показателей. Значительное влияние на положительную динамику численности населения в регионе оказали миграции, а так же сохранявшиеся и в послевоенные годы относительно высокие показатели рождаемости и в целом естественного прироста. Влияние внешних пертурбационных факторов на численность населения наглядно показывают сравнения с национальными автономиями – Адыгейской и Карачаево-Черкесской областями, где темпы прироста вполне соответствовали показателям демографического взрыва.

Таким образом, в динамике общей численности населения Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период проявились следующие особенности. За более чем тридцатилетний период динамика численности населения в Краснодарском и Ставропольском краях была положительной, однако темпы прироста были невысокими. Темпы прироста населения в регионе были выше, чем в РФ, но ниже средних по СССР. В регионе наблюдались различия в темпах прироста населения, как во времени, так и по отдельным административно-территориальным образованиям. Быстрыми темпами росло население национальных автономий, которые постепенно увеличивали и удельный вес в общей численности жителей региона. Население Ставрополья за период 1930-х – 1950-х гг. имело более высокие темпы роста, чем Краснодарский край. Первая стадия демографического перехода здесь не сопровождалась демографическим взрывом из-за значительных потерь населения в результате голода, войны репрессий и депортаций ряда народов за пределы региона.

В росте населения региона четко выражены два периода подъема: довоенный – начало 1930-х – начало 1940-х гг. и послевоенный – конец 1940-х – 1950-е гг., разделенные годами затухания процесса. Численность населения

Краснодарского края изменялась более неравномерно в отличие от Ставрополья. Для Кубани были характерны более резкие сокращения и такие же быстрые и резкие периоды роста численности населения. Изменение численности населения Ставропольского края также сопровождалось спадами и подъемами, но их масштабы были значительно меньше.

1.3. Размещение населения и процессы урбанизации на Кубани и Ставрополье в контексте модернизационных изменений 1930–1950-х гг.

Поселенческая (социально-территориальная) структура – одна из разновидностей социальной структуры общества, которая представляется как пространственная форма общественной организации, как распределение населения между городскими и сельскими населенными пунктами. Одним из факторов видоизменения социально-поселенческой структуры, определяющих динамику различных общественных характеристик с которыми она связана, выступает процесс урбанизации.

Урбанизация в свою очередь является неотъемлемым элементом модернизационных процессов, поскольку в ходе нее происходят количественные и качественные трансформации общества, изменяется не только поселенческая структура, но и нормы, ценности, образ жизни населения, сконцентрированного в городах. Свои особенности процессы урбанизации имели в России в XX в., где она выступила важнейшим рычагом модернизационных преобразований.

Советскую модернизацию ряд авторов рассматривает как незавершенную¹, имевшую двойственный характер, как псевдоурбанизацию². По выражению А.Г. Вишневого, российская модернизация была консервативной³, поскольку общество, начав переход от традиционного, так и

---

¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль ... С. 78.

² Сенявский А.С. Указ. соч. С. 76.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль... С. 78.

не стало в полной мере современным. Незавершенным остался и процесс урбанизации.

Советская модель урбанизации отличалась непоследовательностью и противоречивостью. Количественный рост городского населения опережал его качественное наполнение. Существенно отставала в развитии и инфраструктура новых городов, советская урбанизация по сути была экстенсивной.

По утверждению Ю.Л. Пивоварова, урбанизация в России была побочным продуктом индустриализации. В обществе, где во главу угла ставился общественный прогресс, а человек с его интересами и потребностями не принимался в расчет, такие ключевые характеристики процесса урбанизации как образ и качество жизни городского населения, его культурный уровень, состояние городской среды и инфраструктуры заметно отставали от стандартов развитых стран¹.

Главным результатом советской урбанизации стал численный рост городского населения, которое на протяжении века увеличилось более чем в 10 раз. Если к началу XX века горожане насчитывали лишь 7% населения страны, то к концу 1930-х гг. насчитывала около 30%, а к середине XX в. был пройден порог урбанизации и доля городских жителей перешагнула 50% отметку².

Однако этот процесс имел свои особенности. Если в первые десятилетия XX в. рост городов в России носил эволюционный характер, то в начале 1930-х гг. важную роль в развитии города стали играть внешние факторы, в первую очередь форсированная «социалистическая» индустриализация. Как справедливо отмечает А.С. Сенявский: «С тех пор «социалистическая индустриализация» и урбанизация оказались неразрывны в истории советского общества»³.

---

¹ Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 25.

³ Сенявский А.С. Указ. соч. С. 115.

В целях индустриализации требовалось максимально сконцентрировать человеческие и материальные ресурсы, обеспечить создание необходимой инфраструктуры, что было возможно прежде всего в условиях города. Однако этот процесс в условиях советского общества осуществлялся форсированными темпами при значительном контроле со стороны государственного аппарата. Рост городов и городского населения зачастую становился результатом прямого администрирования.

Рост населения городов может происходить как за счет естественного прироста, так и вследствие миграций либо административно-территориальных преобразований. Логика урбанизационного процесса предполагает, что определенному этапу в развитии городской системы соответствует определенный источник формирования населения. Преобладание того или иного источника роста городского населения наряду с темпами прироста и долей горожан в населении страны или региона позволяет судить о характере урбанизационного перехода, его перемещении из одной стадии в другую.

Рост числа горожан в стране в период 1927–1939 гг. обеспечивался преимущественно за счет миграций село-город и активных административно-территориальных преобразований, когда волевым решением тот или иной сельский населенный пункт превращался в городское поселение. Иначе говоря, на данном этапе урбанизационного перехода преобладали экстенсивные факторы роста¹. В этот период за счет естественного прироста население городов в стране выросло на 17,8%, тогда как вклад внешних источников – миграций и административных преобразований составил 82,2%. При этом именно за счет перевода сельских населенных пунктов в городские численность горожан выросла на 19%. В последующие годы стала постепенно усиливаться роль воспроизводства в формировании численности городского населения².

Помимо роста численности горожан к важным показателям

---

¹ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом... С. 67.

² Сенявский А.С. Указ. соч. С. 117–118.

урбанизационного процесса относится и рост численности самих городских поселений. Так, если в 1926 г. в стране насчитывалось 28 городов с населением 100 тыс. чел. и более, и лишь три города имели число жителей более 500 тыс. (Москва, Ленинград и Киев), то к 1939 г. число первых увеличилось более чем вдвое и составило 78, вторых увеличилось до 11, в том числе 2 города–миллионера¹.

С целью достигнуть желаемых показателей урбанизации советская власть активно манипулировала критериями, на основе которых определялись категории населенных пунктов. Так в качестве критериев при выделении городских населенных пунктов в 1939 г. в стране были установлены экономический (уровень развития производства и доля занятого в нем населения), количественный (число жителей) и законодательный (отнесение к городскому поселению на основе нормативных актов). Причем количественный критерий заметно варьировался в зависимости от региона.

Результатом форсированной индустриализации, с одной стороны, и административно-территориальных манипуляций с другой, стало резкое увеличение численности горожан, в первую очередь в городах промышленных регионов. Так, в 1932 г. миграционный прирост в г. Горький составил 69,6 тыс. чел.; Сталинграде – 51,4; Свердловске – 41,4; Ростове-на-Дону – 38,3; Краснодаре – 28,9 тыс. чел.²

Советской пропагандой стремительный рост городов и городских жителей представлялся в качестве «грандиозного успеха» новой власти в области индустриализации и развития страны. И.В. Сталин в одном из выступлений накануне переписи 1937 г. отмечал, что городское население за время прошедшее с переписи 1926 г. увеличилось вдвое. Если исходить из данных переписи 1926 г., согласно которым городское население СССР составляло 26,3 млн чел., то новая перепись должна была показать цифру более 50 млн чел. Официальные данные переписи действительно показали

---

¹ Сенявский А.С. Указ. соч. С. 118–119.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 25. Л. 17.

почти двукратный рост городского населения в СССР – 51,9 млн чел. Однако в разработочных таблицах переписи присутствует другая цифра – 43,7 млн чел.¹ В эту цифру не были включены военнослужащие, которых в городах находилось на момент переписи около 1,3 млн чел. Но даже с учетом этих данных максимально возможная численность горожан могла составлять 45 млн чел. По мнению В.Б. Жиромской эта цифра является реальной и численность городского населения в действительности была на 13% (6,9 млн чел.) меньше официально представленной².

В то же время даже такое увеличение численности городов и городского населения был весьма значительным. По отношению к 1926 г. прирост горожан составил 171,1%, то есть примерно 15% в год, это около 4-х млн чел. Такие темпы роста городского населения являются своего рода уникальными. За межпереписной период городское население увеличилось практически вдвое – с 17,9% до 31,2%. Численность самих городских поселений – городов, рабочих и городских поселков также значительно выросла: с 1 925 в 1926 г. до 3 208 в 1937 г. Кроме того наблюдался процесс укрупнения городов. Если в 1926 г. насчитывалось 86 городов с населением свыше 50 тыс. каждый, в 1937 г. их уже было 159, из них 8 с населением свыше 500 тыс. чел.³

Однако масштабы индустриализации и связанного с ней процесса урбанизации, были непропорциональны. В промышленных районах СССР, имевших большую ресурсную базу и подготовленных специалистов они происходили более быстрыми темпами. Аграрные регионы, к числу которых относились Кубань и Ставрополье заметно отставали в урбанизационных процессах, т.к. приток в города во многом обуславливался индустриальным развитием, а в сельскохозяйственных регионах такое развитие происходило по остаточному принципу.

---

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 62; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сб. документов и материалов / редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др.; сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007. С. 25.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 62.

³ Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... № 6. С. 10.

Перепись 1937 г. показала рост численности городского населения Кубани и Ставрополья произошедший со времени проведения Всесоюзной переписи 1926 г. Однако заметный рост происходил прежде всего в курортных и приморских городах, при незначительном росте населения в крупных городах региона (таблица 1.8). Это было обусловлено в том числе медленным развитием в них промышленного производства и вследствие этого ограниченности трудового рынка для мигрантов из села.

Если численность городского населения существенно возросла, то село, напротив, понесло большие прямые и косвенные демографические потери в ходе коллективизации, репрессий, голода, а также вследствие массовых миграций в город.

Таблица 1.8 – Динамика численности населения отдельных городов Кубани и Ставрополья за 1926–1937 гг. (свыше 50 тыс. чел.)¹

Города	1926 г.	1937 г.	Прирост к 1926 г., %
Краснодар	158460	168135	6,1
Армавир	72962	75366	3,3
Новороссийск	66192	87388	32
Сочи	10343	54528	427,2
Майкоп	52525	58422	11,2
Ворошиловск (Ставрополь)	57405	63844	11,2
Пятигорск	53464	79088	47,9
Кисловодск	31424	60994	94,1

Наглядно убыль сельского населения, составлявшего 2/3 населения страны, показала перепись 1937 г. В РСФСР за межпереписной период его численность сократилась на 9,2%². Причин тому было несколько, среди них наиболее значимой стал голод 1932–1933 гг. В ряде регионов, в том числе на Кубани и Ставрополье, потери сельского населения вследствие голода были катастрофическими. В целом в Азово-Черноморском крае сельское население

¹ Таблица составлена на основе источника: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом... С. 57.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 71.

сократилось с 1926 по 1937 гг. на 20,8%, в Северо-Кавказском на 15,3%¹.

Часть сельского населения бежало в города, где была сложная, но более благоприятная по сравнению с селом продовольственная обстановка. Перефразируя известное выражение Л.Д. Троцкого, процесс этот представлял собой «дезертирство в город». Косвенным подтверждением этого являются данные о численности населения отдельных городов Северо-Западного Кавказа в 1933 г., именно на этот год пришлось наиболее катастрофические последствия голода, смертность в основных зерновых районах и бегство населения.

Рост происходил практически во всех городах региона (таблица 1.9), исключение составляли только Майкоп и Ворошиловск, показавшие отрицательный прирост населения: -6,2% и -1,1% соответственно.

Таблица 1.9 – Численность населения в отдельных городах Кубани и Ставрополя в 1929 г. и 1933 г.²

Города	1929	1933	Прирост, %
Краснодар	164192	195072	18,8
Армавир	76053	83703	10,1
Ейск	37920	42626	12,4
Кропоткин	32341	35533	9,9
Майкоп	52589	49305	-6,2
Новороссийск	72453	92020	27
Туапсе	25079	30675	22,3
Сочи	11233	16561	47,4
Ворошиловск (Ставрополь)	57978	57357	-1,10
Сулимов (Черкесск)	20274	21626	6,7
Минеральные Воды	20395	24105	18,2

Однако к 1937 г. численность населения крупных городов региона сократилась: в Краснодаре на 27 тыс. чел., Новороссийске на 5 тыс. чел., Армавире на 8 тыс. чел. Вероятнее всего, численный рост городского населения в 1933 г. происходит на территориях, попавших в так называемую

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 27–28.

² Таблица составлена на основе источника: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 262. Л. 35–36.

«географию голода» где существенно уменьшилось сельское население как в результате смертности, так и миграции в города.

Сокращение численности горожан в 1937 г. по отношению к 1933 г. объясняется с одной стороны возвращением части сельского населения в места своего прежнего проживания, с другой – новой волной миграции из городов мотивированной репрессиями 1936–1937 гг. Причем потоки мигрантов направлялись, по большей части, в промышленные центры страны, где требовались рабочие руки на предприятиях и существовала упрощенная система регистрации мигрантов. В регионе в качестве такого промышленного центра выступал Ростов-на-Дону.

Увеличение численности городского населения было не только экономической, но и политической задачей советской власти. Поскольку реальные данные переписи 1937 г. значительно разошлись с провозглашенными, в следующей переписи 1939 г. требовалось представить «правильные» результаты. Осознавая, что качественный и количественный рост городского населения в сложившихся условиях растянется на более длительный временной период, была проведена кампания по механическому переводу ряда сельских населенных пунктов в городские. Инициатором этих манипуляций выступил ЦУНХУ. Начальник ЦУНХУ И.В. Саутин докладывал В.М. Молотову, о том, что если ряд населенных пунктов не перевести в статус города, то, с большой долей вероятности число городских жителей по переписи 1939 г. может не добирать до планируемых цифр 4–5 млн чел.¹ Таким образом, опыт верного статистически, но не верного политически подсчета горожан в переписи 1937 г. был учтен. В итоге часть рабочих поселков, сел и станций была в политических интересах переведена в статус городских населенных пунктов.

Так если на протяжении десятилетия, с 1927 по 1937 г. число вновь образованных городских населенных пунктов составляло 101 единицу, то в

---

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 63.

преддверии переписи 1939 г. за один лишь 1938 г. их было образовано 139. В дальнейшем темпы образования городов снова резко снижаются, ежегодно возникало около двух-трех десятков¹. Но если прежде наряду с переводом в города осуществлялся и обратный процесс перевода городских поселений в статус сельских, то после 1939 г. эта практика сошла на нет. Последствием такого произвольного административного вмешательства, зачастую не имевшего под собой реальной основы для преобразований стало формирование противоречий между уровнем развития населенного пункта и его статусом, когда первое значительно отставало от второго.

Накануне переписи 1939 г. подобные приписки осуществлялись за счет неутвержденных списков городских поселков, которые еще не были официально причислены к городам, а так же за счет военных и специального контингента. В итоге это позволило в ходе переписи получить установленную государством цифру городского населения. Оно вдвое превосходило численность городов учтенных переписью 1926 г., а следовательно свидетельствовало о колоссальных темпах урбанизации.

Численность горожан в СССР согласно архивным данным составила 56,1 млн чел.² В.Б. Жиромская говорит об опубликованной по итогам переписи 1939 г. цифре в 55,9 млн чел. городского населения³. Городское население в РСФСР согласно данным переписи насчитывало 36,9 млн чел.⁴

Истинная численность городского населения СССР по переписи 1939 г. может быть определена путем устранения необоснованной приписки, которую В.Б. Жиромская, учитывая выявленный механизм, определяет в 14% от всех горожан СССР. Тогда число жителей городов СССР в 1939 г. в действительности могло составлять 48–49 млн чел.

Необоснованная приписка к городскому населению РСФСР согласно

---

¹ Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М., 1987. С. 62.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966. Л. 1–3.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 64.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966. Л. 10–12; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 24.

данным, приведенным В.Б. Жиромской, и основанным на ее перерасчетах насчитывает 3,2 млн чел. Это десятая часть всех горожан. В итоге подлинная численность горожан в РСФСР в 1939 г. составляла, по ее мнению 33,7 млн чел.¹

Период второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. – это время резкого роста абсолютной численности и доли городского населения в стране². В результате политики форсированной индустриализации, вызвавшей значительный приток мигрантов в города доля городского населения в стране к 1939 г. достигла 33% по СССР 34% по РСФСР³. При этом подавляющее большинство городских жителей проживало в пределах европейской части страны.

Темпы урбанизации в Краснодарском крае и на Ставрополье были ниже общесоюзных и общероссийских. Доля городского населения с 1926 г. по 1939 г. увеличилась и составила на Кубани 24,7%, Ставрополье – 20,2%, т.е. аграрная специфика региона сохраняется (рисунок 1.2).

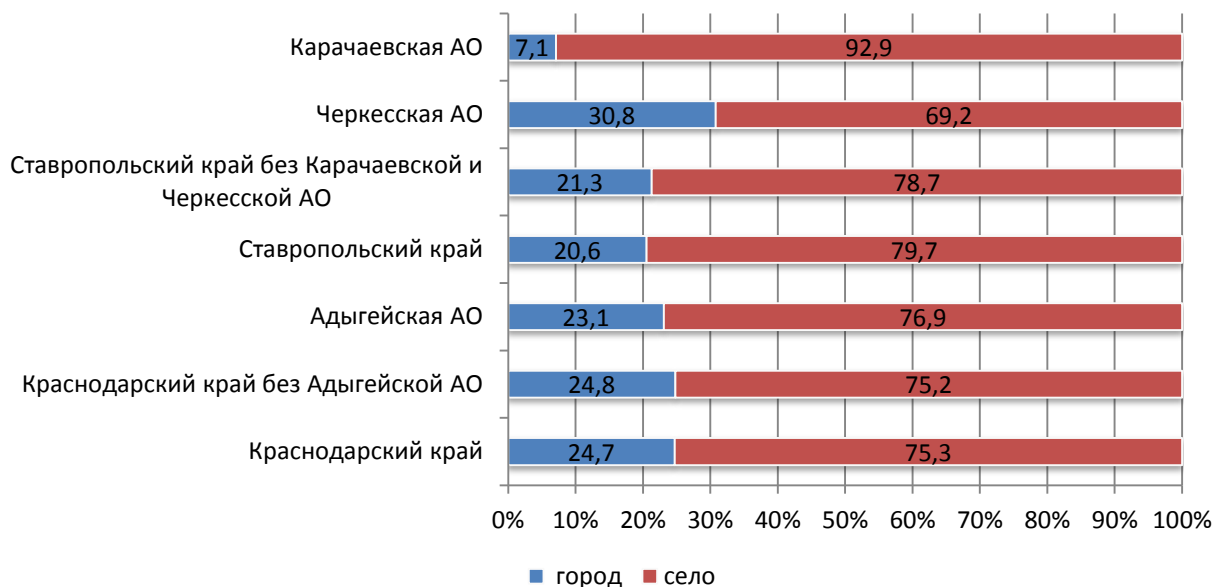

Рисунок 1.2 – Уровень урбанизации на Кубани и Ставрополье в 1939 г.⁴

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 64–65.

² Город и деревня... С. 155.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966. Л. 1–3, 10–12.

⁴ Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 1; Д. 269. Л. 1; Д. 274. Л. 1; Д. 275. Л. 1; Д. 276. Л. 1; Оп. 329. Д. 280. Л. 6–14, 18–27.

Доля городского населения в Адыгейской АО была немногим меньше, чем в Краснодарском крае, и составляла здесь 23,1%. Примечательно, что в Адыгее на данный момент существовал лишь один город – Майкоп, в котором проживало 55,8 тыс. жителей. В Черкесской АО, напротив, уровень урбанизации был самым высоким в регионе – 30,8%¹. Самые низкие в регионе показатели урбанизации наблюдались в Карачаевской АО, здесь городское население составляло 7,1%.

Переписью 1926 г., на Кубани было учтено 5 202 населенных пункта, в числе которых лишь 19 имели статус городских из которых². К 1939 г. число населенных пунктов данной категории в крае составило 22, из них 11 имели статус городов. Так же сюда были причислены шесть рабочих поселков (Апшеронский, Хадыженский, Хуторок, Верхнебаканский, Гайдук и Нефтегорск), один поселок городского типа (Адлер) и четыре курортных поселка (Солнцедар, Горячий Ключ, Мацеста, Хоста) с общей численностью жителей – 88,7 тыс. чел., что составляло 12,2%.

Самой крупной городской единицей на Кубани был административный центр город Краснодар в котором проживало 203,8 тыс. чел., что составляло 28% всех горожан (таблица 1.10). В 1938 г. численность населения Краснодара составляла 198,7 тыс. чел.³ Большая часть городов края (80%) по численности населения составляли менее 50 000 жителей, хотя их рост происходил в пределах средних общекраевых показателей. Заметно выделяются на общем фоне такие города как Новороссийск (95,2 тыс. чел.) и Армавир (83,7 тыс. чел.), являющиеся важными промышленными и транспортными центрами. Заметно выросла численность Туапсе и Тихорецка в связи с промышленным развитием региона, морскими и железнодорожным сообщением. Резко выросла численность жителей Сочи, который в 1930-е активно развивается в качестве всесоюзного курорта⁴.

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 276. Л. 1.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 50.

³ ЦДНИКК. Ф. 1174-А. Оп. 1. Д. 566. Л. 5.

⁴ Лаппо Г.М. Сочи: вехи развития // География. 2008. № 7.

Таблица 1.10 – Городское население Краснодарского края в 1939 г. (без Адыгейской АО), тыс. чел.¹

Населенный пункт	1926 г.	1939 г.	Прирост к 1926 г. %
Армавир	75	83,7	11,6
Анапа	13,4	17,3	29,1
Геленджик	4,5	10,7	137,8
Ейск	38,1	46,9	23,1
Краснодар	162,5	203,8	25,4
Кропоткин	31	41,5	33,9
Новороссийск	67,9	95,2	40,2
Сочи	13	49,8 ²	283,1
Темрюк	15,9	23,2	45,9
Тихорецк	19,2	36,7	91,1
Туапсе	12	29,8	148,3

На Ставрополье 9 населенных пунктов были отнесены по переписи 1939 г. к числу городских (без городских поселений автономных республик и городов, не вошедших после образования Ставропольского края в его состав – Моздока и Кизляра). Это Ворошиловск (Ставрополь), Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск, Буденновск, Георгиевск, Минеральные Воды. В Черкесской АО в 1939 г. был только один город – Черкесск с численностью 28 645 жителей. К числу городских так же здесь был отнесен рабочий поселок Анжиевский с общим числом жителей 22,8 тыс. чел.

Обращает на себя внимание такая региональная специфика, проявившаяся на обеих территориях, как стремительный рост населения малых городов, в основном в курортной зоне. В Краснодарском крае это Геленджик, Туапсе, в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае – Железноводск.

За межпереписной период с 1926 по 1939 гг. на Ставрополье не только увеличилось число городских населенных пунктов, но и заметно выросла

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 50–51; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36; Д. 643. Л. 43–69.

² Вместе с курортными поселками Хостой, Мацестой, входившими в Сочинский горсовет, а также пгт Адлер численность населения здесь составила 71 тыс. чел. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18).

численность их жителей. И если прирост всего населения за этот период составил в крае 7,3%, то городское население увеличилось почти в половину – на 45,6% (таблица 1.11).

Таблица 1.11 – Численность населения Орджоникидзевского (Ставропольского) края по переписям 1926 и 1939 гг.¹

Территории	1926	1939	Прирост к 1926 г., %
Все население	1817840	1950887	7,3
Городское население в том числе:	270754	394313	45,6
Ворошиловск (Ставрополь)	58640	85251	45,4
Ессентуки ²	23142	16365	-29,3
Железноводск	2053	7427	261,8
Кисловодск	31647	51332	62,2
Пятигорск	54672	63162	15,5
Сельское население	1547086	1556574	0,6

Однако темпы роста численности населения в различных городах были неодинаковыми. Наибольший рост показали такие курортные города как Железноводск (население которого увеличилось за межпереписной период более чем в 3,5 раза) и Кисловодск (население выросло в 1,6 раза).

В Карачаевской АО к числу городских в 1939 г. были отнесены три населенных пункта с общим числом жителей 10,7 тыс. чел. Самым крупным из них был г. Микоян-Шахар, в котором проживало 5,9 тыс. человек. Курортный поселок Теберда насчитывал 3,2 тыс. жителей и еще 1,6 тыс. человек были жителями поселка городского типа Орджоникидзе³.

В то же время сельское население практически не изменило свою численность. Прирост селян за межпереписной период на Ставрополье составил всего 0,6%. Проявляется показательная ситуация, при весьма

¹ Таблица составлена на основе источника: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 50–51; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 42–43.

² Территория Ессентукского горрайона в 1937 г. сокращается. В его составе остается лишь Ессентукский сельсовет с 9 колхозами, 1 МТС и 3 совхозами. В 1939 г. Этокский и Юцкий сельсоветы, а также хутор Золотушка переданы в состав г. Пятигорска.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 275. Л. 1–5.

значительном росте горожан, фактически нулевой прирост сельских жителей. Это объясняется с одной стороны активной миграцией из села, а с другой – существенными потерями в сельском населении в результате голода и репрессий.

Сельское население в регионе в конце 1930-х гг. сохраняло сложившуюся еще в XIX в. специфику. Многие крупные села и станицы по числу жителей вполне соответствовали категории городских поселений, однако специфика инфраструктуры, характер занятий населения не позволяли включить их в данную категорию.

Л.Я. Апостолов в 1924 г. отмечал, что на Кубани из станиц, не признанных городами, две имели более 20 000 жителей (Староминская, Уманская) и 9 свыше 15 000 жителей (Старощербиновская, Екатериновская, Каневская, Пашковская, Успенская, Ильинская, Новопокровская, Кореновская и Платнировская)¹. Для Ставрополья так же была характерна концентрация части сельского населения в крупных населенных пунктах.

Наличие на Кубани и Ставрополье крупных по численности сельских населенных пунктов было обусловлено историческими особенностями заселения региона: преобладанием войсковых и казенных земель не дробившихся между наследниками, приоритетностью крупных поселений выполнявших административные и оборонительные функции, что в условиях продолжавшейся до 1864 г. Кавказской войны было предпочтительным для проживания. К тому же сохранявшаяся до 1870-х гг. разрешительная система поселений регулировала процесс заселения региона в соответствие с хозяйственными и торговыми задачами.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. на Кубани было 13, а на Ставрополье 8 сельских населенных пунктов, численность которых превышала 10 000 чел.² К 1939 г. их число заметно выросло и составило на

---

¹ Апостолов Л.Я. Кубано-Черноморский край. Краткий очерк его современного состояния с приложением карты. Краснодар, 1924. С. 36.

² Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 50–51.

Кубани 28, в том числе станицы Лабинская, Славянская, Белореченская, Пашковская Приморско-Ахтарская, Староминская, Крымская, Усть-Лабинская и др. Причем еще около 10 станиц насчитывали от 9000 до 10000 чел. жителей. На Ставрополье число таких поселений составило 13, в том числе такие села как Ипатовское, Благодарное, Александровское, станица Суворовская и др.¹

Несмотря на рост абсолютной численности сельского населения на протяжении 1930-х гг., его доля постепенно снижается. Интересно интерпретировали эту убыль статистические работы советского времени. Так, А.И. Гозулов и М.Г. Григорьянц сокращение населения в селе объясняют «развитием сельскохозяйственного производства, внедрением прогрессивных технологий и передовых методов, повышающих производительность труда и вследствие этого высвобождающих работников из данной отрасли»².

В действительности перечень причин значительных потерь сельского населения был значительно шире, помимо активной индустриальной миграции в города, это был голод, который деревня испытала в гораздо большей степени, чем город, репрессии, связанные с раскулачиванием.

В силу аграрной специфики региона сокращение численности сельского населения на Кубани и Ставрополье, и, соответственно, рост городского шло более медленными темпами, чем в целом по России (таблица 1.12).

Таблица 1.12 – Сельское население Кубани и Ставрополья в 1926–1939 гг., %³

Год	РСФСР	Краснодарский край	Ставропольский край
1926 г.	82,0	84,1	82,1
1939 г.	66,5	75,2	79,8
Убыль к 1926 г.	15,5	8,9	2,3

В Краснодарском крае за период с 1926 по 1939 г. численность селян сокращается на 8,9%, что значительно отстает от показателей по РСФСР –

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36.

² Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 46.

³ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 440. Л. 9; Д. 446. Л. 7; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 50–51.

15,5%. На Ставрополье сокращение сельского населения было не столь значительным как на Кубани, но так же имело место – 3,6%.

Характер расселения определяется помимо прочего этнокультурными факторами. Особенности традиционной хозяйственной деятельности народов накладывают отпечаток на размещение населения и распределение его относительно поселений различного типа. В результате у разных народов различие в соотношении городского и сельского населения имело свою специфику. И хотя процесс урбанизации коснулся всех народов, исторически сложившиеся традиции городского или сельского проживания еще проявлялись в присущих им формах расселения (таблица 1.13).

Таблица 1.13 – Доля городского и сельского населения у отдельных народов Ставрополья и Кубани в 1926 и 1939 гг., %¹

Народы	Орджоникидзевский (Ставропольский) край				Краснодарский край			
	1926 г.		1939 г.		1926 г.		1939 г.	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Все население	17,9	82,1	20,2	79,8	15,9	84,1	24,8	75,2
Русские	10,6	89,4	20,3	79,7	20	80	23,9	76,1
Украинцы	2,5	97,5	37,3	62,7	9	91	27,9	72,1
Белорусы	37,2	62,8	43,1	56,9	41,2	58,8	29,6	70,4
Адыгейцы	–	–	37,8	62,2	9,7	90,3	25,3	74,7
Армяне	73,6	26,4	66,3	33,7	47,8	52,3	45,1	54,9
Греки	26,1	73,9	30,1	69,9	29,5	70,5	28,7	71,3
Немцы	90,5	9,5	71,6	28,4	16,8	83,2	17,1	82,9
Молдаване	11,6	88,4	24,8	75,2	3,5	96,5	13,1	86,9
Поляки	70,2	29,8	64,2	35,8	53,1	46,9	60,6	39,4
Мордва	8,1	91,9	15,5	84,5	24,5	75,5	39,3	60,7
Татары	6	94	8,9	91,1	51,6	48,4	40,7	59,3
Чехи	68,8	31,3	44,7	55,3	28,3	71,7	35,8	64,2
Грузины	–	–	4,3	95,7	51,9	48,1	51,0	49
Евреи	9,6	90,4	18,2	81,8	86,3	13,7	82,2	17,8

¹ Таблица составлена на основе источников: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–87, 91–100 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; Д. 274. Л. 6; ГАКК. Ф. 1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–51.

Самым «городским» этносом на Кубани традиционно были евреи. В 1939 г. 82,2% из них составляли городское население, что меньше показателей 1926 г. – 86,3%. Городское население преобладало над сельским на Кубани также у поляков и грузин.

За межпереписной период (с 1926 по 1939 г.) вырос процент горожан у украинцев, адыгейцев, молдаван, мордвы, поляков, чехов и, напротив, сократилась у татар, греков, армян, белорусов.

У некоторых народов наблюдается увеличение доли сельских жителей: у татар, армян, евреев, в меньшей степени у грузин, греков¹. Но в основном традиционно сложившиеся особенности в размещении различных народов по типам поселений в крае сохраняются.

На Ставрополье проявляются иные особенности в территориальном размещении этнических групп. Евреи здесь – преимущественно сельские жители, тогда как немцы в отличие от Кубани в большинстве своем проживали в городах. Самыми урбанизированными этносами здесь были немцы, поляки, армяне, чехи.

Неровно росло число горожан в межпереписной период у разных народов. Наиболее значительный рост городского населения происходил у украинцев (число горожан среди них увеличилось в 15 раз). В два раза увеличилось число городских жителей у русских, молдаван, мордвы, евреев. Примерно на треть стало больше горожан у татар, греков, белорусов. При этом так же у части этносов (преимущественно у тех, кто имел высокие показатели урбанизации – поляки, чехи, армяне, немцы) доля горожан сократилась².

Своеобразие региону на протяжении всей его истории предавал его аграрный характер. Эта особенность была одним из решающих факторов, определявших поселенческую структуру Кубани и Ставрополья, размеры и

---

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–85, 91–100 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; ГАКК. Ф. 1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–51.

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 83–87, 91–95 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 6.

типы поселений. Наряду с этим важную роль в распределении населения играли факторы природно-климатического, этнокультурного, военно-стратегического плана.

Под влиянием модернизационных процессов, активизировавшихся в условиях советского общества, и характер расселения, и факторы, его определяющие, подвергаются серьезной трансформации. Все активнее развивающаяся промышленность неуклонно ведет к росту городов и городского населения, меняет качество жизни. В то же время, многие объективные условия, связанные с уровнем развития региона и его отдельных территорий, оказывают влияние на темпы урбанизации: ускоряя или сдерживая ее. Так под влиянием причин этнокультурного плана дольше сохранялось традиционное сельское расселение в национальных автономиях.

Интерпретируя ход урбанизационных процессов в России в целом и в ее отдельных регионах можно отметить, что при всей специфике здесь наблюдались общие, универсальные тенденции, эволюционные модели и схемы. В рамках стадияльной концепции, сформулированной в 1970-х гг. Дж. Джиббсом с учетом этапов эволюции территории выделены пять стадий процесса урбанизации¹. На первой стадия «преурбанизации» наблюдается возникновение городов, которые по уровню демографического развития значительно отстают от сельских территорий, на второй стадии ускоренными темпами начинают развиваться те городские поселения, которые имели преимущества с точки зрения расположения транспортных путей. Одновременно с этим замедляются темпы роста сельского населения. Затем следует стадия «классической урбанизации», для которой характерна депопуляция межагломерационных пространств и сельских территорий в результате активизации миграционных потоков в город, одновременно происходит развитие агломерированных поселений и в первую очередь их

---

¹ Трейвиш А. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией // Электронный аналитический журнал Демоскоп Weekly, 2012. № 507–508. С. 12–13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/demoscope507.pdf> (дата обращения: 03.04.2016).

центров, при сокращении сельского населения. Ей на смену приходит стадия «поздней урбанизации», она отражает процесс стягивания населения в большие города и агломерации при его сокращении в малых и общем снижении темпов роста городов. На завершающей стадии наблюдается обратный процесс деконцентрации, заполняются пространства между агломерациями, в развитии агломерационных центров наблюдается стагнация, стабилизируются темпы роста поселений разной площади¹.

Характер процессов протекавших в поселенческой структуре региона в рассматриваемый период можно соотнести согласно стадияльной концепции Дж. Джиббса со второй и третьей стадиями развития процесса урбанизации, для которых характерны рост городов при сокращении сельского населения. При этом стоит отметить, что в значительной степени эти процессы концентрации и деконцентрации в городском и сельском расселении носили искусственный характер, подстегивались и стимулировались внешними социально-политическим и экономическими факторами. При этом в России наблюдалась асинхронность урбанизационного перехода по отношению к европейским странам². Неустойчивый характер урбанизационного перехода здесь сопровождался чередованием центростремительных (в направлении города) и центробежных тенденций, предопределяемых преимущественно «искусственными» факторами³. Такое не вполне естественное развитие связано с вмешательством в процессы урбанизации административных рычагов, прежде всего административных преобразований⁴.

Специфику процесса урбанизации в России также находит объяснение рамках концепции сжатия пространства. Рассматривая сжатие социально-географического пространства как сокращение поверхности вследствие развития науки и техники, многие авторы соотносят его с ресурсной базой.

---

¹ Кюммель Т. Стадияльная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 82–100.

² Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 112; Трейвиш А.И. Город, район, страна... С. 44–47.

³ Город и деревня... С. 171.

⁴ Миронов Б. Город из деревни... С. 259.

Итогом процесса сжатия выступает своеобразное стягивание, концентрации населения вокруг определенных центров¹. Любое пространство, сжимаясь, приходит в соответствие с имеющимися ресурсами, т.е. происходит процесс установления равновесия между расселением и ресурсами. Стимулировать сжатие может поиск ресурсов, обеспечивающих выживание, стремление к лучшим условиям жизни. Развитие транспорта и телекоммуникаций делает менее значимыми сами расстояния и, как следствие, географическое положение, но более значимыми – свойства самого места.

Степень скорости процесса сжатия различна для разных стран и регионов². Применительно к Кубани и Ставрополью эти процессы можно рассматривать на примере концентрации с одной стороны сельского населения в крупных сельских (преимущественно административных или же транспортных) центрах. Причем именно быстрые темпы индустриализации и урбанизации в первой половине XX в. наряду с демографическими потерями привели кроме сильной убыли сельского населения к его концентрации. С другой стороны, процессы концентрации проявляются в стягивании населения и сжатии пространства вокруг крупных региональных центров. На Кубани и Ставрополье прежде всего города – краевые центры выступают центрами притяжения, концентрируя на себе значительную часть городского населения. Наблюдается своего рода региополизация, которую Э.Б. Алаев рассматривает в качестве одной из морфологических разновидностей (или пространственных вариантов) урбанизации наряду с метрополилизацией и мегалополилизацией. Региополизация обуславливает распространение урбанизации в региональных центрах – региополисах, увеличение

---

¹ Шупер В.А. Почему не происходит сжатие социально-географического пространства // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. М., 2010. С. 68–69; Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства... С. 128–145.

² Пашинская Н.Н. Сжатие пространства: методы, модели и примеры использования в географии транспорта // Сжатие социально-экономического пространства... С. 73.

численности населения которых опережает общерегиональный уровень¹. Действительно для Краснодара в первую очередь, и несколько в меньшей степени Ставрополя в первые десятилетия XX века были характерны более высокие темпы роста числа жителей, чем в прочих городских населенных пунктах.

В то же время наличие в обоих регионах рекреационных зон (Черноморское побережье) и ресурсов (минеральные воды) определяло быстрое развитие курортных и рекреационных центров. Это ряд городов в районе Кавминвод (Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск), а так же Сочи, Анапа, Геленджик. Такой тип урбанизации Т.А. Шафаренко и Т.В. Ромашова, исходя из особенностей процесса расселения и организационных форм жизнедеятельности, определяют как сервисный. Сервисный тип урбанизации характеризуется активизацией развития сферы обслуживания в пределах урбанизированных территорий².

Вместе с тем для региона практически не была свойственна индустриальная урбанизация, для которой характерны значительные темпы роста городов и массовое переселение жителей из сельских местностей, одновременно наблюдается повышение уровня интенсификации труда и увеличение временных затрат на обеспечение процессов жизнедеятельности, изменяются ценностные приоритеты населения и проч.

В силу аграрной специфики Кубани и Ставрополя значительная часть их пространств, и прежде всего в автономных областях (Адыгейской, Черкесской и Карачаевской) представляла собой гипоурбанизированные зоны – территории с низкой плотностью городских поселений и незначительной долей городских жителей³. При этом проявляется несоответствие темпов экономического и социально-культурного роста городских и сельских

---

¹ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 53.

² Шафаренко Т.А. География населения мира: понятийно-терминологический словарь. Гомель, 2009. С. 137; Ромашова Т.В. Введение в экономическую и социальную географию. Томск, 2000. С. 211.

³ Алаев Э.Б. Указ. соч. С. 53.

территорий, что позволяет рассматривать данный тип урбанизации в рамках концепции Т. Мак-Джи как ложный¹.

При оценке динамики городского населения и в целом темпов урбанизации необходимо учитывать такой факт как набор критериев, на основе которых осуществляется отнесение населенных пунктов к городским. Этот аспект необходимо учитывать при сопоставлении результатов переписей. В ходе обеих переписей 1939 и 1959 гг. в качестве городских поселений учитывались те населенные пункты, которые имели статус городских на основе законодательства, т.е. были отнесены к ним административным путем.

Помимо того, при учете этой категории населенных пунктов организаторы руководствовались количественным критерием, который был пересмотрен накануне переписи в 1958 г. В частности он был повышен в сравнении с 1939 г. и определял, что в качестве городских должны учитываться те поселения, число жителей в которых превышает 12 тыс. человек. Кроме того, абсолютное большинство населения в них – 85% составляют представители рабочих и служащих, а так же члены их семей. В категорию поселков городского типа включались поселения с числом жителей более 3 тыс. человек, 85% которых так же заняты вне сельского хозяйства. Городскими поселениями считались и курортные поселки, число постоянных жителей которых не менее 2 тыс. и доля отдыхающих и проходящих лечение в них ежегодно должна составлять не менее 50% от числа постоянных жителей². Эти изменения необходимо принимать в расчет как поправку при сопоставлении данных переписей относительно доли горожан.

Кроме того численность продолжала изменяться и вследствие прямых административно-территориальных преобразований, которые были частой практикой в конце 1940-х – 1950-е гг. так зачастую многие населенные пункты

---

¹ Смирнов В.И. Мировой процесс урбанизации и его понятийно-терминологический аппарат // Доклады 64-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов СПбГАСУ. СПб., 2007. Ч. 3. С. 161–166; Gibbs J. The evolution of population concentration // *Economic Geography*. Worcester, 1963. № 2. P. 119–129.

² Павловский Р.С., Шафир М.А. О некоторых вопросах советского административно-территориального устройства // *Советское государство и право*. 1961. № 5. С. 43.

и административные районы укрупнялись. Под лозунгом упорядочивания границ колхозных земель и сельсоветов в период с 1951 по 1954 гг. широко проводилась кампания, направленная на объединение сельсоветов. Как результат в Краснодарском крае из 628 сельсоветов к 1954 г. оставалось всего лишь 411¹.

К 1954 г. значительно увеличилась за счет административных преобразований территория, а вместе с ней и число жителей краевого центра – г. Краснодара. В его состав были включены Пластуновский и Новотитаровский пригородные районы².

В послевоенный период начиная с конца 1940-х гг. проводился переучет населенных пунктов, по результатам которого в 1947 г. был разработан первый справочник, содержащий информацию о населенных пунктах Краснодарского края. В 1955 г. список населенных мест края был уточнен и дополнен и вышел в свет в виде нового информационного справочника³.

В преддверии переписи 1959 г. в крае была проведена работа по регистрации населенных пунктов, которые до сих пор не имели статуса. В итоге краевыми статистическими органами были официально зарегистрированы более 300 поселений. При этом часть населенных пунктов, которые к этому времени фактически прекратили свое существование, либо в результате объединения с соседними, либо путем расформирования, были исключены из списков.

Активность этих мероприятий была обусловлена предоставлением местным Советам более широких прав в вопросах административно-территориального устройства на основе ряда Постановлений Верховного Совета РСФСР, вышедших в 1956–1957 гг. Им предоставлялось право самостоятельно решать отдельные вопросы, связанные с административно-территориальным делением, могли самостоятельно присваивать имена

---

¹ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 5. Д. 274. Л. 29–39; Оп. 2. Д. 675. Л. 417.

² Основные административно-территориальные ... С. 136.

³ Там же. С. 157.

деятелей государства административно-территориальным единицам на уровне области, района, края, города и прочих типов поселений, определять статус населенных пунктов и проч.¹

Как результат – за период с 1957 по 1958 г. многие населенные пункты края были переименованы, выросло число поселений со статусом города. В частности, накануне переписи 1959 г. статус городов на Кубани получили Славянск-на-Кубани, Белореченск, Усть-Лабинск, Крымск. Поселки Гирей, Калинино, Афипский, Пашковский, Дагомыс, Нижнебаканский, Псебай приобрели статус рабочих поселков. Поселок Кабардинка был утвержден в статусе курортного (приложение 1)².

Итогом этих изменений стала новая административно-территориальная карта края, которую и зафиксировала перепись 1959 г. число городских поселений выросло на 1/3 по сравнению с 1939 г. на Кубани насчитывалось 33 городских поселения в числе которых 17 имели статус города³. Доля горожан достигла 39,3%. Прирост городского населения в крае за 20-летний межпереписной период составил 86,7%, ежегодный прирост – 4,3%. Большинство городов имели численность жителей в пределах 50 тыс. человек. Численно выделялись такие города как: Краснодар (313 тыс.), Армавир (110 тыс.), Новороссийск (94 тыс.). Доля жителей краевого центра составляла 22,9% среди всех горожан края. За межпереписной период с 1939 по 1959 гг. число жителей Краснодара выросло вполтину – на 53,6% или на 109,3 тыс. чел.⁴

---

¹ Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 августа 1956 года «О передаче некоторых вопросов административно-территориального деления РСФСР на разрешение исполнительных комитетов краевых, областных Советов депутатов трудящихся и Президиумов Верховных Советов автономных республик» (Протокол Президиума Верховного Совета РСФСР, 1956. № 21. п. 4); Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июля 1958 года «О внесении изменений в существующий порядок переименования сельсоветов в РСФСР» (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1958. № 8. ст. 398).

² Основные административно-территориальные ... С. 136–138.

³ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

⁴ Рассчитано по: ГАКК. Ф. 1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 51–56; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 22, 25; Д. 1591. Л. 34, 43; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

Таблица 1.14 – Изменение доли городского и сельского населения Кубани и Ставрополья в 1926–1959 гг., %¹

Административно-территориальные единица	1926 г.		1939 г.		1959 г.	
	город	село	город	село	город	Село
РСФСР	18,0	82,0	33,5	66,5	52,0	48,0
Краснодарский край	15,9	84,1	24,8	75,2	39,3	60,7
Ставропольский край	16,4	83,4	20,2	79,8	31,2	68,8

Как видно из таблицы 1.14. городское население Краснодарского края в период между переписями росло более быстрыми темпами, в сравнении с аналогичными показателями по РСФСР. На Кубани оно выросло в 1,6 раза, тогда как по РСФСР в 1,5. При этом в сравнении с периодом 1926–1939 гг. прирост горожан в период 1939–1959 гг. заметно снизился. Вместе с тем, процент городского населения здесь все еще был незначительным².

Региональное своеобразие наблюдалось и в динамике городского населения Ставропольского края. Так, за 1926–1939 гг. численность его выросла на 41,3% (в 6 раз больше, чем прирост общей численности населения), а удельный вес его в общей численности жителей поднялся с 15 до 23%. В 1939–1941 гг. городское население увеличилось еще на 10,5%, однако его удельный вес снизился на 1,8% к уровню 1939 г., хотя относительный рост населения в городе почти в 3 раза превышал рост всего населения. Причина состоит в малой абсолютной численности городского населения³.

С 1941 по 1951 г. на Ставрополье при очень незначительном абсолютном росте численности на 6,3% удельный вес городского населения увеличился на 5,6%, что стало следствием притока в города сельских жителей, который не

¹ Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 50–51; ГАКК. Ф. 1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 51–56; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 42–43; Д. 607. Л. 22, 25, 58, 61; Д. 1591. Л. 34, 43, 121, 127; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 18, 20–21.

² Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

³ Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 50–51; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 42–43; Д. 607. Л. 58, 61; Д. 1591. Л. 121, 127; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

только компенсировал потери городского населения в войне, но и обеспечил абсолютный рост горожан по сравнению с довоенным временем. Прирост городского населения в Ставропольском крае за период между переписями 1939 и 1959 гг. составил 49%, ежегодный прирост соответственно равнялся 2,5%. Это почти вдвое медленнее, чем на Кубани¹. К 1959 г. на Ставрополье насчитывалось 17 городов и 7 рабочих поселков². Ставрополь заметно выделялся среди других городов края, имея численность населения в несколько раз большую, чем все прочие. В то же время темпы прироста по отдельным городам были неравномерными и нестабильными (приложение 2).

Об умеренных темпах роста свидетельствует медленное повышение городского населения в общей численности жителей. В период с 1939 по 1959 гг. доля горожан на Ставрополье выросла с 20,2 до 31,2%, т.е. на 11%. Причем в сравнении с периодом 1926–1939 гг. (за 13 лет здесь доля горожан выросла на 3,8%) увеличение городского населения в составе жителей края было более значительным (рисунок 1.3). Рост городского населения определялся, прежде всего, положительным сальдо миграции в обмене с селами края и другими республиками, и областями.

В автономиях – Адыгейской и Карачаево-Черкесской АО уровень урбанизации к концу 1950-х гг. так же был невысоким. Прирост горожан в Адыгее за двадцать межпереписных лет составил 70,9%, что в ежегодных показателях составило 3,5%. В Карачаево-Черкесской АО прирост городского населения был немного выше, причем даже превышал показатели по Ставрополью. За межпереписной период численность городских жителей здесь увеличилась на 66,5% (ежегодный прирост составил 3,3%)³. Доля городского населения в Карачаево-Черкесской АО в период между переписями увеличилась на 5%. Такой незначительный прирост объясняется

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 42–43; Д. 607. Л. 58, 61; Д. 1591. Л. 121, 127; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 31, 34, 67, 70, 76, 79; Д. 1591. Л. 49, 55, 133, 139; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

целым рядом факторов, среди которых наиболее значимыми являются географическое положение региона и соответственно хозяйственно-экономическое развитие, особенности традиционной культуры местного населения (в том числе и традиции сельского расселения), а также депортация карачаевцев. И хотя к 1959 г. активно шел процесс их возвращения после реабилитации на места прежнего проживания, тем не менее развитие территории в связи с ее длительным запустением заметно отставало.

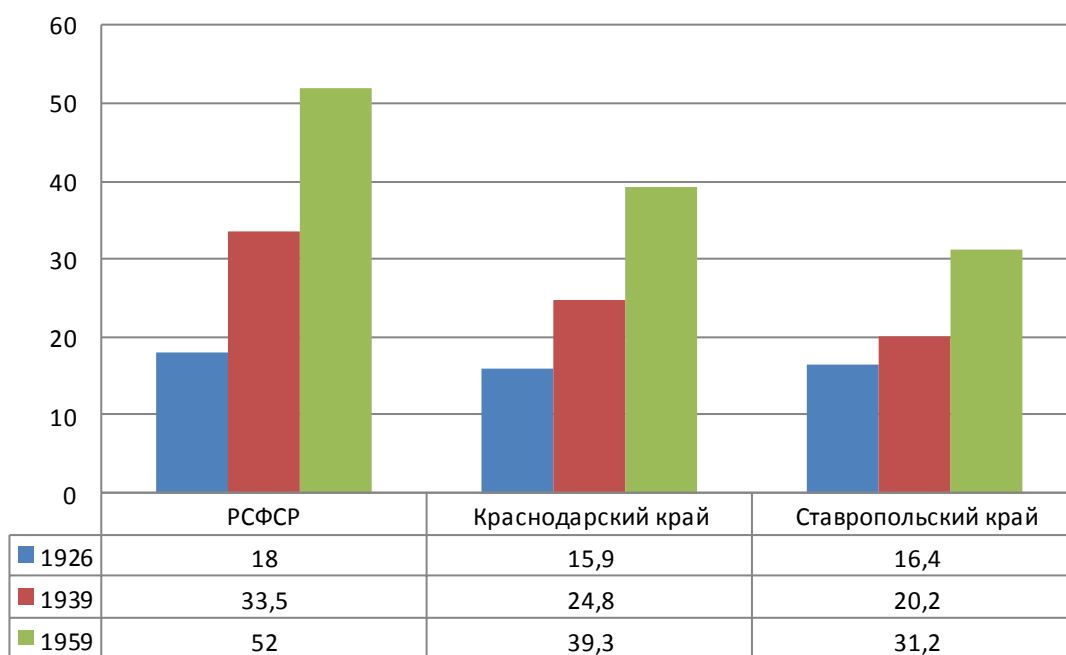

Рисунок 1.3 – Динамика городского населения в 1926–1959 гг.¹

Рост сельского населения происходил более медленными темпами. При этом сохранялась значительная часть сельских населенных пунктов с числом жителей в несколько тыс. человек. В Краснодарском крае более трети всех сельских жителей – 38,6% проживали в крупных станицах с число жителей 5 тыс. человек и более².

¹ Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 50–51; ГАКК. Ф. 1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 51–56; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 42–43; Д. 607. Л. 22, 25, 58, 61; Д. 1591. Л. 34, 43, 121, 127; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 18, 20–21.

² Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 95.

На фоне стремительного роста городов и городского населения в стране в 1930–1950-е гг. урбанизация на юге России и в частности на Кубани и Ставрополье и связанных с ними национальных автономиях выглядит достаточно скромно. Если в целом по РСФСР к концу 1950-х гг. был пройден порог урбанизации и доля горожан превысила в населении половину (52% в 1959 г.), то на Кубани оно немного перевалило за треть (39,3%). Еще ниже эти показатели были на Ставрополье, здесь городское население едва ли достигало до трети¹. Ставрополье и Кубань сохраняют статус аграрных регионов.

Время урбанизационного перехода – важный показатель при характеристике урбанизационных процессов в стране и регионах. При сопоставлении региональных трендов урбанизации показательна определенная синхронность этих процессов, поскольку можно определить те регионы, которые перешагнули порог урбанизации одновременно и в силу этого имели сходную динамику урбанизации². Кубань и Ставрополье – регионы с неровным урбанизационным переходом. Наряду с поздними сроками урбанизационного перехода общий ход урбанизации здесь был крайне неустойчивым и сопровождался многочисленными скачками и резкими перепадами³.

Примечательно так же, что для данных регионов свойственен был рост абсолютной численности сельского населения, что не характерно для большинства других регионов страны, где она наоборот понижалась. Первоначально тон урбанизации здесь задавали краевые центры, сосредотачивавшие наибольшую часть городского населения, но впоследствии темпы роста горожан в них замедляются и набирают силу средние города, что в рамках концепции дифференциальной урбанизации соответствует начальным стадиям⁴.

---

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 20–21.

² Город и деревня ... С. 161.

³ Там же. С. 168.

⁴ Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория дифференциальной урбанизации и иерархия

В автономных областях: Адыгее и Карачаево-Черкесии ход урбанизации заметно отличался от «русских» территорий Кубани и Ставрополья. Адыгея – регион с поздним урбанизационным переходом, к концу 1950-х г. доля горожан здесь едва достигала 20%¹. Процессы урбанизации проходили здесь весьма неравно, что сближает ее по многим параметрам с Кубанью и Ставрополем. Но если Адыгея все же перешагнула урбанизационный порог, то Карачаево-Черкессия может быть отнесена к регионам, так и не осуществившим урбанизационный переход².

Таким образом, ход процессов урбанизации в 1930–1950-х гг. в рассматриваемых регионах, как и в целом по стране отражал как некоторые общие и типичные для этого глобального процесса черты, так и своеобразную российскую и региональную специфику, которая определялась целым комплексом факторов культурно-исторического, природно-экономического и социально-политического характера. В целом этот процесс отличался масштабностью. Здесь в полной мере проявилась сложность и противоречивость отечественной модели урбанизации, которая отличалась радикальными изменениями, с одной стороны (рост численности и степень концентрации городского населения) и консервативными позициями, с другой (сохранение сельского уклада в условиях городской среды и т.п.).

Разрыв между этими двумя показателями урбанизации так и не был преодолен. Количественные характеристики урбанизации существенно отставали от качественных преобразований в этой среде. Численный рост городского населения, смена занятий и т.д. (т.е. количественная сторона урбанизации), не согласуются с темпами усвоения городского образа жизни, адаптацией сельских жителей в условиях города.

За рассматриваемый период абсолютная и относительная численность

городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск, 2002. С. 71–89; Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. М.; Нальчик, 2007. С. 54; Шупер В.А. Указ. соч. С. 68–69.

¹ Город и деревня... С. 167.

² Там же. С. 169.

городского населения на Кубани и Ставрополье значительно выросла. При этом урбанизация в регионе как в целом по стране носила экстенсивный характер, т.е. рост этот был достигнут, прежде всего, за счет развития промышленного производства и привлечения сельского населения в города, преимущественно в административном порядке, а так же стихийной миграцией из села во время голода. Кроме того рост числа городов и населения в них обеспечивался за счет административных манипуляций, путем преобразования сельских населенных пунктов в городские.

Урбанизационный переход к концу 1950-х гг. на Кубани и Ставрополье не был завершен, регион оставался преимущественно сельскохозяйственным. Специфичной для региона была концентрация населения в крупных сельских поселениях (с числом жителей более 10 тысяч человек), по размерам превосходивших в десятки раз городские поселения в центральных регионах страны, но сохранявших сельскую инфраструктуру и структуру занятости. По темпам роста горожан оба региона отставали от аналогичных показателей по стране. Ставрополье отставало в темпах урбанизации от Краснодарского края и отличалось меньшей долей горожан.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930–1950-е гг.

2.1. Трансформация рождаемости: факторы, динамика и последствия

Изменение основных демографических показателей в стране в целом и в регионе шло в русле демографического перехода, первые признаки которого стали проявляться еще на рубеже XIX–XX вв. Однако эти изменения в значительной степени корректировались (в одних случаях ускорялись, в других – тормозились) социально-политическими и экономическими факторами, политикой советской власти и реакцией на ее мероприятия со стороны общества.

Модернизация всей социально-экономической системы страны, активно проводившаяся в этот период, определила и логику демографической модернизации заключающуюся в последовательном снижении основных демографических показателей: рождаемости вследствие распространения норм малодетности и повышения качества жизни детей, снижения смертности, в первую очередь младенческой, в результате развития медицины, улучшения санитарно-эпидемиологических условий, уровня и качества жизни и других факторов. Причем, смертность, как правило, в условиях демографического перехода начинает снижаться раньше и снижается быстрее, чем рождаемость, которая в большей степени инерционна и сильнее связана с традициями, ценностями и установками.

Наметившиеся эволюционные трансформации процессов рождаемости, смертности и в целом воспроизводства, в начале 1930-х гг. нарушаются действием экстремальных факторов¹. Среди факторов, оказавших значительное влияние на процессы воспроизводства в 1930-е гг. наибольшее

---

¹ Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР: Сборник статей / под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977. С. 12–13; Дмитриева Р.М., Андреев Е.М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти // Там же. С. 28–34.

значение имели события связанные с коллективизацией и индустриализацией страны, и сопровождавшие их раскулачивание, голод начала 1930-х гг., депортации, репрессии. В стране в целом, и в первую очередь тех регионах, которые наиболее пострадали в результате голода и репрессий, быстрое снижение рождаемости происходило, напротив, на фоне резкого повышения показателей смертности.

И все же, как бы ни было сильно влияние пертурбационных факторов, значительное влияние на рождаемость продолжают оказывать существующая модель матримониального поведения населения, от которого зависит процесс заключения и прекращения браков, демографическое поведение супругов в браке определяющее уровень брачной рождаемости и т.д.¹

Как пишет Б.Ц. Урланис: «В числе родившихся, как в зеркале отражаются условия жизни семей, их возникновения и развития. Намерения брачных пар к обзаведению потомством формируются с учетом всех возможностей, предположений и ожиданий, всех традиций, привычек и особенностей, свойственных народам»².

Действительно, в рассматриваемый период в стране происходит коренное изменение принципов демографического поведения, в том числе и репродуктивного. Влияние модернизации проявляется в постепенном распространении норм малодетности, предпосылками формирования этих норм становится ломка традиционных семейных ценностей и принципов.

Сам процесс трансформации семьи начался гораздо раньше, капитализация страны, вошедшая в активную фазу в конце XIX – начале XX вв., повлекла за собой эти изменения. Процесс отходничества, разрыв традиционной крестьянской семьи приводили к постепенному переходу от большой патриархальной семьи к малой нуклеарной и, соответственно, к изменению типа демографического поведения и взаимоотношения в семье.

Советская власть, признав брак добровольным союзом, закрепив его

---

¹ Демографическая модернизация России... С. 108.

² Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости... С. 8.

свободный характер и необязательную регистрацию, способствовала ослаблению традиционных требований, предъявляемых к семье как институту родительства, что повлияло и на процессы естественного воспроизводства.

Еще более революционным в этом отношении было постановление от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины» за подписью наркома здравоохранения Н.А. Семашко и наркома юстиции Д.И. Курского по которому допускалось производить операции по искусственному прерыванию беременности (аборты) в стационарных медицинских учреждениях специалистами (врачами). В постановлении отмечалось, что советская власть выступает против аборт, но борется с этим явлением путем «укрепления социалистического строя и агитации против абортов», а запретительные акты принятые во многих странах мира положительного эффекта не дают, «переводя искусственное прерывание беременности в подпольную сферу и тем самым увеличивая смертность и травматизм женщин»¹.

Рост числа абортов в первые годы после принятия декрета, вызвал заметное снижение рождаемости – на 25%² и создал определенные трудности в системе здравоохранения. Как следствие уже в 1922 г. в Уголовный кодекс 1922 г. введена статья № 146 предусматривающая наказание за проведение аборта вне лечебных учреждений и не специалистами. В связи с «большим числом абортов, поставившим советские больницы в крайне тяжелое положение» 9 января 1924 г. выходит Циркуляр Наркомздрава № 13, согласно которому из врачей и представителей Женотделов создавались комиссии для определения возможности бесплатного проведения аборта. Приоритет отдавался: незамужним безработным женщинам зарегистрированным на Бирже труда, работающим матерям-одиночкам, многодетным матерям и застрахованным. Аборт можно было сделать и в частной клинике, но имеющей на это разрешение Наркомздрава³.

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 681.

² Демографическая модернизация России... С. 200.

³ Генс А.Б. Аборт в деревне / под ред. В.П. Лебедевой. М., 1926. С. 14.

Препятствий для проведения аборта становится все больше и больше: в 1926 г. были введены ограничения на его проведение для забеременевших впервые и для тех, кто совершал его менее шести месяцев назад. С 1930 г. была введена обязательная плата за аборт, от которой освобождались лишь несколько категорий по медицинским показателям: туберкулез, эпилепсия, шизофрения и др.¹ Причем правительство из года в год повышало стоимость данной медицинской услуги. Как отмечает Н.Б. Лебина, стоимость операции увеличилась с 1931 по 1933 г. в три раза, а к 1935 г. уже в 15 раз².

Усилившаяся эмансипация женщины неизбежно, хотя и медленно влияла на рождаемость. Так или иначе, при четко обозначившейся общей тенденции к снижению показателей рождаемости³, можно отметить, что в 1930-х гг. эти показатели были еще достаточно высокими (таблица 2.1).

Таблица 2.1 – Динамика коэффициентов рождаемости населения СССР (европейская часть в границах до 1939 г.) за 1925–1935 гг., ‰⁴

Годы	Общий коэффициент рождаемости	Коэффициент эффективной рождаемости
1925	44,7	30,9
1926	43,7	32,1
1927	43,4	30,7
1928	42,2	31,7
1929	39,8	29,9
1930	39,2	29,3
1931	31,0	23,0
1932	31,0	23,0
1933	31,0	23,0
1935	30,1	22,3

¹ Денисов Б., Сакевич В. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. Серия «Демографические исследования». М., 2014. Вып. 23. С. 192–194.

² Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С. 286.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1469. Л. 1.

⁴ Таблица приведена по: Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости... С. 11–12.

Представленный динамический ряд позволяет нам сделать вывод о том, что коэффициент рождаемости хотя и оставался еще достаточно высоким, не опускаясь ниже 30‰, характеризовался неуклонным снижением, что было связано с процессами демографической модернизации охватившими не только СССР, но и другие страны. Заметное снижение уровня рождаемости в 1931–1935 гг., стало не столько следствием демографической модернизации, сколько влиянием экстремальных факторов: насильственной коллективизацией, репрессиями, депортациями, голодом. Тем более ощутимого для общества еще не восстановившего потери Первой Мировой и Гражданской войн.

С целью изменить сложившуюся неблагоприятную ситуацию в сфере рождаемости ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. было принято Постановление «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов»¹.

Согласно Постановлению аборты были повсеместно запрещены, при минимальных исключениях: когда беременность представляла угрозу жизни и здоровью роженицы и при имеющихся тяжелых наследственных заболеваний родителей. Производить такие аборты можно было только в условиях больниц и родильных домов. Предусматривалась уголовная ответственность за проведение абортов вне санкционированных условий и побуждения к аборту. Помимо ограничений и запретов в Постановление включало большой блок мероприятий по поддержке рожениц и многодетных матерей. Так в частности теперь им предоставлялся отпуск для ухода за ребенком, отпуск по беременности, выделялись средства на материальную поддержку, прочие льготы и социальные гарантии для беременных и матерей².

Перед принятием постановления его проект активно обсуждался в

---

¹ СЗ СССР 1936 г. № 34. Ст. 309.

² СЗ СССР 1936 г. № 34. Ст. 309.

организациях и трудовых коллективах¹. Известные деятели партии и правительства дают идейное обоснование принятому постановлению: нарком здравоохранения Н.А. Семашко², юрист А.А. Сольц, называемый «совестью партии», который в частности писал: «Нам нужны все новые и новые борцы – строители этой жизни. Нам нужны люди. Аборт, уничтожение зарождающейся жизни, недопустим в нашем государстве строящегося социализма...»³. Мощная идейная поддержка Постановления идет в средствах массовой информации: «Этот замечательный документ представляет собой подлинную хартию освобожденного материнства страны социализма», «Запретив аборт как вредную для здоровья операцию, советское правительство создало все условия, дающие женщине действительную возможность обеспеченного счастливого материнства»⁴.

Результаты постановления не замедлили сказаться на показателях рождаемости уже в 1937 г. В целом по стране был отмечен рост этих показателей⁵. В Краснодарском крае в 1937 г. рождаемость выросла по сравнению с 1936 г. на 35,9%, а в абсолютных цифрах – на 37 039 чел. (см. таблицу 2.2). При этом 62,7% от этого прироста пришлось на долю городов (10 605 чел.) и 30,7% на село (26 434 чел.)⁶. На Ставрополье показатели рождаемости так же выросли, но были ниже показателей по Кубани. В целом по Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю рождаемость увеличилась на 28,3% (16 145 чел.), в том числе в городских поселениях на 45,2%, сельских – на 24,8%⁷.

Однако изменить ситуацию кардинально это не смогло, эффект оказался временным и не закрепился в качестве устойчивой тенденции. В 1938 г. по

---

¹ Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930–1940 г... № 243. С. 299.

² Семашко Н. Какой замечательный закон! (К отмене аборт в СССР) // Медицинский работник. 1937. 16 июля.

³ Сольц А. Аборт и алименты // Труд. 1937. 27 апр. № 97.

⁴ Декрет счастливого материнства // Медицинский работник. 1938. 28 июня. № 36.

⁵ Население России в XX веке. В 3-х т. / Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 339–340.

⁶ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 195. Л. 37.

сравнению с 1937 г. рождаемость в ряде регионов, в том числе Краснодарском крае, снова стала снижаться.

Таблица 2.2 – Предварительные данные о естественном движении населения Краснодарского и Орджоникидзевского краев за 1936 и 1937 гг.¹

Год	1936				1937			
Регион	родилось	умерло	в том числе до 1 года	прирост	родилось	умерло	в том числе до 1 года	прирост
Краснодарский край								
Всего	103132	39669	13224	63463	140171	49250	20429	90921
город	16910	8808	2409	8102	27515	11319	3829	16196
Село	86222	30861	10815	55361	112656	37931	16600	74725
Орджоникидзевский (Ставропольский) край								
Всего	57119	26389	8653	30730	73264	24860	9822	48404
Город	9675	4316	1193	5359	14048	5080	1722	8968
Село	47444	22073	7460	25371	59216	19780	8100	39436

Снижение показателей рождаемости, согласно отчетам ЦУНХУ, продолжалось и в 1939 г. В тринадцати административно-территориальных единицах РСФСР показатели рождаемости оставались в рамках 1938 г., в том числе в крупных по численности населения Московской, Ленинградской, Новосибирской, Свердловской областях и Краснодарском крае².

Ряд регионов, в том числе и Орджоникидзевский (Ставропольский) край на этом фоне выделялись не снижением, а даже некоторым повышением в 1938–1939 гг. уровня рождаемости, хотя с 1940 г. происходит заметное его падение и выравнивание с общероссийским трендом³.

Конец 1930-х гг. это снижение уровня рождаемости не только в СССР, но и во многих европейских странах, что являлось логичным следствием осуществлявшейся модернизации. Но в рамках Советского Союза это имело

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 393. Л. 96–97.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 188. Л. 14; Д. 393. Л. 25.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29–31; Д. 194. Л. 7; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 2; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 456. Л. 51.

свои особенности. Вмешательство государства в семейно-брачную сферу, запрет на искусственное прерывание беременности, при низкой сексуальной культуре и практическом отсутствии средств контрацепции вынуждало многих идти на незаконные меры – криминальные аборт и самоаборты, что зачастую приводило к болезням, полному прекращению репродуктивных функций, а в ряде случаев и к смерти женщин, причем в наиболее репродуктивном возрасте.

Как отмечает Н.А. Араловец, наибольшее число аборт приходилось на женщин активных репродуктивных возрастов, преимущественно 20-29 летних. Этот факт может кроме того служить показателем глубоких изменений установок в репродуктивной сфере, снижении степени влияния религиозных регуляторов и в целом в системе семейно-брачных ценностей. Распространяется преимущественно в молодежной среде представление о браке, как союзе не обязательно предполагающем рождение детей. Их популярность была гораздо выше в городе, на что косвенно указывает более высокий показатель аборт здесь по сравнению с селом¹.

Вместе с запретом аборт происходит расширения сети родильных домов и родильных комнат. Кубань и Ставрополье в этой области «достигли заметных успехов», как отмечалось в Постановлении СНК РСФСР «О колхозных родильных домах» от 26 марта 1936 г.², но их число оставалось недостаточным. В 1939 г. сельские роддомы на Кубани насчитывали 1 984 мест³.

В конце 1930-х гг. на Кубани вследствие снижения показателей рождаемости и одновременно неуклонного роста смертности наблюдалось снижение естественного прироста. В 1940 г. он сократился по отношению к 1939 г. на 24 703 чел. (рисунок 2.1). Однако до середины 1942 г. он оставался положительным.

---

¹ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 79.

² Самсоненко Т.А. Коллективизация и здравоохранение на Юге России 1930-х гг. Новочеркасск, 2011. С. 53.

³ Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы... С. 525.

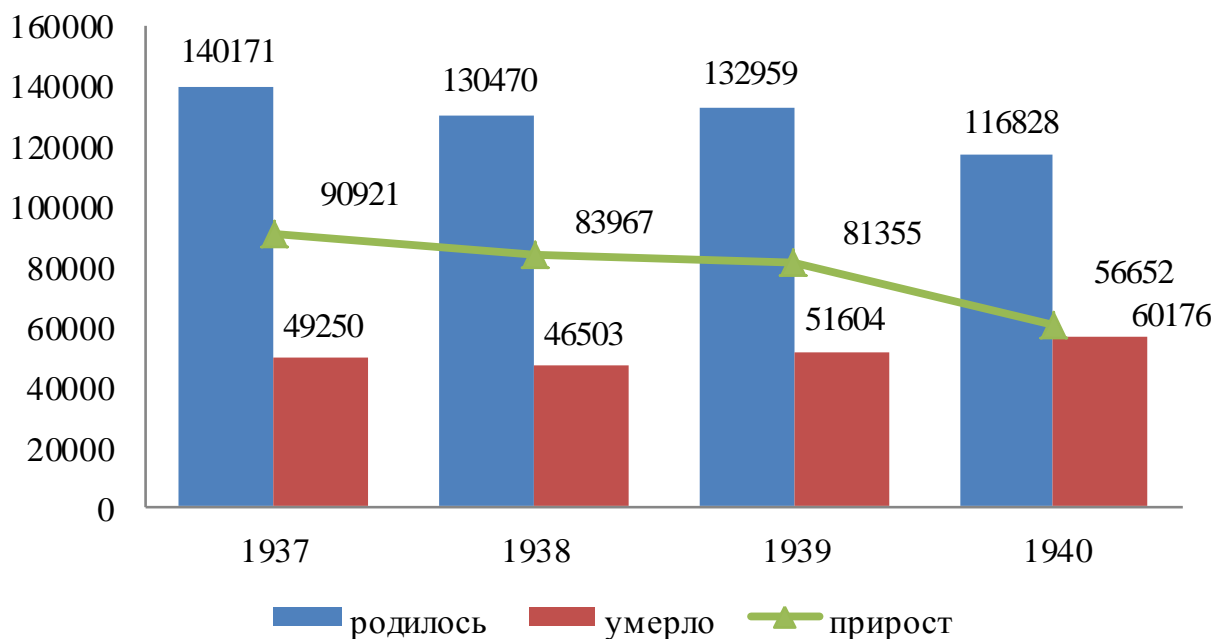

Рисунок 2.1 – Естественное движение населения Краснодарского края в 1937–1940 гг.¹

На Ставрополье, в отличие от Кубани, рост рождаемости, начавшийся в середине 1930-х гг. продолжался до 1939 г., но при этом так же повышались показатели смертности. Здесь, так же как и в Краснодарском крае в 1940 г. наблюдается резкий скачек в сторону понижения показателей рождаемости и рост смертности (рисунок 2.2). Всего за период 1937–1940 гг. рождаемость в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае снизилась на 5,6%, что, однако меньше показателей по Краснодарскому краю (16,7%)².

В результате на Ставрополье относительно стабильный естественный прирост на протяжении предыдущих 4-х лет уменьшился на 27%, что также меньше показателей по Кубани – 33,8%³.

Подобное положение дел проявлялось не только в регионе, но и в целом для страны. Так по данным Центрального отдела ЗАГС НКВД СССР естественный прирост населения СССР в августе 1939 г. составил 214 248 чел.,

¹ Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29–31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1–2; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29–31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1–2.

³ Рассчитано по тем же источникам.

а в августе 1940 г. – 125 170 чел., или на 41,6% меньше. Идет и сокращение рождаемости в целом по стране: в августе 1939 г. было зарегистрировано 537 169 рождений, а в августе 1940 г. – 480 707 рождений или на 10,5% меньше¹.

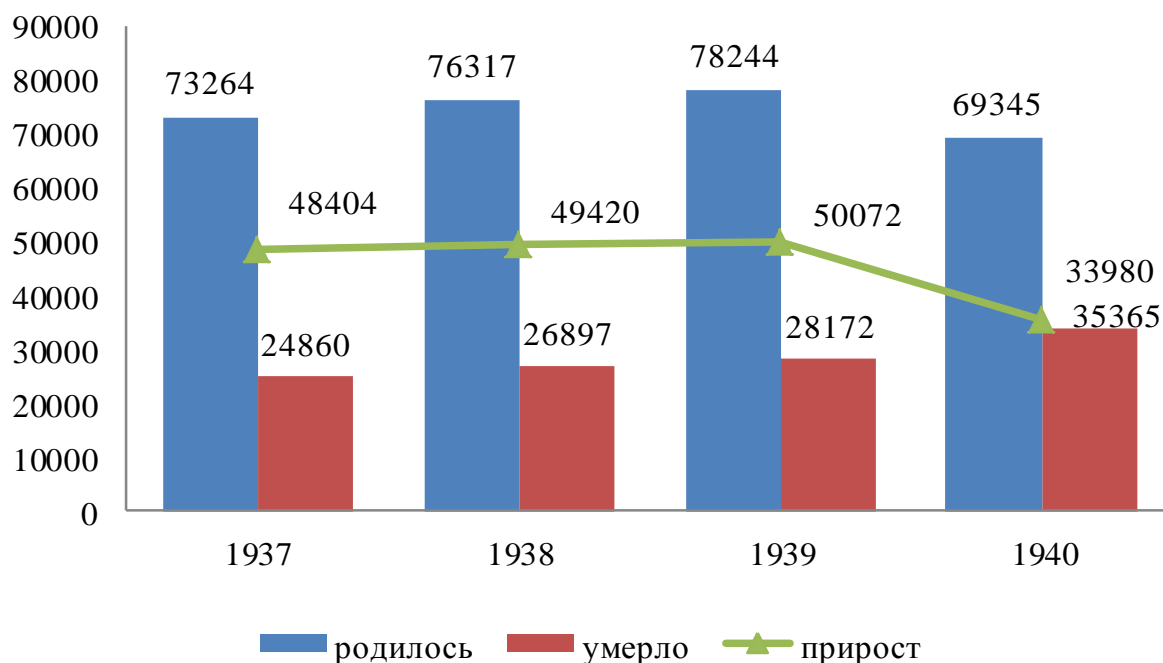

Рисунок 2.2 – Естественное движение населения Орджоникидзевского (Ставропольского) края в 1937–1940 гг.²

Такая же тенденция наблюдалась и в ситуации с абортami. В 1936 г. на территории Кубани было зарегистрировано 37 966 абортov, из которых только 23 120 (60,9%) в 1937 г. зафиксированы в качестве легальных в соответствии с вступившем в силу Постановлением «О запрете абортov» от 27 июня 1936 г. В 1937 г. число зарегистрированных абортov сократилось, по сравнению с 1936 г. на 55,6% и составило 16 846 случаев. В том числе легальных абортov было зафиксировано только 1 077 случаев или 6,4% от общего числа абортov в 1937 г.³

В Северо-Кавказском крае (в 1937 г. преобразован в Орджоникидзевский

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 905. Л. 56.

² Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29–31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1–2; ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 685. Л. 3.

³ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

край) в 1936 г. количество абортосократилось с 9 123 в первом квартале – до принятия Постановления, до 2 355 в третьем квартале – после принятия Постановления¹.

Снижение числа абортос после принятия постановления было кратковременным. Уже в последующие 1938–1940 гг. органы статистики зафиксировали увеличение зарегистрированных абортос, в число которых были включены наряду с легальными и те, что были начаты вне лечебных учреждений. В целом по СССР было зарегистрировано легальных абортос: в 1937 г. – 567 900, 1938 г. – 681 300, 1939 – 722 900, 1940 – 807 400, т.е. происходит их увеличение по отношению к 1937 г. на 42,2%².

Показатели по Краснодарскому краю были заметно выше, общее число абортос в 1939 г. увеличивается по отношению к 1937 г. на 39% (с 16 846 до 23 492), в том числе произведенных по медицинским показаниям на 57,7% (с 1 077 до 1 698) и начатых вне лечебных учреждений на 38,2% (с 15 769 до 21 794 случаев)³ (таблица 2.3).

Таблица 2.3 – Число абортос в Краснодарском крае за 1937–1939 гг.⁴

Показатели	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1938 г. к 1937 г. в %	1939 г. к 1937 г. в %
Общее число абортос	16846	21423	23492	27,2	39,5
из них: произведенных по медицинским показаниям	1077	1186	1698	10,1	57,7
начатые вне лечебных учреждений	15769	20237	21794	28,3	38,2

Из общего числа абортос, произведенных в Краснодарском крае в 1937–1939 гг., под категорию «произведенных по медицинским показателям» в

¹ Ованесов Б.Т., Судацков Н.Д. Здравоохранение Ставрополья в конце XVIII – начале XX вв. Ставрополь, 2002. С. 137.

² Рассчитано по: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 905. Л. 57; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 48.

³ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁴ Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

соответствие с Постановлением 1936 г., попадает лишь малая часть: 1937 г. – 6,4%, 1938–5,5, 1939 г. – 7,2%. Больше же их число было начато вне лечебных учреждений: 1937 г. – 93,6%, 1938–94,5, 1939 г. – 92,8% от общего числа произведенных аборт.

Вместе с тем не все начатые вне лечебных учреждений аборт были причислены к криминальным и не все случаи криминальных аборт поступали на рассмотрение прокуратуры, как видно из таблицы 2.4.

Из всех аборт, начатых вне лечебных учреждений было признано криминальными: в 1937 г. – 22,4%, в 1938 г. – 13%, а в 1939 г. – 13,7% (таблица 2.4).

Таблица 2.4 – Число аборт в Краснодарском крае, начатых вне лечебных учреждений, и доля среди них криминальных аборт за 1937–1939 гг.¹

Показатели	1937 г.		1938 г.		1939 г.	
	число	%	число	%	число	%
Аборт, начатые вне лечебных учреждений	15769	100	20237	100	21794	100
Из них признано криминальными	3530	22,4	2629	13	2981	13,7
По криминальным абортам передано дел органам прокуратуры	1381	39,1	1688	64,2	1541	51,7

Но отношение к ним стало жестче² и число дел связанных с криминальными абортами возбужденными прокуратурой возрастало: в 1937 г. – 39,1%, 1938 – 64,2, 1939 г. – 51,7% от общего числа случаев аборт признанных криминальными³.

Всего по СССР⁴ в первом квартале 1937 г. было возбуждено 2 184 дела о незаконных (криминальных) абортах, по которым было передано суду

¹ Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

² Шавер Б. Методика расследования преступных аборт // Социалистическая законность: Орган Прокуратуры СССР. 1937. № 8. С. 43.

³ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

⁴ Приведены показатели по 8 союзным республикам, без Казахской, Таджикской и Азербайджанской ССР.

2 920 чел. Среди них основную категорию составляли те, кто непосредственно был причастен к осуществлению аборт (прежде всего – 42%), а так же те, кто подталкивал совершить аборт – 8,6%, и те женщины, которые произвели аборт нарушив закона – 49,4%¹.

Однако, само определение «криминальный аборт» было достаточно расплывчатым и давало определенную свободу в его юридической трактовке. По мнению Н.А. Араловец, установить характер аборта было достаточно затруднительно. Около трети женщин в городах и селах (29,5% и 33%), поступавших в лечебные заведения по факту аборта или последствий после него. При этом медицинская статистика отмечала тот факт, что примерно треть этих случаев был связан с абортами на поздних сроках, что могло дать основания для классификации их как криминальных. Таким образом установить истинные масштабы криминальных аборт, совершавшихся в конце 1930-х годов, не представляется возможным, но с уверенностью можно сказать, что их число далеко выходило за рамки официальной статистики².

Однако принятые жесткие меры сыграли свою роль, число криминальных аборт, в первую очередь в медицинских учреждениях, существенно снизилось, а общее увеличившиеся число зафиксированных аборт скорее показывает не на их рост, а на их легализацию.

Значительное влияние на рождаемость оказал голод 1932–1933 г. Документы статистического учета наглядно показывают некоторое снижение числа рождений в Северо-Кавказском крае в 1931 и 1932 гг. и резкое ее сокращение в 1933 и 1934 гг. (рисунок 2.3).

---

¹ Тадевоян В. Закон 27 июня 1936 г. в действии // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 46.

² Араловец Н.А. Указ. соч. С. 82.

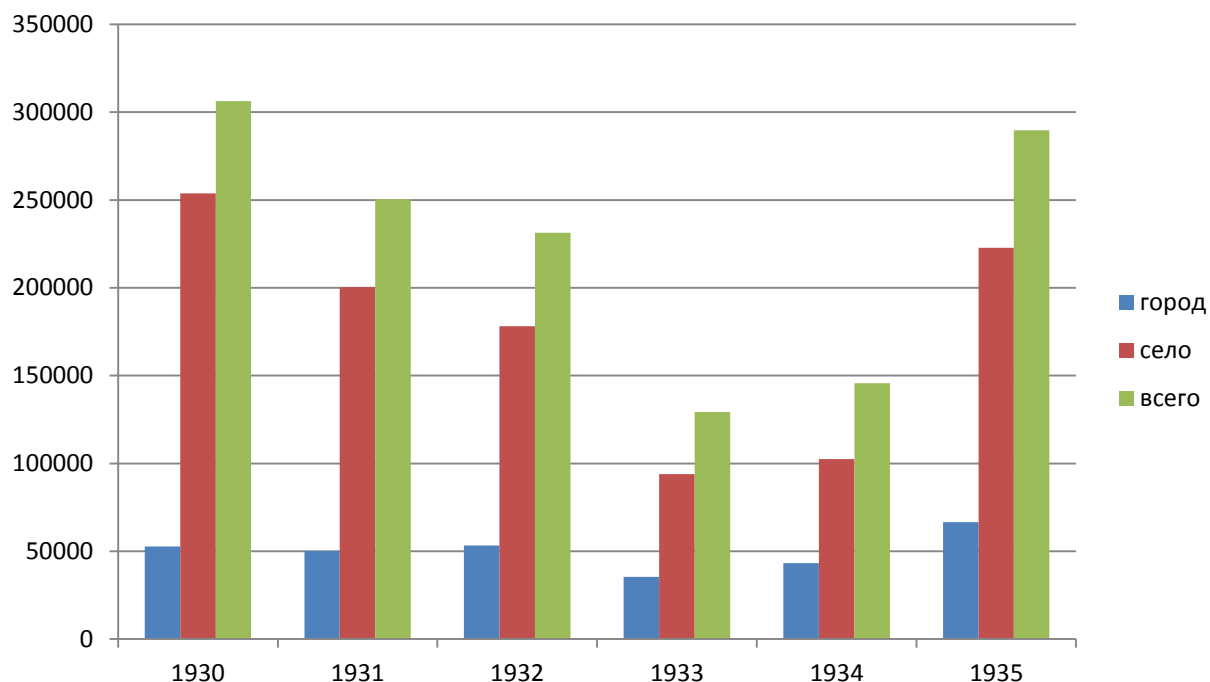

Рисунок 2.3 – Число родившихся¹ по Северо-Кавказскому краю за 1930–1935 гг.²

При этом показательным является то, что сокращение рождаемости шло, прежде всего, в сельской местности, поскольку, во-первых, большинство населения региона были сельские жители, во-вторых, именно село в 1933–1934 гг. голодало в большей степени, чем город (таблица 2.5).

Но даже эти данные далеко не полные и не дают возможности оценить весь масштаб влияния голода на процессы рождаемости. Как отмечал в своих воспоминаниях М.В. Курман: «Последние более или менее известные данные о численности населения СССР относятся к концу 1931 г. Что же касается двух последующих лет – 1932–1933 гг., то для них был характерен очень большой неурожай на значительной территории Советского Союза – на Украине, в Центрально Черноземной области, на Кубани, в Поволжье. В результате естественный прирост за эти годы был крайне мал, а в отдельных случаях оказался даже отрицательным. В таких условиях мы в тогдашнем ЦУХНУ,

¹ Данные за 1933–1935 год приводятся как сумма рождений по Северо-Кавказскому и Азово-Черноморскому краям.

² Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 18–23.

закрыли все данные о населении, объявили их запретными»¹.

Таблица 2.5 – Уровень рождаемости в Северо-Кавказском крае с 1930 по 1935 гг.²

Год	город	село	всего	% от всех рождений	
				город	село
1930	52671	253691	306362	17,2	82,8
1931	50066	200430	250496	20,0	80,0
1932	53165	178192	231357	23,0	77,0
1933	35363	93835	129198	27,4	72,6
1934	43255	102420	145675	29,7	70,3
1935	66485	222751	289636	23,0	77,0

Фактором, оказавшим влияние на репродуктивное поведение в 1930-е гг., так же стала практика массовых политических репрессий, оказавшая кроме прямых потерь, довольно сильное влияние на социально-психологический настрой в обществе. Ощущение постоянной тревоги, напряжения, массовое психоневрологическое состояние не могло не сказаться на общем демографическом настрое общества. Как зачастую бывает в такие сложные периоды откладывалось создание семьи и рождение детей.

Это в свою очередь влияло на показатели естественного прироста населения, которые имели свою специфику в городе и селе (таблица 2.6). Текущий демографический учет показал, что в сельских населенных пунктах показатели естественного прироста резко снизились. Самое заметное снижение пришлось на 1940 г. Однако, для региона это справедливо в отношении сельского населения Кубани, где рождаемость в 1940 г. в абсолютных цифрах сократилась по отношению к 1939 г. на 13,2 тыс. чел. или на 12,3%. Тогда как на Ставрополье число рождений сократилось в селах на 7,1 тыс. чел. или на 10,8%. Сокращение рождаемости в городах так же сохранялось на протяжении второй половины 1930-х гг. Но наиболее заметно

¹ Вишневский А.Г. Судьба одного демографа: портрет на фоне эпохи. Воспоминания М.В. Курмана // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. № 4. Octobre-Décembre. P. 577–629.

² Таблица составлена на основе того же источника.

в 1940 г. число рождений сократилось в городах Ставропольского края на 1,7 тыс. чел. или на 14,3%, в городах Краснодарского края – на 2,9 тыс. чел. (или на 11,3%)¹.

Таблица 2.6 – Рождаемость в Краснодарском и Орджоникидзевском (Ставропольском) краях в 1937–1940 гг. (чел.)²

Регион	Город				Село			
	1937	1938	1939	1940	1937	1938	1939	1940
Краснодарский край	27515	23699	25563	22663	112656	106771	107396	94165
Орджоникидзевский (Ставропольский) край	14048	12866	12342	10579	59216	63451	65902	58766

Существенное изменение показателей рождаемости и смертности происходит в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Война как экстремальный фактор неизбежно влияет на население, не только сокращая его численность прямо и косвенно, но и изменяя структуру, вносит диссонанс в процессы воспроизводства. С одной стороны, война ускорила трансформации, вызванные демографическим переходом и экстремальными факторами предшествующих лет, в частности связанные с репродукцией, с другой стороны, в ситуации со смертностью, значительно затормозила их.

В то же время демографическую ситуацию в стране, в регионе накануне войны нельзя считать благоприятной, все еще ощущались последствия голода начала 1930-х гг., последствия репрессивной политики и других факторов. В этом смысле сложно определить в какой степени последующие изменения в развитии населения были результатом модернизационных процессов, а в какой следствием экстремальных пертурбационных факторов.

Специфика изменения показателей естественного прироста на Кубани и Ставрополье состоит в том, что эти территории с начала войны и до августа 1942 г. располагались в тыловых районах. С середины лета 1942 г. до осени

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29–31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1–2.

² Таблица составлена на основе тех же источников.

1943 г. территории находились под оккупацией, а затем начинается процесс их освобождения. Все эти события непосредственным образом сказались на численности и структуре населения, что необходимо учитывать при демографическом анализе.

Стремительное снижение показателей рождаемости наблюдалось уже в первые месяцы войны. На Кубани к маю 1942 г. в сравнении с данными соответствующего месяца 1941 г. рождаемость сократилась на 68,3%, на 63,6% в городском населении и на 69,5% в сельской местности. Резко сократилось число рождений в период с апреля по май 1942 г. В мае родилось на 85,8% детей меньше, чем в апреле. Причем заметнее сократилась рождаемость в сельской местности – на 87,2%, в городской – на 79,7%¹.

Значительное снижение показателей рождаемости в сельской местности, было связано с мобилизацией, которая затронула преимущественно село, тогда как в городах мужское население еще оставалось работать в промышленности. Спад рождаемости на фоне роста смертности привел к сокращению показателей естественного прироста. Естественный прирост с 1941 по 1942 гг. в крае сократился более чем в 3,5 раза².

Снижение рождаемости сложилось в устойчивую тенденцию уже на протяжении 1930-х гг. (за исключением нескольких лет, повысивших показатели вследствие запрета аборт). Отчеты ЦУНХУ Госплана СССР в числе причин указывают на сокращение численности родительского поколения, рождение которого пришлось на Первую мировую, революцию и гражданскую войну, сокращением числа браков вследствие призыва в армию части мужского населения в связи с событиями 1939–1940 гг., как основные причины снижения показателей рождаемости³.

В отчетах Статуправлений, поступавших в ЦСУ выдвигались предположения, что основной причиной повлиявшей на снижение

---

¹ Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–11.

² Рассчитано по тому же источнику.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 162.

рождаемости в первом квартале 1940 г. и 1941 г. против 1 квартала 1939 г. является уход мужского населения в связи с событиями 1939–1940 г. в Монголии, Польше, а так же борьбой с белофинами, что подтверждается значительным уменьшением браков заключенных в этот период¹.

Отмечалось, кроме того, что сокращение рождаемости является в основном следствием пониженной рождаемости в годы мировой и гражданской войн. «У нас нет сейчас возможности подтвердить это показателями возрастной плодovitости, свидетельствует докладная записка в органы ЦСУ, но рассмотрение полового состава населения по данным переписи 1939 г. показывает, что возрастные группы 16–24 года по своей численности ослаблены. Приближение последних к брачному возрасту и уход более мощных групп родившихся до мировой и гражданской войны в значительной мере отразилось на рождаемости и брачности. Рост городов за счет притока населения рабочих возрастов на производство из сельской местности частично компенсирует вышеуказанные возрастные группы, а потому в городе мы не наблюдаем такого резкого уменьшения рождаемости»².

Показатели рождаемости в целом по стране в течении всех военных лет неуклонно снижались³. Однако резкий спад рождений проявился лишь спустя некоторое время после начала военных действий, что можно объяснить присущей демографическим процессам определенной инерцией. Показательно, что в первые месяцы войны рождаемость в тыловых районах наоборот некоторое время повышалась. Начало резкого сокращения показателей рождаемости органы статистики начали фиксировать в марте 1942 г., причем процесс снижения был достаточно резким. Самый низкий уровень рождаемости за весь военный период наблюдался в 1943 г. и составлял 9,9 рождений на 1000 человек⁴. В регионе наименьшие показатели

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 148.

² Цитата по источнику: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 162.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001. С. 100.

⁴ Там же.

рождаемости были зафиксированы в 1944 г. Причинами низкого уровня рождаемости в период войны стали деформация половозрастной структуры населения, снижение брачности и массовый процесс овдовения вызванный мобилизацией и безвозвратными потерями военнослужащих на фронтах, а также гибель населения на оккупированных территориях.

Кроме того, свою роль сыграло понижение уровня жизни¹ и физиологические факторы. В период войны в экстремальных условиях голода, тотального стресса существенно увеличивается число гинекологических патологий. В 1942 г. доля патологий данной этимологии увеличилась до 14,2%, тогда как в мирное время они составляли 2%, что также отразилось на репродуктивной функции².

В целом в 1941 г. на Кубани рождаемость составила 84,8% к 1940 г. (т.е. сократилась на 18,6%). На Ставрополье рождаемость в первый год войны сократилась на 17,2% (к 1940 г.)³.

Следующий период резкого падения показателей рождаемости в регионе пришелся на время оккупации – 1942–1943 гг. Согласно данным сводки по освобожденным районам Краснодарского края о естественном движении населения рождаемость в Краснодарском крае снизилась по отношению к 1941 г. на 71,1%⁴, в Ставропольском на 65,3%⁵.

Пик падения рождаемости пришелся на 1944 г., когда ее показатели были

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 102.

² Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: историко-медицинский аспект / Дж.Д. Барбер и др. / под ред. Дж.Д. Барбера и А.Р. Дзенискевича. СПб., 2001; Скрябина Е.О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.) (историко-медицинский аспект). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; Симоненко В.Б., Абашин В.Г., Александров А.С., Травин Н.О. Материнство и детство в блокадном Ленинграде (ко дню снятия блокады Ленинграда) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2cvkg.ru/new/index.php/blokada> (дата обращения: 12.01.2017)

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 396. Л. 1–2; Д. 545. Л. 1.

⁴ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 216. Л. 3–4 (в сводке приводятся данные только по освобожденным районам Краснодарского края, там, где был восстановлен загсовский учет. В январе 1943 г. 54 ЗАГСов предоставили сводки, к декабрю их число составило 581).

⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 396. Л. 2; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6.

катастрофически низкими. Число родившихся в этом году составляло на Кубани 22,5% и 18,9% на Ставрополье от довоенного уровня (к 1940 г.)¹.

Документы органов здравоохранения в 1944 г. фиксируют слабый физический уровень населения, и как следствие – большое количество недоношенных детей². На функционировании медицинских учреждений сказывались последствия оккупации и военных разрушений. На совещании «О детской смертности и мертворожденности в г. Краснодаре» 12 апреля 1944 г. отмечалось: «Надо сказать, что с отоплением было очень трудно и сейчас не вполне благополучно. Температура достигает 16 по °С – это в детской, но дети выносятся в более холодную палату для кормления, подвергаясь охлаждению. Основной ремонт здания был закончен в декабре, стены не успели просохнуть, сырые и покрытые грибком ...»³.

С 1945 г. показатели рождаемости постепенно начинают расти. Так если в Ставропольском крае в 1944 г. – общий коэффициент рождаемости составлял 9,4‰, то в 1945 г. он вырос до 11,6‰. В итоге рождаемость на Ставрополье в 1945 г. составила 123,4% к 1944 г.⁴ В целом рост рождаемости в 1945 г. в Краснодарском крае составил 20%, в Ставропольском – 27%⁵.

В следующем, 1946 г. происходит значительный рост показателей как результат окончания войны и возвращения домой мужского контингента. Рост рождаемости составил 102,6% по Кубани по отношению к 1945 г. и 77,2% по Ставрополью (рисунок 2.4).

Повышение рождаемости продолжалось и в 1947 г. Однако на следующий год эти показатели снова снижаются в результате послевоенного голода. В Краснодарском крае его влияние на рождаемость проявилось сильнее. По сравнению с 1947 г. здесь она сократилась на 14,5%, в Ставропольском крае

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 396. Л. 1–2; Д. 1457. Л. 1, 12; ГАКК. Ф. Р-1246. Д. 405. Л. 3–17.

² ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 167. Л. 9.

³ ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 169. Л. 7.

⁴ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 2, 8–9.

⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2.

сокращение было вдвое меньшим – 7,4%. Начиная с 1949 г. показатели рождаемости постепенно стабилизируются. Происходит ее незначительный рост: на 19,5% в Краснодарском крае и 19,4% в Ставропольском¹.

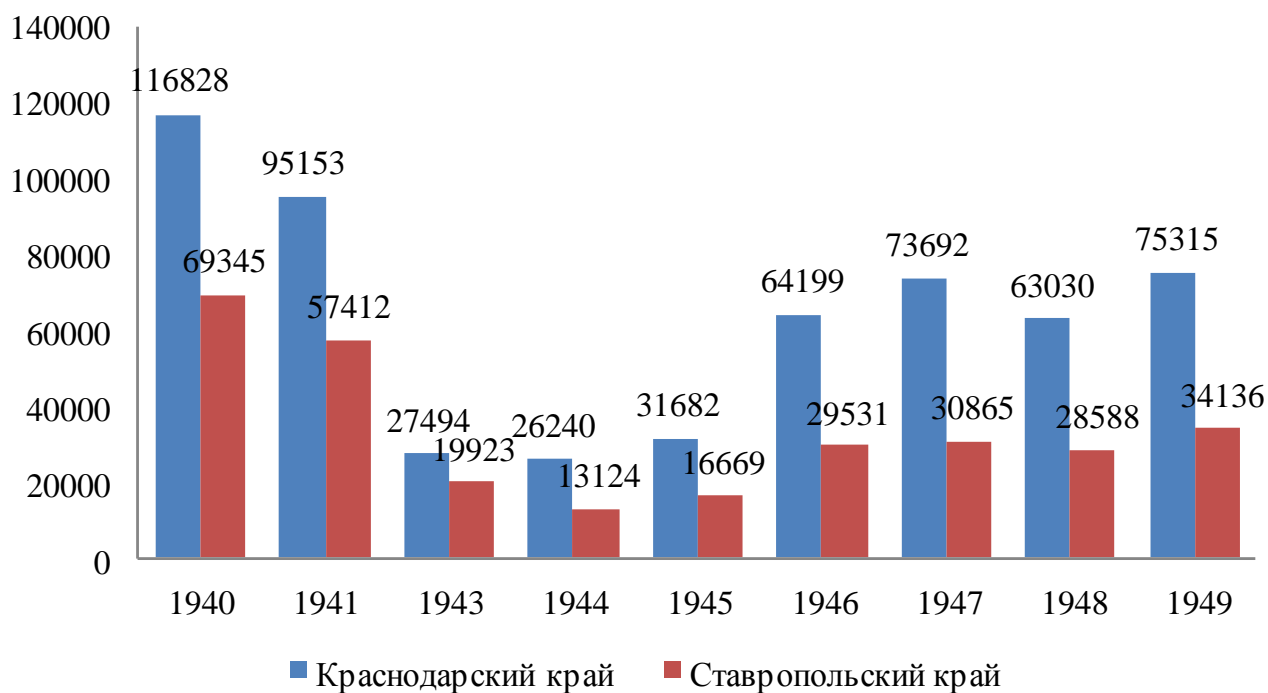

Рисунок 2.4 – Динамика показателей рождаемости на Кубани и Ставрополье в 1940–1949 гг.²

Однако прогнозируемого взрыва рождаемости, который охватил в послевоенный период большинство стран, в СССР не произошло. Одной из причин были большие потери мужского населения и сложная послевоенная ситуация, вследствие чего компенсаторный период оказался коротким охватив 1946–1949 гг. и прерывным из-за голода 1947 г. Статистические данные о числе рождений в СССР показывают, что после резкого снижения рождаемости в 1942–1945 гг., показатели резко повышаются до 4,9 млн новорожденных в 1946 г. и до 5,1 млн в 1947 г. Однако уже в 1948 г. число

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2230. Л. 1; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1873. Л. 56; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1.

родившихся снизилось до 4,6 млн. Это был самый низкий уровень рождаемости за период с конца 1940-х до конца 1950-х гг. В послевоенный период наибольшее число рождений пришлось на 1949 г. В последующие годы рождаемость не превышала уровня 1949 г. Сходная динамика показателей рождаемости наблюдалась и по РСФСР. Общий коэффициент рождаемости здесь вырос с 24,4‰ в 1946 до 30,5‰ в 1949 г.¹

Рождаемость на Кубани и Ставрополье, снизившаяся в период войны, хотя и стала восстанавливаться в послевоенный период, но так и не достигла к концу 1940-х гг. предвоенного уровня. Экстремальные условия войны ускорили демографический переход в сфере рождаемости и репродуктивного поведения, а рост рождаемости в послевоенный период отчасти носил компенсаторный характер, возмещая военные потери и реализуя отложенные рождения.

Неоднозначно сказалось на показателях рождаемости послевоенное распределение населения. По окончании войны значительная часть демобилизованных предпочитает закрепиться в городах. Как отмечает Н.А. Араловец: «По состоянию на 1 сентября 1946 г. в городах Московской области удельный вес демобилизованных мужчин был равен 48%, а работающих на предприятиях и в учреждениях – 68% (от всего количества прибывающих в область демобилизованных из армии мужчин); Вологодской области – 19% и 31%, Краснодарского края – 28% и 35%. Такое территориальное распределение мужчин после демобилизации углубляло половозрастную деформацию населения в промышленно неразвитых территориях, что влияло на уровень брачности населения»².

Негативно сказывается на репродуктивности сельского населения и отток после войны в города женщин активных возрастов. Кроме того, деревня теряла молодежь, поставляла кадры для школ ФЗО, железнодорожных и ремесленных училищ, $\frac{3}{4}$ выпускников которых 1946–1950 гг. составили сельские

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 342–344.

² Араловец Н.А. Указ. соч. С. 137.

подростки¹. Так в течение только 1947 г. в Краснодарском крае было призвано по линии Министерства трудовых ресурсов из сельской молодежи – 30 026 чел.², что, безусловно, сказалось на работе сельского хозяйства. Активные миграционные потоки молодежи из сельских районов РСФСР в города способствовали обеспечению трудовыми ресурсами быстроразвивающуюся промышленность и вместе с тем привели к «вымыванию» репродуктивных слоев сельского населения, а затем и к депопуляции ряда сельских районов³.

Косвенным подтверждением деформации половой структуры населения в селе может служить динамика представленности женщин на организационной и руководящей работе в колхозах Кубани и Ставрополья. В Краснодарском крае женщины-председатели колхозов в 1940 г. составляли 0,9%; в 1944 – 8,5; в 1945 г. – 3,6%; счетоводы и бухгалтеры: в 1940 г. – 15,2%, в 1944 г. – 49,9, в 1945 г. – 46,9%; бригадиры: в 1940 г. – 1,6%, в 1944 – 25,4, в 1945 г. – 15,7%; зав. животноводческими фермами: в 1940 г. – 10%, в 1944 – 23,8, в 1945 г. – 17,3%. В Ставропольском крае⁴ женщины-председатели колхозов: 1944 г. – 4,9%, 1945 г. – 3%; счетоводы и бухгалтеры: 1944 г. – 49,9%, 1945–47,1%; бригадиры: 1944 г. – 17,7%, 1945 г. – 10,6%; зав. животноводческими фермами: 1944 г. – 28,8%, 1945 г. – 20,1%⁵. Активное привлечение женщин в мужские профессии и в руководящие кадры приводило к частичной утрате ими женских функций⁶. Изменения социальной и профессиональной роли женщины, в свою очередь, сказывались на их репродуктивном поведении.

Несмотря на схожие процессы естественного прироста населения на региональном уровне можно отметить такую особенность как более ровный

---

¹ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992. С.85.

² ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 47. Л. 41.

³ Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982.

⁴ Данных 1940 г. по Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю нет.

⁵ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 409–410.

⁶ Руденко Л.Д. Социально-демографические процессы в деревне: 1946–1951 гг. (по материалам Ярославской области). Ярославль, 2005. С. 20.

тренд в динамике показателей рождаемости для Ставрополья. Кубань же на протяжении 1940-х гг. отличалась более резкими спадами и подъемами в показателях рождаемости.

Сокращение общих коэффициентов рождаемости в период 1940–1946 гг. было характерно для Кубани, Ставрополья и национальных областей. Максимальное их сокращение наблюдалось в селах Краснодарского и Ставропольского краев. Здесь показатель рождаемости сократился вдвое (на 50% на Кубани и на 56,5% на Ставрополье) (таблица 2.7).

Таблица 2.7 – Динамика общего коэффициента рождаемости в Краснодарском и Орджоникидзевском (Ставропольском) краях в 1940–1946 гг., ‰¹

Регион	1940 г.	1946 г.	% к 1940 г.
Краснодарский край			
Всего	36,8	20,2	54,9
Городское	29,8	21,4	71,8
Сельское	39,6	19,8	50,0
Адыгейская АО			
Всего	35,1	18,9	53,8
Городское	30,5	18,7	61,3
Сельское	36,8	19	51,6
Орджоникидзевский (Ставропольский) край			
Всего	35,5	17,4	49,0
Городское	25,3	19,7	77,9
Сельское	38,4	16,7	43,5
Карачаевская АО			
Всего	31,6	–	–
Городское	39,8	–	–
Сельское	30,9	–	–
Черкесская АО			
Всего	34,5	23,8	69,0
Городское	27,2	25,1	92,3
Сельское	37,8	23,3	61,6

При этом, если в довоенное время более высокими показателями

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15, 40–42, 43–45, 49–51; Д. 2229. Л. 3.

рождаемости отличалось сельское население, то в послевоенный период, напротив, уровень рождаемости был выше в городах. Для Ставрополья в целом были характерны более резкие темпы сокращения рождаемости и соответственно самые низкие в регионе коэффициенты как в городе, так и в селе. Рождаемость в национальных автономиях так же имела тенденцию к снижению. Однако Адыгейская АО опережала в этом Черкесскую АО, которая к 1946 г. имела самые высокие показатели рождаемости в регионе. В целом для населения Кубани и Ставрополья в послевоенный период был характерен низкий (не более 16‰) и средний (17–25‰) уровень, едва обеспечивавший замещение поколений¹.

В период войны правительство предпринимает ряд мер принудительного и стимулирующего характера, направленных на повышение рождаемости. Так согласно Указу ПСВ СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» мужчины в возрасте 20–50 лет и женщины в возрасте 20–45 лет, не имеющие детей облагались налогом². Восстанавливается фактически не осуществляющаяся в период войны борьба с криминальными абортами³. Власть в очередной раз показывает, что репродуктивная сфера является не личной, а общественной обязанностью.

К мерам стимулирующего характера относится Указ ПВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждение ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»⁴.

Некоторый эффект, хотя и недолговременный благодаря принятым законодательным мерам был достигнут. Однако переломить модернизационную тенденцию они не могли. Рождаемость в 1945 г. выросла на 26% по сравнению с 1944 г. в целом по стране и более чем на 20%, но она

---

¹ Население и трудовые ресурсы... С. 36–37.

² Ведомости ВС СССР. 1941. № 42.

³ ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 178. Л. 4–5.

⁴ Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

была преимущественно компенсаторной (приложение 3, 4, 5)¹.

Небольшой рост рождаемости наблюдавшийся в 1950-е гг. не закрепился в качестве устойчивой тенденции. Наибольший рост показателей рождаемости наблюдался в этот период в городах, которые активно развивались и отличались более молодой возрастной структурой. В 1947 г. показатель рождаемости в городе составлял 31,3‰, а в 1949 г. 33,4‰ (рисунок 2.5).

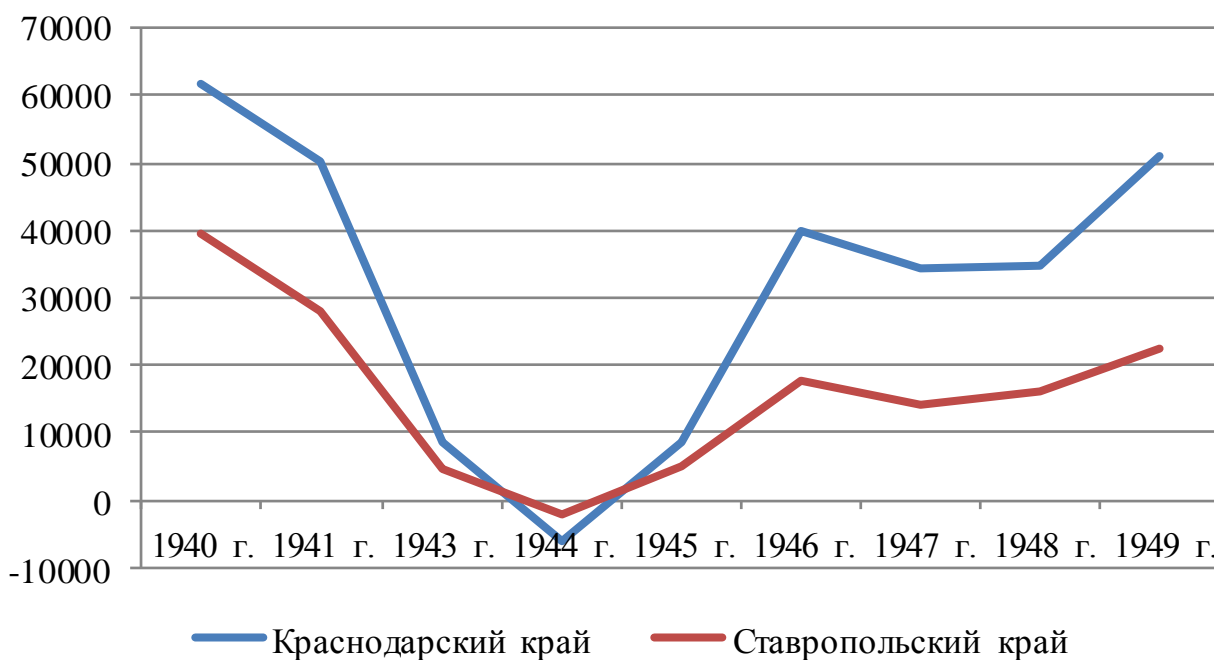

Рисунок 2.5 – Естественный прирост по Краснодарскому и Ставропольскому краям за 1940–1949 гг.²

Однако уже в 1950-х гг. наблюдается понижение показателей. Наиболее заметное снижение рождаемости приходится на конец десятилетия. Так, в 1957 г. общий коэффициент рождаемости в РСФСР составил 24,7‰, в 1958 г. – 24,2‰, 1959 г. – 23,7‰.

В сельской местности рост рождаемости происходил намного медленнее. Деформированная войной возрастная структура села продолжала изменяться в сторону постарения вследствие усилившейся в послевоенный период

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2.

² Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1.

миграции молодежи в города. Максимальные показатели рождаемости в селе в послевоенный период приходятся на 1951 г. – 27,9%¹. На Кубани и Ставрополье в этом году общий коэффициент рождаемости был заметно ниже и составлял 22,7 и 18,2 %². На протяжении последующих лет она неуклонно снижается.

Изменения моделей репродуктивного поведения продолжают в 1950-е гг. Одной из черт этих изменений был постепенный переход к малодетной семье, в первую очередь в городской среде. Кубань и Ставрополье, оставались преимущественно сельскохозяйственными регионами, на протяжении 1950-х гг. показатели рождаемости здесь еще удерживались на среднем уровне. Однако тенденция к их понижению уже наметилась (таблица 2.8).

На протяжении 1950-х гг. общий коэффициент рождаемости в Северо-Кавказском регионе уменьшился в 1,5 раза, в том числе в Краснодарском крае – в 1,6, в Ставропольском – в 1,7 раза³.

На показатели рождаемости влияла сохранявшаяся на протяжении 1950-х гг. половая диспропорция, обусловленная высокой смертностью мужского населения в период Великой Отечественной войны и ранней смертностью вследствие полученных военных травм охватившая основные репродуктивные возраста.

С 1955 г. начинается новый этап демографической политики, связанный с процессами либерализации советского общества. Реабилитация репрессированных народов, изменения моделей регулирования рождаемости способствовали появлению новых тенденций, но пока это не может изменить установившихся моделей репродуктивного поведения населения.

Нестабильность показателей рождаемости на протяжении 1950-х гг. обусловлена действием противоречивых факторов. С одной стороны, на рождаемости продолжала влиять негативно половая диспропорция в основных

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 344.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 962. Л. 19, 25.

³ Население и трудовые ресурсы... С. 36–37.

репродуктивных возрастах. С другой стороны, положительно влияла активная миграция в регион, несколько сглаживавшая эту диспропорцию.

Таблица 2.8 – Динамика показателей рождаемости в Краснодарском и Ставропольском краях в 1950–1959 гг. (чел.)¹

Год	городское и сельское			городское население			сельское население		
	мужчин	женщин	обоего пола	мужчин	женщин	обоего пола	мужчин	женщин	обоего пола
Краснодарский край									
1950	36373	34315	70688	8779	8108	16887	27594	26207	53801
1951	36153	33989	70142	9022	8342	17364	27131	25647	52778
1952	36989	35408	72397	9474	9021	18495	27515	26387	53902
1953	37598	35269	72867	9575	9203	18778	28023	26066	54089
1954	39766	37444	77210	9813	9461	19274	29953	27983	57936
1955	36203	34782	70985	9103	8514	17617	27100	26268	53368
1956	36151	34361	70512	8428	8041	16469	27723	26320	54043
1957	35982	33697	69679	8678	8237	16915	27304	25460	52764
1958	37169	34908	72077	12152	11511	23663	25017	23397	48414
1959	40024	37993	78017	13080	12197	25277	26944	25796	52740
Ставропольский край									
1950	15844	15040	30884	3308	3122	6430	12536	11918	24454
1951	16460	15618	32078	3611	3483	7094	12849	12135	24984
1952	19192	17781	36973	4092	3930	8022	15100	13851	28951
1953	19491	18375	37866	4227	3926	8153	15264	14449	29713
1954	21155	20048	41203	4760	4468	9228	16395	15580	31975
1955	19870	18978	38848	4562	4320	8882	15308	14658	29966
1956	19370	18335	37705	4375	3916	8291	14995	14419	29414
1957	22502	21369	43871	4730	4453	9183	17772	16916	34688
1958	20303	19250	39553	4620	4413	9033	15683	14837	30520
1959	21927	20899	42826	5113	4818	9931	16814	16081	32895

Дополнительным импульсом к росту показателей рождаемости, прежде всего, на Ставрополье в середине 1950-х гг. послужили процессы реабилитации «наказанных» народов и их возвращение на исторические

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 962. Л. 19, 25; Д. 1011. Л. 4, 8; Оп. 27. Д. 103. Л. 21, 25; Д. 198. Л. 21, 25; Д. 343. Л. 20, 25; Д. 480. Л. 1–2; Д. 814. Л. 1–2; Оп. 33. Д. 2185. Л. 1; Оп. 329. Д. 4485. Л. 3–7; Д. 4703. Л. 157, 180.

территории. Так же некоторое влияние оказывали изменения в демографической политике страны, связанные с процессами либерализации советского общества в середине 1950-х гг.

Изменение показателей рождаемости в городе и селе в послевоенный период происходило неодинаково. В станицах и селах Кубани вторая половина 1950-х годов характеризуется медленным и неуклонным снижением рождаемости. На Ставрополье, рождаемость в селе начиная с начала 1950-х гг. скорее росла, хотя этот рост нельзя назвать устойчивым. Основной причиной снижения рождаемости в сельской местности в этот период можно считать активный отток населения в города, и в первую очередь молодежи. Сравнение динамики показателей рождаемости по городу и селу это наглядно подтверждают. Для обеих территорий можно отметить устойчивую тенденцию роста абсолютного числа рождений в городах с начала 1950-х гг. Небольшой спад после 1954 г. переходит в резкий подъем к концу десятилетия. Наиболее заметно это в городах Краснодарского края, где в 1958 и 1959 гг. абсолютное число рождений превысило довоенный уровень.

Однако, несмотря на действие ряда благоприятных факторов, трансформация репродуктивного поведения уже приняла необратимый характер.

Таким образом, процессы рождаемости и репродуктивное поведение населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. было детерминировано таким социально-политическими и экономическими факторами в жизни советского общества как раскулачивание, голод, репрессии, Великая Отечественная война и т.д., которые деформировали половозрастную структуру населения.

Значимым фактором выступали меры демографической политики, которые чаще были направлены на устранение последствий тех или иных проблем. В 1930–1940-е гг. политика государства была направлена на усиление административного контроля над репродуктивным поведением и факторами, способными косвенно повлиять на рождаемость, обеспечить ее

рост: жестко регламентируется практика аборт, усложняется процедура развода, устанавливается налог на бездетность и проч. Последствия этих мер были кратковременным и весьма неоднозначными. С окончанием войны государство наряду с административным контролем пытается активно использовать меры психологического, внеэкономического характера, направленные на формирование ценностей материнства и детства. Вводятся награды и звания для матерей, как своего рода моральные поощрения, которые одновременно подкрепляются материальными стимулами.

На региональном уровне важным фактором рождаемости выступали также миграционные процессы. Активные миграции на Кубань и Ставрополье, как стихийные, так и организованные в одних случаях (компенсаторные миграции по заселению опустевших территорий, миграции село-город и проч.) создавали условия для роста рождаемости в других случаях (депортации и высылки и т.п.) – наоборот.

Для обеих территорий характерным на протяжении рассматриваемого периода стал процесс постепенного снижения как абсолютных, так и относительных показателей рождаемости. Типичным для Кубани и Ставрополья было снижение рождаемости прежде всего в селе и некоторый ее рост в конце 1950-х гг. преимущественно в городах. Для Кубани, в отличие от Ставрополья были характерны более резкие колебания в показателях рождаемости.

2.2. Динамика показателей смертности и потери населения

Анализ показателей смертности является важным для понимания и оценки демографических процессов. Смертность во многом определяется характером рождаемости, возрастной структурой населения и общими условиями жизни и исторической эпохи в которой проживает индивид. В этом плане исторический период 1930–1950-х гг., пожалуй, один из самых ярких и драматичных в отечественной истории. Коллективизация, форсированная

индустриализация, репрессии, депортации, Великая Отечественная война, послевоенный период – экстремальные события, повлекшие за собой повышенную смертность населения.

Эти события нарушили ход демографической модернизации. В 1930–1950-е гг., пришедшиеся на первую стадию демографического перехода, для которой характерно увеличение естественного прироста населения за счет сокращения смертности вследствие улучшения медицинского обслуживания и условий жизни населения при сохранении высоких показателей рождаемости, увеличения не произошло. Это стало следствием как вышеупомянутых экстремальных событий, так установившейся в стране тоталитарной модели власти, инструментами которой выступали голод, репрессии, принудительные выселения и другие радикальные методы политического управления.

Провозглашенная в 1930 г. советским руководством политика по ликвидации кулачества как класса, в которой пострадало гораздо больше крестьян-середняков, чем предполагаемых кулаков (зажиточных крестьян), тотальное изъятие зернопродуктов для обеспечения нужд индустриализации и последовавший за ним голод в основных зерновых районах страны, привели к сокращению численности населения. В 1933 г. естественный прирост в ряде регионов охваченных голодом, в числе которых были Кубань и Ставрополье, становится отрицательным в результате роста показателей смертности и снижения рождаемости. Одновременно происходила убыль населения за счет миграций, преимущественно вынужденных (бегство) и принудительных (выселения и депортации).

В масштабах СССР число умерших в 1933 г. насчитывало 4 954 932 чел. 30,7% этих смертей (1,5 млн чел.) пришлось на детские возраста от 0 до 4 лет¹. В подавляющем большинстве это смертность сельского населения (77,8% или 3 855 128 чел.)². Ряд авторов, ссылаясь на недоучеты и искажения данных

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2638. Л. 1, 33.

² Рассчитано по тем же источникам.

текущего учета, полагают, что смертность была значительно выше¹.

Действительно отдельные архивные документы показывают, что официальные цифры порой значительно расходились с реальными данными, которые использовались во внутреннем обороте статистических и хозяйственных органов. Справка о численности населения СССР в 1927–1940 гг. для исчисления душевых норм указаны такие расхождения (таблица 2.9).

Таблица 2.9 – Изменение численности населения СССР в период с 1927 по 1937 гг.²

Год	На 1 января	Прирост за год	Было опубликовано	Был опубликован прирост
1927	147,00	2,55	147,0	3,4
1928	149,55	2,55	150,4	3,8
1929	152,00	2,35	154,2	3,2
1930	154,45	1,15	157,4	2,7
1931	156,20	1,55	160,4	2,7
1932	157,15	1,35	163,1	2,6
1933	159,10	0,65	165,7	–
1934	159,15	0,15	–	–
1935	160,50	1,55	–	–
1936	162,05	2,07	–	–
1937	164,12	3,15	–	–

Полностью масштабы убыли населения в 1930-х гг. позволяет оценить сравнение данных всеобщих переписей населения 1926 и 1937 гг. Так численность сельского населения СССР согласно данным переписей сократилась за межпереписной период со 120,7 млн до 110,4 млн чел., т.е. на 10,6 млн чел., или на 9,2%. Убыль значительная, тем более если принять в расчет, что межпереписной период был мирным, что напрямую указывает на такие причины потерь как голод и последствия коллективизации, а также

¹ Урланис Б.Ц. Проблемы динамики сельского населения М., 1974. С. 314; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты / отв. ред. А.С. Сенявский. М., 2006. С. 119.

² Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 195. Л. 37.

массовую миграцию крестьян в город. Большую часть этих потерь понесли районы, напрямую затронутые голодом¹. В Казахстане население сократилось на 30,9%, в Поволжье на 23, Украине – на 20,5, Северном Кавказе – на 20,4%².

В 1933 г. показатели смертности достигли максимальных цифр. Согласно справке с итогами естественного движения населения по РСФСР, УССР и БССР за 1927–1937 гг. в РСФСР за 1933 г. умерло 2 938 441 чел.³ Смертность выросла в сравнении с 1932 г. на 43%⁴. При этом подавляющее большинство смертей пришлось на сельскую местность (72,7%) и около трети на города (27,3)⁵. Особенно значительной была смертность от голода в Саратовской, Воронежской и Курской областях, Сталинградском и Северо-Кавказском краях⁶. Следовательно, в первую очередь пострадали сельскохозяйственные зерновые районы, в число которых входили Кубань и Ставрополье (таблица 2.10).

В 1933 г. городское население Северо-Кавказского края сократилось на 2,5%. Лишь в районах Нижней и Средней Волги убыль городского населения была выше, чем на Северном Кавказе и составила соответственно 4% и 2,9%⁷.

По подсчетам Е.А. Осокиной убыль населения в селе в европейских регионах России была несколько меньше, чем в городах. Но даже по регионам убыль была распределена далеко неравномерно. Сильнее всего пострадали Северный Кавказ и Нижняя Волга, где убыль была результатом голода. Причем половина всей убыли в европейской части России пришлась именно на регионы Северного Кавказа⁸. Максимальная убыль населения наблюдалась

---

¹ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом... С. 55.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 30–32; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом... С. 55; Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 120.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 18–37.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д. 256. Л. 27, 49 (Продовольственные проблемы, оказавшие влияние на рост смертности, начинаются в конце 1932 г., отсюда такая разница в сравнении с 1933 г. и 1931 г.).

⁵ Рассчитано по: РГАЭ Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 27–28, 49.

⁶ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического... С. 104.

⁷ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 20.

⁸ Там же. С. 21.

в середине 1933 г. В пределах Северного Кавказа число родившихся составило 138 861 чел., тогда как умерших насчитывалось 416 664 чел. В результате смертность втрое превысила рождаемость, причем 75,5% смертей здесь пришлось на сельских жителей¹.

Таблица 2.10 – Численность населения Северо-Кавказского края и РСФСР в 1933 г., тыс. чел.²

Название территории	По подсчетам ЦУНХУ*			По подсчетам УНХУ		
	город	село	всего	город	село	всего
Северо-Кавказский край	2510,5	7222,7	9733,2	2571,9	6801,4	9373,8
РСФСР	26510,5	76322,4	102832,9	26410,0	72170,6	98580,6
Естественный прирост						
Северо-Кавказский край	-63,9	-227,1	-291,0	-63,8	-214,0	-277,8
Европейская часть РСФСР	-232,4	-68,1	-300,5	-230,8	-66,4	-297,2
РСФСР	-261,0	165,2	-5,8	-247,9	32,7	-215,2

Близки к этим данным и расчеты Е.Н. Осколкова, одного из первых региональных исследователей обратившегося к теме голода на Юге России: количество умерших в Северо-Кавказском крае составило: в 1932 г. – 123 108 чел., в 1933 г. – 424 437 чел.³

Архивные данные учета смертности этого периода по отдельным регионам РСФСР разрознены, противоречивы и часто неполные. Так согласно справке с итогами естественного движения населения по РСФСР, УССР и

¹ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 21.

² Таблица составлена по источнику: Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 17–26. *Разница в данных, приводимых в отчетах УНХУ и ЦУНХУ, обусловлена тем, что отчеты местных УНХУ охватывали не все население, а в ЦУНХУ высчитывались так называемые доисчисленные данные, т.е. распространяемые на всю территорию показатели в соответствии с недостающими процентами охвата.

³ Алексеенко И.И. Голодомор на Кубани 1932–1933 гг. // Проблемы массовых политических репрессий в СССР: Материалы I регион. науч. конф. Краснодар, 2003. С. 38.

БССР за 1927–1937 гг. число умерших в Северо-Кавказском крае¹ на 1933 г. составило 118 232 чел. В этом же году в Азово-Черноморском крае умерло 287 253 чел. Однако, Азово-Черноморский край был образован 10 января 1934 г., путем выделения из состава Северо-Кавказского края². Объяснение этому противоречию есть. Вероятнее, подготовка к процессу разукрупнения Северо-Кавказского края проходившая в 1933 г. позволила в статистических документах по 1933 г., подготовленных в январе 1934 г. сразу выделить и Азово-Черноморский край. Учитывая масштабы смертности по Азово-Черноморскому краю, их никак нельзя отнести к 1934 г. Тем более, что в следующей таблице за 1934 г. смертность по краю показана значительно меньшей (88 677 чел.)³. Именно регионы, вошедшие в 1934 г. в состав Азово-Черноморского края – Кубань и Дон (земли Войска Донского – будущая Ростовская область), а также Ставрополье оставшееся в составе Северо-Кавказского края в наибольшей степени были затронуты голодом 1932–1933 гг. Таким образом, мы можем суммировать данные по смертности за 1933 г. в Северо-Кавказском и Азово-Черноморском краях и получим в итоге число умерших 405 485 чел.⁴ Эта цифра вполне сопоставима с расчетами Е.А. Осокиной и Е.Н. Осколкова⁵.

По отношению к 1932 г. смертность в регионе выросла на 96%, а к 1931 г. на 133%⁶. Неравномерное распределение смертности отмечается между городом и селом. В Азово-Черноморском крае 25,7% смертей пришлось на городское население, 74,3 на сельское. В Северо-Кавказском крае 20,3% умерших пришлось на города и 79,7% на села. Вследствие превышения смертности над рождаемостью в 1933 г. в регионе наблюдался отрицательный

---

¹ Расчет численности населения по Северо-Кавказскому краю производился без учета данных по Дагестанской АССР с 1931 г. по 1936 г. входившей в состав края на правах автономии.

² ЦДНИКК.Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1275. Л. 7.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 18–37.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 20–21.

⁵ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 21; Алексеенко И.И. Голодомор на Кубани 1932–1933 гг... С. 38.

⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 19–21.

естественный прирост. По Азово-Черноморскому краю естественная убыль составила 197 534 чел., по Северо-Кавказскому 78 753 чел.¹

Основной причиной высокой смертности был голод, что отмечалось и в дневнике руководителя хлебозаготовительной кампании на Северном Кавказе Л.М. Кагановича², и в отчетных документах государственных органов³, и в воспоминаниях современников⁴.

В.В. Кондрашин, опираясь на архивные данные, определяет географию голода в регионе: «Голодали 21 из 34 кубанских и 12 из 18 ставропольских районов. По степени тяжести голода районы делились на три категории. Первая – “особо неблагоприятные”, к ним относились 11 районов Кубани: Армавирский, Ейский, Каневской, Краснодарский, Курганинский, Кореновский, Ново-Александровский, Ново-Покровский, Павловский, Старо-Минской, Тимашевский; один район Адыгейской АО – Шовгеновский и один район Ставрополя – Курсавский. Вторая – “неблагополучные”, включала в себя 6 кубанских и 7 ставропольских районов. В третью категорию – “прочие”, попали 4 кубанских и 4 ставропольских района»⁵.

Отсутствие продовольствия приводило к потреблению в пищу различных суррогатов, травы, грызунов, трупов павших животных и другой субстанции, которую пищей можно назвать с большой натяжкой⁶. Это влияло и на социальное поведение населения, документы отмечают, что «... отношение живых к смерти своего близкого родного было удивительно равнодушное, пассивное. Люди как бы потеряли свои человеческие чувства и симптомы человека... Имели место и факты каннибализма»⁷.

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21.

² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 74.

³ ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 443. Л. 223–224; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 25. Л. 35.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 8–9, 15–20.

⁵ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 172–173.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 83; ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 23. Л. 110; Голод в СССР. 1930–1934 гг. Сборник документов / сост. О.А. Антипова и др. М., 2009. С. 78 (со ссылкой на ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 62–64).

⁷ Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции. Приложения / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева.

Голод и смерть многих заставляли усомниться в правильности самой коллективизации либо в методах ее осуществления. Эту мысль в своих воспоминаниях высказывает И.Л. Полежаев, работавший в феврале 1933 г. директором Уманского (Ленинградского) педтехникума. «26.02.1933 г. В станице голод. Мне поручили провести собрание колхозников в к-зе им. Зубрицкого. Явилось человек 15 худых, изможденных женщин. Лица, словно с икон. Согласны со всем и все делать. Но и “трэба хочь крохы хлиба, йисты ничего”. Думаю, а как же дети? Да, коллективизация дается дорогой ценой. Новый путь жизни должен вытеснить все старые привычки, формы хозяйства, весь уклад жизни, выработанный веками. А как сделать это в течение года или нескольких лет, когда все прикипело к человеку в течение многих веков и находится у него в крови?»¹.

Идет существенное сокращение численности населения. Так в 1930 г. численность населения голодающего Старо-Минского района Кубани составляла 76,7 тыс. чел., 1931 – 76,3, 1932 – 68,2, 1933 г. (на 1 июня) – 52,0 тыс. чел., в том числе работающих в колхозе: 1930 г. – 53,2 тыс. чел., 1931 – 65,4, 1932 – 58,44, 1933 г. – 42,6 тыс. чел.² По данным И.И. Алексеенко, в тех станицах, где ситуация была наиболее неблагоприятной, от голодной смерти умерло в пределах 40–60% жителей, а в некоторых и более³.

Следствием высокой смертности населения стал и стремительный рост детской беспризорности, борьба с которой рассматривается как важнейшая государственная задача⁴.

Анализируя причины и последствия голода, хотелось бы остановиться на

Краснодар, 2009. № 168. С. 330–331; Хубова Д.Н. Черные доски: *tabula rasa*: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / отв. ред., вступит. статья Ю.Н. Афанасьев. М., 1995. С. 80; Голод в СССР. 1930–1934 гг... С. 108 (со ссылкой на ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 149–150).

¹ Дневники Ивана Лазаревича Полежаева... С. 53.

² ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 83. Л. 90–91.

³ Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе. 30-е годы XX века. Краснодар, 1993. С. 49.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 315; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 3235. Л. 5; ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 20.

некоторых важных положениях. Во-первых – это сама система организации питания в российской деревне основанная на зерновых культурах. Это характерно не только для российской деревни, еще Фернан Бродель обращал внимание на снижение потребления мяса в Европе и увеличения в повседневном рационе хлебопродуктов, которые становятся основой питания¹. Содержание понятия хлеб теперь приобретает символическое значение. Отсутствие хлеба становится знаком беды и голода.

Во-вторых, голод влиял на поведение, психические и социальные характеристики человека, его организацию, в том числе и коллективную.

Это пересекается с работами академика И.П. Павлова, который выделяет существование особых «рефлексов свободы» и влияния голода на подчинение животного². На это обращает внимание и известный социолог П.А. Сорокин: «... в эпохи голода происходит закрепощение голодных сытыми, оно оказывалось и оказывается одной из причин возникновения рабства, крепостничества и других форм принудительной зависимости человека от человека, группы от группы»³. Контроль имеет тот, а в данном случае – это государство, в руках кого в период голода сосредоточено продовольствие. Оно и определяет критерии распределения продовольствия, а значит и возможность жизни вообще. Под воздействием голода происходило изменение психологии населения, подавление любых формы сопротивления власти.

«Голодание резко деформирует духовную личность, – пишет П.А. Сорокин, весь духовный багаж нашего «я», как со стороны содержания этого багажа: идей, убеждений, верований, вкусов, желаний, стремлений, оценок, чувств и эмоций и всего мировоззрения, – так и со стороны механизма смены и течения элементов этого багажа – душевных процессов»⁴.

Голод повлиял и на демографическое поведение населения. Стремление

---

¹ Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе. СПб, 2009. С. 130.

² Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб, 2001. С. 76–80.

³ Сорокин П.А. Голод как фактор... С. 198.

⁴ Там же. С. 111.

к выживанию любой ценой, снижение физического потенциала населения, социальная аномия отодвигали репродуктивные установки на периферию потребностей.

В конъюнктурном обзоре населения СССР подготовленного ЦУНХУ за 1930–1934 гг. указывается, что: «в 1933 г. убыль населения почти целиком определена исключительно высокой смертностью при продолжающемся понижении рождаемости. Смертность составила в 1931 г. – 3,3 млн чел., 1932 – 3,6, 1933 г. – 5,8 млн чел.»¹. Корректировку этих цифр проводит М.В. Курман, обращаясь с докладной запиской от 14 марта 1937 г. к И.А. Кравалю, занимавшему должность руководителя ЦУНХУ: «... по данным отдела населения число смертей в 1933 г. составило около 5,7 млн чел., а с прибавлением недоучета около 6,7 млн чел. (15% недоучета). Такой процент недоучета для 1933 г. возможен»².

Такой же цифры – 6,7 млн чел., учитывая не отраженную в статистике убыль населения, придерживается и Е.А. Осокина, при этом около половины (это свыше 3 млн чел.) погибли собственно от голодной смерти³.

При оценке масштабов потерь вследствие голода 1932–1933 гг. в историографии фигурируют и другие цифры. По расчетам Р. Конквеста «число погибших составило 7 млн чел., в том числе до 1 млн чел. на Северном Кавказе. Особенно велики были показатели смертности в городах Северного Кавказа: в Ставрополе из 140 000 жителей умерло 50 000, в Краснодаре из 140 000–40 000»⁴. Однако данные приведенные Р. Конквестом не подкреплены достаточной статистической базой в силу объективных обстоятельств (закрытости советской статистики в 1960-е гг., когда была написана работа) и являются скорее предположительными.

Близки к выводам Р. Конквеста и расчеты украинских историков

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 1.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 27–27об.

³ Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г... С. 21, 23.

⁴ Конквест Р. Жатва скорби: Советская коллективизация... С. 408–409.

С.В. Кульчицкого, Е. Захарова, П.К. Василевского¹. Анализируя, в основном, процессы происходящие в УССР, они проводят параллели с затронутыми голодом регионами Северного Кавказа, где значительный процент населения составляли украинцы.

Н.А. Ивницкий также придерживался мнения о сокращении населения СССР в период голода 1932–1933 гг. на 7,7 млн чел., в том числе на Северном Кавказе около 1 млн чел.²

С. Уиткрофт и Р. Дэвис, применив методики Лоримера к закрытым ранее данным переписей и локальных оценок получили сверхсмертность за 1930–1933 гг. в размере 5,7 млн чел.³ Работы С. Уиткрофта, основанные на достоверных архивных источниках, на сегодняшний день представляют одну из наиболее взвешенных оценок потерь советского крестьянства в период голода 1932–1933 гг.⁴

Расчеты, проведенные нами с использованием материалов текущей статистики естественному приросту в фондах РГАЭ показывают, что смертность населения в 1932–1933 гг. по РСФСР составила 4 989 555 чел., по Северному Кавказу – 597 122 чел.⁵

Столь существенное расхождение показателей с цифрами других авторов и документов связано, в том числе, и со спецификой учета смертности в этот период. В докладной записке от 4 апреля 1934 г. М.В. Курман отмечал: «обращает на себя внимание то обстоятельство, что не хватало книг учета

---

¹ Кульчицкий С.В. Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. Київ, 2008; Захаров Е. Чи можна кваліфікувати Голодомор 1932–1933 роки в Україні та на Кубані як геноцид? Харків, 2008. С. 10; Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. Київ, 2003. С. 508.

² Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009. С. 224.

³ Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. N.Y., 2004.

⁴ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 18.

⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 20–21 (Данные по РСФСР приводятся без учета смертности по Якутской АССР, данные по Северо-Кавказскому краю с учетом смертности по Дагестанской АССР).

смертей. Не было ни одного случая недостатка книг записи рождений. Вполне вероятно, что нехватка книг учета смертей в этих сельсоветах была вызвана повышением в них в 1933 г. смертности. В книгах ЗАГСов в 1933 г. было негласно запрещено указывать в качестве причины смерти “голод”, используя различные обходные формулировки: “истощение”, “не известно”»¹. Он же в 1937 г. приводит более конкретные цифры: «Ряд специальных обследований с выездом на места показали, что на Украине, в Азово-Черноморском крае, Саратовском и Сталинградском крае, Курской и Воронежской областях имело место значительное количество случаев смертей не записанных в книгах ЗАГС. На основе имеющихся материалов можно считать, что в 1933 г. недоучтено около 1 млн случаев смертей»². Однако эти данные были объявлены «фашистскими», записка М.В. Курмана «изъята в неофициальном порядке из ЦУНХУ»³, а сам он арестован и осужден.

На недоучет смертей по Северо-Кавказскому краю указывает и начальник краевого УНХУ Осинов в 1934 г. в докладной записке на имя первого секретаря крайкома Б.П. Шеболдаева, оценивая его в 62,5%⁴.

Даже принимая во внимание факт недоучета смертей, рост показателей смертности указывает на их прямую связь с массовым голодом. Согласно данным текущего статистического учета приведенным В.В. Кондрашиным со ссылкой на ЦА ФСБ РФ и РГАЭ: «В первом полугодии 1932 г. смертность в Северо-Кавказском крае в среднем составляла 8 270 чел. в месяц (что было в пределах нормы), затем она начинает увеличиваться: во втором полугодии 1932 г. – 12 247 чел., в январе 1933 г. – 59 242 чел., апреле 1933 г. – 60 038 чел., июне 1933 г. – 56 062 чел.»⁵.

Хотя наибольший процент смертей приходится на сельскую местность, голод ударил и по городу. «Во многих городах края, особенно в таких как

---

¹ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006. С. 95.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 27–27об.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 537. Л. 81.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 15.

⁵ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов... С. 173.

Армавир, Краснодар, Ставрополь чрезвычайно тяжелое продовольственное положение, довольно много народу пухнет ...»¹.

Используя данные текущего статистического учета представленные в ГАРФ, рассмотрим показатели смертности по крупнейшему городу региона – Краснодару. Как видно из таблицы 2.11 показатели смертности в городе в 1933 г. составили по отношению к 1932 г. 271,1%².

Таблица 2.11– Смертность в г. Краснодаре в 1932 и 1933 гг.³

Возраст	1932			1933		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
1–9	665	544	1209	898	714	1612
10–14	49	36	85	184	115	299
15–17	30	36	66	120	61	181
18–19	45	37	82	149	81	230
20–24	121	88	209	437	147	584
25–29	127	93	220	433	159	592
30–39	215	147	362	827	380	1207
40–49	240	115	355	890	422	1312
50–59	288	154	442	1089	522	1611
60–69	330	187	517	1031	583	1614
70 и старше	401	417	818	860	991	1851
неизвестный возраст	68	33	101	825	187	1012
<i>Итого</i>	2579	1887	4466	7743	4362	12105

Самый высокий уровень смертности наблюдался в трудоспособных возрастах. В группе 30–39 лет смертность выросла в 3,3 раза, 40–49 лет в 3,7 раза, 50–59 лет в 3,6 раза, у детей в возрасте 10–14 лет в 3,5 раза. Незначительный рост детской смертности в возрастной группе 1–9 летних возможно является следствием недоучета. Согласно обследованию М.В. Курмана было выявлено плохое снабжение актовыми книгами, что имело следствием неточные записи возраста и большой недоучет смертей⁴. Это так

¹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 25. Л. 35.

² Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 204. Л. 118–118об.; Д. 221. Л. 1.

³ Таблица составлена на основе того же источника.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 15.

же подтверждается сверхвысокими показателями смертности в группе «неизвестный возраст».

Наиболее уязвимыми оказались мужчины. Смертность среди мужского населения в 1933 г. увеличилась на 200,2%, среди женского на 131,2%. В возрастной группе 15–17 лет наблюдалось двукратное превышение смертности среди мужского населения в сравнении с женским, в возрасте 20–24 года в 2,9 раза, 25–29 лет в 2,7 раза¹.

Показательно распределение умерших в г. Краснодаре по причинам смерти. Как видно на рисунке 2.6 в 1933 г. по отношению к 1932 г. существенно выросла смертность от причин, связанных с питанием.

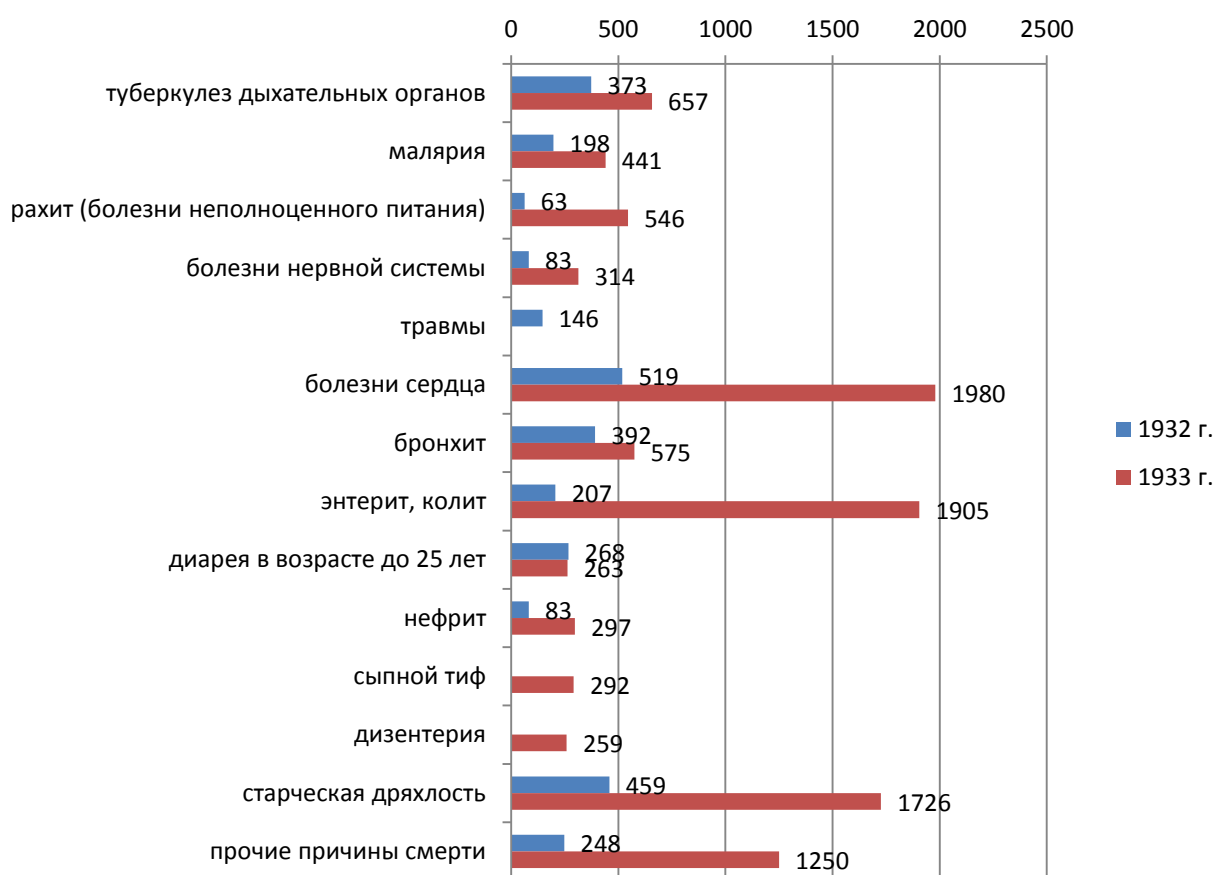

Рисунок 2.6 – Причины смертности населения (выборочные) в г. Краснодаре в 1932 и 1933 гг.²

Так смертность от рахита выросла на 766,7%; энтерита и колита на

¹ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 204. Л. 118–118об.; Д. 221. Л. 1.

² Составлено по тем же источникам.

820,1%; болезни сердца на 281,5%; болезни нервной системы на 278%, нефрита на 257%. Значительно увеличилась доля умерших от старости – на 276%¹, что так же указывает на сложные условия жизни и питания людей старшего и пожилого возраста, как наиболее уязвимого возрастного контингента. Выросла смертность от туберкулеза органов дыхания, дизентерии, сыпного тифа, малярии, что так же было следствием ослабления организма в период голода.

Существенно увеличилась смертность в категории «прочие причины» – на 404%², что было следствием запрета на упоминание такой причины как истощение от голода³.

Правительство пыталось не только скрыть последствия голода, но и показать, что ситуация в стране вполне благополучная. В пропагандистских брошюрах, выходивших в 1932–1933 гг. демонстрировались картины голода в Польше, Японии и других странах⁴, но полностью отсутствовали упоминания о голоде в СССР.

Голод стимулировал бегство крестьян в 1933 г. из охваченных голодом районов в крупные города и соседние более благополучные регионы⁵, что также отразилось на сокращении численности населения.

Резкое сокращение численности населения, увеличение смертности заставляет власть изменить политику отношения к крестьянству. 25 февраля 1933 г. вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О семенной помощи колхозам и совхозам Украины и Северного Кавказа» по которому Северо-Кавказскому региону отпускалось 9 300 тыс. пудов зерна, принимается ряд мер по стабилизации продовольственной обстановки⁶.

К середине 1930-х гг. демографическая ситуация стала

---

¹ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 204. Л. 118–118об.; Д. 221. Л. 1.

² Рассчитано по тем же источникам.

³ Блюм А., Меспуле М. Указ. соч. С. 95.

⁴ Дюваль Г. Голод и нищета среди всеобщего изобилия. М., 1932. С. 36–37.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 3. Кн. 2... № 63. С. 262–263; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 4.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 8–9, 15–20.

стабилизироваться, но в 1937–1939 гг. последовал новый виток репрессий, получивших в историографии термин «Большой Террор». в соответствии с Приказом № 00447 30 июля 1937 г. за подписью Н.И. Ежова инициировал репрессивные мероприятия в отношении бывших кулаков уголовных и прочих антисоветских элементов. Согласно Приказу репрессируемые подразделялись на две основных категории: первая включала наиболее враждебно настроенных в отношении советской власти и предполагалась к немедленному аресту и расстрелу по решению троек¹. Враждебно настроенные, но менее активные крестьяне составляли вторую категорию. По отношению к ним применялась мера в виде ареста и тюремного заключения сроком 8–10 лет. Причем к более опасным лицам из этой категории приговоры о заключении на те же сроки могли выноситься тройками. По заранее установленным разнарядкам под этот приказ попало около 194 067 чел.²

Были определены региональные квоты подлежащих репрессии: по Азово-Черноморскому краю – 13 000 чел., в том числе представители первой категории насчитывали 5 000 чел., ко второй были причислены еще 8 000 чел. В Орджоникидзевском крае предполагалось репрессировать 5 000 чел., из них к первой категории были отнесены 1000 человек и ко второй 4000³.

Затем лимиты для Азово-Черноморского края были изменены в большую сторону на 6 252 чел. Таким образом общее число попавших под репрессии насчитывало 19 252 чел.⁴

В работе «Десять лет, изменившие страну» С.А. Кропачев по поводу

---

¹ Тройками назывались внесудебные органы уголовного преследования, действовавшие в СССР в 1937–1938 гг. на уровне республики, края или области. Тройка состояла из руководителя регионального НКВД, первого секретаря партии и главного прокурора соответствующего края, области или республики. Традиционная методика судопроизводства, где присутствуют государственный обвинитель (прокурор) и защитник (адвокат), здесь не действовала. Тройки могли рассматривать дела как на каждого арестованного в отдельности, так и на группу арестованных или семью. Как правило, обжалованию такие решения не подлежали и в кратчайший срок приводились в исполнение.

² Юнге М., Биннер Р. Указ. соч. С. 25.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 126.

деятельности троек пишет: «...они рассматривали дела заочно, в ускоренном порядке, одновременно “пропуская” десятки, сотни дел, по которым могли проходить тысячи заранее обреченных человек. Так, только 20 ноября 1937 г. “тройкой” УНКВД по Краснодарскому краю было рассмотрено 1 252 уголовных дела. Проходившие по ним лица необоснованно обвинялись в том, что якобы являлись активными участниками различного рода контрреволюционных, повстанческо-диверсионных и террористических организаций, занимавшихся подготовкой на Кубани вооруженного восстания против Советской власти, а также в проведении среди населения контрреволюционной, пораженческой агитации и распространении провокационных слухов. Если предположить, что “тройка” работала без перерыва все 24 часа, то на одно дело было затрачено чуть больше одной минуты. Фактически – несколько секунд»¹.

В документе, направленном 30 января 1938 г. на имя Прокурора СССР Вышинского отмечалось: «...по Краснодарскому краю репрессировано по 1-й и 2-й категориям свыше 20 000 чел. ... В тюрьмах края содержатся под стражей 16 860 чел., при лимите в 2 760 чел., налицо исключительная перегрузка, имело место уже появление инфекционных заболеваний в Краснодарской, Армавирской и Майкопской тюрьмах»².

Ситуацию усугублял и тот факт, что повышение смертности, происходило на фоне снижения рождаемости. При этом показатели младенческой смертности во второй половине 1930-х гг. были относительно стабильными, в отдельные годы даже наблюдалось их понижение. Следовательно, смертность росла за счет взрослого населения.

Так, в Краснодарском крае рост показателей смертности в 1940 г. по отношению к 1937 г. составил в городах 13,4%, в селах – 11,2%.

Еще большим был рост смертности в этот период на Ставрополье, где в

---

¹ Кропачев С.А. Десять лет, изменившие страну... С. 13.

² Кропачев С.А. Масштабы демографических потерь... С. 39–40.

городах смертность выросла на 11,7%, в селах на 22,5%¹.

Показателен тот факт, что рост смертности в период с 1937 по 1940 г. прежде всего, наблюдался среди женского населения. Если мужская смертность в городах Краснодарского края за период с 1937 по 1940 гг. возросла на 3,3%, то женская на 10,9%. На Ставрополье среди городского населения рост смертности был заметно меньшим и у мужчин смертность увеличилась на 2,8, у женщин на 2,2%. В то же время в селах Ставрополья рост смертности был существенно выше и за тот же период у мужчин смертность выросла здесь на 17,7%, у женщин на 14,4%. В сельских поселениях Краснодарского края по сравнению со Ставрополем рост смертности был незначительным. Но и здесь смертность женщин возросла сильнее, чем мужская. Смертность среди женщин выросла на 6,6%, среди мужчин на 2%² (таблица 2.12).

Рост женской смертности частично был следствием запрещения аборт. Согласно статистическим данным на 1935 г. по городским поселениям РСФСР учтено было 451 женских смертей от этой причины, то в 1936 г. эта цифра уже составляла 910 случаев. Рост смертности от абортов в последующие годы был неуклонным, вплоть до 1940 г., когда эта цифра превысила 2 000. Материнская смертность в 1940 г. в городах определялась числом в 4 000 случаев, т.е. на 1 000 родившихся детей насчитывалось 329 случаев смерти матерей. За пять лет – с 1935 по 1940 г. рост числа смертей от абортов среди всех случаев материнской смертности вырос почти вдвое: с 26% до 51%³. В Краснодаре в 1936 г. число смертей от искусственного аборта увеличилась на 87,5% по сравнению с 1935 г.⁴

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29; Д. 393. Л. 96–97; Д. 394. Л. 7–9, 13–15.

² Рассчитано по тем же источникам.

³ Сакевич В.И. Что было после запрета аборта в 1936 году // Население и общество. 2005. № 221–222; см. также: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 403. Л. 1–2.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 15.

Таблица 2.12 – Естественное движение населения по Кубани, Ставрополью и автономным областям за 1940 г.¹

Административные единицы	обслуживается населения	число родившихся	число умерших	мужчин	женщин	умерших детей до года
Краснодарский край всего	3172674	116828	55006	28663	26343	21186
городское	795049	23663	12831	6911	5920	4086
сельское	2377625	94165	42175	21752	20423	17100
Ставропольский (Орджоникидзевский) край всего	1950887	69345	29900	15514	14386	10886
городское	418837	10579	5675	3099	2576	1670
сельское	1532050	58766	24225	12415	11810	9216
Карачаевская АО всего	150303	4746	1435	756	679	455
городское	10713	426	120	114	76	67
сельское	139590	4320	1245	642	603	388
Черкесская АО всего	92898	3205	1206	598	608	434
городское	28645	779	353	176	177	109
сельское	64253	2426	853	422	431	325
Адыгейская АО всего	241799	8476	3627	1852	1775	1350
городское	67364	2052	1166	609	557	415
сельское	174435	6424	2161	1243	1218	935

Причина роста смертности в результате абортов объясняется тем фактом, что вне лечебных учреждений их чаще всего проводили люди, далекие от медицины: «бабушки» и знахарки, санитарки и т.п.²

Одновременно с ростом материнской смертности органы здравоохранения столкнулись с другой проблемой. Повышение рождаемости, к которому большинство медицинских учреждений оказалось не готовыми, привело по свидетельствам архивных документов, «к скученности и

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15, 40–42, 43–45, 49–51.

² Тадевосян В. Закон 27 июня 1936 г. в действии // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 46.

перегрузке родильных домов», что так же увеличивало материнскую и младенческую смертность¹.

Следствием роста смертности в конце 1930-х – начале 1940-х гг. и снижения рождаемости стало сокращение естественного прироста. Показатели естественного прироста начинают заметно снижаться уже во второй половине 1920-х гг., когда демографическая ситуация была в целом еще достаточно благоприятной. Это снижение происходило вплоть до 1933 г., в котором достигло отрицательных значений в результате превышения показателями смертности показателей рождаемости.

В дальнейшем ситуация несколько выправилась, установился невысокий, но положительный естественный прирост. Данная ситуация объясняется понижением рождаемости в результате голода, деформациями половозрастной структуры вызванной депортациями и репрессиями в ходе хлебозаготовок начала 1930-х гг., а так же частично запретом аборт (рост женской смертности). Очередной пик естественной убыли пришелся на 1936 г. вследствие увеличения смертности. Запрет абортов, напротив, способствовал в первые годы после принятия указа росту показателей рождаемости, пик которой приходится на 1937–1938 гг. В последующие годы вновь наблюдается ее постепенное сокращение. Показатели смертности, напротив, оставаясь сравнительно высокими несколько понизилась в 1937–1938 гг. и снова стали расти в 1939–1940 гг. Как следствие естественный прирост снова стал снижаться.

К началу 1940-х гг. основные потери среди населения Кубани и Ставрополя были обусловлены голодом, репрессивной политикой и государственным вмешательством в репродуктивный процесс путем запрета абортов. Как следствие повышаются общие показатели смертности, повышается смертность мужского населения в активных возрастах, наблюдается рост материнской смертности, растут показатели смертности в

---

¹ Цит. по: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С. 290.

сельском населении, лишь младенческая смертность сохраняется на стабильном уровне и в отдельные годы демонстрирует некоторое улучшение показателей.

Таким образом, накануне войны демографическая ситуация в регионе была крайне неблагоприятной. Несмотря на мирное время на Кубани и Ставрополье наблюдался чрезвычайно низкий естественный прирост, а в отдельные годы и естественная убыль.

Великая Отечественная война оказала не менее негативное влияние на процессы воспроизводства в стране. Прежде всего это влияние отразилось на уровне смертности. Изменение коэффициентов смертности на протяжении всего периода войны было неодинаковым, здесь выделяются несколько этапов. В тех районах страны, которые находились в глубоком тылу и которых практически не затронули прямые военные действия можно выделить два этапа: 1) июнь 1941 г. – осень 1942 г. когда ее уровень значительно вырос и осень 1942 г. – весна 1945 г. когда показатели смертности постепенно уменьшались¹.

На Кубани и Ставрополье изменение показателей смертности было связано со сменой состояния территорий, которые в начале войны были тыловыми, затем попадают в зону активных военных действий и оккупации, и, наконец, переходят в категорию освобожденных территорий (таблица 2.13).

С первых же дней войны, согласно данным архивной статистики, показатели смертности стали стремительно расти. Уже к маю 1942 г. смертность в Краснодарском крае была на 38,1% больше в сравнении с данными соответствующего месяца 1941 г. В городских поселениях она увеличилась на 46,3%, на селе рост показателей смертности составил 35,0% (рисунок 2.7).

В городских населенных пунктах Кубани по данным за май 1942 г. показатели смертности превысили показатели рождаемости на 412 чел. для

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 87.

сравнения в 1941 г. в этом же временном отрезке превышение смертности над рождаемостью составляло 557 чел. Естественный прирост населения в сельской местности в мае 1942 г. составил 1 090 чел. вместо 3 841 чел. в мае 1941 г., т.е. сократился более чем в 3,5 раза¹.

Таблица 2.13 – Смертность в Краснодарском и Ставропольском краях в 1940–1945 гг., чел.²

Год	Умерло всего			Умерло до 1 года		
	всего	город	село	всего	город	село
Краснодарский край						
1940	55006	12831	42175	21186	4086	17100
1941	44834	12155	32679	14899	3053	11846
1943	18889	7607	11282	2198	616	1582
1944	32388	9436	22952	3510	862	2648
1945	23089	7046	16043	2061	633	1428
Ставропольский край						
1940	29900	5675	24225	10886	1670	9216
1941	29492	5682	23810	8674	1294	7380
1943	15316	5072	10244	1900	374	1526
1944	15291	4345	10946	1448	308	1140
1945	11510	3221	8289	1097	281	816

Быстрый рост смертности населения тыловых районов России непосредственным образом связан с резким снижением уровня жизни. Дефицит прежде всего продуктовых товаров, недостаток нужных организму элементов провоцировал рост заболеваний различной этимологии, повышал риск смерти.

К резкому росту заболеваемости привели интенсивные миграции. Несмотря на принятые жесткие санитарные меры, железные дороги в 1941–1942 гг. являлись основным местом распространения болезней инфекционного характера, прежде всего, таких как тиф.

¹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

² Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2.

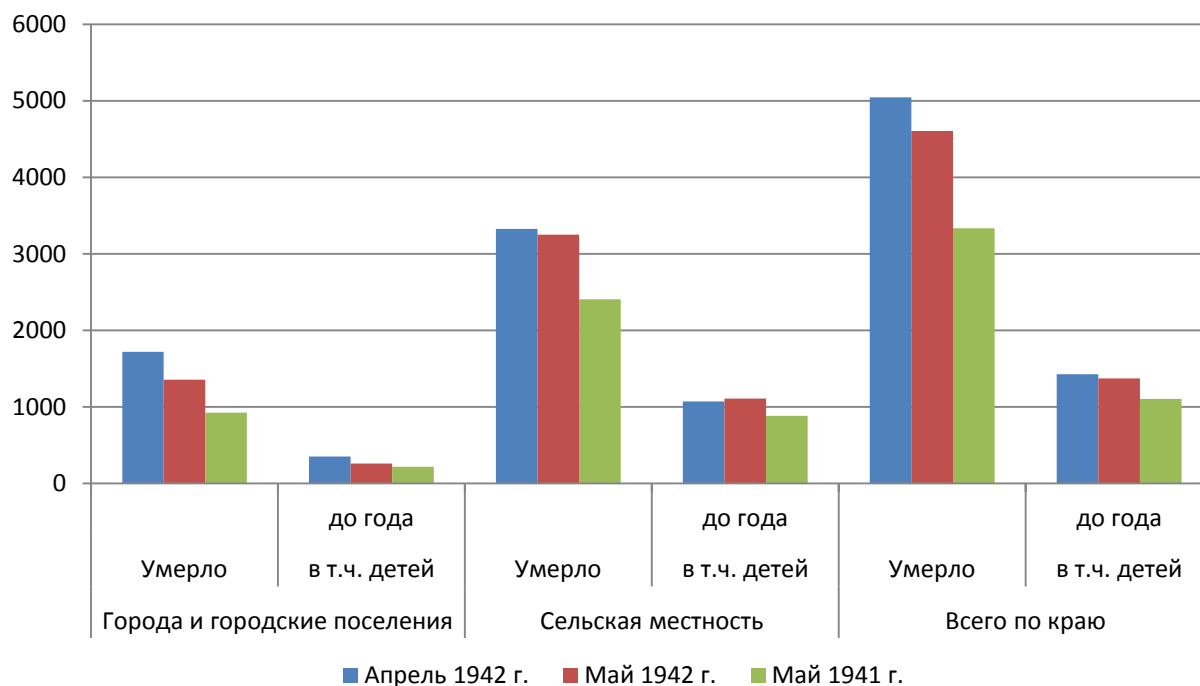

Рисунок 2.7 – Изменение смертности в Краснодарском крае в 1941–1942 гг.¹

Собственно, рост заболеваний был обусловлен в первую очередь факторами социального порядка, нежели биологического. Статистические разработки, содержащие информацию о причинах смертности в этот период, указывают на резкий рост в период с середины 1941 г. до начала 1942 г. смертей вследствие заболевания сыпным тифом, туберкулезом, воспалением легких, желудочно-кишечных болезней и различного рода механических травм².

Так, в Краснодарском крае в 1942 г. около 25% всех смертей были вызваны такими причинами как заболевания органов дыхания: воспаление легких, туберкулез и проч. Но если смертность от туберкулеза постепенно снижалась (с 13,5% среди всех причин смертности в мае 1941 г. до 11% в апреле и 7% в мае 1942 г.), то смертность от воспаления легких росла. В мае 1941 г. на данную причину пришлось 12,1% всех смертей, в апреле 1942 г. – 17,3, а в мае того же года 11,7%³.

¹ Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 89–92.

³ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

На протяжении всего военного времени наблюдалось превышение показателей смертности среди мужчин по отношению к женщинам. Согласно статистическим данным более высокие показатели смертности у мужчин наблюдались от таких причин, которые активнее распространяются в военные годы как травмы, инфекционные и желудочно-кишечные заболевания.

Коэффициенты смертности имели более высокие значения у мужского населения в возрасте 15–59 лет, причем самый высокий показатель был в группе от 35 до 54 лет. 2/3 всех мужских смертей (66%) приходились именно на эту возрастную категорию¹ (рисунок 2.8).

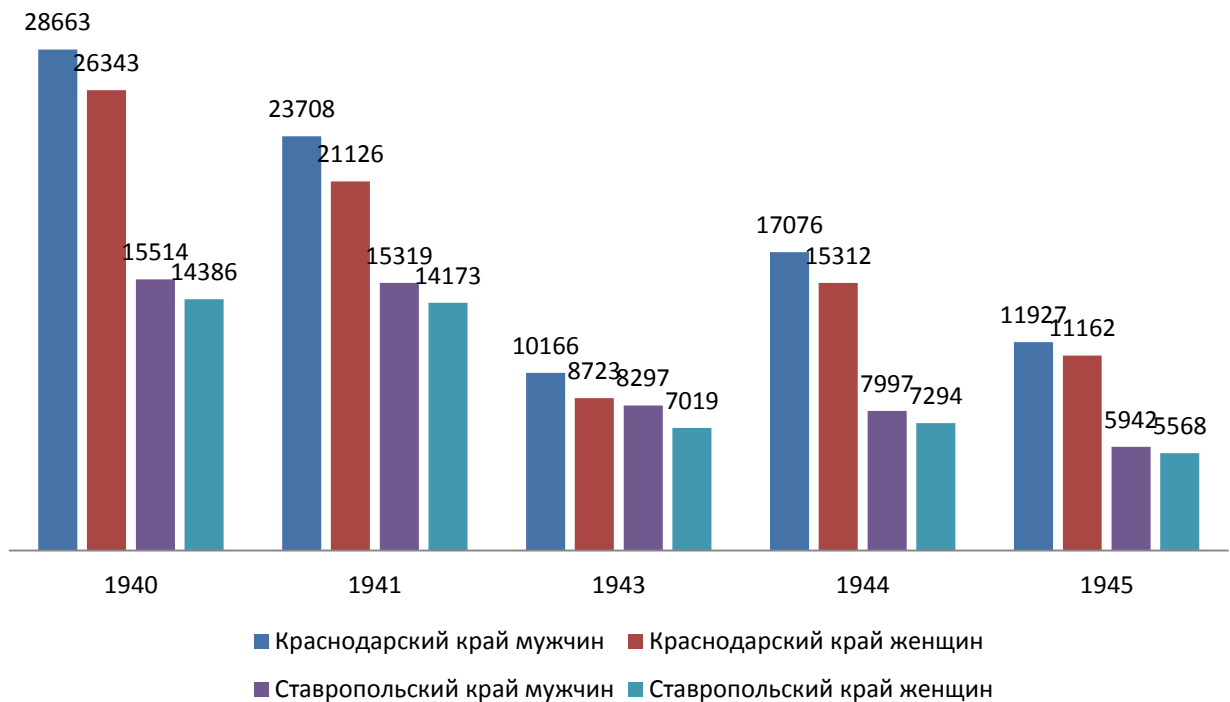

Рисунок 2.8 – Смертность мужского и женского населения Кубани и Ставрополя в 1940–1945 гг., чел.²

Рост смертности на втором этапе (период активных военных действий на территории региона и оккупации: лето 1942 г. – осень 1943 гг.) сопряжен с массовой гибелью гражданского населения. В Краснодарском и

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 90.

² Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2.

Орджоникидзевском (Ставропольском) краях, игравших важную роль в стратегических планах немцев, гибель мирного населения была значительной. В отдельных районах население сократилось в 6–7 раз.

В целом население Краснодарского края после освобождения от оккупации в 1943 г. сократилось на 18,0% (490,7 тыс. чел.) по сравнению с 1939 г., Ставропольского на 22,4% (404,1 тыс. чел.) и насчитывало 2203,4 и 1399,9 тыс. чел. соответственно¹.

Для тыловых районов страны перелом в динамике смертности наступил в конце 1942 г. – начале 1943 г. С осени 1942 г. произошло резкое снижение показателей смертности в тылу. Но для Кубани и Ставрополья этот период был временем оккупации и показатели смертности хотя и медленно, но стали снижаться только после освобождения территорий. Согласно статистическим данным смертность в абсолютных цифрах значительно сократилась на обеих территориях в 1943 г., что было связано, прежде всего, с сокращением общей численности населения Кубани и Ставрополья в результате мобилизации, эвакуации, гибели населения во время оккупации. Рост числа умерших в 1944 г., напротив, стал следствием роста численности населения освобожденных территорий.

Снижение показателей смертности в 1943–1945 гг. можно объяснить некоторой адаптацией общества к экстремальным условиям войны, необходимостью мобилизовать все силы, а так же обозначившимся коренным переломом в войне².

Благодаря государственной политике в области здравоохранения, ужесточению мер санитарного контроля³ были достигнуты положительные результаты. Прежде всего, произошло снижение показателей смертности в детской и пожилой возрастных группах. Причем более быстрыми темпами сокращалась смертность среди детей. Кроме того, интенсивней снижались

---

¹ Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 112.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 98.

³ Там же.

показатели мужской смертности.

Несмотря на все усилия, показатели смертности к концу военного периода полностью стабилизировать не удалось, но этот шаг был уже сделан в 1943–1945 гг. С окончанием войны показатели смертности в масштабах страны существенно снизились. В 1945 г. в СССР смертность составила 53,3% к 1940 г., в РСФСР этот показатель составил 46,5%¹.

В целом перелом к снижению смертности наметился уже в 1944 г. В 1945 г. показатели смертности среди городского населения в сравнении с 1944 г. снизились на 30%, на 28% сократилась смертность в сельской местности². На Ставрополье только за год с 1944 г. по 1945 г. смертность снизилась на 72,0%. Если в 1944 г. общий коэффициент смертности составлял здесь 11,1‰, то в 1945 г. уже 8,0‰³. В Краснодарском крае соответственно 13,3‰ и 9,3‰⁴. Сокращается смертность среди детского населения⁵. Однако стоит учесть, что 1945 г. был уже наполовину мирным, а значит не стоит переоценивать факт снижения смертности. Кроме того, по мнению В.Ф. Зимы, выигрышное сравнение показателей смертности с данными 1940 г. так же нуждается в уточнении, поскольку смертность в 1940 г. была отнюдь не самой низкой накануне войны⁶.

Оккупация Ставрополья продлилась почти полгода, Кубани – немногим более года, однако ее последствия были катастрофическими для населения и хозяйства и сказывались еще долгое время.

Указом ПВС СССР от 2 ноября 1942 г. для расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ущерба гражданам, предприятиям и организациям СССР была создана Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) под председательством Н.М. Шверника⁷.

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1052. Л. 47; Д. 2990. Л. 28–32.

² Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 149.

³ Рассчитано по: ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 2, 8–9.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1883. Л. 1; Д. 545. Л. 1.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 166. Л. 2–3.

⁶ Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 149.

⁷ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. –

После освобождения Ставропольского и Краснодарского краев комиссия осуществляла расследования на их территории. Итоги работы комиссии в Краснодарском крае были опубликованы в августе 1943 г. в брошюре «Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации»¹.

Согласно материалам комиссии, начиная с осени 1942 г., немецко-фашистские захватчики и их сообщники использовали специальные методы для массового уничтожения населения региона, в том числе отравляющие газы, используя которые было уничтожено 6 700 чел. разных возрастных групп². Огромный общественный резонанс вызвало обнаружение таких фактов, как убийство 214 воспитанников детского дома города Ейска и другие факты уничтожения мирных жителей³.

В целом, по итогам работы Чрезвычайной государственной комиссии было установлено, что немецко-фашистскими захватчиками в Краснодарском крае было убито и замучено 48 560 чел. мирных граждан, 6 570 военнопленных и угнано в Германию 48 464 чел. советских граждан⁴, в Ставропольском крае убито и замучено 31 645 чел. мирных граждан, 277 военнопленных и 1 985 чел. угнаны в Германию⁵.

Шла политика тотального уничтожения евреев⁶. По подсчетам Е.А. Войтенко: «захватчиками было убито еврейского населения: в Краснодарском крае – около 20 500 чел., в Ставропольском – 25 000 чел.»⁷.

Численно определить человеческие потери периода войны невозможно.

июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштама. М., 1956. С. 96–98; Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 40.

¹ ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 31. Л. 2–33об.

² ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.

³ ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–27об, 35–87.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 515. Л. 14.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 515. Л. 14; Ставрополье: правда военных лет... № 85. С. 136–138; № 83. С. 129–131; № 84. С. 132–135.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2038. Л. 14–15.

⁷ Войтенко Е.А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 142, 165.

По далеко неполным данным в абсолютных цифрах убыль жителей Краснодарского края к ноябрю 1944 г. по сравнению с предвоенным временем составила 728,7 тыс. чел., в том числе 457,8 тыс. сельских жителей и 270,9 тыс. – горожан. На Ставрополье население за первые годы войны и оккупацию сократилось на 409,8 тыс. чел., из них 302,7 тыс. жители сел и 107,1 тыс. – горожане¹.

В большинстве своем это были прямые потери, составившие в Краснодарском крае – свыше 450 тыс. чел.², на Ставрополье – более чем 180 тыс. чел.³ В целом в обоих регионах население сократилось более чем на 20%. Особенно пострадало городское население. Численность горожан на Кубани сократилась на треть, в городах Ставрополья почти на четверть (таблица 2.14).

Таблица 2.14 – Численность населения по областям/краям подвергнувшимся оккупации, тыс. чел.⁴

Регион	по переписи 1939 г.			на 1 ноября 1944 г.			убыль к 1939 г.,%		
	город	село	всего	город	село	всего	город	село	всего
Краснодарский край	771,5	2400,3	3171,8	500,6	1942,5	2443,1	35,1	19,1	23,0
Ставропольский край	416,6	1534,6	1951,2	309,5	1231,9	1541,4	25,7	19,7	21,0

Последствия войны еще долго сказывались на демографической ситуации региона. Кубань и Ставрополье тяжело возвращались к мирной жизни. Значительная часть народнохозяйственных объектов была разрушена⁵, существенно сократилось население.

За весь период Великой Отечественной войны общие потери СССР

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 475. Л. 54–56, 62–65.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2217. Л. 23–24; Жинкин А., Паламарчук О. Кубань: история, экономика, культура. Краснодар, 2001. С. 162.

³ Край наш Ставрополье: Очерки истории / науч. ред. Д.В. Кочура, В.П. Невская. Ставрополь, 1999. С. 358.

⁴ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 475. Л. 54–56, 62–65.

⁵ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 192. Л. 27–30; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 515. Л. 94.

составили 26,6 млн чел., из них 8 868,4 тыс. чел. – пришлось на вооруженные силы СССР, остальные – на мирное население¹. Примерно такой же цифры придерживается сегодня большинство ученых.

Как полагает В.Н. Земсков, эта цифра является завышенной, поскольку к прямым военным потерям здесь добавлена сверхсмертность по тыловым районам и оккупированным территориям. Он полагает, что масштабы прямых потерь в Великой Отечественной войне со стороны Советского Союза составили около 16 млн чел., в числе которых 11,5 млн военных и 4,5 млн – гражданских².

Повышенная смертность во время войны в результате прямых и косвенных факторов привела к тому, что к 1946 г. страна испытывала серьезный недостаток в рабочей силе. Особенно это проявилось в сельском хозяйстве, где численность трудоспособного населения на 1946 г. составляла 74 млн чел., что соответствовало уровню 1931 г., притом, что более 50% из них были с ограниченной трудоспособностью³.

Послевоенная диспропорция полов усилила нагрузку на женщин во всех областях жизнедеятельности, в том числе и в общих затратах труда в колхозах. В 1948–1949 гг., например, трудоспособные мужчины выработали 39,8% общего числа трудодней, а женщины – 46%⁴.

Послевоенное село нуждалось не только в рабочих руках, но и в технике, удобрениях, семенах. Разрушенная промышленность не могла обеспечить эти потребности даже минимально. За время войны произошло существенное сокращение сельскохозяйственной техники, тягловых животных, что вместе с сокращением числа рабочих рук привело к падению урожайности важнейших сельскохозяйственных культур. Урожай 1945 г. оказался ниже предвоенного 1940 г. в среднем на 35%⁵.

---

¹ Великая Отечественная война без грифа секретности... С. 273, 376.

² Земсков В.Н. Людские потери СССР в 1941–1945 гг. (оценки, расчеты, дискуссии) // Великой Победе – 70 лет: Сборник статей. М., 2015. С. 93.

³ Белозеров В.С. Указ. соч. С. 71.

⁴ Волков И.М. Указ. соч. С. 117.

⁵ Белозеров В.С. Указ. соч. С. 71.

К этим проблемам добавилась еще и засуха, охватившая летом 1946 г. Центральное Черноземье, Украину, Молдавию, Среднее и Нижнее Поволжье. Оправдались самые худшие прогнозы. Это сильно влияло на внешнеполитические планы и правительство СССР в 1946 г. принимает решение не снижать обязательных поставок сельхозпродукции, а возникшие проблемы решать за счет ужесточения распределения и потребления продуктов питания: введении ограничений на потребление хлеба и других видов продовольствия, усилении контроля за его расходованием¹.

Несмотря на принятые меры, план хлебозаготовок был выполнен только на 78,8%. По всем категориям хозяйств удалось заготовить немногим более 1 млрд пудов хлеба вместо 1,2 в 1945 г. и 2,2 млрд в 1940 г. Основная часть хлеба была заготовлена у колхозов, и в первую очередь Сибири и Северного Кавказа. Колхозы Краснодарского края сдали 49 546 тыс. пудов² из запланированных 74,9 тыс. пудов зерна³. В хозяйствах Ставропольского края госзаготовки зерна составили более 50% от валового сбора⁴. Как следствие хозяйства Кубани и Ставрополя наряду со многими другими регионами страны фактически лишились запасов зерна как продовольственного, так и семенного до следующего урожая в 1947 г. Сложившаяся в продовольственной сфере ситуация была схожа с ситуацией голодных 1932–1933 гг., что в свою очередь отразилось на демографическом развитии.

Постепенная послевоенная стабилизация показателей смертности снова была нарушена. В апреле 1947 г. согласно сведениям ЦСУ Госплана СССР о естественном движении населения в 16 регионах страны смертность превысила рождаемость⁵. Кубань и Ставрополье в число этих регионов не попали, но ситуация здесь была сложной. В отчете Минздрава РСФСР за 1947 г. они упоминались в числе неблагополучных территорий, где смертность

---

¹ Кузнецова Н.В. Карточная система в условиях голода... С. 154.

² Волков И.М. Указ. соч. С. 176.

³ Стругова М.Р. Социально-экономическое положение колхозников... С. 112.

⁴ Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 29.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2635. Л. 114.

выросла на 70–80%. Действительно, наши расчеты на основе архивных источников говорят о том, что число случаев смерти в 1947 г. по сравнению с 1946 г. выросло в Краснодарском крае на 61,7%, Ставропольском на 40,7%. В городах Кубани смертность выросла на 70,9%, Ставрополья на 40,2%, в станицах и селах соответственно на 57,5 и 40,9% (таблица 2.15).

Таблица 2.15 – Смертность в Краснодарском и Ставропольском краях в 1946–1949 гг., чел.¹

Год	Умерло всего			Умерло до 1 года		
	всего	город	село	всего	город	село
Краснодарский край						
1946	24381	7722	16659	3799	1200	2599
1947	39433	13197	26236	9129	2825	6304
1948	28163	9102	19061	4250	1195	3055
1949	24392	7247	17145	4851	1179	3672
Ставропольский край						
1946	11798	3578	8220	1804	505	1299
1947	16595	5016	11579	3127	910	2217
1948	12484	3462	9022	1843	425	1418
1949	11713	3062	8651	2188	413	1775

Сильнее всего смертность выросла в детских возрастах и прежде всего среди детей на первом году жизни. В 1947 г., по отношению к 1946 г. на 51% в среднем по стране увеличивается детская смертность, а в ряде регионов и значительно больше. В Краснодарском крае младенческая смертность в 1947 г. увеличилась в 2,4 раза или на 140%, в Ставропольском в 1,7 раза или на 73,3%, при этом рост был одинаковым и в городах и селах. Притом, что и Кубань и Ставрополье в число наиболее проблемных регионов, с точки зрения смертности, не попали. В 1948 г. смертность заметно снизилась, но все еще оставалась выше, чем в 1946 г.²

По опубликованным данным Министерства здравоохранения СССР,

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2230. Л. 1–3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 2, 25–26; Д. 3807. Л. 1; Д. 2635. Л. 120, 128, 136; Д. 2648. Л. 202; ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 3. Д. 721. Л. 1–3; ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 2, 8–9.

² ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1420. Л. 10.

коэффициент смертности сельского населения в 1947 г. составил 11,8‰, в целом по России он составил 17‰. В послевоенный период общий коэффициент смертности в этом году был самым высоким, к сравнению в 1946 г. он составил 12‰, а в 1948 г. – 13‰¹.

Потери от голода 1947–1948 гг. для региона невозможно определить точно. Для Ставрополья эти цифры варьируются в пределах от 150 до 300 тыс. чел. «Особенно бедственным было положение в Апанасенковском, Арзгирском, Бурлацком, Благодарненском, Дмитриевском и Ипатовском районах, где 70% населения не имели никаких продуктов питания»².

В Постановлении Ставропольского крайкома ВКП(б) и Исполкома краевого совета депутатов трудящихся от 24 октября 1946 г. № 5692 с «О дополнительных мерах по экономии и наведению порядка в расходовании хлеба» отмечалось: «Установить в размоле продовольственного зерна на обойную муку, а также в примеси овсяной, ячменной и кукурузной муки в хлебопечении для всех потребителей – до 40 %, сократить выплаты хлебом и др., контингент населения снабжаемого хлебом теперь утверждается ежемесячно»³. К числу работников централизованно снабжаемым хлебом были отнесены работники промышленных предприятий, транспорта, а также проживающие и работающие в сельской местности, но не связанные с сельским хозяйством (врачи, учителя и др.)⁴. На сельское население эти меры не распространялись.

Рост случаев заболевания дистрофией, септической ангиной и прочими болезнями вследствие истощения организма от недоедания либо употребления в пищу суррогатов, позволяет определить очаги массового голода в стране. В.Ф. Зима, со ссылкой на данные Минздрава РСФСР отмечает, что «в апреле

---

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России... С. 164–165.

² Манелова М.Н. Аграрный сектор в период послевоенного восстановления и реконструкции управленческой системы (1945–1964 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. С. 57.

³ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 84. Л. 206.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 84. Л. 333.

1947 г. было зарегистрировано 372,3 тыс. больных алиментарной дистрофией, а в мае того же года их численность возросла до 507,7 тыс. чел., из них умерли 706 чел. Но эта цифра явно занижена»¹. На Кубани число больных дистрофией составило 23 000 чел.²

Однако, число больных дистрофией могло складываться и из мигрантов, которые ехали на Кубань и Ставрополье из других охваченных голодом районов. Вероятно, сказывалась уже давно закрепившаяся слава благополучного в продовольственном отношении региона. Однако и здесь переселенцы попадали в тяжелое положение, их не могли обеспечить ни работой, ни продовольствием.

В информационной записке Армавирского горкома ВКП(б) от 2 апреля 1947 г. отмечалось, что «ежедневно в город приезжает из Украины, Донбасса, Воронежской и других областей 500–600 человек, большей частью семьями... Промышленность и колхозы города Армавира, а также соседних районов, не в состоянии обеспечить такого количества прибывающих работой, жилой площадью, питанием... Не имея средств на существование приехавшие с семьями появляются на индивидуальных огородах и выбирают из земли посаженную фасоль, картофель»³.

Следствием голода стало распространение тяжелых болезней. В районах, охваченных голодом, число преждевременно погибших достигало критического рубежа, а власти пытались скрыть истинные причины высокой смертности. В результате в статистической отчетности за 1947 г. по соображениям секретности причинами высокой смертности населения назывались не истощение и дистрофия, а лишь их проявления.

Так, на Кубани и Ставрополье в 2,5–3 раза в сравнении с 1946 г. выросла заболеваемость дизентерией, пневмонией, туберкулезом (см. таблица 2.16).

---

¹ Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 72 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 55–58).

² Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 71 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2468. Л. 149).

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 660. Л. 147.

Таблица 2.16 – Число умерших по отдельным причинам смерти в городах Краснодарского и Ставропольского краев в 1947 г.¹

Город	Брюшной тиф	Сыпной тиф	Корь	Скарлатина	Коклюш	Дифтерия	Грипп	Дизентерия	Пневмония	Туберкулез	Малярия	Всего умерших от всех причин
Армавир	13	5	15	1	24	8	10	154	226	195	17	2042
Краснодар	15	10	29	6	15	13	29	166	291	489	11	3805
Майкоп	–	–	7	–	6	8	1	2	169	142	16	1160
Новороссийск	7	1	9	2	5	5	4	29	136	109	–	1199
Пятигорск	5	–	7	–	–	2	6	16	60	103	4	887
Ставрополь	–	–	–	–	–	–	–	–	60	41	–	313

Вместе с катастрофической ситуацией и голодом в регионе наблюдаются факты использования служебного положения для получения продовольствия в колхозах ответственными советскими и партийными работниками. В.Ф. Зима в своей монографии приводит выявленные факты по Краснодарскому краю: «Председатель Штейнгартовского райисполкома Ляшов и другие работники райисполкома взяли бесплатно в колхозе "Пионер" в 1947 г. более 0,5 т муки и зерна. Уполномоченный министерства заготовок Овчинников присвоил 96 кг масла и столько же сахара, принадлежащих колхозу "Красная заря". Прокурор Рождественский взял в колхозах бесплатно 144 кг муки. Народный судья Гусев в течение 1947–1948 гг. взял бесплатно в колхозах 560 кг муки, 48 кг мяса, 400 штук яиц, 176 кг картофеля и других продуктов питания»².

География послевоенного голода в целом сходна с голодом 1932–1933 гг., его последствием стала очередная демографическая катастрофа. По разным оценкам в 1946–1948 гг. число смертей от голода насчитывало 1–2 млн человек. Основная тяжесть голодных смертей в этот период вновь как и в

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 700. Л. 9, 66, 126, 129, 139; Оп. 329. Д. 2635. Л. 4, 12.

² Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 115.

начале 1930-х легла на сельское население¹. Ухудшение ситуации с показателями смертности привело к тому, что практически не ощутимы были последствия компенсаторной рождаемости в первые послевоенные годы. В последующем ситуация в сфере смертности постепенно улучшалась, и в целом для сельского населения был характерен более низкий, чем в городе, уровень смертности².

При анализе показателей смертности стоит отдельно остановиться на младенческой смертности, которая является важным индикатором демографического развития и в ходе демографической модернизации закономерно понижаются ее показатели. Однако, в начале 1940-х гг. в стране увеличение показателей смертности во всем населении шло параллельно с увеличением такого показателя как младенческая смертность. Детский организм на первом году жизни отличается пониженными адаптационными возможностями, что особенно проявляется в условиях различных социальных катаклизмов, в том числе и голода.

Смертность детей до 1 года обычно варьировалась в зависимости от времени года. Своего максимума показатели младенческой смертности достигали в летний период преимущественно за счет увеличения желудочно-кишечных болезней. Так, например, коэффициент детской смертности на 83% превысил среднегодовой показатель в августе 1940 г.³

Эта закономерность, связанная с сезонными изменениями детской смертности, наблюдалась и на протяжении военных лет. Именно этими причинами можно объяснить рост показателей смертности детей до 1 года в июле – августе 1941 г. Влияние собственно сложных военных условий начинает проявляться лишь осенью 1941 г. Если в обычные мирные годы к осени младенческая смертность обычно имела тенденцию к понижению, в первый военный год она продолжала оставаться высокой.

---

¹ Зима В.Ф. Второе раскулачивание... С. 179.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 266.

³ Там же. С. 87.

1942 г. отмечен резким ростом показателей младенческой смертности. В Краснодарском крае за 11 месяцев (с мая 1941 по апрель 1942 г.) детская смертность увеличилась на 29,2%, а за год ее рост составил 24,1%. На 18,6% выросла детская смертность в городских населенных пунктах с мая 1941 г. по май 1942 г. в селах рост был еще более значительным и составил 25,4%¹.

Только за первое полугодие 1942 г. уровень смертности детей в возрасте до 1 года на территории всей страны увеличился в 3 раза. Летом к тяжелым военным условиям вновь добавился фактор сезонности и в августе коэффициент младенческой смертности поднялся до критической отметки и составил 611%². То есть из 1 000 родившихся детей до годовалого возраста доживало лишь 400.

Из данных таблицы 2.17 видно, что наиболее радикальное снижение младенческой смертности произошло к концу войны.

Таблица 2.17 – Общий коэффициент младенческой смертности на Кубани и Ставрополье, 1940–1949 гг., ‰³

Год	Краснодарский край			Ставропольский край		
	город и село	город	село	город и село	город	село
1940	181	180	182	157	158	157
1941	157	159	156	151	137	154
1943	80	130	69	95	97	95
1944	134	136	133	110	104	112
1945	65	75	61	66	69	65
1946	59	73	54	61	70	58
1947	124	149	115	101	115	97
1948	67	78	64	64	69	63
1949	64	70	63	64	62	65

Снижение это было прежде всего результатом внедрения в медицинскую

¹ ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 88.

³ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 396. Л. 1–2; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1.

практику антибиотиков и сульфаниламидов¹. Как следствие снизилась в первую очередь младенческая смертность от болезней органов дыхания и многих инфекционных заболеваний. Снижение этих показателей было связано с тем, что снизилась в целом рождаемость, а так же более активно стали применяться меры по поддержке материнства и детства².

За весь период 1940-х гг. самые низкие показатели смертности наблюдались в первый послевоенный год³. Так в 1946 г. на Кубани коэффициент младенческой смертности составил 59‰, что на 62% ниже, чем в 1940 г. На Ставрополье снижение так же было заметным, и составило соответственно 61 случай младенческой смерти на 1 000 родившихся (на 61% ниже, чем в 1940 г.).

В целом по России снижение было еще более существенным и достигло 92‰, что было на 74% ниже показателей 1940 г. Смертность детей в городах была несколько выше, чем в сельской местности. Это можно объяснить как плохими санитарными условиями при большой скученности населения в городах, так и недоучетом смертей младенцев в сельской местности⁴.

В целом можно отметить, что целый ряд факторов в совокупности привели к тому, что в показателях младенческой смертности в 1940-х гг. наступил перелом, устойчивой стала тенденция к их дальнейшему снижению. Решающее значение здесь имело широкое использование новых медикаментов, улучшения в области медицинского обслуживания, а также постепенное улучшение социально-экономических условий и уровня жизни населения⁵. Таким образом, прежде всего за счет сокращения экзогенных

---

¹ Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: Сборник статей / под ред. Е.М. Андреева, А.Г. Вишневого. М., 1979. С. 55.

² Сифман Р.И. Там же. С. 56.

³ Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 51.

⁴ Андреев Е.М. Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши. Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. М., 2014. С. 112.

⁵ Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко,

факторов младенческая смертность в стране к концу 1940-х гг. снизилась в три раза¹.

Несколько выбивались из общей тенденции в послевоенный период эти показатели в 1947 г. в результате голода. Согласно расчетам Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской показатели младенческой смертности в целом по стране выросли в 1947 г. до 190‰, тогда как в официальной статистике эта цифра составляла 122‰².

Согласно нашим расчетам показатель младенческой смертности в Краснодарском крае в 1947 г. составил 129‰ (159‰ в городах и 119‰ в селах), на Ставрополье – 103‰ (117 и 98‰ соответственно)³.

Необходимо принять во внимание то, что высокие показатели смертности дают лишь относительное представление о реальном положении дел. В действительности, например, к повышению общих показателей смертности за счет детской смертности может приводить высокая рождаемость. Следовательно, для изучения действительного состояния смертности и за определенный период времени необходимо рассматривать смертность по отдельным возрастным группам, а так же учитывать долю младенческой смертности в общей структуре смертности.

Постепенно снижалась на протяжении 1940-х гг. и доля случаев младенческой смертности среди всех случаев смерти. Если в 1940 г. на младенческую смертность в Краснодарском крае приходилось почти две пятых всех смертей (38,5%), а в Ставропольском 36,4%, то к концу 1940-х эта доля сократилась почти вдвое – до 19,9% на Кубани и 18,7% на Ставрополье (таблица 2.18).

Резкое сокращение доли младенческой смертности в общей смертности в 1943–1945 гг. стало следствием роста смертей среди взрослого населения на

И.А. Троицкой. М., 2008. С. 64.

¹ Кваша Е.А. Указ. соч. С. 51.

² Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 69.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2648. Л. 202.

фронте, а также смертности среди раненых и инвалидов. Позже доля увеличивается, но все равно общая тенденция к снижению сохраняется в качестве устойчивого тренда.

Таблица 2.18 – Младенческая смертность на Кубани и Ставрополье в 1940–1949 гг., %¹

Год	Доля в смертности всего населения	Доля в смертности городского населения	Доля в смертности сельского населения
<i>Краснодарский край</i>			
1940	38,5	31,8	40,5
1941	33,2	25,1	36,2
1943	11,6	8,1	14,0
1944	10,8	9,1	11,5
1945	8,9	9,0	8,9
1946	15,6	15,5	15,6
1947	23,2	21,4	24,0
1948	15,1	13,1	16,0
1949	19,9	16,3	21,4
<i>Ставропольский край</i>			
1940	36,4	29,4	38,0
1941	29,4	22,8	31,0
1943	12,4	7,4	14,9
1944	9,5	7,1	10,4
1945	9,5	8,7	9,8
1946	15,3	14,1	15,8
1947	18,8	18,1	19,1
1948	14,8	12,3	15,7
1949	18,7	13,5	20,5

В городах доля младенческой смертности в структуре смертей в целом была меньше и снижалась быстрее, чем в селе. Собственно, к концу 1940-х гг. доля младенческой смертности в общей структуре смертей в городах была почти вдвое меньше, чем в сельской местности.

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 396. Л. 1–2; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1, 25; Д. 3807. Л. 1.

На протяжении 1950-х гг. показатели смертности претерпели изменение: в первой половине они имели тенденцию к снижению, а со второй половины наблюдается их медленное, но четко выраженное повышение. К 1960 г. общий коэффициент смертности составлял по северокавказскому региону 7,2‰, т.е. снизился более чем в два раза по отношению к 1940 г. когда он составлял 16,0‰.

В Краснодарском и Ставропольском краях снижение показателей смертности к 1950 г. было существенным (таблица 2.19).

Таблица 2.19 – Смертность населения Кубани и Ставрополья 1951–1957 гг., чел.¹

Край	Все население		Городское		Сельское	
	всего умерших	В том числе до 1 года	всего умерших	в том числе до 1 года	всего умерших	в том числе до 1 года
Краснодарский край						
1951	25654	4952	8041	1251	17613	3701
1952	25949	4787	8061	1115	17888	3672
1953	25171	4081	7619	937	17552	3144
1954	26607	4685	7861	995	18746	3690
1955	24759	3773	7456	759	17303	3014
1956	25166	2765	8018	539	17148	2226
1957	26917	2943	8475	550	18442	2393
Ставропольский край						
1951	12184	2114	3362	499	8822	1615
1952	12958	2376	3777	559	9181	1817
1953	13370	2463	3497	487	9873	1976
1954	13588	2551	3806	482	9782	2069
1955	13102	2283	4003	481	9099	1802
1956	12645	1556	4029	365	8616	1191
1957	15610	1844	4707	369	10903	1475

Общий коэффициент смертности за десятилетие с 1940 г. по 1950 г. сократился вдвое: с 16,9 до 7,3‰ на Кубани и с 14,8 до 7,4‰ на Ставрополье.

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 962. Л. 19, 25; Д. 1011. Л. 4, 8; Оп. 27. Д. 103. Л. 21, 25; Д. 198. Л. 21, 25; Д. 343. Л. 20, 25; Оп. 33. Д. 2185. Л. 1; Оп. 329. Д. 4703. Л. 157, 180; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3362. Л. 4–5.

Фактически данные показатели смертности были самыми низкими на протяжении всего столетия. И если следующий десятилетний период этот показатель оставался относительно стабильным, то с конца 1950-х гг. он снова растет. Так к 1960 г. общий показатель смертности в Краснодарском крае вырос с 7,3 до 7,8‰¹.

Высокая смертность на фоне снижения уровня рождаемости в совокупности обусловили относительно низкий естественный прирост населения в регионе, который был ниже среднего по Северному Кавказу и РСФСР. Показатели смертности на территории Кубани в отличие от Ставрополья имели свои особенности. Они в целом были выше, в отдельные годы в разы превышали показатели по Ставропольскому краю. В целом в этот период для Краснодарского края был характерен тип динамики численности населения, при котором увеличение населения достигается за счет миграционного прироста, превышающего естественный.

Таким образом, смертность как один из основных демографических процессов на протяжении рассматриваемого периода характеризовалась неустойчивостью. Наметившаяся в связи с модернизацией тенденция к снижению смертности не смогла закрепиться в силу сложных и противоречивых причин общественно-политического и экономического характера. Показатели смертности населения испытали на себе действие таких экстремальных факторов как голод, репрессии, война, послевоенная разруха и пр. Несмотря на то, что они в значительной степени затормозили модернизацию смертности, ее качественный характер неизбежно менялся вследствие развития медицины, совершенствования социально-экономической сферы, изменения уклада жизни. Результаты этих изменений сказались, прежде всего, на показателях младенческой смертности, а также на структуре смертности, где действие экзогенных факторов постепенно ослабевало.

---

¹ Население и трудовые ресурсы... С. 36–37.

Тем не менее, последствия высокой смертности на протяжении рассматриваемого периода на Кубани и Ставрополье были чрезвычайными и значительно повлияли на динамику общей численности населения, деформировали его структуру, нарушили естественный ход демографических процессов.

2.3. Основные тенденции развития брачно-семейных отношений

Процессы брачности и разводимости наряду с рождаемостью и смертностью определяют естественное движение населения, являются базовыми демографическими процессами. Брачно-семейная структура, характеризуется с одной стороны частотой и длительностью брачных союзов, общим уровнем брачности населения, состоянием разводов, количественным и качественным составом семьи и как следствие отражает уровень демографического развития населения страны, региона. Анализ брачно-семейной структуры необходим с точки зрения определения условий прежде всего рождаемости. Трансформация семейно-брачных отношений неизбежно сказывается на интенсивности рождений. Сами брачно-семейные отношения, как форма общественных отношений, определяются социально-экономической структурой общества, сложившимся законодательством и многими другими факторами. Таким образом, они выступают важным индикатором и одновременно условием нормального развития общества.

Глубокие преобразования советского общества не могли не затронуть сферу семейных отношений. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. закрепил принципиально новые основы семьи и брака в советском обществе. Результатом бурных дискуссий стало признание брака как добровольного равноправного союза между мужчиной и женщиной, причем как зарегистрированного в государственных органах, так и фактического, не

имеющего юридического оформления¹.

Все это в корне меняло традиционные представления о смысле и цели брака, его ценности, семейных ролях и не могло не сказаться на динамике брачной статистики. Однако эти изменения не были скоротечными, матримониальное поведение хотя и менялось, но достаточно медленно.

К концу 1930-х гг. большинство регионов страны, в том числе Кубань и Ставрополье отличались высокими показателями брачности. Однако если среди мужчин в возрасте 25–69 лет брачность была практически сплошной, то уровень брачности среди женщин был ниже вследствие значительных половых диспропорций. Потери мужского населения вследствие войн и репрессивных мер были значительными, особенно на Кубани, поэтому здесь максимальные показатели брачности среди женщин наблюдались в возрастах 25–34 лет, причем они были значительно ниже, чем на Ставрополье. В то же время Ставрополье отличалось большей долей ранних браков, как среди женщин, так и среди мужчин, что объясняется, в том числе, национальными традициями коренных народов. В целом показатели брачности в регионе были заметно выше средних по РСФСР (таблица 2.20).

Брачность городского и сельского населения имела определенные различия. Так, в 1939 г. в сельском населении РСФСР в браке состояли 69,1% мужчин и 59,5% женщин². В российских городах, состоявших в браке мужчин и женщин, численно было меньше, чем в селе – 65,0% и 55,1% соответственно³.

На Кубани и Ставрополье уровень брачности так же был выше в селе. При этом имели место внутрорегиональные различия в уровне брачности сельского и городского населения (приложения 6, 7).

Кубань отличалась несколько большими показателями брачности женщин в городе и мужского населения в селе. Орджоникидзевский

---

¹ Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

² Вербицкая О.М. Российское крестьянство... С. 208.

³ Араловец Н.А. Указ. соч. С. 39.

(Ставропольский) край отличался большей долей замужних женщин в селе и женатых мужчин в городах.

Таблица 2.20 – Число состоящих в браке на 1 000 человек по РСФСР, Кубани и Ставрополю в 1939 гг.¹

Возраст	На 1000 мужчин			На 1000 женщин		
	РСФСР	Краснодарский край	Орджоникидзевский (Ставропольский) край	РСФСР	Краснодарский край	Орджоникидзевский (Ставропольский) край
16 лет и старше	732	760	773	567	538	601
15–19	28	19	28	145	106	139
20–24	336	400	419	614	651	808
25–29	738	810	752	787	805	892
30–34	891	922	938	818	822	878
35–39	929	944	958	800	790	817
40–44	940	946	961	759	734	881
45–49	935	952	952	688	643	691
50–54	921	960	943	593	537	591
55–59	900	919	924	497	392	483
60–69	823	845	856	363	310	349
70 лет и старше	611	643	773	168	131	86

Кроме того, Ставрополье отличалось большей долей ранних браков как среди мужчин, так и среди женщин не только в селе, но и в городе. Здесь к 19-летнему возрасту более трети городских женщин и более 40% сельских были замужем. Тогда как на Кубани в этом возрасте в браке состояла лишь третья часть сельских женщин и чуть больше четверти городских.

В силу значительных половых диспропорций, ставших следствием войн, насильственной коллективизации и раскулачивания, репрессий, доля мужчин, состоящих в браке в большинстве возрастных групп превышала долю женщин

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 2; Д. 274. Л. 2; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 456. Л. 1, 50, 51.

и в городском и в сельском населении. Практически сплошная брачность наблюдалась у мужчин в городе и селе в возрастном интервале от 30 до 60 лет. У женщин максимальные показатели брачности наблюдаются в возрастной группе 20 – 40 летних. С 40 лет доля замужних женщин начинает сокращаться, растет число вдовых и разведенных.

Несмотря на большие половые диспропорции в селе брачность здесь была выше, чем в городе, в том числе и среди женщин. Такая ситуация объясняется тем, что в селах сильнее сохранялись традиционные семейные устои и брачные установки, как следствие здесь было меньше незарегистрированных браков. В городе, наоборот, либерализация в брачно-семейной сфере шла более активно. Тенденция сокращения числа зарегистрированных браков установилась еще в 1920-х гг. и была обусловлена, с одной стороны, либеральным семейно-брачным законодательством, фактически признавшим незарегистрированные браки, с другой, нестабильной внешней и внутренней ситуацией, которая вынуждала многие пары откладывать официальное оформление брака.

Влияние войны проявляется не только в росте показателей смертности и снижении показателей рождаемости в силу экстремальных условий, но и негативно сказывается на семейно-брачной структуре. Необходимость пополнять фронтовые ресурсы, постоянная мобилизация вели к половой диспропорции, разрушению браков и семей, детской беспризорности.

Резкое снижение показателей брачности происходит с первых военных месяцев в связи с мобилизацией. Небольшой рост числа заключенных браков статистика зафиксировала в июне 1941 г. Это было вызвано вероятнее всего желанием оформить супружеские отношения перед уходом мужчин на фронт. Однако к декабрю 1941 г. число браков заключенных по РСФСР сократилось в три раза по сравнению с январем¹.

Кубань и Ставрополье в этом смысле не были исключением. К маю

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 103–104.

1942 г. количество заключенных в Краснодарском крае браков сократилось в два раза по сравнению с маем 1941 г. (таблица 2.21).

Таблица 2.21 – Динамика брачности и разводимости по Краснодарскому краю за 1941–1942 гг.¹

Год	число браков			число разводов		
	город	село	всего	город	село	всего
1941 г.	748	1018	1766	121	89	210
1942 г.	433	452	885	99	63	162
% к 1941 г.	57,9	44,4	50,1	81,8	70,8	77,1

Сокращение было более заметным в селе, при этом разводов здесь, напротив, было гораздо меньше. В последующий период растущая половая диспропорция привела к дальнейшему снижению уровня брачности.

Негативные изменения в демографической ситуации, вызванные снижением рождаемости, брачности, ростом показателей смертности не могли не тревожить власть. Возникла необходимость в разработке мер государственной политики в семейно-брачной сфере, способных эффективно и последовательно решать назревшие проблемы. Власть активно использовала административный ресурс для решения сложившейся ситуации.

Так принятый 21 ноября 1941 г. Указ Президиума ВС СССР устанавливал налог на граждан бракоспособного возраста не состоящих в браке, одиночек и бездетных² обязывал к уплате налога всех бездетных в возрасте старше 20 лет и до 50 лет для мужчин и до 45 лет у женщин.

Одновременно с ним Президиум ВС СССР принимает Указ 8 июля 1944 г., который был направлен на реализацию мер государственной поддержки многодетным матерям и матерям-одиночкам, а также беременным женщинам, устанавливал ряд почетных званий и наград для матерей³.

Прежде всего, данный указ преследовал цель укрепить брак

¹ Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 11 (данные приведены на май соответствующего года).

² Ведомости ВС СССР. 1941. № 42.

³ Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

официальный, поскольку только супруги, зарегистрировавшие свои брачные отношения, приобретали взаимные юридические права и обязанности. Тем лицам, кто уже состоял в фактическом браке с 1926 г. необходимо было оформить отношения, с указанием времени когда непосредственно возникли фактические брачные отношения. Так же следовало зарегистрировать и совместных детей. В противном случае брачные отношения утрачивали юридическую силу.

Указ кроме того регулировал положение матерей-одиночек. Однако его положения в этом вопросе были противоречивы. С одной стороны, матери-одиночки получали всевозможную помощь со стороны государства в виде детских пособий, льгот по оплате детских учреждений. В то же время они лишались возможности обращаться в суд в связи с установлением факта отцовства, а так же для получения алиментов на содержание детей, в том случае, если дети были рождены вне официального брака¹. В целом можно сказать, что в вопросе поддержки материнства и детства указ имел преимущественно положительное значение и в тяжелых условиях послевоенной разрухи поддержка матерей-одиночек представлялась в качестве действительной возможности повысить в стране уровень рождаемости².

С целью контроля над регистрацией брака, борьбой с многоженством, указом была установлена специальная графа в паспорте, где фиксировался зарегистрированный брак и содержались сведения о супруге, дате и месте оформления брака³.

Такой подход со стороны государства к вопросу о браке, требование к его обязательной юридической регистрации свидетельствовал об особой заинтересованности и определенной озабоченности властей ситуацией в сфере половых отношений, выражал стремление государства поставить эти

---

¹ Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

² Котовская М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М., 2004. С. 161.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

отношения под официальный контроль¹. Иначе говоря, государство брало на себя роль авторитета, способного эффективно влиять на брак посредством формирования общественных норм и ценностей в этой сфере².

Кроме вопроса о регистрации брака и его юридических последствий, Указ от 8 июля 1944 г. затрагивал и вопрос о разводе. Процедура развода была существенно усложнена. Значительно повысились расходы граждан в связи с оформлением развода. Сам развод теперь попадал под компетенцию судебных органов. Суд, рассматривая разводное дело, мог не только выносить решение о расторжении брака, но отклонить заявление о разводе, даже в том случае если присутствовало обоюдное согласие супругов. При этом четких и ясных рекомендаций относительно того в каких случаях брак может быть расторгнут Указ не содержал. Судам предоставлялось право самостоятельно решать этот вопрос в зависимости от конкретной ситуации.

Сложность развода заключалась и в том, что сам судебный процесс проводился в два этапа. На первом этапе разводное дело рассматривал народный суд, а затем дело передавалось в суды общей юрисдикции (городские, окружные, областные, краевые, республиканские)³.

Помимо собственно судебной процедуры требовалось опубликовать объявление о разводе в газете, пройти процедуру примирения в суде первой инстанции, оплатить госпошлину при подаче заявления в суд в размере 100 руб., а также сумму в размере 500–2000 руб. при оформлении свидетельства о разводе⁴.

Таким образом, бракоразводный процесс становился публичным, а к тому же длительным и затратным в финансовом плане мероприятием. Это заметно усложняло систему развода и ставило цель ограничить число разводов, поставив решение этого вопроса под государственный контроль.

---

¹ Свердлов Г.М. Брак и развод. М.; Л., 1949. С. 14.

² Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 83.

³ Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

⁴ Ведомости ВС СССР. 1944. № 37; Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права (1917–1947). М., 1949. С. 455.

Влияние Указа от 8 июля 1944 г. на развитие семейно-брачных отношений оценивается противоречиво. Ужесточение государственного контроля над семьей и браком, по мнению ряда исследователей негативно сказалось на эволюции отечественного брачно-семейного законодательства¹. По словам А.Г. Вишневого, Указом от 8 июля 1944 г. был сделан еще один шаг в сторону контрмодернизации в сфере семейно-брачных отношений. Либеральной политике в отношении к браку и разводу в стране, как и официальным нормам матримониального поведения, регулируемым брачно-семейным законодательством, в 1920–1930-е гг. приходит на смену практика жесткого регулирования брачно-семейных отношений, в них стало «больше государства»².

В то же время есть и другое мнение о положительном эффекте данного документа, в частности признания государством юридических последствий только за зарегистрированным браком, что в сложных условиях войны и военного времени положительно сказалось на семейных отношениях и смогло урегулировать многие противоречия³.

Другим направлением государственной поддержки семьи и брака стали меры по поддержке семей погибших фронтовиков. Указом Президиума ВС СССР от 10 ноября 1944 г. определялся порядок, согласно которому получали юридическое признание фактические брачные отношения в том случае если один из супругов погиб либо пропал без вести на фронте. Лица, состоявшие в фактических брачных отношениях до 8 июля 1944 г., чьи супруги погибли, либо пропали без вести на фронте, получали возможность признать данный брак через обращение в народный суд, указав при этом срок фактических

---

¹ Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2002. С. 83; Хасбулатова О.А., Смирнова А.В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 8; Черкасова О.В. Исторические концепции установления происхождения детей в семейном праве // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 205.

² Демографическая модернизация России... С. 86.

³ Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. С. 400.

брачных отношений¹. Юридическое признание фактического брака в данном случае создавало условия для получения одинокими матерями пособий и льгот в связи с потерей кормильца.

Следующим шагом в регулировании семейно-брачной сферы стал Указ ПВС СССР 14 марта 1945 г. определивший порядок реализации Указа от 8 июля 1944 г. в отношении тех детей, чьи родители не находились в официально зарегистрированном браке². Дети, которые родились в фактическом браке до принятия Указа от 8 июля 1944 г., наравне с детьми родившимися в зарегистрированных браках, получали право на наследство, а так же на получение пособий и пенсий в случае смерти отца. Кроме того, они получали отчество по имени отца, а также его фамилию при взаимном согласии родителей. Отцы в свою очередь имели право признать свое отцовство в отношении детей, родившихся до Указа, тем самым предоставить им право наследования³.

С целью исключить отток населения за рубеж, и прежде всего женщин, ВС СССР 15 февраля 1947 г. принял Постановление о воспрещении браков граждан СССР с иностранными гражданами⁴.

Таким образом, принятые во второй половине 1940-х гг. законодательные акты в сфере семейно-брачных отношений преследовали ряд целей. Прежде всего, необходимо было создать условия для повышения рождаемости в стране в послевоенный период. Требовали урегулирования и регламентации многие вопросы, ставшие следствием как непоследовательной политики первых лет Советской власти в области семьи и брака, так и нерешенных проблем, связанных с последствиями войны: потерями в семьях, сиротством, многоженством, установлением отцовства, внебрачными рожденьями и т.п.

Эти вопросы требовали юридического разрешения и с особой остротой стали в послевоенный период. Несмотря на то, что данные указы

---

¹ Ведомости ВС СССР. 1944. № 60.

² Ведомости ВС СССР. 1945. № 15.

³ Ведомости ВС СССР. 1945. № 15.

⁴ Ведомости ВС СССР. 1947. № 10.

предполагались как временные нормативные акты, принятие которых было обусловлено сложными условиями военного и послевоенного общества, их нормы регулировали семейно-брачные отношения на протяжении еще двадцати лет. Лишь 27 июня 1968 г. был принят новый Закон «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье»¹.

Конец войны и первые послевоенные годы отмечены ростом числа заключенных браков. Согласно статистическим данным по Краснодарскому и Ставропольскому краям уже в 1944 г. число заключенных браков практически в два раза превысило показатели 1943 г. В 1945 г. браков на Кубани и Ставрополье заключается в два раза больше, чем в 1944 г. Их число фактически достигло предвоенного уровня. Максимальное число браков было заключено в 1946 г. – в два с лишним раза больше, чем в 1945 г. Такой уровень брачности сохраняется до конца 1940-х гг. (рисунок 2.9).

Высокий уровень брачности во второй половине 1940-х гг. связан с окончанием войны и возвращением домой мужчин, но главным образом был достигнут благодаря изменениям в брачном законодательстве.

В конце войны и первые послевоенные годы наибольший рост браков наблюдался в селах Кубани и Ставрополья. В 1944 г. среди селян на Кубани было заключено браков в три раза больше, чем в 1943 г., в 1945 г. в два раза больше, чем в 1944 г., а в 1946 в 2,5 раза больше, чем в 1945 г. На Ставрополье брачность росла медленнее, причем как в селе, так и в городе. Резкое увеличение числа заключенных браков среди городского населения наблюдается, прежде всего, на Кубани в 1958–1959 гг. Число браков здесь в эти годы фактически равно числу браков, заключенных в селах. В числе возможных причин можно выделить рост городских поселений, который в эти годы происходил в том числе и за счет административно-территориальных преобразований, и как следствие росла доля горожан в населении Краснодарского края. Однако, в то время когда в целом для РСФСР это время

---

¹ Ведомости ВС СССР. 1968. № 27.

стало моментом урбанизационного перехода, на Кубани и Ставрополье доля сельских жителей все еще превышала долю горожан. Однако все сильнее проявляет себя миграционный поток село-город, все больше молодых людей уезжает безвозвратно на учебу и работу, и как следствие ухудшается половозрастная структура сельского населения, что негативно сказывается на семейно-брачной сфере (приложение 8).

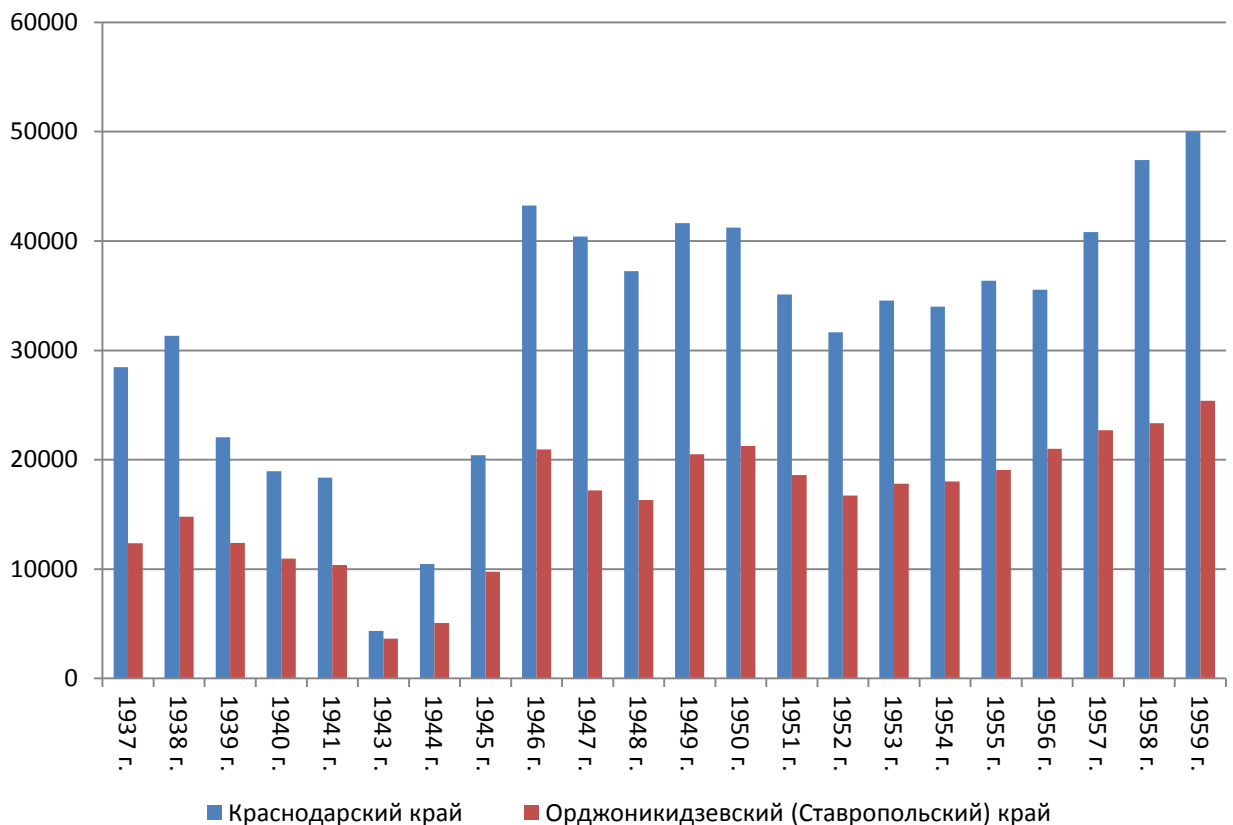

Рисунок 2.9 – Число браков в Краснодарском и Ставропольском (Орджоникидзевском) краях в 1937–1959 гг.¹

Одновременно с ростом числа браков наблюдается снижение числа разводов. Если в 1939 г. на 1 000 заключенных браков по РСФСР приходилось

¹ Рисунок составлен на основе источников: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 14. Д. 1702. Л. 7–8; Оп. 23. Д. 456. Л. 50–51; Оп. 30. Д. 3362. Л. 95–96; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 198. Л. 21, 25; Д. 212. Л. 1–2; Д. 343. Л. 20, 25; Д. 354. Л. 1–2; Д. 480. Л. 1–2; Д. 814. Л. 1–2; Оп. 33. Д. 1061. Л. 30–31; Д. 2185. Л. 1; Д. 2638. Л. 1–2; Д. 2643. Л. 103–104, 106–107; Оп. 329. Д. 134. Л. 29; Д. 188. Л. 14; Д. 194. Л. 4, 7, 15; Д. 394. Л. 7–8, 13–15; Д. 396. Л. 1–2; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2634. Л. 148; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1; Д. 4703. Л. 157, 179–180.

200 разводов, то в 1945 г. их число сократилось более чем в 14 раз¹.

Такую же ситуацию наблюдаем в Краснодарском крае, где в 1939 г. на 22 043 брака приходилось 3 325 разводов, в Ставропольском крае 12 381 и 1 948 соответственно. В 1945 г. на Кубани было заключено 20 415 браков и лишь 91 развод, на Ставрополье соответственно 9 771 браков и 50 разводов². Однако по итогам регистрации актов гражданского состояния за 1947 г. на 17 192 брака на Ставрополье уже приходилось 207 разводов, на Кубани на 37 787 браков – 373 развода. Всего по РСФСР в 1947 г. на 1 110 599 браков пришлось 19 393 развода³. На Ставрополье разводы составляли 0,5% от всех заключенных браков в 1945 г. и 1,2% в 1947 г., на Кубани 0,5% в 1945 г. и 1% в 1947 г.⁴ Рост числа разводов происходит на фоне роста браков.

Увеличивается число случаев, когда лица подавшие заявления в ЗАГС не являлись на процедуру бракосочетания. За период май 1946 – январь 1947 гг. было зафиксировано в Москве – 2 375, Краснодарском крае – 505, Ленинграде – 293 таких случаев⁵. Незначительное число разводов на протяжении последующих лет объясняется сложным бракоразводным процессом. Однако с середины 1950-х гг. снова наблюдается рост разводов. (рисунок 2.10).

На Кубани, как и на Ставрополье, число разводов к 1957 г. достигло предвоенного уровня, а в 1958 г. превысило его. Число разводов в городах Кубани и Ставрополья еще в конце 1930-х гг. превышало число разводов в селе и это с учетом того, что сельское население в обоих регионах составляло абсолютное большинство. К концу войны число разводов достигает минимальных показателей. На протяжении 1950-х гг. число разводов в городах было фактически в 2–3 раза выше, чем в селах. Причем на Ставрополье это различие было сильнее, чем на Кубани.

¹ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 155.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 456. Л. 50–51; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1883. Л. 1–2.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2648. Л. 202; ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 3. Д. 721.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2648. Л. 202; ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 3. Д. 721.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1420. Л. 4.

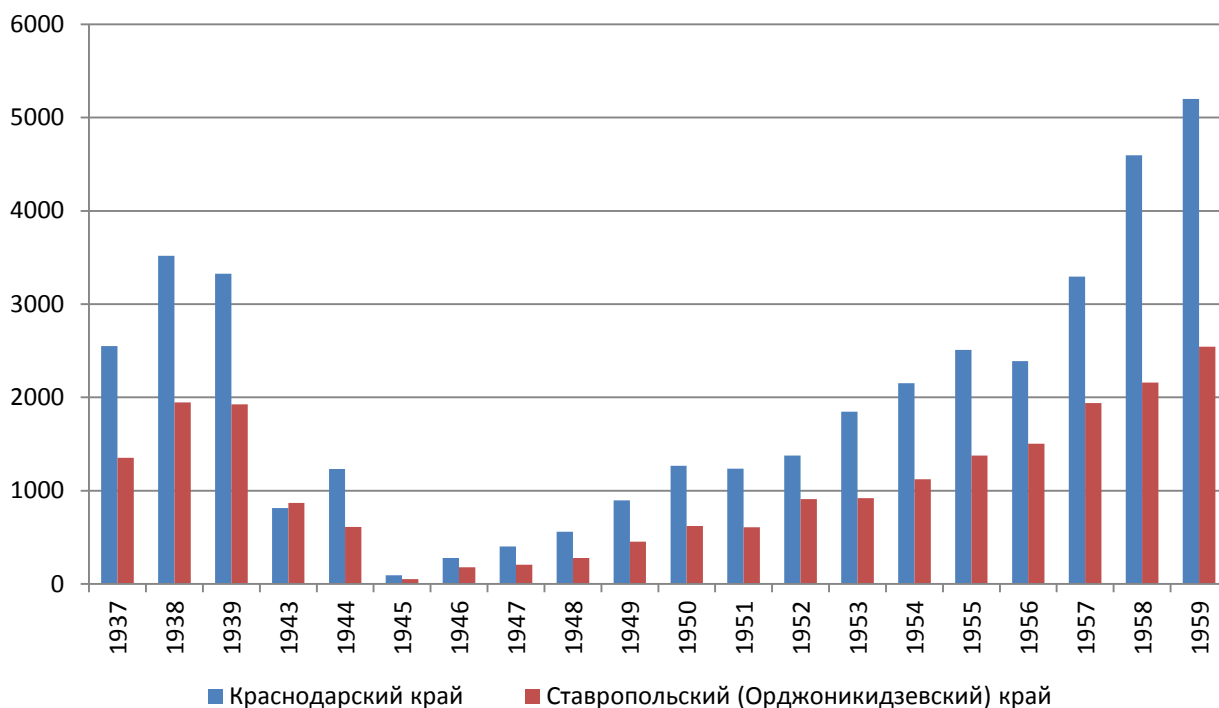

Рисунок 2.10 – Число разводов в Краснодарском и Ставропольском краях в 1937–1959 гг.¹

В 1950-х гг. семейно-брачная структура претерпевает трансформации. На снижение числа браков и рост разводов в этот период оказывают влияние не только брачно-семейное законодательство и значительные мужские потери в ходе военных действий, увеличившие долю вдов и незамужних женщин, но и все возрастающая общественная активность женщин, рост уровня образования, изменение установок в брачно-семейной сфере (приложение 9).

Война в значительной мере активизировала начавшийся ранее процесс привлечения женщин в систему общественного производства. В ходе общественной модернизации женщины приобрели равные с мужчинами права, в числе которых – право трудиться наряду с мужчиной в общественной сфере. Как следствие женщины становятся более независимыми в

¹ Рисунок составлен на основе источников: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 14. Д. 1702. Л. 7–8; Оп. 23. Д. 456. Л. 50–51; Оп. 30. Д. 3362. Л. 95–96; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 198. Л. 21, 25; Д. 212. Л. 1–2; Д. 343. Л. 20, 25; Д. 354. Л. 1–2; Д. 480. Л. 1–2; Д. 814. Л. 1–2; Оп. 33. Д. 1061. Л. 30–31; Д. 2185. Л. 1; Д. 2638. Л. 1–2; Д. 2643. Л. 103–104, 106–107; Оп. 329. Д. 134. Л. 29; Д. 188. Л. 14; Д. 194. Л. 4, 7, 15; Д. 394. Л. 7–8, 13–15; Д. 396. Л. 1–2; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2634. Л. 148; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1; Д. 4703. Л. 157, 179–180.

экономическом и социальном плане, а это в свою очередь так же выступает одним из факторов сокращения доли замужних женщин.

Подробный анализ брачно-семейной структуры населения Кубани и Ставрополья в конце 1950-х гг. позволяют провести материалы всеобщей переписи населения 1959 г. Перепись 1959 гг. дает более ограниченные (в сравнении с переписями 1897, 1920, 1926 гг.) сведения о семейно-брачной структуре общества, так как в ней регистрировалось лишь состояние в браке. В разработках итогов выделялись только две группы населения: 1) всего и 2) в том числе состоящие в браке. Таким образом, в одну группу (не состоящих в браке) попадали холостые, разведенные и вдовы. Такая обобщенная группировка не позволяет детально рассмотреть семейно-брачную структуру и оценить ее изменения за межпереписной период в полной мере.

Перепись зафиксировала увеличение удельного веса женатых мужчин при одновременном сокращении доли замужних женщин в населении. Удельный вес мужчин в возрасте 16 лет и старше, состоящих в браке, в 1959 г. в сравнении с 1939 г. повысился и составил 770 чел. на 1 000 по РСФСР и 766 чел. против 760 в Краснодарском крае и 788 против 773 в Ставропольском. Удельный вес женщин в возрасте 16 лет и старше, состоящих в браке наоборот сократился и соответственно составил 503 чел. на 1 000 по РСФСР и 507 чел. против 538 по Краснодарскому краю и 512 против 601 чел. по Ставропольскому (таблица 2.22).

Стоит отметить тот факт, что уровень брачности в регионе даже при заметном снижении превышал общероссийские показатели. Здесь, по-видимому, продолжают сказываться традиционные семейно-брачные устои, в силу преобладания сельского населения, а также национальные семейно-брачные традиции автохтонных народов (адыгейцев, черкесов, карачаевцев, ногайцев, абазин и др.).

Динамика доли лиц, состоящих в браке, в отдельных возрастных группах имела свои особенности. В 1959 г. по сравнению с 1939 г. характерно снижение доли состоящих в браке в возрасте 15–19 лет, несколько меньшее,

но все же сокращение состоящих в браке в возрасте 20–29 лет. Начиная с возраста 30–34 года и далее, происходит увеличение доли состоящих в браке мужчин, причем наиболее значительное в старших возрастных группах.

Таблица 2.22 – Число состоящих в браке на 1 000 человек в РСФСР, Краснодарском и Ставропольском краях в 1959 г., чел.¹

Возраст	На 1000 мужчин			На 1000 женщин		
	РСФСР	Краснодарский край	Ставропольский край	РСФСР	Краснодарский край	Ставропольский край
16 лет и старше	770	766	788	503	507	512
15–19	46	50	29	200	224	127
20–24	274	291	309	501	537	553
25–29	800	844	845	759	782	784
30–34	922	932	936	776	788	779
35–39	953	957	959	725	736	714
40–44	962	968	965	623	624	609
45–49	963	969	968	549	552	543
50–54	956	968	967	435	415	494
55–59	943	957	960	433	434	441
60–69	908	931	936	361	400	400
70 лет и старше	739	560	792	169	85	193

Так, в 1959 г. вес состоящих в браке мужчин по России в возрасте 60–69 лет составлял 908 чел. против 817 в 1939 г., в возрасте 70 лет и старше – 718 против 581 чел.²

При сравнении материалов переписей 1939 и 1959 гг. явно обнаруживается сокращение доли женщин состоящих в браке, причем это проявляется во всех возрастах и стало следствием, как уже отмечалось, послевоенной диспропорцией полов.

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 814. Л. 1–2; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 80. Л. 1–3; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 98–100.

² Рассчитано по источнику: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 98.

Значительная часть браков заключалась женщинами от 20 до 23–24 лет и по сравнению с 1939 г. число вступивших в брак женщин в этом возрасте выросло. Причем максимальное число вступивших в брак было зафиксировано в возрасте 22 года, в последующих возрастах происходило постепенное сокращение замужних женщин.

У женщин на обеих территориях максимальные показатели брачности наблюдаются в возрасте 25–39 лет, у мужчин в возрастном интервале от 40 до 54 лет. В среднем показатели брачности в Краснодарском и Ставропольском краях в сравнении с общероссийскими немного выше. В то же время Кубань по показателям брачности несколько отличается от Ставрополья.

Максимальная брачность среди сельских женщин, в отличие от мужчин, наблюдается в возрастной группе 30–39 летних. Преобладание замужних женщин в этой группе наблюдается обоим краям как в 1939 г., так и в 1959 г. В 1939 г. 81,8% женщин в селах Краснодарского края и 84,6% Орджоникидзевского (Ставропольского) края в этом возрастном интервале состояли в браке. В 1959 г. максимальный уровень брачности сдвинулся в более ранние возраста. В селе наибольшее число женщин состоявших в браке приходилось на возраст 25–29 лет, в городе 30–35 лет (таблица 2.30). При этом доля состоявших в браке даже в этих возрастных группах была заметно меньше, чем в 1939 г.

Таким образом, перепись зафиксировала наряду с общим снижением доли женщин состоящих в браке тот факт, что даже в возрастах, отличавшихся максимальными показателями брачности в станицах и селах Кубани и Ставрополья, она была далеко не полной. В группах старше 20 лет доля женщин состоявших в браке была существенно ниже по сравнению с предвоенным периодом. Наиболее резко снизилась доля замужних женщин в возрасте старше 35 лет. Помимо прочего этот факт в 1950-е гг. негативно сказывался и на показателях рождаемости, поскольку этот возраст в жизни женщин демография относит ко второму репродуктивному периоду.

В числе основных факторов определивших сокращение как в целом

уровня брачности в регионе, так и доли состоящих в браке женщин были значительные половые диспропорции, вызванные экстремальными социально-политическими и социально-экономическими событиями среди которых наиболее значимым стала Великая Отечественная война, репрессии и масштабные миграции мужчин в активных брачных возрастах и проч.¹

Если по стране на 1959 г. доля женатых мужчин в городах была выше, чем этот показатель в сельской местности, то на Кубани и Ставрополье, напротив, удельный вес женатых мужчин и замужних женщин в селе превышал аналогичные показатели в городах (таблица 2.23).

При рассмотрении брачности в соотношении с возрастом, можно заметить, что в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет доля замужних женщин выше в селе, чем в городе. В возрастах от 25 до 29 и от 30 до 34 лет доля состоящих в браке женщин примерно одинакова и в сельской и в городской местности. В группе женщин 35–59 лет больше замужних в городах, чем в селах. И наконец, в группе женщин старше 60 лет доля замужних выше в сельской местности. Показательно, что на Кубани в возрастной группе 50–54 летних доля замужних женщин в городе на 19% больше, чем в селе. Это женщины, возраст которых на момент войны составлял 32–36 лет. До войны многие из них уже были замужем, и вероятнее всего овдовели в ходе войны.

Достаточно большая доля замужних женщин, как в городах, так и в селах в возрасте 25–39 лет. Это возрастная группа чье время рождения приходится на предвоенные годы и чей брачный возраст в основном пришелся на послевоенный период.

При сравнении долей мужчин и женщин, состоящих в браке в разных возрастных группах в группе от 15 до 24 лет независимо от типа поселения удельный вес замужних женщин превышает долю женатых мужчин. В возрастной группе от 25 до 39 лет доли женатых и замужних примерно равны.

---

¹ Ильина О.В. Состояние в браке и брачная структура сельского населения Европейского Севера России в 1940–1950 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 103–107.

Начиная с 40-летнего возраста наблюдается рост доли незамужних женщин, тогда как доля мужчин, состоящих в браке наоборот увеличивается. Наибольший разрыв зафиксирован в возрастах старше 70 лет.

Таблица 2.23 – Доля населения Кубани и Ставрополья состоящего в браке в городе и селе в 1959 г., %¹

Возраст	Город				Село			
	Краснодарский край		Ставропольский край		Краснодарский край		Ставропольский край	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
старше 16 лет	53,2	42,2	54,5	42,1	48,0	39,2	47,1	38,5
15–19	1,7	7,4	2,0	8,1	2,9	13,6	3,2	14,5
20–24	26,4	47,9	25,3	46,3	30,6	57,9	33,2	59,5
25–29	80,6	77,5	80,8	77,2	87,0	78,7	86,1	78,9
30–34	91,5	79,4	91,9	78,4	94,5	78,4	94,5	77,6
35–39	95,0	76,1	95,3	74,3	96,3	71,5	96,3	69,6
40–44	96,2	67,2	96,2	65,3	97,3	59,0	96,7	58,5
45–49	96,2	60,0	96,4	58,3	97,4	52,1	97,1	52,2
50–54	96,1	52,6	96,1	52,4	97,4	33,6	97,1	47,7
55–59	94,7	45,3	95,3	46,3	96,4	42,1	96,5	43,0
60–64	93,6	39,0	93,0	40,8	94,9	40,9	95,3	43,6
65–69	90,7	31,8	91,6	33,6	92,9	46,6	92,8	37,8
70–74	85,6	21,5	86,0	22,9	87,7	25,4	86,8	27,9
75–79	76,8	13,4	78,7	14,7	80,3	17,1	78,5	18,8
80 и старше	43,9	3,8	61,8	6,7	45,9	4,1	62,5	8,7

Одновременно со снижением уровня брачности, ростом разводов уменьшается средний размер семьи. Это связано так и с уменьшением числа детей и выделением молодых семей. Усиливается нуклеаризация семьи.

Большая часть семей в стране согласно данным переписи 1959 г. имела в

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 814. Л. 1–2; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 80. Л. 1–8, 16–20.

своем составе от 2 до 3 человек. Произошло перераспределение удельного веса типов семей по их количественному составу. Так согласно переписи 1939 г. в РСФСР немногим более $\frac{1}{2}$ сельских семей имели в своем составе 2–4 человека (58,1%). Теперь же эта группа семей стала основной, на ее долю пришлось 70,1% все семей¹.

Причем более всего увеличилось число и доля самых малых семей включавших 2 чел. за межпереписной период удельный вес таких семей вырос до 26,1% (с 17,2% в 1939 г.). Несколько меньше, но так же увеличилась доля семей, имеющих в своем составе 3-х человек с 19,8% до 23,6%. В совокупности доля малых семей с 1939 по 1959 г. увеличилась на 12,7%².

Важно отметить, что процесс уменьшения размеров семьи активнее проявился в селе. Здесь значительно сократилось число больших семей, в составе которых насчитывалось 5 и более человек. В 1939 г. их доля среди семей всех типов составляла 41,9%, в 1959 г. уже 29,9%³.

Те же структурные изменения в составе сельских семей Кубани и Ставрополя зафиксировала перепись 1959 г. В Краснодарском крае семьи состоящие из 2–4 человек составляли 76,2%, в Ставропольском – 74,4%, что выше общероссийских показателей – 70,1%. Семьи от 5 и более человек составили 23,8% в Краснодарском и 25,6% в Ставропольском краях, что также отличается от общероссийских показателей – 29,9%⁴.

В 1939 г. средний размер семьи в СССР (по количеству совместно проживающих ее членов) равнялся 4,1 чел., в том числе в городе – 3,6, в селе – 4,3 чел.⁵

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. средний размер сельской семьи в Краснодарском крае составил 3,6 чел., а в Ставропольском 3,7 чел., в целом по РСФСР этот показатель составлял 3,8 чел.⁶

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 438–439.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 243.

³ Там же. С. 239.

⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 442–445.

⁵ Харчев А.Г. Указ. соч. С. 155.

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 438–439, 442–445.

То есть фактически в сельском населении Кубани и Ставрополья к концу 1950-х гг. широкое распространение получила малая семья, состоявшая из 3–4 человек и включавшая преимущественно два реже три поколения. И хотя перепись отметила, что большинство семей были полными (72,9%), около трети семей в своем составе не имели одного или обоих родителей¹. Причем в случае неполной семьи, как правило, главой выступала женщина. По данным переписи 1959 г. более 2/3 (68,6%) всех семей в селах Кубани указали в качестве главы семьи мужчин и почти 1/3 (31,4%) возглавлялись женщинами². При этом семьи, где в качестве главы семьи были указаны женщины по преимуществу были неполными и в большинстве своем состояли из матерей с детьми (либо несовершеннолетними, либо взрослыми неженатыми).

В целом можно утверждать, что сельская семья в рассматриваемый период не только в регионе, но и в стране в целом находилась в более сложных условиях, в том числе и с точки зрения демографических характеристик (соотношение полов, уровень смертности, возрастная структура и проч.). Это непосредственным образом сказалось на дальнейшем развитии института семьи. Как следствие здесь было больше неполных семей, как правило, включавших вдову с детьми либо семей включавших пожилых супругов, чьи дети жили отдельно.

Процесс нуклеаризации все сильнее охватывал сельскую семью, доля же сложных семей, состоящих из нескольких поколений и супружеских пар, которых традиционно в селе было больше неуклонно снижалась³.

Кроме обычных семей родители и их несовершеннолетние дети, такие семьи включали бездетных супругов, живших со своими престарелыми родителями (или одним из них), а также семьи одиноких женщин (чаще – вдов) с детьми.

---

¹ Кубанские станицы: этнические... С. 204.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 442–443.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 270.

Сельская семья в России долго сохраняла локальные особенности. Так, если в центральных районах благодаря значительному влиянию урбанизации ее средние размеры были меньше, то на окраинных территориях расселения русских, семьи были как правило больше. Это было характерно и для Кубани и Ставрополя¹. Однако, как показано выше, такие семьи хотя и имели место, но не доминировали.

Таким образом, в рассматриваемый период в регионе, как в целом по стране, наблюдалась трансформация процессов брачности и разводимости. Важную роль в этих изменениях играли исторические события, которые серьезно деформировали демографические структуры, прежде всего половозрастную и поселенческую.

Другим значимым фактором стали меры демографической политики советского государства, которые преимущественно носили спонтанный характер и предполагались в качестве своеобразной реакции на стихийные изменения в численности и структуре населения. Законодательство в сфере семьи и брака, начиная с середины 1930-х гг. было направлено на укрепление институтов семьи и брака, создание условий для высокой рождаемости, и в целом шло по пути усиления государственного вмешательства и контроля над брачно-семейной сферой. Значительно расширилась сфера государственной помощи одиноким и работающим женщинам с детьми, формировались новые нормы и ценности в сфере матримониального и репродуктивного поведения.

Однако, несмотря на все усилия государства, в рассматриваемый период неуклонно сокращается доля лиц состоящих в браке, наблюдается повышение брачного возраста, увеличивается число разводов. Одновременно сокращается средний размер семьи, увеличивается доля неполных семей, усиливается тенденция нуклеаризации.

Все эти трансформации были предопределены, прежде всего, общими процессами модернизации, движением страны по пути индустриализации, и в

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 271.

этом отношении были объективными и неизбежными. Однако общий модернизационный тренд корректировался специфическими условиями советского общества. Одни события и обстоятельства значительно ускоряли переход, другие, напротив, тормозили его. Так активное вовлечение женщин в сферу общественного труда, демократизация в сфере половых отношений, репрессии, голод и военные потери работали на снижение показателей брачности и рост разводимости, тогда как политические решения, законодательное регулирование, сохранение традиционных норм сельского общества, напротив замедляли его.

3. СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В 1930–1950-е гг.

3.1. Половозрастная структура населения

Характерной особенностью, которая обращает на себя внимание при рассмотрении половозрастной структуры населения в 1930-е г. выступает существенный половой дисбаланс. Последствия Первой мировой и Гражданской войн были еще достаточно ощутимы и наглядно обнаружались в материалах переписи 1926 г. Разрыв в соотношении мужского и женского населения в РСФСР составлял согласно ее данным 4,5 млн чел., на долю женского населения приходилось 52,3%¹. Межпереписной период был достаточным временем за которое деформации в половой структуре населения страны могли выровняться, так как послевоенный период насчитывал уже более пятнадцати лет. Несмотря на то, что демографические последствия военных событий носят инерционный характер и проявляются в половозрастной структуре населения на протяжении жизни нескольких поколений, параллельно действует другая тенденция, направленная на выравнивание возникших диспропорций. Она имеет место, как правило, в ситуации социальной стабильности². Однако 1930-е гг. – время форсированной индустриализации, коллективизации, раскулачивания, голода, репрессий которые усугубили демографические последствия Первой Мировой и Гражданской войн и негативно отразились на половозрастной структуре населения. К концу 1930-х гг. дисбаланс в соотношении полов стал еще более заметным. Женское население превышало мужское более чем на 6 млн. человек или на 13,6%. Кроме того, если в 1926 г. преобладание женщин проявлялось с 50 лет, то в 1937 г. половой дисбаланс уже начинает проявляться

---

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 9. С. 122–125.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 92.

в возрастной группе 40–45 лет¹.

Общие тенденции в распределении населения по полу, характерные для страны в рассматриваемый период не исключали некоторых региональных особенностей. В частности половой дисбаланс на Кубани и Ставрополье смещается в более ранние возрастные группы. В 1926 г. на Кубани женское население превышало мужское на 126,2 тыс. чел., на Ставрополье на 62,9 тыс. чел, а в 1939 г. превышение уже составило 243,2 тыс. чел. на Кубани и 115,5 тыс. чел. на Ставрополье².

В отличие от Ставрополья половозрастная структура населения Кубани характеризовалась более сильными половыми диспропорциями, которые проявлялись в зрелых и старших возрастных группах. Существенный перевес женщин приходится на возрастные группы старше 30 лет. На Ставрополье во всем населении половой дисбаланс выражен немного меньше – перевес женщин составлял 4,8% против 6,4% на Кубани. В то же время деформация половой структуры здесь была смещена в молодые возрастные группы. Значительный перевес женского населения обнаруживается уже в группах 19 лет и 20–24 года, т.е. приходится на рожденных в годы революции, Первой мировой и Гражданской войн³. Показательно, что в Краснодарском крае в этих возрастах перепись отметила практически равное соотношение мужчин и женщин. Возможно, это было достигнуто за счет компенсаторных миграций, где основную массу переселенцев составляли лица призывного возраста.

Наибольшие диспропорции проявляются в тех возрастных группах, которые сильнее были затронуты Гражданской и Первой мировой войной. Это, прежде всего, мужчины в возрасте от 35 до 39 лет. На Ставрополье разрыв между мужчинами и женщинами в этой возрастной группе составлял 8,8%, на Кубани 20,2% (таблица 3.1). Такое значительное различие между регионами

¹ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом... С. 63.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–21, 55–57; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 69. Л. 7–9об, 14об–22об, 24–26об, 32, 35, 37 (Данные рассчитаны на основе скорректированной численности с учетом приписок переписи 1939 г. см. 1.2).

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–21, 55–57.

можно объяснить тем, что мужское население Кубани в возрастах старше 30 лет сильнее пострадало вследствие голода начала 1930-х гг., репрессий и депортаций в ходе раскулачивания и коллективизации. На Ставрополье меньший дисбаланс обеспечивался за счет мужского населения национальных автономий.

Таблица 3.1 – Соотношение полов в различных возрастных группах в Орджоникидзевском (Ставропольском) и Краснодарском краях, 1939 г., %¹

Возраст	Орджоникидзевский (Ставропольский) край		Краснодарский край	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Все население	47,6	52,4	46,8	53,2
до 7 лет	50,7	49,3	51,1	48,9
7	49,6	50,4	51,0	49,0
8	50,1	49,9	50,8	49,2
9	50,1	49,9	51,0	49,0
10	49,9	50,1	51,0	49,0
11	49,5	50,5	50,8	49,2
12	50,5	49,5	51,2	48,8
13	50,0	50,0	51,4	48,6
14	49,7	50,3	51,4	48,6
15	50,3	49,7	50,6	49,4
16	49,3	50,7	49,7	50,3
17	48,5	51,5	49,0	51,0
18	49,4	50,6	49,0	51,0
19	46,3	53,7	49,2	50,8
20–24	46,4	53,6	49,8	50,2
25–29	48,2	51,8	49,4	50,6
30–34	49,0	51,0	44,6	55,4
35–39	45,6	54,4	39,9	60,1
40–44	46,6	53,4	38,8	61,2
45–49	45,6	54,4	38,6	61,4
50 лет и старше	39,4	60,6	34,8	65,2

В населении Кубани достаточно равномерным было половое

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–21, 55–57.

соотношение в детских возрастных группах. На Ставрополье дисбаланс полов в детских возрастах, вероятно, был обусловлен более высокой детской смертностью, прежде всего в национальных автономиях.

В целом можно отметить, что демографическая ситуация конца 1930-х гг. с точки зрения половозрастной структуры населения более благоприятной была на Ставрополье. Территория Кубани в большей степени пострадавшая в период социальных катаклизмов начала XX века отличалась заметными деформациями.

Население национальных автономий, входивших в состав Краснодарского (Адыгейская АО) и Орджоникидзевского (Карачаевская и Черкесская АО) краев не избежали аналогичных деформаций, однако здесь разрыв в численности мужского и женского населения был существенно меньшим (рисунок 3.1).

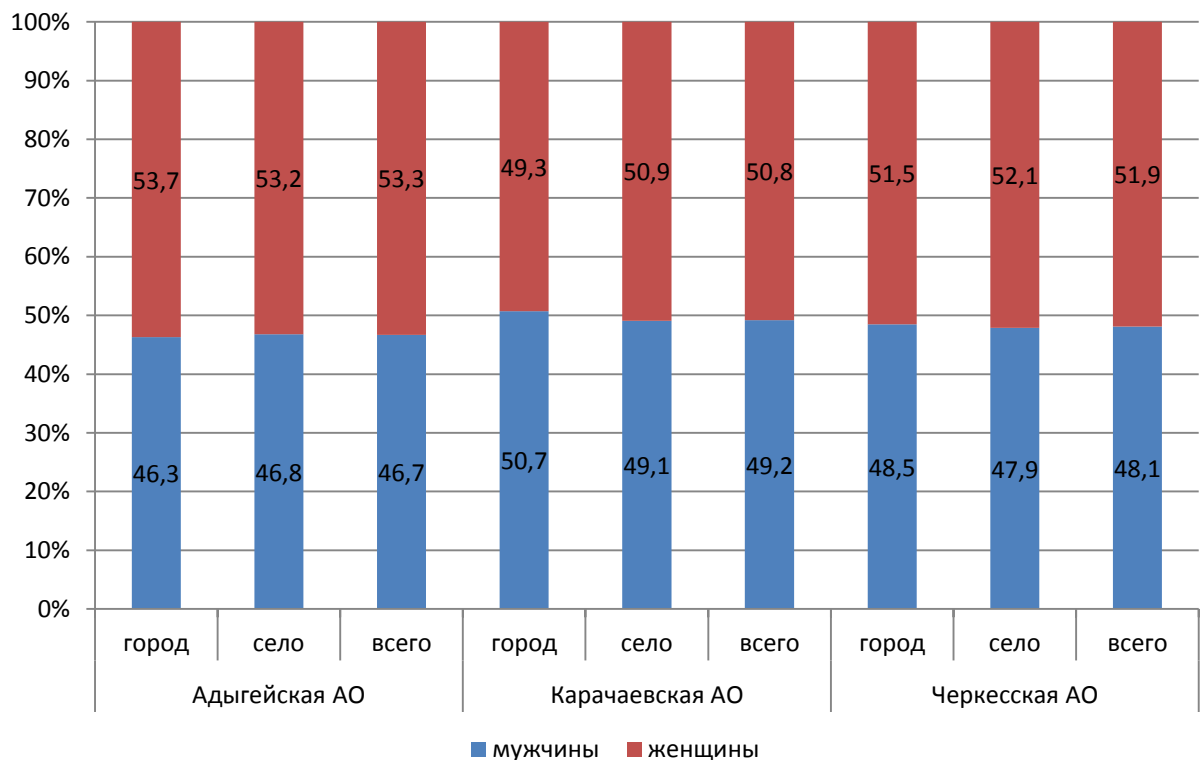

Рисунок 3.1 – Половая структура населения автономных областей Кубани и Ставрополья, 1939 г., %¹

¹ Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 28–36, 64–81.

В то же время и между самими автономиями проявлялось некоторое различие. Если в Карачаевской АО соотношение мужчин и женщин было практически равным – разрыв составлял 1,6% в пользу женщин, то в Черкесской АО он уже увеличивался вдвое и составлял 3,8%, в Адыгейской АО достигал 6,6%. В то же время в городских поселения автономий сложилась более благоприятная половая структура. Высокая доля мужчин здесь может быть объяснена результатом их миграций в города на заработки.

Существенные в сравнении с городом половые диспропорции наблюдались в селах Кубани и Ставрополья. В Ставропольском крае в селах соотношение мужского и женского населения выглядело как 1000/1103 чел., а в городских поселениях это соотношение составляло 1000/1085 чел. На Кубани аналогичное соотношение выглядело как 1000/1142 и 1000/1124 чел. соответственно¹.

Наибольшая диспропорция проявилась в группе от 20 до 24 лет, это те, кто родились во время революции, Первой мировой и гражданской войн. Другая лакуна приходится на возрастную группу 35–39-летних – тех, кому в период революции и Гражданской войны было по 17–20 лет (таблица 3.2).

Разница в половой структуре городского населения между Краснодарским и Ставропольским краями проявилась следующим образом. Превышение числа женщин над числом мужчин в городах Ставрополья было меньшим, чем на Кубани. Наибольший дисбаланс здесь пришелся на группу пожилых возрастов (60 лет и более). На Кубани специфической является ситуация сравнительно равного соотношения полов в молодежных возрастах, и резкий разрыв в зрелой и пожилой возрастных группах.

Таким образом, в группе до 30 лет на обеих территориях сохраняется относительное равенство полов во всех видах населенных пунктов (городских и сельских). Существенные различия в половой структуре регионов наблюдаются в старших возрастах и по типам населенных пунктов. На Кубани

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–21, 55–57; Д. 610. Л. 383–651; Д. 611. Л. 313–470.

сильнее диспропорции проявляются в городском населении, на Ставрополье – в сельском.

Таблица 3.2 – Соотношение мужского и женского населения Кубани и Ставрополья, число женщин на 1000 мужчин, 1939 г., чел.¹

Возраст (лет)	Орджоникидзевский (Ставропольский) край		Краснодарский край	
	село	город	село	город
всего	1103	1085	1142	1124
0–1	966	950	965	964
1–9	984	988	982	981
10–14	1002	1003	1011	1010
15–19	1033	1065	1056	1041
20–24	1139	1215	1291	1228
25–29	1078	1057	1065	1133
30–34	1041	1039	1058	1073
35–39	1188	1206	1258	1274
40–44	1191	1037	1197	1300
45–49	1268	997	1156	1359
50–54	1296	1006	1125	1391
55–59	1713	1159	1260	1813
60–64	1573	1428	1392	1709
65–69	1680	1642	1556	1846
70–74	1767	2088	1950	2034
75–79	1793	2049	2273	2058
80 и старше	2093	2955	2568	2872

Половозрастная структура была связана и с национальным фактором (таблица 3.3). На Кубани у разных народов наблюдались значимые различия в соотношении полов. Сильная половая диспропорция была характерна для русских, у которых 1 112 женщин приходилось на 1 000 мужчин. Перевес мужского населения наблюдался у украинцев и белорусов. Преобладало мужское население у грузин, мордвы, татар, адыгейцев, евреев, армян.

Как видно из таблицы 3.3 в городах Кубани половая диспропорция

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–27, 55–63; Д. 610. Л. 383–651; Д. 611. Л. 313–470.

наиболее выражена была у белорусов и адыгейцев. Удельный вес мужчин в составе этих народов достигал 66,5% и 63,1%. Значительный перевес мужского населения в сельской местности был характерен для татар и грузин. Доля мужчин у этих народов превышала долю женщин на 30 и 23,8% соответственно. Максимальный дисбаланс полов был отмечен у евреев в сельской местности, здесь доля мужчин составила 72,5%. Значительный перевес в сторону женского населения наблюдался у поляков: в городе доля женщин у них составляла 62,1%¹.

Таблица 3.3 – Особенности половой структуры у отдельных народов в Краснодарском крае в 1939 г., %²

Национальность	Городское		Сельское		Всего	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Все население	47,1	52,9	46,7	53,3	46,8	53,2
Русские	46,1	53,9	46,1	53,9	46,1	53,9
Адыгейцы	63,1	36,9	50,1	49,9	53,4	46,6
Украинцы	56,6	43,4	53,6	46,4	54,5	45,5
Армяне	50,3	49,7	51,2	48,8	50,8	49,2
Греки	43,5	56,5	45,5	54,5	44,9	55,1
Немцы	44,7	55,3	45,2	54,8	45,1	54,9
Белорусы	66,5	33,5	60,2	39,8	62,1	37,9
Молдаване	52,5	47,5	49,6	50,4	50,0	50,0
Евреи	51,0	49,0	72,5	27,5	54,9	45,1
Татары	59,9	40,1	65,0	35,0	62,9	37,1
Грузины	58,5	41,5	61,9	38,1	60,2	39,8
Поляки	37,9	62,1	48,2	51,8	41,9	58,1
Мордва	60,0	40,0	59,9	40,1	60,0	40,0

У коренных народов Ставрополя, традиционно проживавшие в регионе отличались относительным балансом половой структуры. На соотношение полов оказывает заметное влияние и миграционный фактор, половой дисбаланс чаще всего проявляется в отношении тех групп в том числе и

¹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

² Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50 (данные рассчитаны без учета Адыгейской АО).

этнических, которые являются пришлыми на той или иной территории. Это справедливо и в отношении миграций в направлении село-город, когда народы, традиционно занимавшиеся сельским хозяйством и проживавшие в сельской местности, постепенно начинают перемещаться в города. В регионе это наглядно демонстрируют такие коренные народы как адыгейцы, черкесы, карачаевцы и проч. Для этих национальностей характерно превышение мужского населения над женским в городах более чем в два раза (таблица 3.4).

Таблица 3.4 – Особенности половой структуры у отдельных народов в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае в 1939 г., %¹

Национальность	Городское		Сельское		Все население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего	48,0	52,0	47,5	52,5	47,6	52,4
Русские	46,6	53,4	46,8	53,2	46,7	53,3
Адыгейцы ²	61,7	38,3	47,5	52,5	48,1	51,9
Карачаевцы	55,2	44,8	48,8	51,2	49,2	50,8
Украинцы	56,5	43,5	56,7	43,3	56,6	43,4
Армяне	49,3	50,7	50,9	49,1	49,8	50,2
Белорусы	67,0	33,0	71,1	28,9	69,4	30,6
Татары	63,8	36,2	50,2	49,8	52,3	47,7
Чеченцы	70,6	29,4	56,4	43,6	57,2	42,8
Молдаване	52,7	47,3	55,6	44,4	54,7	45,3
Немцы	50,3	49,7	46,4	53,6	46,8	53,2
Евреи	52,4	47,6	55,6	44,4	53,3	46,7
Грузины	57,6	42,4	66,0	34,0	62,8	37,2
Мордва	63,0	37,0	60,1	39,9	60,8	39,2
Буряты	83,3	16,7	95,8	4,2	91,7	8,3

На Кубани и Ставрополье в число народов, у которых перевес мужчин стал результатом миграций, попадают мордва, буряты, грузины, удмурты, белорусы и т.п.

Таким образом, к концу 1930-х гг. половой дисбаланс в населении

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 6, 8–9.

² Вероятно, при разработке материалов переписи к адыгейцам в Ставропольском крае были отнесены и черкесы, так как 99% их проживало в Черкесской АО, поэтому в материалах переписи черкесы не выделены в самостоятельную группу.

региона не только не сгладился, но и усилился. Но и в последующие годы положительных изменений в этой сфере не произошло. Еще не успели сгладиться негативные последствия в виде половых диспропорций, ставшие следствием катаклизмов 1930-х годов и событий начала века, как новые перипетии обрушились на страну. Колоссальными по своим демографическим последствиям стали события Великой Отечественной войны. Оценить в полной мере эти последствия не представляется возможным, поскольку урон был нанесен не только непосредственно самому населению, но всем сферам общественной жизни. Статистические материалы этого периода разрознены, фрагментарны, что серьезно осложняет исследовательскую задачу. В этой связи масштабы и характер демографических изменений представляется возможным реконструировать с определенной долей условности.

Данные о соотношении полов на Кубани на 1 января 1944 г. представленные в единовременном отчете указывают на практически двукратное превышение численности женщин в регионе. Их доля в наличном населении составляла 64,3% (1 204 446 чел.), тогда как на долю мужчин приходилось лишь 35,7% (668 277 чел.). В возрастных группах соотношение было следующим: в группе до 3 лет 49,9% составляли мужчины и 50,1% женщины, в возрастной группе 4–7-летних половая диспропорция практически отсутствовала и составляла 0,4%, в группе 8–13-летних она уже достигала 2,4%, 14–15-летних – 7,8%. Затем дисбаланс резко усиливается и в группе 16–17 лет разрыв уже составляет 27,6%, 18–24 года – 59,8%, 25–49 лет – 60,6%. В старших возрастных группах разрыв несколько сокращался и составлял у 50–54-летних 36,3% в пользу женского населения, 55–59-летних 33,2%, в группе от 60 лет и старше – 33,4%¹. Таким образом, превышение численности женщин над мужчинами было практически двукратным. Критический характер демографической ситуации, на наш взгляд, проявился в первую очередь в том, что половая диспропорция затронула младенческие

---

¹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

возраста, а в основных репродуктивных группах достигла соотношения 1:4.

Подобная кризисная демографическая ситуация была характерна прежде всего для территорий, находившихся под оккупацией. Например, на 100 человек мужского населения в возрасте 16–55 лет в Ставропольском крае до оккупации приходилось 106 женщин, после 260, Краснодарском – 112 и 322, в Воронежской области соответственно 116 и 295, Курской области – 116 и 295, Ростовской – 108 и 248, Сталинградской – 109 и 298, Кабардино-Балкарии – 92 и 198, Калмыкии – 103 и 273, Северной Осетии – 99 и 259¹.

Как видим, в ряде краев и областей женское население почти в три раза превышало мужское. Это, прежде всего, Кубань, Курская, Сталинградская и Воронежская области. Причиной таких различий были с одной стороны сложившиеся еще в довоенный период диспропорции, с другой – сроки оккупации. Этим в частности можно объяснить и различия в степени деформации половой структуры между Краснодарским и Ставропольским краями.

Дисбаланс полов, значительно усиленный Великой Отечественной войной, на долгие годы вперед предопределил негативные тенденции в развитии населения, как в целом в РСФСР, так и в отдельных административно-территориальных образованиях. Данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. показывают, что спустя почти полтора десятилетия в рассматриваемых регионах еще сохранялся значительный разрыв в соотношении мужского и женского населения. На Кубани доля женщин на 11,4% превышала долю мужчин, на Ставрополье на 11,1%, тогда как в целом по стране этот показатель составлял 3,4%². Таким образом, в регионе дисбаланс полов был значительно большим, чем в РСФСР. Различия между городом и селом в соотношении полов были незначительными (таблица 3.5).

Соотношение мужчин и женщин в городских поселениях Краснодарского

¹ Колесник А.Д. РСФСР в Великой Отечественной войне... С. 224.

² Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 18, 20–21.

края составляло 1000: 1260, в сельских – 1000: 1240. В Ставропольском крае разница между городом и селом в этом соотношении практически отсутствовала и составляла соответственно 1000 : 1247 и 1000 : 1242¹. То есть половой дисбаланс в обоих регионах сильнее был выражен в городском населении.

Таблица 3.5 – Распределение населения Краснодарского и Ставропольского краев по полу в 1959 г., %²

Регионы	Все население		Городское		Сельское	
	мужское	женское	мужское	женское	мужское	женское
Краснодарский край	44,32	55,68	44,21	55,79	44,46	55,54
Адыгейская АО	43,91	56,09	43,78	56,22	43,97	56,03
Ставропольский край	44,57	55,43	44,51	55,49	44,61	55,39
Карачаево-Черкесская АО	45,36	54,64	45,47	54,53	45,32	54,68

Подробное рассмотрение соотношения полов по разным возрастным группам³ показывает, что деформации уже начали сглаживаться в детских и молодых возрастах. Незначительные диспропорции начинают обнаруживаться в группах старше 16 лет (таблица 3.6).

Последствиями войны обусловлен заметный перевес женского населения, который наблюдается в возрастах старше 30 лет. Это было наиболее заметно у славянских народов, тогда как у некоторых северокавказских народов доля мужского населения была выше⁴.

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 18, 20–21.

² Таблица составлена на основе источника: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 18, 20–21.

³ Возраст является необходимым признаком группировки в подавляющем большинстве разработочных таблиц. В процессе разработки материалов переписей и текущего учета этот признак часто представляют укрупненными возрастными группами, например, пятилетними, десятилетними и др., что несколько усложняет анализ и делает данные не всегда сопоставимыми. Так в публикации материалов переписи 1939 г. итоги были даны по однолетним, а в переписи 1959 г. по укрупненным 5-летним возрастным группам. В результате не представляется возможным рассмотреть соотношение долей возрастных групп старше 20 лет по однолетним возрастным группам, их конкретную динамику в межпереписной период.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 15666. Л. 15–28, 64–77.

После окончания войны Кубань и Ставрополье продолжают оставаться регионом привлекательным для мигрантов, однако усилившиеся диспропорции половой структуры в послевоенный период отразились и на переселенческом потоке.

Таблица 3.6 – Соотношение полов по возрастным группам в Краснодарском и Ставропольском краях в 1959 г.¹

Возраст (лет)	Краснодарский край		Ставропольский край	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Все население	55,7	44,3	55,4	44,6
до 9 лет	49,0	51,0	49,0	51,0
9	49,0	51,0	49,4	50,6
10	49,0	51,0	48,7	51,3
11	49,2	50,8	49,7	50,3
12	48,8	51,2	48,8	51,2
13	48,6	51,4	49,5	50,5
14	48,6	51,4	48,4	51,6
15	49,4	50,6	48,8	51,2
16	50,3	49,7	50,5	49,5
17	51,0	49,0	51,5	48,5
18	51,0	49,0	51,8	48,2
19	50,8	49,2	50,8	49,2
20–24	50,2	49,8	50,5	49,5
25–29	50,6	49,4	50,8	49,2
30–34	55,4	44,6	54,2	45,8
35–39	60,1	39,9	60,4	39,6
40–44	61,2	38,8	61,3	38,7
45–49	61,4	38,6	61,5	38,5
50–54	61,6	38,4	62,1	37,9
55–59	66,9	33,1	67,1	32,9
60–64	65,2	34,8	64,3	35,7
65–69	65,2	34,8	63,9	36,1
70 и старше	68,5	31,5	67,6	32,4
Возраст не указан	51,2	48,8	52,6	47,4

Как следствие половой дисбаланс в регионе не смог сгладиться даже за

¹ Таблица рассчитана и составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 82. Л. 1–8.

счет активной миграции, женское население на Кубани и Ставрополье по-прежнему остается преобладающим. Вместе с тем для отдельных национальных групп, отличавшихся высокой миграционной активностью, приток переселенцев благоприятно сказывался на соотношении полов.

Существенным изменениям подверглась и возрастная структура населения. Произошедшие в обществе социальные, экономические и политические преобразования повлияли на соотношение трех базовых возрастных групп: детской (0–14 лет), взрослой (15–59 лет) и пожилой (60 лет и старше).

К началу XX в. Россия была традиционным обществом с прогрессивной возрастной структурой населения, характеризующейся высокой долей детей и наоборот, пониженной долей пожилого населения. Значительная доля младших возрастных групп, при высокой смертности населения и низкой продолжительности жизни, позволяла обеспечивать необходимый режим воспроизводства населения.

Изменение возрастной структуры с одной стороны является результатом закономерной трансформации в условиях демографического перехода и связано с соответствующим типом воспроизводства, с другой, она определяет характер демографического развития в будущем.

События начала XX в. значительно деформировали возрастную структуру. Если сравнивать удельные веса возрастной группы 0–14 лет в переписях 1926 г. и 1939 г., то можно отметить, что они были равными. В 1939 г. на долю детей в этом возрасте приходилось 35,4% в населении Кубани и 37,4% Ставрополья¹. Однако следует учесть, что в 1939 г. войны давно не было, а в 1936 г. в связи с запретом на аборты было зафиксировано рекордное число новорожденных. Таким образом, именно голод нанес непоправимый урон демографическому развитию страны, превосходящий по силе последствия двух больших войн.

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81.

Несмотря на модернизационные изменения, произошедшие в российском обществе в 1930-е гг., в нем еще преобладал традиционный тип воспроизводства, т.е. доля детей была достаточно высока, хотя и несколько снизилась по сравнению с 1920-ми гг. На долю населения в возрасте до 15 лет в 1937 г. приходилось 24%, тогда как в 1926 г. – 30%. Доля лиц средних возрастов была выше чем в 1926 г., но в силу военных и прочих потерь в целом невелика. 30–49-летние в 1937 г. составляли 23,4%. Пожилых людей было мало. Лица в возрасте 60 лет и старше составляли 6%¹. Значительный провал обозначился в возрастной группе 15–19 лет, т.е. тех, кто рожден был в военные годы. В 1937 г. их удельный вес в общей численности снизился до 8%².

Как справедливо отмечают авторы монографии «Демографическая модернизация России: 1900–2000»: «Возрастная пирамида населения страны и ее регионов в XX веке изменялась под влиянием не только этого эволюционного процесса, но и многочисленных относительно кратковременных пертурбационных воздействий. И исходная численность, и судьба поколений, из которых складывалось население страны к концу столетия, были очень сильно затронуты социальными катастрофами XX в. и их последствиями»³.

Это заметно отразилось на возрастной структуре населения, нарушалась тенденция естественного постарения населения, проявлялась диспропорция в возрастных группах.

На возрастных пирамидах Кубани и Ставрополя 1939 г. четко проявляется асимметрия в распределении мужчин и женщин, особенно в возрастных группах 30–34 года и старше, где процент мужчин заметно меньше (рисунок 3.2; 3.3). Это последствия различных экстремальных факторов – в первую очередь Первой Мировой и Гражданской войн. Другие возрастные группы более симметричны, что обусловлено более спокойной не военной

---

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 95.

² Там же. С. 93.

³ Демографическая модернизация России... С. 488–491.

обстановкой. Однако, заметен перевес мужского населения на Кубани в возрастной группе 20–24 года – это, по всей видимости, миграционный приток, в том числе демобилизованных красноармейцев прибывших в регион в рамках компенсаторной миграции.

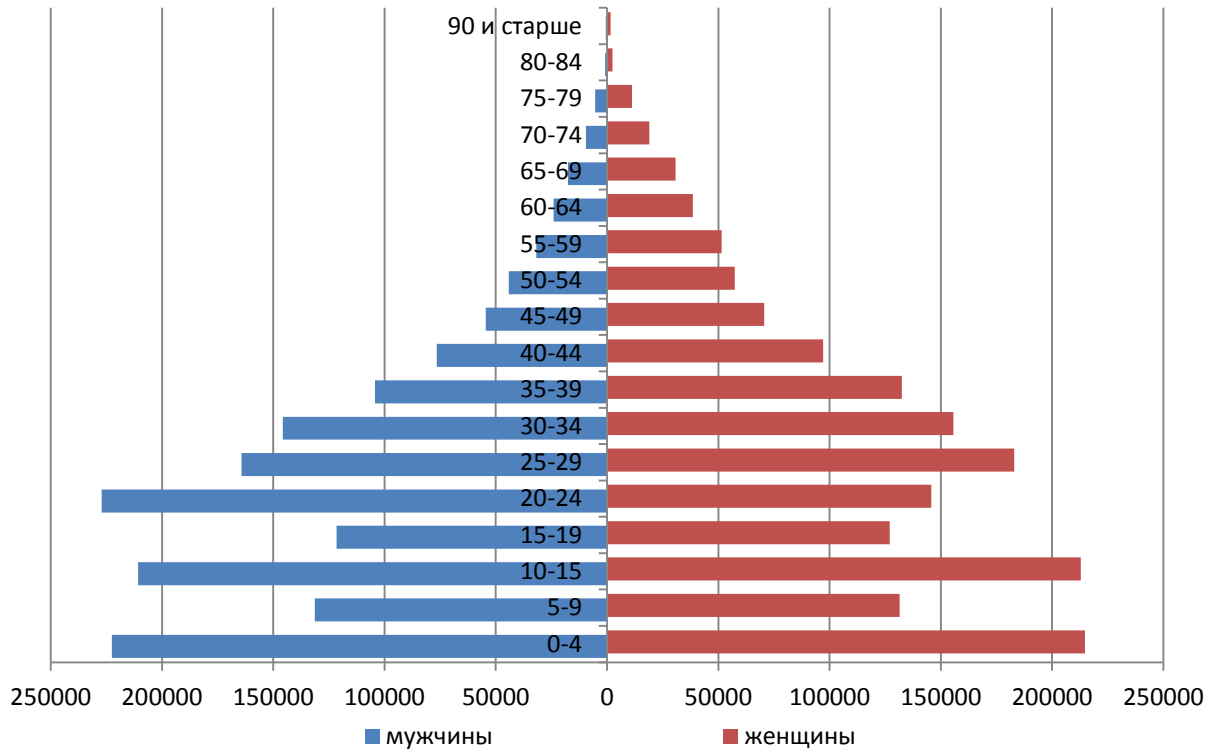

Рисунок 3.2 – Половозрастная структура Краснодарского края в 1939 г.¹

В младших возрастных группах Кубань и Ставрополье имеют схожую структуру, обусловленную высокой рождаемостью и расширенным режимом воспроизводства (рисунок 3.2; 3.3). Резко выделяются три возрастные группы: 5–9, 15–19 и 20–29 года, на половозрастной пирамиде отмеченные заметными лакунами. Это поколения рожденных в периоды демографических катастроф: 1930–1934 гг. – период раскулачивания и голода; 1915–1924 гг. – Первой мировой и Гражданской войн, революций и постреволюционных событий.

Последствия голода 1932–1933 гг. на Кубани проявились сильнее чем на Ставрополье, что заметно на группе 5–9-летних. Наблюдаемые на половозрастной пирамиде впадины чередовались всплесками компенсаторной

¹ Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36.

рождаемости связанные с относительно благополучными периодами в истории страны. Значительная по численности возрастная группа 0-4-летних так же демонстрирует последствия компенсаторной рождаемости во второй половине 1930-х гг. При этом на Кубани она была несколько больше, чем на Ставрополье, что отчасти нормализовало демографическую обстановку.

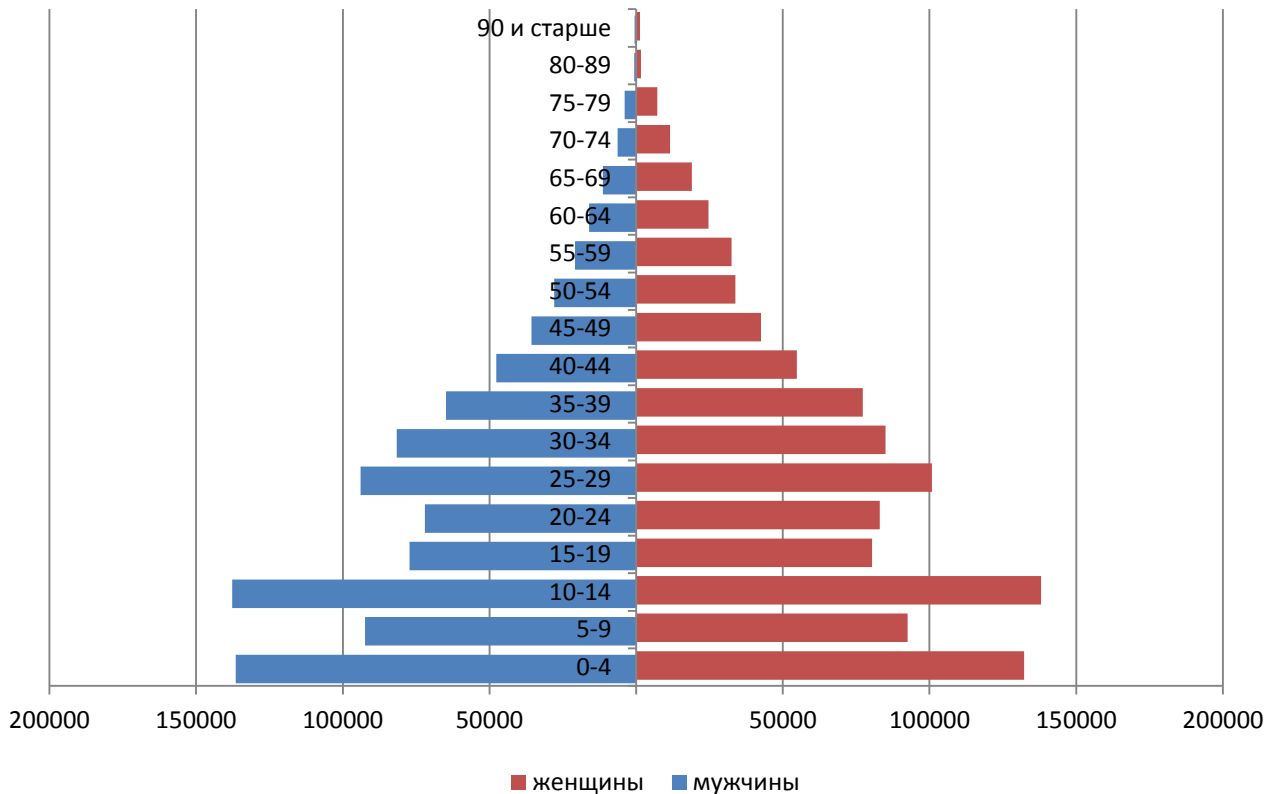

Рисунок 3.3 – Половозрастная структура Орджоникидзевского (Ставропольского) края в 1939 г.¹

В целом российское общество на 1939 г. было достаточно молодым, молодежь до 30 лет в общей численности населения РСФСР составляла 61,9%, а на Кубани и Ставрополье даже несколько выше – по 63,1%. В том числе дети и подростки до 14 лет составляли 36,6% в Краснодарском и 37,1% в Орджоникидзевском (Ставропольском) краях, что также выше общероссийского показателя – 34,6%.

Обратная картина наблюдалась у представителей средней возрастной

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 55–81.

группы 30–50-летних, они составляли 23,7% на Кубани и 25,1% на Ставрополье, что было несколько ниже общероссийских показателей – 26,7%. Отличалась и доля старшей возрастной группы (свыше 50 лет): по РСФСР 11,4%, Ставрополью – 11,8% и Кубани 13,2%¹ (рисунок 3.4).

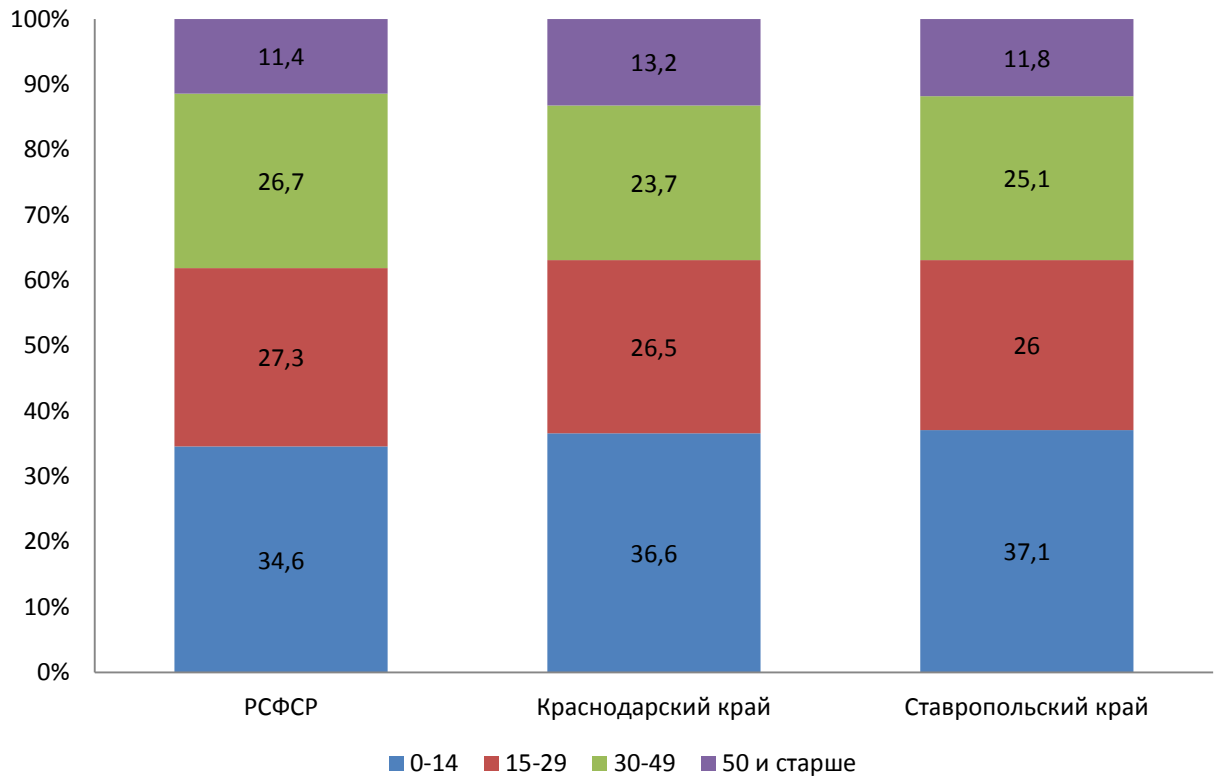

Рисунок 3.4 – Возрастная структура населения РСФСР, Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краев, 1939 г., %²

Средний возраст населения России в 1926 г. составлял 25 лет, а в 1939 г. – 26 лет. Меняется соотношение возрастных групп в городе и селе. Так младшая группа (0–19 лет) довольно большую долю составляла в селе 45,3%, в то время как в городе 35,8%. Доли других возрастных групп были выше в городе. Средняя (20–59 лет) в городе – 58,4%, в селе соответственно – 49,8%. Старшая (60 лет и старше) в городе – 5,7% и в селе – 4,9%³.

Соотношение возрастных групп в городском и сельском населении

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81.

² Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36.

Кубани изменялось под влиянием социально-экономических и политических факторов. Бурная индустриализация и процессы урбанизации способствовали быстрому росту городского населения, преимущественно трудоспособного. Сложившаяся в кубанской станице в результате коллективизации и голода критическая ситуация дала дополнительный толчок оттоку населения из села.

Как свидетельствуют документы, значительная часть жителей кубанских станиц спасаясь от голода, принудительного выселения либо в поисках работы мигрировала в города. Часть устремлялась в промышленные регионы, в частности на Дон, для работы на шахтах¹. Наиболее подвижными в миграционном плане были мужчины средних и молодых возрастов.

Соотношение мужчин в трех возрастных группах заметно варьируется в зависимости от типов поселений, этнической принадлежности и других факторов. Таблица 3.7 показывает, что в городском населении Кубани у русских, украинцев и адыгейцев в сравнении с селом преобладала рабочая группа 20–59 лет, меньшей, чем на селе здесь была группа детей и молодежи. В то же время у адыгейцев в селе доля пожилых более, чем в два раза превышала долю той же группы в городе, у русских, наоборот, сельское население было более молодым за счет большей доли детей и меньшей пожилых (приложение 10)².

Модернизация объективно меняет возрастную структуру населения. От прогрессивного типа она эволюционирует в сторону регрессивного: к пирамиде с узким основанием в результате сокращения рождаемости и широким верхом, вследствие роста продолжительности жизни и снижения смертности в старших возрастах. Демографическое старение, как сдвиг возрастной структуры населения к старшим возрастам, таким образом обусловлено процессом демографического перехода. Данный процесс многоаспектен и характеризуется увеличением среднего возраста населения, сокращением доли детей и ростом доли пожилых в общей численности

---

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 34–39.

² Таблица составлена по источнику: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 58–81-об.

населения, вызванных фундаментальными сдвигами в режиме воспроизводства населения¹.

Анализ данных переписи 1939 г. позволяет охарактеризовать население обоих регионов как молодое (на основе шкалы старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета²), доля лиц старше 60 лет в населении не превышает 6%. Высокой остается доля детей и подростков. Однако как было отмечено, соотношение возрастных групп заметно изменяется в зависимости от типа расселения. В городских населенных пунктах Кубани и Ставрополья процесс старения населения выражен сильнее, особенно за счет пониженной доли детей (так называемое «старение снизу») и несколько большей в сравнении с сельской местностью долей пожилых (рисунок 3.5).

Одновременно обращает на себя внимание повышенная доля трудоспособного населения, что может быть, с одной стороны, следствием миграций активного населения из села в город на заработки, с другой, сокращением этой категории в сельской местности вследствие раскулачивания, репрессий и депортаций.

Еще больший шаг по пути старения населения сделали к 1939 г. национальные автономии (рисунок 3.6). Здесь уже доля пожилых достигла 8%, согласно рассмотренной выше шкале, это так называемое «преддверие старости», фактически население с такой долей лиц старше 60 лет стоит на пороге постарения и вот-вот совершит этот переход. В автономиях, напротив старением в большей степени была охвачена сельская местность. Наиболее заметно это демонстрируют Карачаевская и Черкесская АО. Но при этом наблюдается своеобразный парадокс, доля детей здесь повышена, в сравнении с городскими поселениями. При этом доля лиц трудоспособного возраста

---

¹ Weil D.N. Population Ageing. Palgrave Encyclopedia of Economics. 2nd ed. N.Y., 2008. P. 1–15; Gavrilov L.A., Heuveline P. Aging of Population // The Encyclopedia of Population / Paul Demeny and Geoffrey McNicoll (Eds.) N.Y., 2003. P. 32–37; Демографическая модернизация России... С. 488–489; Гаврилов Л.А., Гаврилова Н.С. Биология продолжительности жизни. М., 1986. С. 93.

² Россет Э. Процесс старения населения... С. 68–72; Народонаселение: энциклопедический словарь... С. 112.

составляет около половины, а в Карачаевской АО еще меньше.

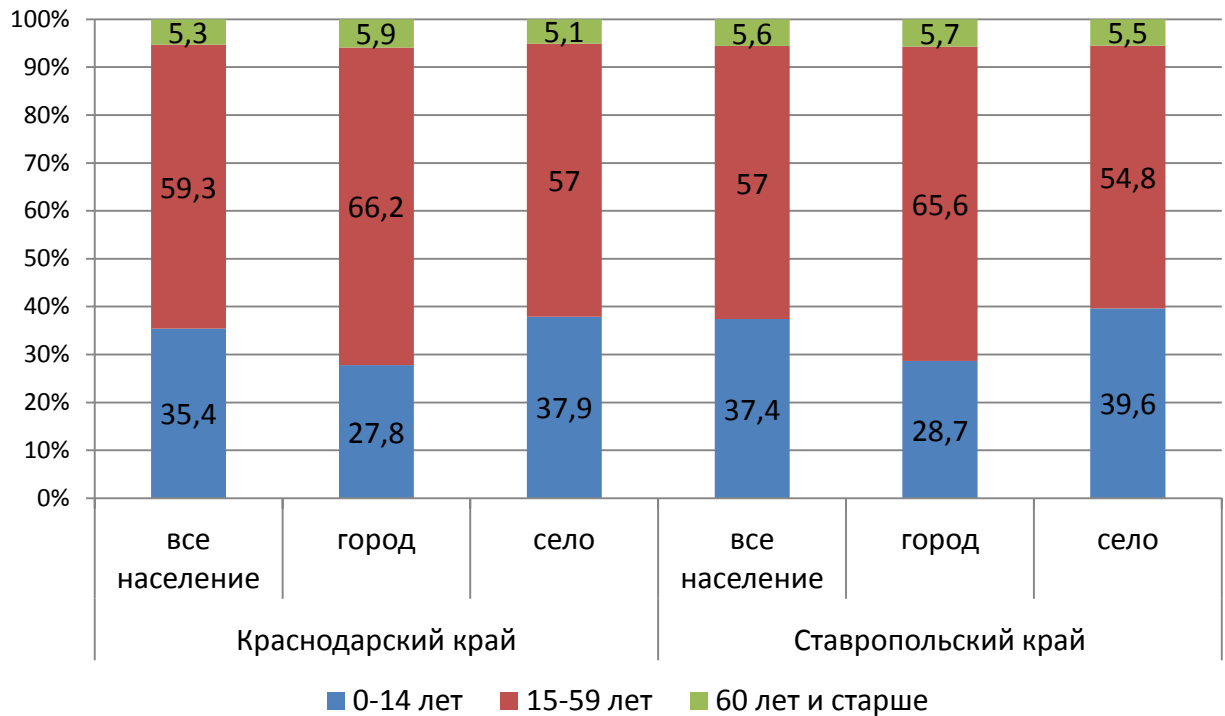

Рисунок 3.5 – Доли основных возрастных групп в населении Кубани и Ставрополья, 1939 г., %¹

Наибольшими отличиями возрастной структуре и ее сильными колебаниями характеризуются Карачаевская и Черкесская автономные области. Городское население Карачаевской АО резко выделяется почти двукратным превышением доли трудоспособного населения над совокупной долей детей и пожилых. Адыгейская автономная область имела сравнительно схожую возрастную структуру в селе и городе².

Демографическое старение населения сопровождается его феминизацией. Благодаря более низкой смертности женщин, с возрастом соотношение полов меняется в их пользу, и тем стремительнее, чем выше возраст³. Данные переписи населения 1939 г. показывают, что доля мужчин больше в детских и

¹ Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 28–36, 64–81.

³ Демографическая модернизация России... С. 489.

юношеских возрастах, тогда как женщин больше в старших возрастных группах. В зрелых возрастах, как правило устанавливается равновесие полов.

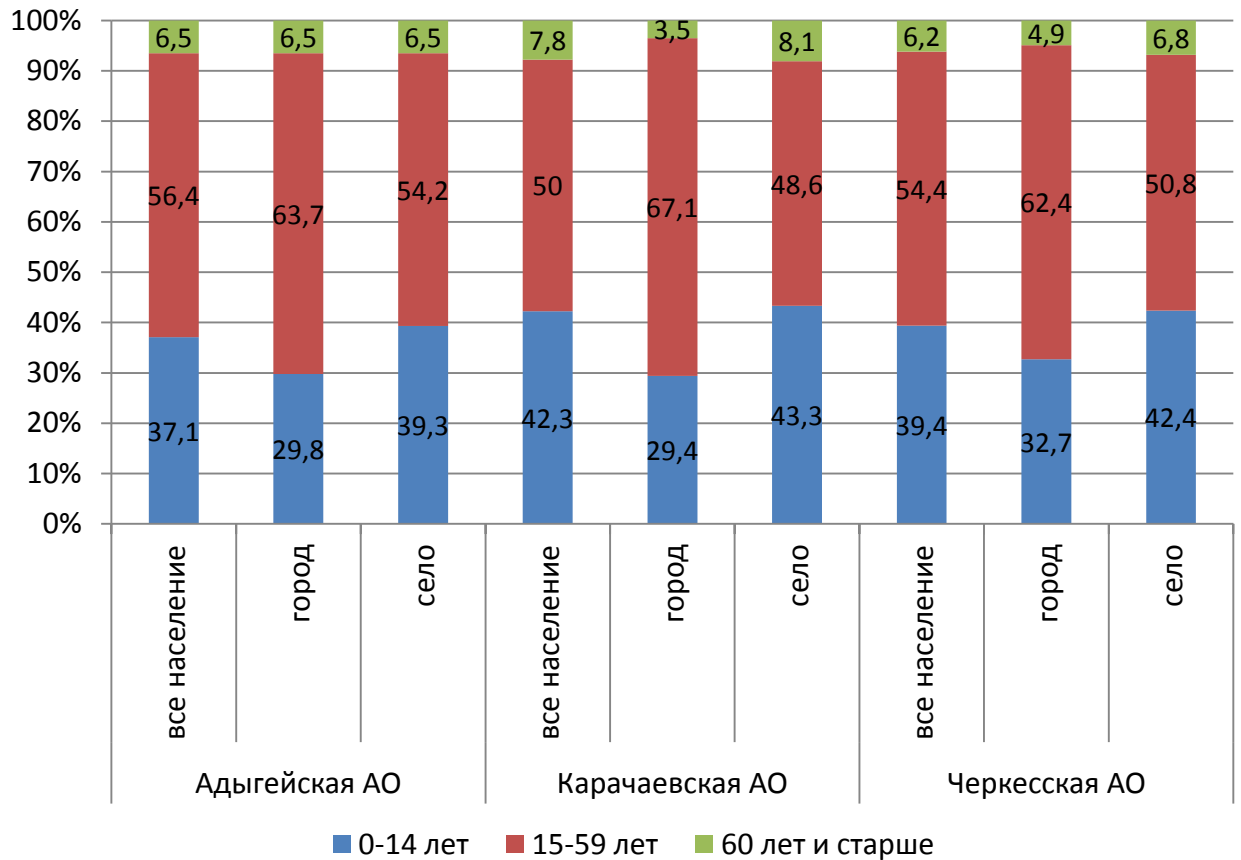

Рисунок 3.6 – Доли основных возрастных групп в населении автономных областей Кубани и Ставрополя, 1939 г., %¹

В селах Краснодарского и Ставропольского краев эта тенденция выражена сильнее. На Кубани в сельской местности в возрастах 50 лет и старше, численность женщин в полтора раза превышала численность мужчин². Такая ситуация зачастую характеризуется повышенной долей вдов в населении (приложение 11).

Специфика возрастной структуры представителей различных народов проявлялась в различии соотношения трех основных возрастных групп. Самый большой процент детей и молодежи в Краснодарском крае в 1939 г.

¹ Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 28–36, 64–81.

² Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81.

наблюдался у адыгейцев – 45%, у русских на эту группу приходилось 43,6%, у украинцев – 32,9%. Группа 20–59-летних у украинцев составляла 60,6%, у русских – 51,4, у адыгейцев – 48,9%. И наконец, лиц пожилого возраста было больше у украинцев – 6,4%, у адыгейцев они составляли 6,1%, у русских – 5%. В городе и селе возрастная структура у разных народов была неодинаковой. У русских в городе на детей и молодежь в возрасте до 19 лет приходилось 36,6%, а в селе – 45,8%, в возрасте 20–59 лет насчитывалось 57,7% горожан и 49,4% сельских жителей. На лиц старшего возраста в городе приходилось 5,7%, а в сельской местности – 4,8%¹.

У украинцев доля детей и молодежи значительно уступала по своим показателям и русским и адыгейцам, причем не только в городе, но и в сельской местности. Данная группа лиц (0–19 лет) среди горожан составляла 24,1%, среди селян – 36,4%. В то же время по сравнению с другими народами среди представителей украинского этноса выше была доля лиц старшей возрастной группы: 6,5% среди горожан и 6,4% на селе. Самой высокой была доля лиц средней возрастной группы – 69,5 и 57,3% соответственно².

Для адыгейцев в Краснодарском крае была характерна более молодая возрастная структура, и прежде всего в селе. Здесь насчитывалось 50,1% детей и молодежи, 43% лиц в возрасте 20–59 лет и 6,9% пожилых. В городе эти показатели несколько менялись и составляли соответственно 30,2%, 66,4 и 3,9%³.

В условиях набиравшей темпы индустриализации город притягивал население в трудоспособном возрасте, что и обусловило более высокий процент лиц зрелой возрастной группы в городах, преимущественно мужчин. Этот перевес составляет 8,9% у русских, 12,9 у украинцев и 20,8% у адыгейцев.

Для анализа динамики возрастной структуры населения нами было

---

¹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 58–81об.

² Рассчитано по тем же источникам.

³ Рассчитано по тем же источникам.

использовано ее количественное описание по двум группам показателей: доля отдельных групп в возрастной структуре и определение уровня старости населения.

Используя группировку населения по трем возрастным группам, соотношение которых позволяет определить тип возрастной структуры и соответствующий режим воспроизводства, проведем сравнительный анализ данных переписей населения 1939 и 1959 гг. по Кубани, Ставрополью и РСФСР. Возрастной состав населения в таком случае будет иметь следующий вид (таблица 3.7).

Таблица 3.7 – Доля различных возрастных групп в населении Краснодарского и Ставропольского края 1939 г. и 1959 г., %¹

Возрастные группы	Краснодарский край		Ставропольский край		РСФСР	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
0–14 лет	35,4	26,5	37,4	26,9	36,6	29,5
15–59 лет	59,3	62,8	57,0	62,4	56,7	61,0
60 лет и старше	5,3	10,7	5,6	10,7	6,7	9,5

В 1939 и 1959 гг. для населения Кубани и Ставрополья была характерна прогрессивная возрастная структура. Однако за двадцать межпереписных лет произошли заметные изменения. К 1959 г. набирает силу процесс старения населения, что отражается на возрастной пирамиде – сильнее сужается ее основание и наоборот расширяется верхняя часть. Изменения пока не столь четко выражены, но налицо прогрессирующая динамика, причем не только на Северо-Западном Кавказе, но и в целом по РСФСР. В тоже время заметна разница в соотношении возрастных групп в 1939 г. и 1959 г. как между Кубанью и Ставрополем, так и с РСФСР в целом.

В 1939 г. на долю младшей возрастной группы приходилось на Ставрополье – 37,4%, на Кубани – 35,4%, в РСФСР – 36,6%. К 1959 г. показатели Ставрополья и Кубани сближаются – доля детей сократилась до

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81; Д. 1591. Л. 31–57, 118–141.

26,5% и 26,9% соответственно, но была ниже, чем в РСФСР – 29,5%. Доля лиц старшего возраста (60 лет и старше) в регионе, наоборот, выросла и составляла уже 10,7%, в РСФСР – 9,5% соответственно.

Столь резкое повышение доли лиц старшей возрастной группы было с одной стороны связано со снижением рождаемости, т.е. старением «снизу», с другой, ростом продолжительности жизни пожилого населения, т.е. старением «сверху». Кроме того значимую роль играли миграции в направлении село-город, которые увеличивали долю пожилых в селе и сокращали здесь долю лиц репродуктивного возраста. Происходившие в обществе социально-экономические изменения оказывали влияние на процессы урбанизации, миграционное поведение населения, национально-культурную унификацию, что в свою очередь отражалось и на демографическом поведении населения.

Определенные различия в возрастной структуре наблюдались между городом и селом (таблица 3.8).

Таблица 3.8 – Доля возрастных групп в населении Кубани и Ставрополя в 1959 г., %¹

Возрастные группы	Краснодарский край		Ставропольский край	
	город	село	город	село
0–14 лет	23,6	28,3	22,3	29,0
15–59 лет	65,8	61,0	66,6	60,4
60 лет и старше	10,6	10,7	11,1	10,6

В регионе в целом процент средней возрастной группы (15–59 лет) был заметно выше, в первую очередь в городе. В селе, наоборот, была выше доля младшей возрастной группы (0–14 лет). В тоже время на Кубани разница в возрастной структуре городского и сельского населения была выражена меньше, чем на Ставрополье. Если в Ставропольском крае доля пожилых (старше 60 лет) в городе была больше, чем в сельской местности – 11,6 и 10,6% соответственно. В Краснодарском рае это различие составляло 0,1% (10,6%

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 68–69.

старшая возрастная группа составляла в городе и 10,7% на селе).

Таким образом, можно говорить о том, что в городах процесс старения в большей степени был связан со снижением показателей рождаемости, тогда как в селах он в значительной степени обеспечивался за счет оттока репродуктивной части населения в города. Эти изменения явно просматриваются на половозрастной пирамиде (рисунки 3.7; 3.8).

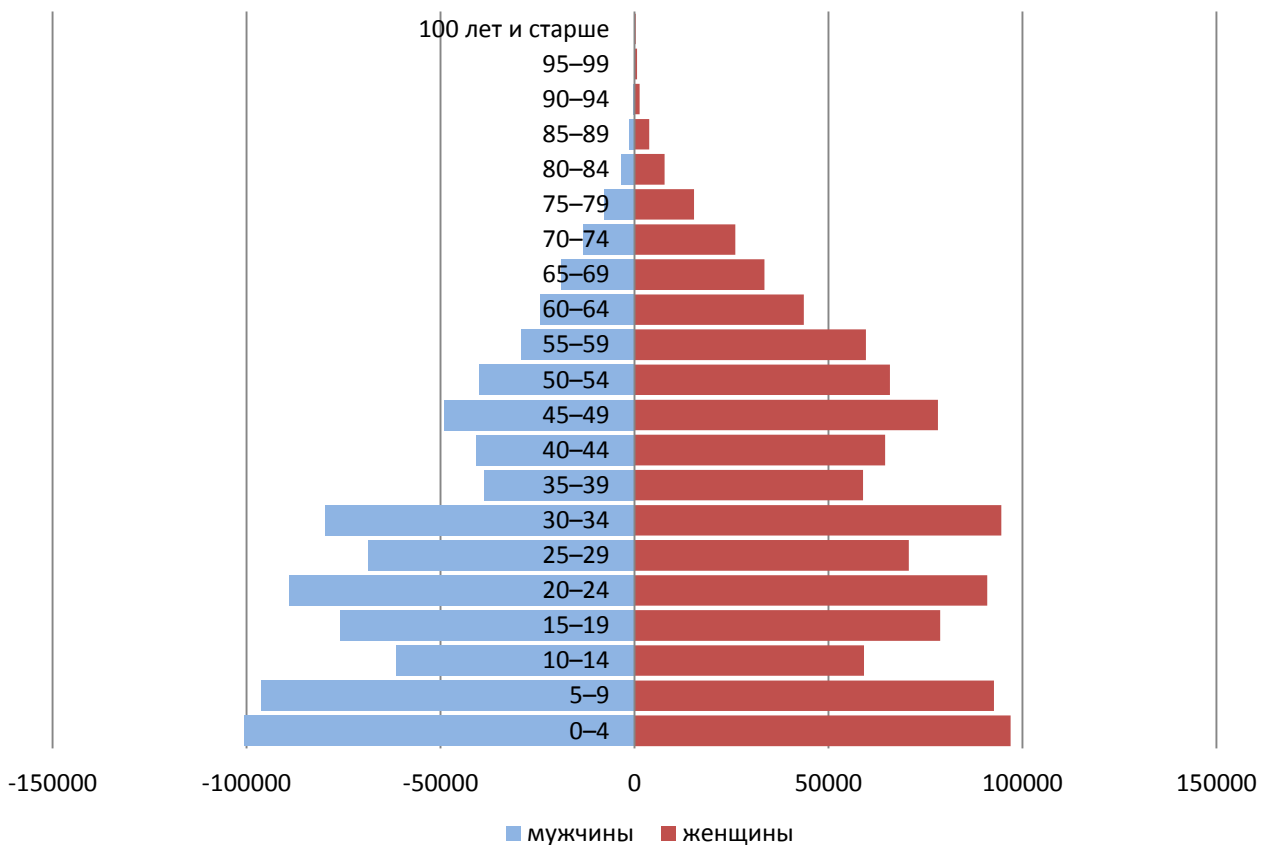

Рисунок 3.7 – Половозрастная структура Ставропольского края в 1959 г.¹

Последствиями войны обусловлена сильная половая диспропорция в возрастах от 30 до 60 лет, а также добавившаяся со времени последней переписи 1939 г. лагуна в возрастной группе 10–19 лет, связанная с ростом младенческой смертности и снижением рождаемости в военный и послевоенный период.

¹ Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141.

Однако несмотря на отдельные нюансы, возрастная структура Ставрополья и Кубани в общем схожа, что обусловлено влиянием экстремальных факторов, затронувших два региона примерно в равной степени. Некоторые различия наблюдаются в возрастной группе (0–4 года), как видно на рисунках 3.7 и 3.8 основание пирамиды в Ставропольском крае гораздо шире чем в Краснодарском.

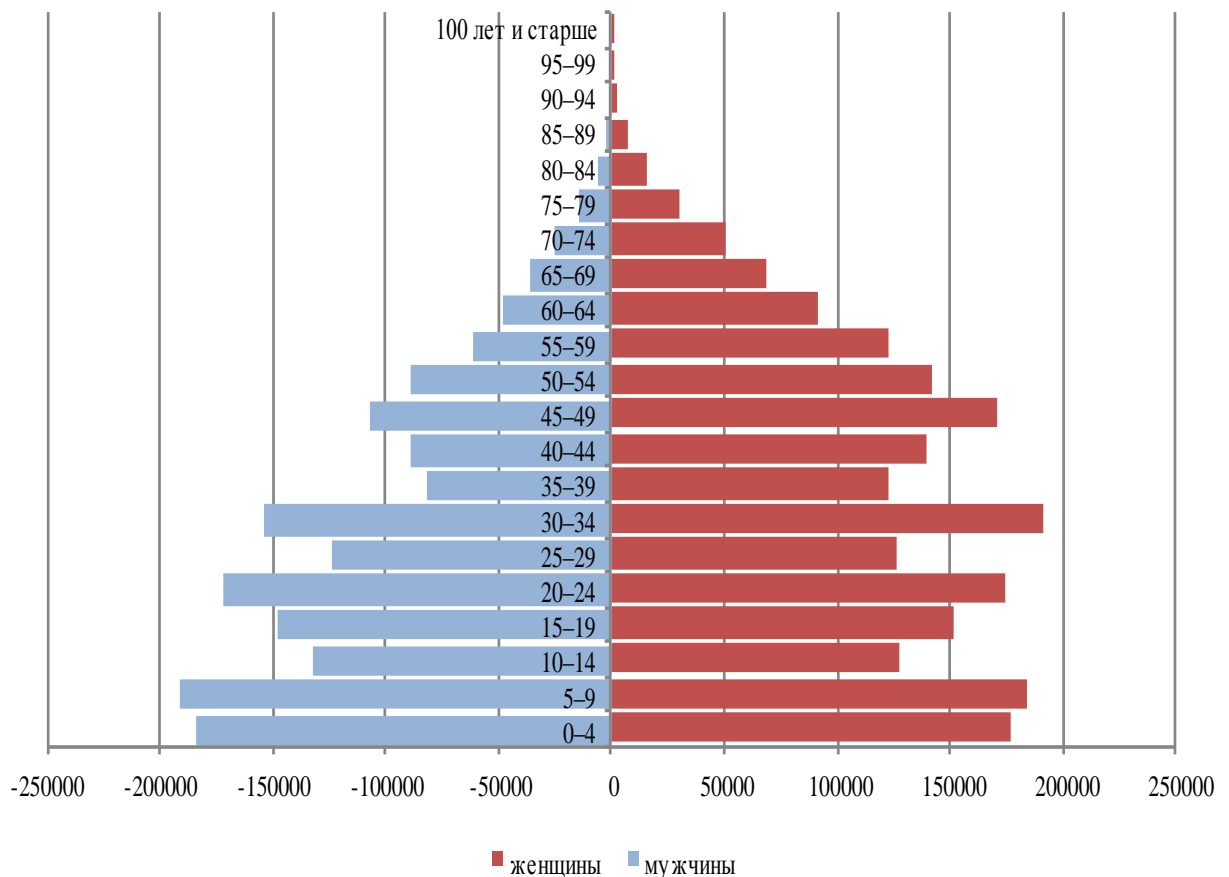

Рисунок 3.8 – Половозрастная структура Краснодарского края в 1959 г.¹

Эти различия, по всей вероятности, обусловлены более высоким процентом коренных народов на Ставрополье, в том числе и возвратившихся в прежние места проживания реабилитированных карачаевцев у которых еще

¹ Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141.

сохранялись традиционные репродуктивные установки и соответственно высокие показатели рождаемости.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. показывают, что результатом демографической модернизации стало старение населения. Однако этот процесс не может быть постоянным. Как отмечают авторы монографии «Демографическая модернизация России»: «старение населения, как и сам демографический переход, – не бесконечно, оно продолжается до тех пор, пока идет смена режимов рождаемости и смертности. Затем на смену приходит новая устойчивая возрастная структура населения, в корне отличная от той, с которой люди жили на протяжении тысячелетий. Высокая доля пожилых в населении становится неотъемлемой чертой нового типа демографического воспроизводства и часто воспринимается как крайне негативное следствие современных демографических тенденций»¹.

На данном этапе демографического перехода в связи с улучшением здравоохранения появляется возможность практически для всех родившихся дожить до старости, и отпадает необходимость в большем числе рождений, происходит снижение рождаемости, и как следствие поколение детей будет значительно меньшим, чем родительское поколение. Существенно меняется и возрастная пирамида: ее основание становится уже, но расширяется средняя и верхняя части.

Одна из причин этих изменений – снижение смертности и следующее за этим естественное постарение населения. Но тенденции демографического перехода в СССР имели свои особенности. В силу экстремальных факторов в стране существенно замедляется снижение смертности, происходит даже некоторое сокращение численности населения.

Существенное влияние на половозрастную структуру 1930–1950-х гг. оказали миграционные процессы. Социально-экономические экстремальные факторы приводили к массовому оттоку населения из сельской местности в

---

¹ Демографическая модернизация России... С. 488.

город. Потоки эти имели как организованный, так и стихийный характер. Большое распространение в рамках административного подхода к управлению миграциями имели организационные наборы для нужд промышленности или определенной отрасли хозяйства. В миграционном потоке преобладали мужчины трудоспособного возраста, соответственно в структуре городского населения процент молодых и средних возрастов был выше чем в селе. Миграционная привлекательность Кубани и Ставрополья на протяжении всего рассматриваемого периода обеспечивала стабильный приток населения из других территорий и в сельскую местность, что отчасти способствовало сглаживанию половозрастной деформации.

В целом на половозрастную структуру населения сильное влияние оказали экстремальные факторы, следствием чего стало резкое снижение рождаемости, повышение смертности, усиление половой диспропорции и трансформация возрастной структуры в сторону постарения.

Половая структура Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период характеризовалась серьезными деформациями, которые на Кубани были выражены в большей степени, как в регионе сильнее пострадавшем от экстремальных факторов. Региональное отличие проявлялось так же в том, что здесь половая диспропорция смещена была в более молодые возраста.

3.2. Социальный состав и занятия населения

Радикальные изменения в социальную структуру населения в 1930-е гг. внесли индустриализация и сплошная коллективизация, что нашло отражение в материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г. Выделенные в переписи общественные группы: «рабочих, колхозников, крестьян-единоличников, служащих, кооперированных кустарей, некооперированных кустарей, людей свободных профессий, служителей культа и нетрудящихся элементов»¹

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 280. Л. 1–2.

отразили политические и экономические изменения произошедшие со времени переписи 1926 г. Однако, принцип преемственности в программах переписей в некоторой степени был соблюден, что позволяет сопоставить некоторые категории с материалами переписи 1926 г. Согласно данным переписи увеличилась доля рабочих и служащих во всем населении до 49,7%. Сельское население, связанное с земледельческим трудом, наоборот, сократилось. Резко снизился процент крестьян-единоличников и некооперированных кустарей¹.

В переписи были выделены категории, отражающие социально-экономическую структуру населения: источник средств существования, занятие, место работы. В материалах переписи 1939 г. была проведена классификация производств и учреждений по 69 видам.

Доля занятых в народном хозяйстве по данным Всесоюзной переписи 1939 г. составила в Краснодарском крае – 48,8% населения (1 431 250 чел., в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае – 45,1% (879 981 чел.)². По национальным автономиям процент занятых был несколько ниже: 42,3% в Карачаевской, 42,4% в Черкесской и 44% в Адыгейской АО. Число женщин, вовлеченных в общественное производство, по автономиям было также заметно ниже, чем по Кубани и Ставрополью, причем этот показатель зависел от доли русского населения в областях³.

Число занятых неравномерно распределялось между городом и селом. Селяне составляли 75,3% от всех занятых на Кубани и 80,2% на Ставрополье. Занятые в общественном производстве горожане составляли соответственно 24,7% на Кубани и 19,8% на Ставрополье. Такое распределение было обусловлено сельскохозяйственной направленностью региона, его слабой урбанизированностью.

---

¹ Рассчитано по: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 22. М., 1928. С. 51–117; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16; Д. 274. Л. 20.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; Д. 274. Л. 20–37; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 12–12об, 18–18об, 24–24об.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 269. Л. 15–33; Д. 275. Л. 16–31; Д. 276. Л. 18–29; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 36–36об, 40–40об.

Сельскохозяйственная ориентация определяла и высокую степень сохранения традиционных видов хозяйствования в регионе, особенно среди северо-кавказских этносов. Это влияло на представленность народов в различных сферах деятельности.

Низкую, степень вовлеченности коренных национальностей, особенно женщин, в промышленное производство в 1930-е гг. показывают материалы текущего статистического учета. Так в 1933 г. удельный вес представителей северокавказских этносов в Адыгейской АО составлял 95% среди рабочих-мужчин и 73,8% среди всех работающих женщин. В Карачаевской АО доля рабочих-мужчин коренных национальностей среди всех работающих мужчин составляла 88,2%, и всего лишь 11,8% среди работающих женщин; в Черкесской АО – 41,4% мужчин и 11,1% женщин соответственно¹. Это было обусловлено с одной стороны сохранением традиционных моделей поведения, в том числе и сфере общественного труда, а с другой низким уровнем индустриализации национальных областей.

Основной сферой деятельности представителей северо-кавказских этносов остается аграрное производство. Этим и была обусловлена большая доля занятых в сельском хозяйстве на Ставрополье в 1939 г. – 62,7%. В самих автономных областях Ставрополья Карачаевской и Черкесской этот процент был еще выше: 67,4% и 61,2%, а в промышленности соответственно 9,6% и 9,5%². На Кубани, где доля представителей коренных национальностей была ниже, занятые в сельском хозяйстве составили 44,9%.

Более высокая доля занятых в промышленности на Кубани – 10,2% была обусловлена более высоким уровнем индустриального развития региона в сравнении со Ставрополем. Так же благодаря развитому морскому и речному судоходству, железнодорожному транспорту здесь больше было занято население на транспорте и в системе связи – 6,2%. Развитие курортно-

---

¹ Ульянов И. Подготовка женских промышленных кадров в национальных районах РСФСР // Революция и национальности. 1932. № 1. С. 99.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 275. Л. 16–31; Д. 276. Л. 18–29.

рекреационного и лечебно-оздоровительного комплекса Ставрополя – Кавказских Минеральных Вод обусловило высокую долю работающих в сфере здравоохранения – 3,8% (рисунок 3.9).

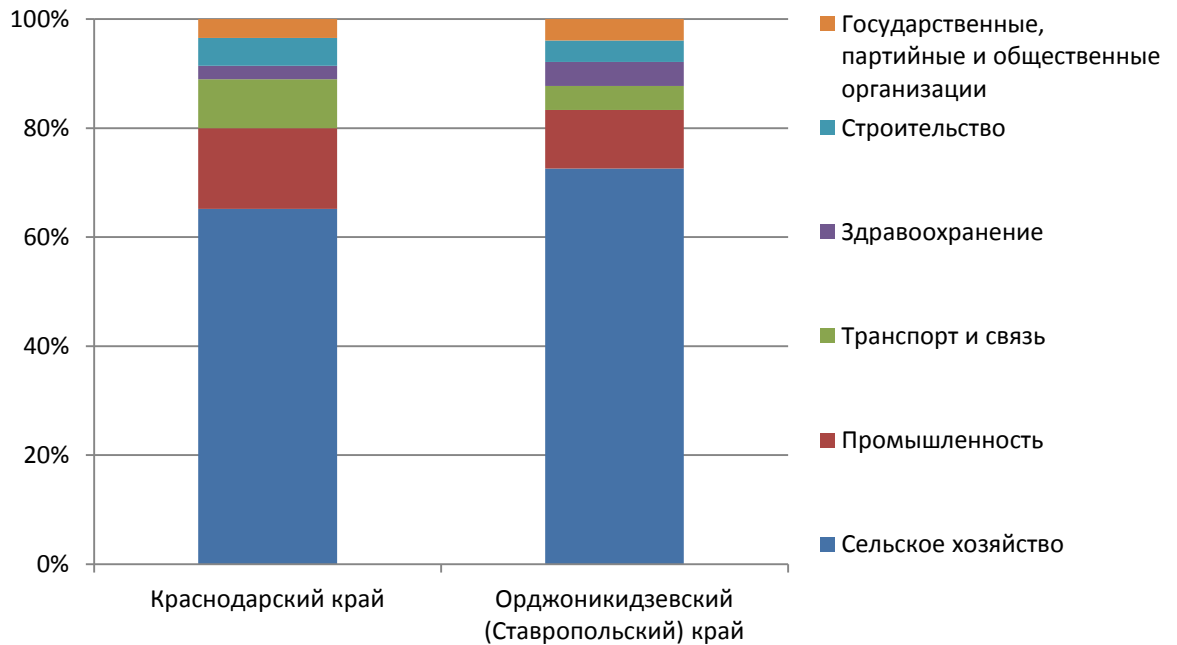

Рисунок 3.9 – Распределение населения Кубани и Ставрополя по отдельным сферам деятельности в 1939 г., %¹

В 1930-е гг. большое внимание уделяется вопросу занятости женщин во внесемейном производстве, развитию системы воспитательных дошкольных учреждений, что в свою очередь способствовало снижению доли неработающих. Несмотря на произошедшие изменения различия в мужской и женской занятости в сфере общественного производства оставались весьма существенными. В целом по РСФСР доля мужчин, имеющих занятия составляла 55%. На Ставрополье показатели были идентичны общероссийским, а на Кубани были несколько выше – 58%.

Несмотря на активную политику по вовлечению женщин в общественное производство они по этим показателям существенно отставали от мужчин.

¹ Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; Д. 274. Л. 20–37.

Особенно заметным это отставание было в сельской местности. Так если в городах Ставрополья работало 29% от всех женщин, то на селе лишь 19,7%. У мужчин соответствующие показатели составляли 60 и 48,8%. При этом доля занятых и трудоспособных на Ставрополье совпадала и составляла 57%. Однако при сравнении города и села проявляются значительные различия: доля трудоспособных в городе на 10% выше, чем в селе (65,6 и 54,8%)¹.

В то же время в структуре собственно занятого населения половой дисбаланс был выражен не так ярко. В 1939 г. на Ставрополье 58,2% от всех занятых приходилось на мужчин и 41,8% на женщин. Соответственно в городах это соотношение было представлено как 65,1 и 34,9%, в селах – 56,5 и 43,5%.

В национальных автономиях процент мужчин среди занятого населения значительно опережала процент работающих в общественном производстве женщин. В Карачаевской и Черкесской АО 2/3 от всех занятых приходилось на мужчин и треть на женщин. В городских поселениях доля мужчин среди всех занятых составляла 64,3% в Карачаевской АО, 70,3% в Черкесской АО².

Вследствие вовлеченности населения младших и старших возрастных групп в трудовую деятельность доля занятых в общественном производстве несколько превышала долю трудоспособных, которая составляла в Краснодарском крае 59,3%, в Орджоникидзевском (Ставропольском) – 57,0%³.

Согласно данным переписи 1939 г. заметно снизилась доля иждивенцев, составив 41,2% мужчин и 50,3% женщин в Краснодарском и 42,6% мужчин и 53% женщин в Орджоникидзевском (Ставропольском) краях⁴.

В силу экономической ориентации региона большая часть населения Кубани и Ставрополья была занята в сельскохозяйственном производстве, где

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; 274. Л. 20–37; Д. 880. Л. 1–70; Д. 881. Л. 1–71.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 275. Л. 16–31; 276. Л. 18–29; Д. 880. Л. 71–135; Д. 881. Л. 72–200.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; 274. Л. 20–37 Д. 880. Л. 1–70; Д. 881. Л. 1–71.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; Д. 274. Л. 20–37.

традиционно доля женского труда была заметно выше мужского, на Кубани – 67,4%, на Ставрополье – 72,2% (таблица 3.9).

Таблица 3.9 – Распределение занятого населения Кубани и Ставрополья по сферам деятельности, 1939 г.¹

Сферы деятельности	Орджоникидзевский (Ставропольский) край			Краснодарский край		
	Мужское	Женское	Все население	Мужское	Женское	Все население
Сельское хозяйство	55,8	72,2	62,7	43,1	67,4	53,3
Промышленность	11,8	5,9	9,3	20,8	10,4	16,5
Торговля и общественное питание	5,9	4,3	5,2	1,9	4,1	2,9
Строительство	5,2	0,7	3,4	5,9	0,2	3,5
Транспорт и связь	5,1	1,9	3,8	9,5	1,6	6,2
Государственные, партийные и общественные организации	4,3	2,1	3,4	3,6	0,6	2,4
Просвещение, наука, искусство, печать	2,9	5,1	3,8	2,0	3,2	2,5
Здравоохранение	2,2	5,3	3,5	0,4	3,5	1,7
Жилищное и коммунальное хозяйство	0,9	1,1	1,0	5,9	7,7	6,6
Лесное хозяйство	1,0	0,2	0,6	2,3	0,1	1,4
Не распределенные по отраслям	4,9	1,2	3,4	4,5	1,1	3,0

Высокий процент занятых женщин был зафиксирован в таких сферах деятельности как просвещение и наука, торговля и общественное питание, здравоохранение, жилищное и коммунальное хозяйство, текстильное производство.

Мужское население преобладало в занятиях связанных с физическим трудом: промышленности, на транспорте и связи, рыболовстве, лесном хозяйстве. Высока была доля мужчин в органах государственной власти,

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; 274. Л. 20–37; Д. 880. Л. 1–70; Д. 881. Л. 1–71.

партийных и общественных организациях – 89,4%¹. Женщины, в свою очередь, были широко представлены в домашнем/подсобном хозяйстве. Среди занятых в подсобном хозяйстве членов семей женщины составляли – 97,8%, а мужчин соответственно – 2,2%².

На Ставрополье основная часть горожан была занята промышленной деятельностью, значительную долю составляли работники сферы здравоохранения, торговли и общепита, транспорта и связи. Показателен тот факт, что численность работников здравоохранения в городах Ставрополья благодаря развитию курортов и лечебных учреждений, в семь раз превышала число занятых этой деятельностью в сельской местности.

Следствием индустриализации стал рост занятых в промышленном производстве, но темпы его в регионе были невысоки. На Кубани эти процессы происходили более активно и соответственно доля занятых в промышленном производстве, транспорте, жилищно-коммунальном хозяйстве были выше. Ставрополье же заметно лидировало по доле занятых в здравоохранении, торговле и общественном питании, просвещении науке и искусстве связанных с государственной программой развития оздоровительного и курортного комплекса.

Период 1930–1950-х гг. – время коренного изменения общественной системы. Эти изменения нашли отражение в материалах переписи, в частности в вопросах переписного листа касавшихся материального обеспечения населения страны. В программы переписей 1939 г. и 1959 г. были внесены вопросы об источниках средств существования, на их основе был выделен ряд групп населения. В переписи 1959 г. учитывались следующие группы: имеющие занятия; занятые в личном подсобном сельском хозяйстве; иждивенцы отдельных лиц, государственных и общественных организаций и др.; пенсионеры; стипендиаты; лица имеющие прочие источники средств существования; лица, не указавшие или неточно указавшие источник средств

---

¹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 1–24об.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. 274. Л. 20–37.

существования»¹.

За двадцатилетие произошедшие между двумя переписями произошли существенные изменения в области вовлеченности населения в сферу общественного производства, особенно наглядно это проявилось в отношении женщин. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. доля самодеятельного населения РСФСР составила 59%. Причем численность самодеятельных мужчин со времени переписи 1939 г. практически не изменилась, составив 55%. К 1959 г. среди мужчин заметно сократилась доля иждивенцев – 37,2%, в 1939 г. она составляла 41,2%, но за счет постарения населения повысилась доля пенсионеров с 1,2% до 5,9%. Социальные перемены коснулись и женщин, среди них увеличилось число занятых в общественном производстве и уменьшилось число иждивенцев с 50,3% в 1939 г. до 43,9% в 1959 г. Уменьшается и доля занятых в личном подсобном хозяйстве с 8,9% до 7,8%, но также как и у мужчин вырастает доля пенсионеров². Те же тенденции к 1959 г. наблюдаются в сфере занятости населения Кубани и Ставрополя.

Так рассматривая соотношение доли мужского и женского населения Кубани по отраслям народного хозяйства четко видны некоторые особенности. Преимущественно «мужскими» отраслями в материальном производстве были промышленность, где мужчин было занято почти в два раза больше, чем женщин (23,3% против 13,8%), строительство (11,4% против 3,4%), транспорт и связь (8,7% против 3,2%). В сельском хозяйстве мужчины и женщины были заняты в равной степени (49,9% мужчины и 47,3% женщины) и на эту отрасль приходилось наибольшее число занятых в материальном производстве, но женщины заметно преобладали в личном подсобном сельском хозяйстве (25,8% против 1,4% мужчин). Так же среди женщин была выше доля занятых в сфере общественного питания, торговли и снабжении (6,5% женщин против 5,1% мужчин). В непроизводственных отраслях равные

¹ ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 77. Л. 5–7.

² Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 121.

доли мужчин и женщин были заняты в сфере науки, искусства и просвещения (41,4% мужчин и 41,9% женщин). Доля женщин занятых в сфере здравоохранения, физкультуры и социального обеспечения более чем в два раза преобладала над долей занятых в этих отраслях мужчин (38,2% против 16,1%). У мужчин больше занятых было в сфере жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания (16,5% против 9,4%), а также в сфере управления, страхования, в партийных и прочих общественных организациях (26% против 10,5%)¹.

Среди всего трудоспособного населения Краснодарского и Ставропольского краев по данным переписи 1959 г. доля занятых составляла 70%. В национальных автономиях этот процент был ниже. Здесь также была меньше доля иждивенцев²: 14,1% в Адыгее против 15,5% в Краснодарском крае и 14,3% в Карачаево-Черкесии против 16,7% в Ставропольском, но выше доли иждивенцев в целом по РСФСР – 12,7%³ (таблица 3.10).

С развитием общественного производства должен был происходить активный процесс сокращения несамодеятельного населения и рост занятых в этой сфере, однако сравнительный анализ данных Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг. показывает, что на Кубани и Ставрополье за период между переписями доля занятого населения практически не изменилась. На Кубани она даже немного сократилась и составила 43,8% от всего населения в 1959 г. против с 45,1% в 1939 г. На Ставрополье в 1939 г. занятые составляли 45,1%, в 1959 г. 46,1%⁴.

Такое положение могло быть следствием сокращения населения в трудоспособном возрасте в результате войны, роста доли пенсионеров и стипендиатов, миграций рабочей силы за пределы края. Вместе с тем на Кубани и Ставрополье сохраняется больший, чем в целом по стране удельный

¹ Таблица составлена на основе источников: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 91. Л. 1–6.

² Среди иждивенцев отдельных лиц учитывались как не учащиеся, так и учащиеся.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1647. Л. 40–43, 50–52, 66–68, 75–77, 83–85, 96–98; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 159–160.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1647. Л. 40–43, 50–52, 66–68; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 159–160.

вес населения, занятого в личном подсобном хозяйстве, обусловленный сельскохозяйственной направленностью региона.

Таблица 3.10 – Распределение населения по источникам средств существования по Краснодарскому и Ставропольскому краям, 1959 г., %¹

Регионы	Имеющие занятия (% к трудоспособному населению)	Имеющие занятия в личном подсобном хозяйстве	Находящиеся на иждивении		Пенсионеры и стипендиаты
			учащиеся	не учащиеся	
Краснодарский край	73,3	6,2	3,0	12,5	4,9
Адыгейская АО	74,8	6,6	2,5	11,6	4,4
Ставропольский край	73,0	5,9	4,3	12,3	4,4
Карачаево-Черкесская АО	72,8	7,8	2,5	11,8	5,0

Распределение населения по отраслям народного хозяйства и, прежде всего, по отраслям материального производства и непроизводственным отраслям, а так же, видам производства и типам предприятий и учреждений, является одной из важных характеристик населения не только с точки зрения экономической, с позиций характеристики трудовых ресурсов, но и с демографической, поскольку косвенным образом определяет демографические процессы и демографическое поведение специфических социальных групп.

Процессы индустриализации, коллективизации привели к значительным изменениям в отраслевой структуре населения страны и ее регионов. Расширились границы материального производства, создавались новые отрасли и, как следствие, менялась отраслевая и профессиональная структура занятого населения, его социальный состав.

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1647. Л. 40–43, 50–52, 66–68, 75–77, 83–85, 96–98; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 85. Л. 1–4; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 159–160.

Эти изменения позволяют проследить материалы переписей населения 1939 г. и 1959 г. Разработка данных о распределении населения по отраслям народного хозяйства присутствовала в обеих переписях, однако классификация видов производств и типов предприятий учреждений в переписи 1959 г. была более детальной, чем классификация переписи 1939 г.

В связи с этим анализ данных по отраслевой и профессиональной структуре населения на основе материалов переписей представляет определенные трудности, прежде всего потому, что классификации видов производств и типов предприятий и учреждений в переписях по принципу группировки неоднородны. Но если в деталях провести такое сопоставление не всегда возможно, то в обобщенном виде, данные переписей позволяют провести подобный анализ и проследить определенную динамику.

Наиболее удобной и при этом весьма показательной группировкой выступает разделение занятого населения на две большие группы: лица, занятые в отраслях материального производства, и лица, занятые в непроизводственных отраслях. Переписи 1939 г. и 1959 г. показали, что из общей численности занятого населения, абсолютное большинство жителей Кубани и Ставрополя были заняты в различных отраслях материального производства (рисунок 3.10).

На Ставрополье доля занятых в непроизводственной сфере выше, чем на Кубани, и так же несколько больше здесь тех, кто не распределен по отраслям народного хозяйства.

За межпереписной период, с 1939 г. по 1959 г. в обоих регионах произошел рост числа занятых в непроизводственных отраслях и сокращение работников производственной сферы. В общем, такая динамика вполне закономерна и универсальна по отношению ко всей стране. Сокращение численности и удельного веса занятых в производственных отраслях происходило благодаря автоматизации и механизации, и преимущественно за счет уменьшения занятых в сельском хозяйстве. В непроизводственных отраслях увеличение происходило за счет работников социальной сферы

связанных с охраной здоровья, сектором бытового обслуживания, образовательной сферой, торговлей и т.д.

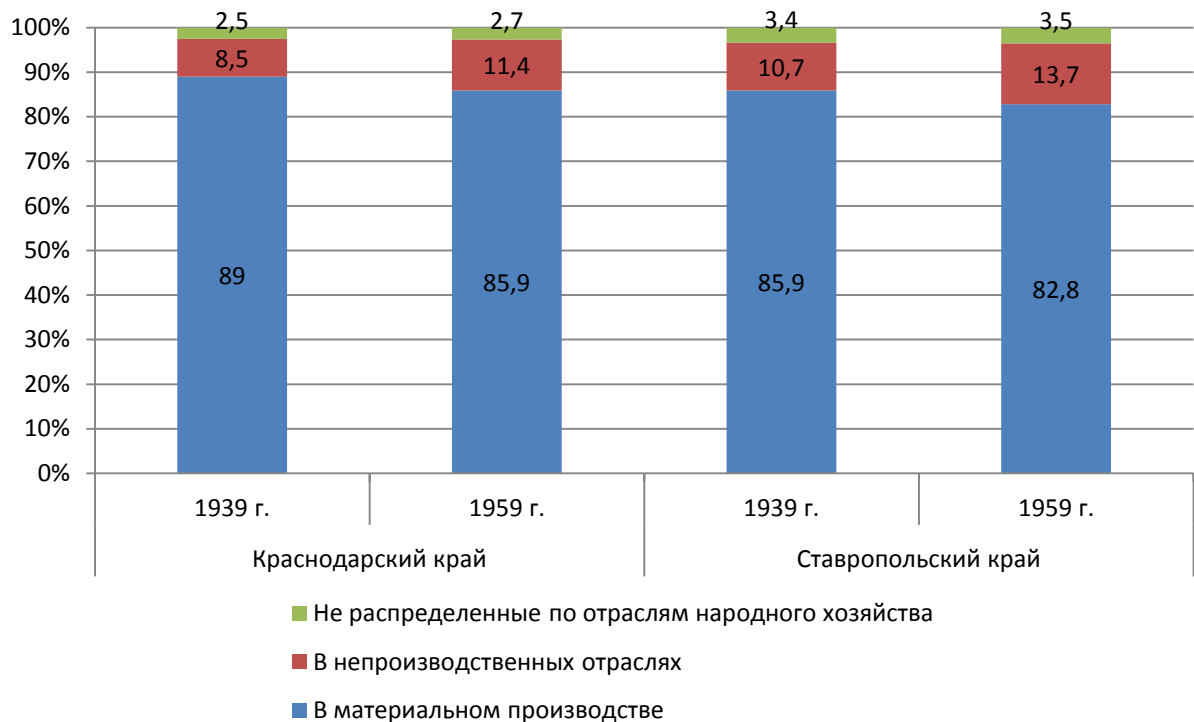

Рисунок 3.10 – Доля занятых в отраслях производства Кубани и Ставрополья в 1939–1959 г., %¹

Распределение населения внутри отраслей позволяет оценить уровень развития экономики региона, инфраструктуру, и более дифференцированно представить социально-экономическую и профессиональную структуру населения (таблица 3.11).

Если в непроизводственной сфере распределение занятого населения в обоих регионах было практически одинаковым, то в сфере материального производства проявляется заметная специфика. В целом более высокая доля занятых вне сельского хозяйства характерна была для Кубани (здесь выше процент занятых в промышленности, транспорте, строительстве), на Ставрополье же процент занятых в сельском и лесном хозяйствах, торговли,

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; Д. 274. Л. 20–37; Д. 880. Л. 1–70; Д. 881. Л. 1–71; Д. 1568. Л. 136, 139; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 85. Л. 1–4; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 160–161.

общественного питания и снабжения был существенно выше. Таким образом, сравнительный анализ показывает, что при достаточно близкой социально-экономической структуре населения в регионах, Кубань при этом обладала более высоким промышленным потенциалом и развивалась в целом более динамично, что так же находит отражение в профессиональной структуре.

Таблица 3.11 – Распределение населения Кубани и Ставрополья по отраслям, 1959 г., %¹

Отрасли народного хозяйства	Краснодарский край	Ставропольский край
Отрасли материального производства, в том числе:		
Сельское и лесное хозяйство	48,6	53,0
Промышленность	18,4	13,1
Занятия в личном подсобном сел. хозяйстве	13,9	15,8
Строительство	7,3	6,9
Транспорт и связь	5,8	4,7
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт	5,8	6,4
Прочие отрасли материального производства	0,2	0,2
Непроизводственные отрасли, в том числе:		
Просвещение, наука и искусство	41,8	41,5
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	30,0	30,6
Управление, кредитование, страхование, партийные и другие общественные организации	16,2	15,8
Жилищное и коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание	12,0	12,1

Наряду с отраслевой и производственной структурой населения общественные изменения находят отражение в занятиях и профессиональном составе населения. В то же время при анализе этих характеристик неизбежно возникает вопрос о соотношении понятий «занятие» и «профессия», которые

¹ Рассчитано: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 159; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1568. Л. 136.

некоторыми исследователями понимаются как равнозначные¹ или соотносятся с источником средств существования. В то же время вопрос о критериях разграничения этих понятий неоднократно поднимался в научной литературе, в частности в трудах А.И. Гозулова, Г.Г. Швиттау, К.Г. Воблого, Г.С. Полляка, Я.Б. Кваши и др.²

А.И. Гозулов и М.Г. Григорьянц отмечали, что под термином «занятие» следует понимать фактически выполняемую трудовую деятельность (работу), приносящую заработок или доход. А под термин «профессия» в свою очередь способность к работе, приобретенная благодаря специальной теоретической или практической подготовке, причем эта работа может служить источником средств существования³. Таким образом, профессия – это совокупность навыков, знаний и умений, требуемых для выполнения определенных видов знаний, а занятие – это непосредственная деятельность, осуществляемая человеком не обязательно в соответствии с профессиональной подготовкой.

Значимость исследований в области профессиональной структуры и мобильности населения способствовала возникновению и развитию особого междисциплинарного направления – исторического профессиоведения. В рамках данного направления, сравнительно нового для отечественных исследователей, был предложен метод классификации занятий позволяющий анализировать разнообразные аспекты профессиональной сферы: структуру профессий, профессиональный состав населения, особенности процессов профессиональной мобильности.

Универсальный характер подобных классификаций позволяет использовать их в качестве метода структурной обработки исторических данных содержащих сведения профессионального характера безотносительно исторического и территориального контекста. Схемы классификации, которые

---

¹ Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 130.

² Швиттау Г.Г. Профессия и занятия населения (опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики). СПб., 1909; Полляк Г.С. Профессия как объект статистического учета. СПб., 1913; Кваша Я.Б. Классификация занятий для переписей населения // Проблемы демографической статистики. М., 1959.

³ Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 130–131.

на данный момент используются специалистами в области исторического профессиоведения позволяют группировать и обрабатывать данные о профессиональных характеристиках в двух основных направлениях¹. На основе Международного исторического стандарта классификации профессий HISCO (Historical International Standard Classification of Occupations) в России разрабатывается национальный вариант классификации исторических профессий². Первое направление в качестве критериев для классификации использует страты и социальные классы. Оно представлено Международным стандартом классификации исторических профессий (HISCO). Преимуществом этого подхода является то, что с его помощью представляется возможным реконструировать наряду со структурой профессиональной в целом социальную структуру общества.

В данной модели всевозможные виды профессиональной деятельности объединяются в десять основных крупных классов соответствующих различным сферам приложения труда, которые затем преобразуются в завершающие элементы классификации в виде конкретных профессий, каждой из которых присваивается специальный код³.

Другое направление представлено системой PST (primary, secondary, tertiary system) в рамках которой выделяются три основных сектора экономики: первичный, вторичный, третичный. Первичный сектор – производственный, объединяет все виды труда связанные с сельским

---

¹ Брюханова Е.А. Модели реконструкции профессиональной структуры населения Сибири по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 67–69.

² См.: Владимиров В.Н., Демкин А.В. К созданию русскоязычной исторической классификации профессий // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2004. С. 91–97; Владимиров В.Н., Дёмкин А.В., Киселева Е.А. и др. Историческая классификация профессий: первый русскоязычный вариант HISCO // Историческое профессиоведение. Барнаул, 2004. С. 57–81.

³ Скубневский В.А., Гончаров М.Ю. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 1998. № 3 (8). С. 58–62; Историческое профессиоведение: профессия, карьера, социальная мобильность. Сборник статей. Барнаул, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://occupations.asu.ru/?q=node/34> (дата обращения: 11.10.2016).

хозяйством и добывающей промышленностью. Ко вторичному сектору отнесены такие направления трудовой деятельности как транспорт, обрабатывающая промышленность и строительство. Третичный представлен трудом в сфере обслуживания и торговли.

Исторически в развитии профессиональной сферы наблюдается движение от первичного сектора, господствующего в традиционном обществе к вторичному, который выдвигается на первый план в условиях индустриализации и наконец третичному в период перехода общества в информационную стадию. Данный подход представляется более универсальным и применим для любого типа общества и экономической системы. Структурно PST – система включает четыре уровня, подразделяющие виды труда на секторы, группы, секции и конкретные профессии¹.

Различные подходы к классификации и анализу профессиональной структуры используемые в каждой из систем при этом не делают их взаимоисключающими, напротив, существует возможность дополнения, варьирования, учета различных аспектов профессиональной деятельности, исследовать и выявлять региональное многообразие исторических форм труда, проводить сравнительный анализ.

В качестве одного из основных источников, позволяющих реконструировать и анализировать особенности профессиональной структуры общества выступают всеобщие переписи населения. Хотя вопросы о занятии населения были включены в программы всех российских/советских переписей, их содержание несколько отличалось. В используемых нами в работе материалах Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг. формулировка вопроса о занятиях населения была схожей, хотя сама классификация занятий несколько отличалась. Так по переписи 1939 г. определялось текущее занятие,

---

¹ Брюханова Е.А., Владимиров В.Н. К истории классификации профессий // Историческое профессиональное образование: профессия, карьера, социальная мобильность: Сборник статей / под ред. В.Н. Владимирова, В.Х.Д. ван Леувена. Барнаул, 2012. С. 19.

подразумевающее то занятие, которым занимается человек в настоящее время. Под эту категорию попадали и те колхозники, которые были отправлены на сезонные работы: лесозаготовки, строительство, промышленность. Они по данным переписи попали не в категорию «занятых в сельском хозяйстве», а в число занятых в той отрасли хозяйства где работали в момент переписи. Эти ошибки были учтены при проведении переписи 1959 г., здесь фиксировалась именно та работа, которую человек выполнял по основному месту, а не во время сезонной трудовой миграции. Хотя категория лиц, занятых в сельском хозяйстве в 1959 г. несколько шире чем в 1939 г., процент поправок был незначительным и позволяет сопоставлять данные двух переписей с определенной долей погрешностей.

Также в 1957 г. поднимался вопрос о включении в инструментарий предстоящей переписи 1959 г. помимо вопроса о занятии, вопрос о профессии, но это предложение не было поддержано большинством советских демографов, так как у значительной части населения категории «занятие» и «профессия» совпадали¹. Таким образом, в переписи 1959 г. было учтено только занятие как деятельность, приносящая заработок или доход, в отличие от профессии как специальности, полученной по образованию или опыту работы².

В определении основного занятия в переписях 1939 г. и 1959 г. было единое понимание. Работой, считалось только та, которую переписываемый считает основной, остальные дополнительные работы в переписной лист не вносились. Несмотря на то, что в материалах переписей и 1939 г. и 1959 г. могли фиксировать несколько десятков тысяч различных занятий, в итоговых расчетах проведена группировка и представлен ограниченный перечень занятий и профессиональной деятельности, который также и несколько различался.

В этой ситуации представляется в целях сравнительного анализа

---

¹ Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 130–132.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 9.

прибегнуть к упомянутой выше международной исторической классификации профессий.

Согласно данным переписи населения 1939 г. профессиональная структура Кубани и Ставрополя отражает их аграрную направленность. Первичный сектор экономики в обоих регионах охватывал абсолютное большинство работников и включал занятых в сельском хозяйстве и добывающей промышленности. Остальное работающее население было распределено третичным и вторичным секторами: более 10% работников было занято в сфере обслуживания и примерно такая же доля в производственной сфере¹.

Структура женской занятости в обоих регионах отличалась от мужской. В соответствие с PST моделью распределение мужчин и женщин по секторам, как правило, складывается таким образом, что женщины в основном относятся к сектору первичному, вторичный сектор обычно включает мужчин, а сфера обслуживания, которая образует третий сектор, в равной степени сосредотачивает мужчин и женщин. Кроме того, профессиональная структура города существенно отличается от ситуации в сельских районах.

К 1959 г. изменения в сфере занятости, хотя и произошли, но не были радикальными. Несмотря на активное развитие промышленности в восстановительный период, регион по-прежнему остается аграрным и среди занятых сохраняется значительный процент работников сельского хозяйства. В первичном секторе было сосредоточено около половины занятого населения. Во вторичном и третичном секторах доля занятых заметно выросла и составляла около 20%².

В условиях модернизации производства, механизации и усложнении условий труда важную роль начинает играть уровень профессиональной структуры занятого населения. Так если данные переписи 1926 г. показывали,

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 16–34; Д. 274. Л. 20–37.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1568. Л. 136, 139, 145; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 91. Л. 1–6; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 159.

что лишь 8% экономически активного населения имели профессию, то по переписи 1959 г. они составляли 73%. Причем важно отметить, что среди профессиональных специалистов значительную долю стали занимать женщины. Их удельный вес среди всех специалистов с высшим и средним образованием превысил, в том числе и в регионе к концу 1950-х гг. 50%¹.

Несмотря, что и к 1959 г. регион сохранял сельскохозяйственную направленность, самую большую группу составляли рабочие: 49,5% в Ставропольском и 44,2% в Краснодарском краях. Колхозники занимали вторые позиции, с существенным перевесом Кубани: 29,9% против 38,9%, причем среди колхозников в регионе преобладали женщины, а среди рабочих – мужчины. Третьи позиции занимали служащие с заметным преобладанием женщин (таблица 3.12).

Таблица 3.12 – Распределение занятого населения Краснодарского и Ставропольского краев, 1959 г., %²

Занятия населения	Ставропольский край	Краснодарский край
Рабочие	49,51	44,15
Служащие	18,84	15,79
Колхозники	29,93	38,91
Кооперированные кустари	1,49	0,81
Некооперированные кустари	0,18	0,05
Крестьяне единоличники	0,01	0,01
Служители культа	0,03	0,02
Лица свободных профессий	0,01	0,02
Не указавшие общественную группу	0,01	0,01

Заметное преобладание мужчин наблюдалось среди некооперированных кустарей, служителей культа и лиц свободных профессий, но их доля в общем числе занятых была незначительной.

¹ Ставрополье за 50 лет. Сборник статистических материалов. Ставрополь, 1968. С. 153.

² Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1647. Л. 40–43, 50–52, 66–68; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 91. Л. 1–6; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 160–161.

Важной тенденцией, характеризующей процесс модернизации, которая проявила себя в период между переписями 1939 и 1959 гг. является рост квалификации занятого населения, который характеризуется увеличением удельного веса профессий и занятий, связанных со сложными операциями, механизмами, а также профессиональным обучением и, следовательно, более высоким уровнем образования (таблица 3.13).

Таблица 3.13 – Уровень образования рабочих, служащих и колхозников Кубани и Ставрополья, 1959 г., чел.¹

Распределение по полу	Имеют высшее и среднее образование, включая неполное среднее на 1000 занятых		
	рабочие	колхозники	служащие
Краснодарский край			
Оба пола	388	232	898
Мужчины	386	250	862
Женщины	391	215	928
Ставропольский край			
Оба пола	319	219	899
Мужчины	323	227	860
Женщины	313	211	931

Как видно, достаточно высокий уровень образования был среди служащих, фактически в 2,3 раза больший, чем среди рабочих и в 3,9 раз выше, чем среди колхозников. Причем, максимальный уровень образования наблюдался среди женщин-служащих, и в то же время женщин с образованием меньше среди рабочих и колхозников. На Кубани выше уровень образования среди занятых мужчин-рабочих и мужчин-колхозников. На Ставрополье несколько выше уровень образования был среди женщин-служащих.

Характер изменений отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополья в межпереписной период был напрямую связан с социально-экономическими преобразованиями в стране, неуклонно росла доля занятых в отраслях нематериального производства, а

¹ Таблица составлена на основе источника: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 188–189.

следовательно, постепенно увеличивалась доля лиц занятых умственным трудом. В то же время рост занятых в промышленности происходил сравнительно небольшими темпами, сохранялась значительная доля занятых в сельскохозяйственном производстве, но и она постепенно в связи с механизацией труда сокращалась. В целом можно отметить в качестве одной из основных тенденций рост квалифицированных кадров и уровня образования занятого населения.

3.3. Грамотность и образовательный уровень населения

Модернизация страны, активно проводившаяся в 1930–1950-е гг., была тесно связана с процессами образования, так как индустриальное общество нуждалось в квалифицированных специалистах, научно-технических кадрах. Вместе с тем образование выступает важным фактором, который в свою очередь оказывает влияние на демографическое поведение, ведет к изменению демографических процессов и трансформации демографических структур.

Советская власть, осуществляя индустриализацию, активно проводила политику, направленную на ликвидацию неграмотности и повышение уровня образования населения. К концу 1930-х гг. эта политика принесла немалые успехи. По переписи 1937 г. общий показатель грамотности в стране вырос с 40,7% в 1926 г. до 76,1%. Среди мужчин доля грамотных увеличилась с 52,3% в 1926 г. до 86% в 1937 г., среди женщин – соответственно с 30,1 до 66,2% (в возрасте 9 лет и старше). Если в 1926 г. самый высокий показатель грамотности приходился на возрастную группу 20–29 лет (86,5%), то к 1937 г. свыше 90% детей в возрасте 12–14 были грамотными, в возрасте 15–19 лет доля грамотных была более 80%. Чем старше возрастная группа, тем больше в ней был процент неграмотных. В городах грамотность была выше, чем в сельской местности¹. Хотя работа по ликвидации неграмотности была еще

---

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России... С. 179.

далека от завершения, такой уровень грамотности был значительным достижением для России, особенно ее сельского населения.

Вместе с тем критерии определения грамотности были достаточно невысокими, к грамотным были отнесены те граждане, которые могли читать по слогам и самостоятельно записать свою фамилию. Но даже такой показатель грамотности в переписи 1937 г. был определен не очень четко и не всегда выдерживался. В переписи 1939 г. критериев грамотности придерживались достаточно строго, соответственно можно говорить об относительной точности ее данных. Согласно переписи грамотность в РСФСР в 1939 г. составила 78,7%, что не подтвердило широко распространенной в пропагандистской печати версии о сплошной грамотности населения.

Характеризуя показатели грамотности по переписи 1939 г. населения по административно-территориальным образованиям Северо-Западного Кавказа, можно отметить, что в целом уровень грамотности в регионах был ниже общероссийского.

Среди всех территорий самым высоким процентом грамотного населения отличался Краснодарский край – 69,1%. Самый низкий уровень грамотности был зафиксирован в Карачаевской АО, где грамотным было немногим более половины населения – 55,6% (таблица 3.14).

Разница в уровне грамотности между мужчинами и женщинами была существенна, не только в сельской местности, но и в городских поселениях. Среди грамотных преобладали мужчины. Наименьшие показатели грамотности были зафиксированы у мужчин Карачаевской АО – 63,7% и Черкесской АО – 69,8%, показатели у Адыгейской АО были несколько выше – 72,7%. Неграмотных женщин практически вдвое больше, чем мужчин во всех административных единицах, особенно в Карачаевской АО – 47,8%¹.

Вместе с тем, прогресс в области образования и ликвидации неграмотности в регионе был весьма существенным. В сравнение с данными

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 643. Л. 43–69.

переписи 1926 г. доля грамотных на Кубани выросла с 35,1% до 69,1%, на Ставрополье с 21,4% до 66,4%¹.

Таблица 3.14 – Уровень грамотности населения Кубани и Ставрополья в 1939 г., %²

Регионы (края, автономные области)	Городское население			Сельское население			Все население		
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола
Краснодарский край	82,6	74,1	78,1	74,0	59,2	66,1	76,2	62,9	69,1
Адыгейская АО	82,0	71,6	76,4	69,9	54,7	61,8	72,7	58,6	65,2
Орджоникидзевский (Ставропольский) край	82,5	73,5	77,8	71,2	56,5	63,5	73,5	59,9	66,4
Карачаевская АО	80,1	70,2	75,2	63,7	44,1	54,1	63,7	47,8	55,6
Черкесская АО	79,5	69,7	74,5	65,4	50,3	57,5	69,8	56,3	62,7

Подавляющее большинство неграмотного населения – сельское. На Кубани и Ставрополье, в национальных автономиях более 80% неграмотного населения приходилось на сельскую местность. В Карачаевской АО 96% всех неграмотных проживало в сельских населенных пунктах (рисунок 3.11).

Низкий уровень грамотности в сельской местности обусловлен объективными причинами. В частности, обучение в национальных автономиях, и прежде всего в сельской местности осложнялось отсутствием педагогических кадров и слабым знанием русского языка.

Также заметные различия в уровне грамотности наблюдаются по полу, более высокий процент неграмотных был среди женщин. Соотношение грамотных среди мужчин и женщин различалось по регионам. На Кубани на 36,1% неграмотных мужчин приходилось 63,9% неграмотных женщин, а в Карачаевской АО это соотношение было не столь ярко выражено: 40,3 –

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36; Д. 643. Л. 43–69; Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–95, 96–100, 106, 112, 116.

² Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36; Д. 643. Л. 43–69.

мужчины, 59,7 – женщины (таблица 3.15).

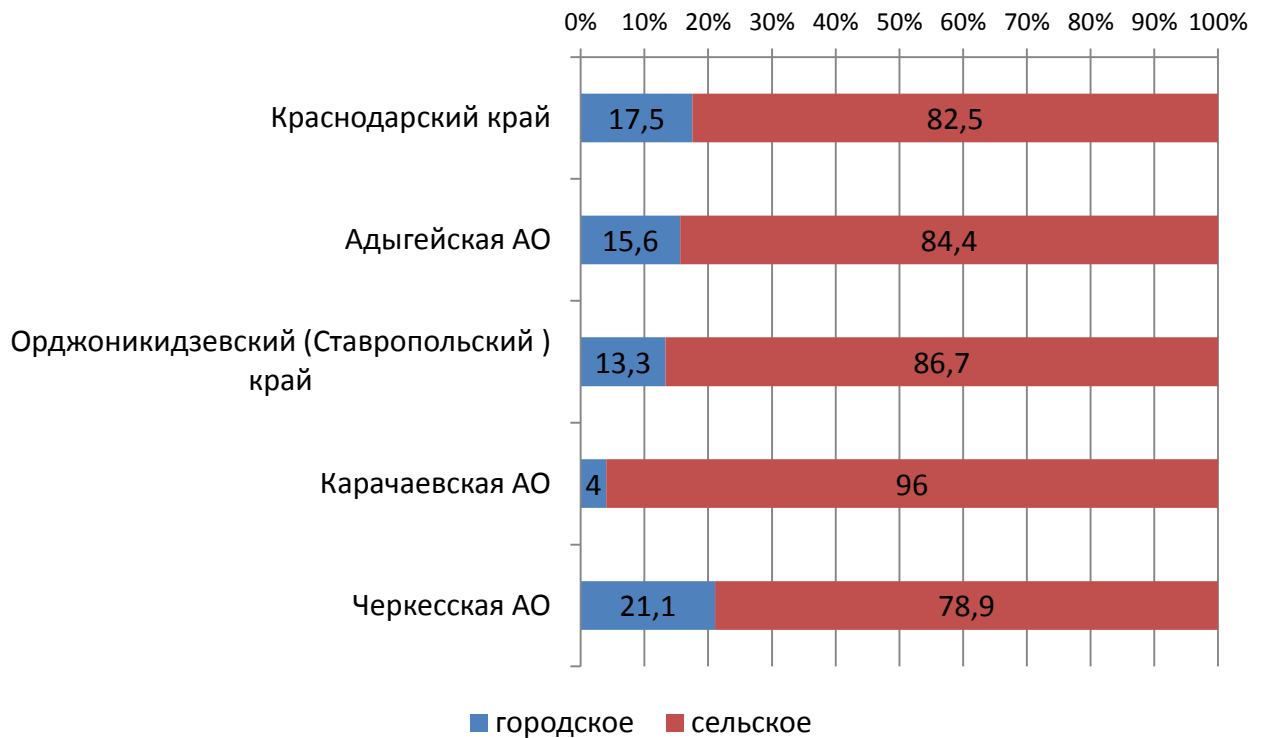

Рисунок 3.11 – Распределение неграмотного населения Кубани и Ставрополья по типам поселений в 1939 г., %¹

Показатели грамотности, так же существенно различались в зависимости от возрастных и других социокультурных характеристик. Так, в сельском населении Кубани в молодых возрастных группах (от 7 до 19 лет) доля неграмотных колебалась от 1,1% до 2,9% у русских и адыгейцев, до 2,2% – у украинцев. В городе уровень грамотности был на порядок выше, а процент неграмотных в данной возрастной группе варьировался у русских и украинцев от 0,2 до 2,2, у адыгейцев – от 0,4 до 11,8. А уже в возрастной группе от 20 до 24 лет этот показатель увеличился более чем вдвое и составлял у русских в сельской местности 6,3%, в городе – 1,6%, у адыгейцев – соответственно 8,2 и 4,5%².

¹ Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36; Д. 643. Л. 43–69.

² Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 74. Л. 1-6об.

Таблица 3.15 – Распределение неграмотного населения Кубани и Ставрополья по полу и типу поселения, 1939, %¹

Регионы (края, автономные области)	Городское население		Сельское население		Все население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Краснодарский край	37,4	62,6	35,8	64,2	36,1	63,9
Адыгейская АО	35,4	64,6	36,9	63,1	36,7	63,3
Орджоникидзевский (Ставропольский) край	37,9	62,1	37,5	62,5	37,5	62,5
Карачаевская АО	40,6	59,4	40,2	59,8	40,3	59,7
Черкесская АО	38,9	61,1	39,0	61,0	39,0	61,0

В возрастных группах старше 50 лет на селе доля неграмотных превышала 50% населения. А у некоторых этнических групп, таких, например, как адыгейцы доля неграмотных в возрасте 50–59 лет и 60 лет и старше достигала 74,5 и 86,5% (приложение 12, 13)².

Обращает на себя также внимание резкое повышение показателя неграмотности в 9-летней возрастной группе. Другой порог по числу неграмотных приходится на 20–24-летний возраст, здесь данный показатель возрастает почти вдвое, и прежде всего в сельской местности, а у адыгейцев он существенно вырос и среди городского населения. Следующее удвоение числа неграмотных относится к возрастной группе 25–29 лет, и снова преимущественно среди сельских жителей.

Для Орджоникидзевского (Ставропольского) края по данным переписи 1939 г. так же наблюдается зависимость роста уровня грамотности от возраста (таблица 3.16). Доля грамотных на Ставрополье в целом и в автономиях в частности резко повышается в возрастах старше 9 лет. Причем максимальные

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 3; Д. 269. Л. 3; Д. 274. Л. 3; Д. Д. 275. Л. 3; Д. 276. Л. 3; Д. 641. Л. 10–18, 28–36; Д. 643. Л. 43–69; Д. 648. Л. 1–3, 21–25; Д. 650. Л. 1–3, 23–26.

² Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 74. Л. 1-6об.

показатели наблюдаются в возрастной группе 9–49 лет. Среди мужчин этой возрастной группы в городе наблюдается практически полная грамотность.

Таблица 3.16 – Доля грамотных по возрастным группам в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае, 1939 г., %¹

Территории	Мужчины		Женщины		Все население	
	9 лет и старше	9–49 лет	9 лет и старше	9–49 лет	9 лет и старше	9–49 лет
Всего по краю	91,3	94,4	71,9	81,0	81,0	87,5
город	96,2	97,0	84,1	91,3	89,9	94,5
село	89,9	93,5	68,6	78,2	78,6	85,6
Карачаевская АО	82,3	89,7	60,4	72,2	71,1	81,0
город	95,0	96,8	82,6	87,9	88,9	92,5
село	81,2	89,0	58,6	70,7	69,6	79,9
Черкесская АО	87,8	92,4	68,1	78,2	77,4	95,8
город	95,2	97,1	81,3	89,9	88,0	98,5
село	84,1	90,0	61,8	72,4	72,2	80,9

Как уже было отмечено, распределение показателей грамотности тесным образом связано с особенностями половой структуры населения. Традиционно у мужчин уровень грамотности выше, чем у женщин, это связано еще и с тем, что мужчины более подвижны, мобильны, активнее включены в общественное производство, все это объективно ведет к тому, что они по необходимости чаще вынуждены приобретать навыки грамотности (читать, писать). Причем с учетом этнической составляющей эта дифференциация хотя и может значительно варьироваться, но все-таки сохраняется. Данный факт можно продемонстрировать на примере трех основных этнических групп в составе населения Краснодарского края (таблица 3.17).

Разница в показателях грамотности между мужчинами и женщинами у русских в целом по краю составляет 16,3%, у украинцев – 16,9%, у адыгейцев – 14,3%. В сельской местности эта разница была значительнее. У русских – 18,1%, у украинцев – 18,6, у адыгейцев – 15,8%, тогда как в городе

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 28–36; Д. 643. Л. 52–69.

минимальный разрыв составлял 10,2%, 12,0 и 7,3% соответственно. Постепенно с введением всеобщего образования эта разница стиралась. Однако определенные отличия все еще сохранялись.

Таблица 3.17 – Доля грамотных среди представителей отдельных народов Краснодарского края, 1939 г., %¹

Место проживания	Русские		Украинцы		Адыгейцы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Город	97,6	87,4	97,9	85,9	91,2	83,9
Село	95,5	77,4	96,1	77,5	89,3	73,5
<i>Всего</i>	96,1	79,8	96,6	79,7	89,9	75,6

Таким образом, показатели грамотности значительно различались в зависимости от этнической группы. Если разница в показателях между русскими и украинцами не так выражена, то у адыгейцев в отдельных возрастных группах доля неграмотных в 1,5–2 раза превышает тот же показатель у славянских этносов.

Причиной тому, вероятно, являются сложности в подборе и подготовке педагогических кадров для сферы образования на национальном языке, слабый уровень владения русским языком, что также осложняло процесс обучения в учебных заведениях, традиционные нормы в отношении образования, а также меньшая подвижность адыгского населения как территориальная, так и профессиональная.

Как отмечалось выше, в условиях проводившейся в СССР экономической модернизации повышению образовательного и профессионального уровня населения уделялось особое внимание. Происходит отказ от революционных реформ в области образования и возвращение в школьные программы старых методов воспитания и обучения: урочной системы, отметок, строгой дисциплины, системы поощрений и наказаний. В стране вводится с 1934 г. всеобщее обязательное 4-летнее, а с 1937 г. – обязательное 7-летнее образование. Масштабными темпами идет школьное строительство, только за

¹ Таблица составлена на основе источников: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 74. Л. 1–6об.

период 1933–1937 гг. было открыто более 20 тыс. новых школ, что сопоставимо с числом школ открытым в дореволюционной России за 200 лет. Численность учащихся в конце 1930-х гг. составила 35 млн чел.¹

Все это нашло отражение в материалах переписи 1939 г., которая зафиксировала число лиц, имеющих среднее образование. Эти показатели резко отличаются от общего уровня грамотности (приложение 12)².

Самые высокие показатели среди лиц, имеющих среднее образование, характерны для украинцев – 10%, у русских этот показатель составил 6,5% от всего населения, у адыгейцев, проживавших в Краснодарском крае, доля получивших среднее образование была выше, чем у русских, и равнялась 9%.

В отдельных возрастных группах уровень среднего образования согласно данным переписи был несколько выше. Больше всего лиц со средним образованием в возрастной группе 20–24 года и 25–29 лет. В городе их доля составляла: у русских 36,6 и 20,6%, у адыгейцев – 40,4 и 24,8%, у украинцев – 38,7 и 23,4% соответственно.

Процент лиц с высшим образованием был существенно меньше. Среди всех жителей Краснодарского края в 1939 г. только 0,59% имели высшее образование. При этом, если у русских и украинцев, проживавших на Кубани 40,3 и 44,0% лиц с высшим образованием приходилось на возрастную группу 30–39 летних, то у адыгейцев 45,4% составляли лица с высшим образованием в возрасте от 20 до 29 лет. У русских и украинцев так же в два раза по сравнению с адыгами больше было лиц с высшим образованием в возрастах 40 лет и старше (приложение 14)³.

Наибольшая доля лиц с высшим образованием у представленных народов приходится на возраст 30–39 лет, так же значительное число лиц у русских и украинцев имели высшее образование в возрастных группах 40–49 и 25–29 лет. В группе 50 лет и старше процент имеющих высшее образование у

---

¹ Народное хозяйство СССР в 1960 г. Статистический ежегодник. М., 1961. С. 20–21.

² Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 58–81об.

³ Рисунок составлен на основе того же источника.

русских и украинцев практически в два раза выше, чем в самой молодой (от 20 до 29 лет). Вероятно, таким образом, еще дает о себе знать определенный контингент дореволюционных специалистов. У адыгейцев, в отличие от русских и украинцев больше лиц с высшим образованием среди молодежи, около половины всех имевших высшее образование приходится на возрастную группу 20–29 лет.

Активно развивается система образования на Ставрополье. В ноябре 1936 г. ставропольская газета «Власть Советов» сообщала: «В городе (Ставрополе) имеются 3 вуза, 5 техникумов, 3 средних школы, 19 начальных школ, 12 детдомов. В школах обучаются 15 тыс. школьников. В 5 техникумах города – педагогическом, сельскохозяйственном, медицинском, музыкальном и советской торговли – обучаются 2,3 тыс. чел. в 3 институтах – зоотехническом, педагогическом и учительском – 1,5 тыс. чел.»¹.

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. на Ставрополье доля лиц с высшим образованием составляла 0,5%. Процент имевших среднее образование также был невысок и составлял 5,7% (рисунок 3.12).

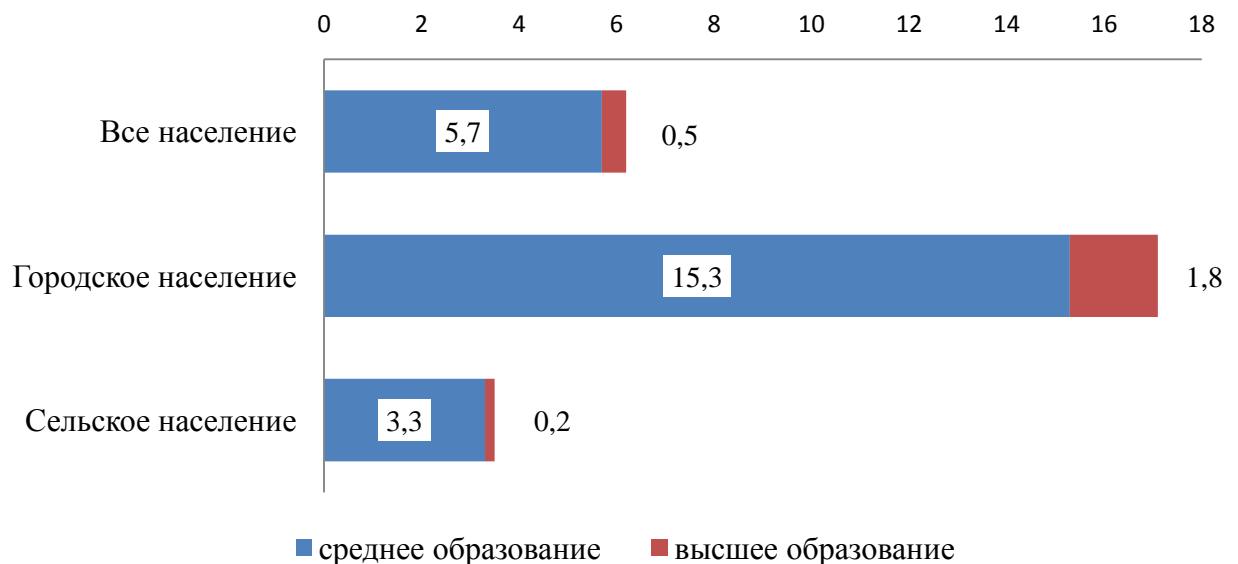

Рисунок 3.12 – Доля населения с высшим и средним образованием в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае, 1939 г., %²

¹ История городов и сел Ставрополья: краткие очерки / науч. ред. Д.В. Кочура и А.А. Кудрявцев. Ставрополь, 2002. С. 29–30.

² Рисунок составлен на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 650. Л. 1–3, 25–26.

В городах Ставрополья доля лиц со средним образованием была в пять раз выше, чем в селе. Примерно в таком же соотношении находятся лица с высшим образованием. В целом можно сказать, что уровень среднего и высшего образования здесь был не высок, что, в общем-то, соответствовало потребностям региона, где промышленное производство было развито слабо, а сельское хозяйство не требовало квалифицированной рабочей силы.

В то же время наблюдается заметная дифференциация в уровне образования между мужчинами и женщинами, по этническому и поселенческому признакам. В национальных автономиях Ставрополья уровень образования был несколько ниже, чем в целом по краю. Однако, в городских поселениях Карачаевской АО, и прежде всего среди мужского населения уровень среднего образования выше краевого. Кроме того, среди мужчин доля лиц со средним и высшим образованием больше, чем у женщин (таблица 3.18).

Таким образом, несмотря на тот факт, что развитие системы образования дало заметные результаты, общий образовательный уровень продолжал оставаться на достаточно низкой отметке. Особенно отличался уровень образования городского и сельского населения. Кроме того, люди молодого и среднего возраста имели более высокий уровень образования (почти в 2 раза), чем старики.

Выявленный переписью 1939 г. уровень образования свидетельствовал как о заметном росте, так и о том, что для решения проблем народного образования еще предстояла огромная работа.

Проблема ликвидации неграмотности в 1930–1950-е гг. продолжала оставаться актуальной, несмотря на то, что предпринимались значительные усилия для решения этого вопроса. В городах и деревнях увеличивалось число общеобразовательных школ. Если в 1940–1941 гг. в стране их было 116,9 тыс., то в 1959–1960 гг. стало 127,9 тыс. Практически каждый ребенок с 8 лет (а

затем с 7 лет) учился в школе¹. Таким образом, решался вопрос о сплошной грамотности подрастающей молодежи.

Таблица 3.18 – Доля лиц с высшим и средним образованием в населении Кубани и Ставрополья, 1939 г., %²

Территории	Среднее образование		Высшее образование	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Краснодарский край				
Все население	7,8	6	0,7	0,3
городское	15,6	14,8	1,8	0,9
сельское	5,2	3,2	0,3	0,1
Адыгейская автономная область				
Все население	7,7	5,2	0,5	0,2
городское	16,3	13,5	1,3	0,6
сельское	5,2	2,7	0,3	0,1
Орджоникидзевский (Ставропольский) край				
Все население	6,5	5	0,7	0,3
городское	15,7	15	2,6	1,1
сельское	4,2	2,5	0,3	0,1
Карачаевская автономная область				
Все население	5,5	2,8	0,4	0,1
городское	21,9	15,3	2,4	1
сельское	4,2	1,9	0,3	0,1
Черкесская автономная область				
Все население	6,5	3,9	0,4	0,2
городское	11,7	8,9	1,1	0,4
сельское	4,1	1,7	0,1	0,1

Для старшего поколения расширялась сеть специальных школ рабочей и сельской молодежи, а также школ для взрослых. В 1958–1959 гг. в стране таких учебных заведений было 7 тыс., а в 1959–1960 г. – 10,1 тыс. Численность учащихся в них в этот период увеличилась 3 с лишним раза, с 404,1 тыс. до 1 398,2 тыс.³ Это должно было способствовать повышению уровня грамотности

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 312.

² Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36; Д. 643. Л. 43–69; Д. 733. Л. 75–105; Д. 734. Л. 1–60.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 312.

у тех категорий населения, которые в силу определенных обстоятельств имели низкие показатели: женщины, представители старшего поколения и отдельных этнических групп и др.

О двадцатилетних результатах в области ликвидации неграмотности можно судить по данным переписи 1959 г. (таблица 3.19). Если в 1939 г. доля неграмотных в РСФСР в возрасте от 9 до 49 лет составляла 10,3%, то к 1959 г. этот показатель снизился до 6,5%¹.

Таблица 3.19 – Грамотность населения в Краснодарском и Ставропольском краях и РСФСР в возрасте 9–49 лет, в 1939 и 1959 гг., %²

Население	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
РСФСР						
Все население	96,0	99,3	83,9	97,7	89,7	93,5
Городское	98,1	99,0	91,8	98,2	94,9	98,8
Сельское	94,8	99,1	79,3	97,1	86,7	98,0
Краснодарский край						
Все население	96,6	99,5	83,7	98,2	89,8	98,8
Городское	98,4	99,5	91,5	98,6	95,3	99,0
Сельское	95,9	99,3	80,8	98,0	87,9	98,6
Ставропольский край						
Все население	94,8	99,4	81,4	98,0	87,8	98,6
Городское	98,1	99,6	91,9	98,5	94,9	99,0
Сельское	93,9	99,2	78,6	97,8	85,9	98,5

Таким образом, практически был достигнут уровень сплошной грамотности. В связи с этим исчезла необходимость учета лиц, умеющих читать или писать. В дальнейшем вопрос о грамотности был исключен из программ переписей населения, его заменил вопрос о типе оконченого учебного заведения.

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 144.

² Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36; Д. 643. Л. 43–69; Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Д. 733. Л. 75–105; Д. 734. Л. 1–60; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 144.

Почти полная грамотность населения в возрасте от 9 до 49 лет была достигнута в городах Краснодарского и Ставропольского краев. Уровень грамотности здесь превышал показатели по РСФСР. Та же ситуация наблюдается в селах Кубани и Ставрополья. При этом рост уровня грамотности в сельской местности за межпереписной период был наиболее значительным. В селах Ставропольского края доля грамотных выросла на 12,6%, Краснодарского края на 10,7%, в РСФСР на 11,3%.

Наибольшие успехи были достигнуты в вопросе ликвидации неграмотности среди женщин. В городах Ставропольского края оставалось неграмотными 1,5% женщин, в селах 2,2%, на Кубани – 1,4% и 2,0% соответственно. Однако показатели эти значительно увеличивались среди женщин коренных народов Северного Кавказа¹.

Таким образом, данные переписи показывают, что при неуклонном подъеме грамотности в городах, ликвидация неграмотности среди женщин проходила более интенсивно. Эта разница была особенно заметна у женщин в сельской местности. Однако определенная доля женщин все еще оставалась неграмотными. Несмотря на это можно говорить о том, что в целом процесс ликвидации неграмотности близился к завершению.

С решением проблемы неграмотности в 1940–1950-х гг. на повестку дня стал вопрос о подъеме уровня образования населения. В связи с развитием индустрии, внедрением различных машин, механизацией сельского хозяйства возникла необходимость в повышении не только общеобразовательного уровня трудящихся, но и их технических знаний.

Еще в 1930-х гг. наряду с ведением всеобщего обязательного обучения детей в начальной школе, был поставлен вопрос об обязательном семилетнем обучении, т.е. получении всеми неполного среднего образования². Задача эта решалась в ходе строительства, ремонта и оборудования школ, улучшения

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 144.

² Рассчитано по тем же источникам.

материального положения учителей, учащимся стали выдавать бесплатные учебники и письменные принадлежности.

В 1940–1950-е гг. государство выделяло значительные средства для строительства новых школ, ремонт старых, подготовку учителей и преподавателей в техникумах. В 1940–1941 гг. в РСФСР было 116,9 тыс. школ, в 1960–1961 гг. их число увеличилось до 129,1 тыс. В том числе в городах и рабочих поселках рост соответственно составлял: 14,4 тыс. и 23,8 тыс. (рост примерно в 1,8 раза); в сельских местностях: 102,5 и 105,3 тыс. (рост незначительный)¹.

В Краснодарском крае в 1940–1941 учебном году насчитывалось 248 средних школ и в них обучалось 157,2 тыс. учащихся. Постоянно росло число семилетних школ². В послевоенные годы в регионе, как и в стране в целом остро стояла задача восстановления школ и организации их нормальной работы. Особое значение приобрели школы рабочей молодежи в городах, а в сельской местности действовали школы сельской молодежи, в которых молодые люди, прервавшие обучение в период войны, могли продолжить его без отрыва от производства. Уже в 1945–1946 уч. году в Краснодарском крае 4 200 колхозников сели за парты таких школ. В 1957–1958 уч. году в них занималось 10 900 чел. В том же году на долю начальных школ приходилось 57% от общей численности, тогда как семилетние и средние школы составляли 43%³.

Процессы реорганизации школьной системы образования отразились на динамике численности образовательных учреждений 1930–1950-х гг. В период с 1927 г. по 1936 г. общее число школ сократилось, затем некоторое время наблюдался рост, с начала 1950-х гг. снова происходит их сокращение. С конца 1930-х гг. число начальных школ сократилось, а семилетних, напротив, выросло. При этом за счет укрупнения небольших начальных школ

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 317.

² Народное хозяйство Краснодарского края: Статистический сборник. Краснодар, 1958. С. 179.

³ Там же.

произошло некоторое сокращение их численности (таблица 3.20).

Таблица 3.20 – Численность общеобразовательных школ и учащихся в них¹ на начало учебного года в Ставропольском крае 1927–1957 гг.²

	1927–28	1932–33	1937–38	1940–41	1950–51	1955–56	1956–57
Всего школ, в том числе:	1203	1469	1665	1742	1698	1584	1566
Начальных	1084	1296	1203	1163	1053	842	831
Семилетних	81	149	331	370	464	422	398
Средних	31	24	114	200	178	316	332
Прочих	7	-	17	9	3	4	5
Всего учащихся (тыс. чел.) из них:							
в городах	144,4	174,8	353,2	373,0	322,1	245,3	237,3
в сельской местности	31,1	29,7	73,0	74,1	73,2	70,2	68,5
	113,3	145,1	280,2	298,9	248,9	175,1	168,8

Постепенно решалась проблема недостатка учителей в школах и уровня подготовки педагогических кадров. Если в 1932–1933 уч. году в сельских школах Кубани насчитывалось 10,2 тыс. учителей, то в 1955–1956 уч. году их было уже 22,3 тыс., причем более половины учителей уже имели законченное высшее образование. В 1957–1958 уч. году на Кубани насчитывалось 2 506 сельских школ, 347 700 учащихся и 22 800 учителей³. Численность учителей на Ставрополье так же значительно увеличилась в том числе и благодаря подготовке профессиональных педагогических кадров в самом крае. В 1930 г. на Кубани и Ставрополье из 60 техникумов 19 имели педагогическую направленность (в том числе 13 в Краснодарском крае и 6 на Ставрополье)⁴. По данным на 1935 г. на Ставрополье действовало уже 7 педагогических

¹ Данные приведены без школ рабочей и сельской молодежи.

² Таблица составлена на основе источника: Цогоев Н.В. Развитие народного хозяйства Ставрополья за 40 лет Советской власти (краткий социально-экономический очерк). Ставрополь, 1957. С. 91–93.

³ Народное хозяйство Краснодарского края: Статистический сборник. Краснодар, 1958. С. 177–178.

⁴ Народное хозяйство Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1932. С. 382–390.

техникумов, Педагогический институт в г. Ворошиловске и педрабфак с общим числом учащихся 2186 чел.¹ Число учителей в общеобразовательных школах Ставрополя за 30 лет (1927–1957 гг.) выросло в 4 раза с 4 744 чел. до 16 629 чел.² В среднем на одну школу приходилось в 1927 г. 4 учителя, а в 1957 г. 11 учителей. Причем, если на каждого учителя в 1927 г. приходился 31 ученик, то в 1957 г. уже 14 учеников³.

Большинство школ в городах были семилетние или десятилетние. В городах и селах проходило укрупнение школьных заведений⁴, чем и объясняется их незначительный рост. Многие начальные школы переходили на семилетнее обучение. Также в начале 1950-х гг. происходит снижение числа учащихся связанное с поступление в школы детей военного поколения, характеризуемого низкой рождаемостью.

Вместе с тем, вопрос повышения уровня образования оставался еще достаточно сложным. Если в 1924 г. в школах обучалось 37% детей школьного возраста, в 1926–1927 гг. этот показатель вырос уже до 63%. К 1959 г. процент населения, имевшего среднее (включая неполное) образование вырос в 3,5 раза⁵.

В стране каждый четвертый житель имел среднее образование, в основном неполное. Особо разительные перемены произошли в образовании сельского населения, уровень которого вырос за соответствующий период в 5 раз. Почти каждый третий сельский житель трудоспособного возраста получил среднее образование (в основном семилетнее)⁶.

Достигнутые результаты в развитии системы образования населения Кубани и Ставрополя показала Всесоюзная перепись населения 1959 г. Доля учащихся Краснодарского края в разных возрастных группах значительно варьировалась. Среди мужчин процент учащихся был на 5,5% выше, чем среди

---

¹ Районы Северного Кавказа... С. 126–128.

² Цогоев Н.В. Указ. соч. С. 91.

³ Там же.

⁴ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 317.

⁵ Кубанские станицы: этнические... С. 267.

⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2... С. 339.

женщин. Абсолютное большинство учащихся обучалось в общеобразовательных учебных заведениях (прежде всего в школах). Равные доли пришлось на учащихся вузов и средних специальных учебных заведений (таблица 3.21).

Таблица 3.21 – Доля учащихся среди населения Краснодарского края в 1959 г., %¹

Население	Из общего числа населения – учащихся	В том числе в учебных заведениях			
		высших	средних специальных	Общеобразовательных	Прочих
Все население	15,9	4,3	4,3	85,6	5,8
Мужчины	18,9	4,2	4,4	83,0	8,4
Женщины	13,4	4,5	4,2	88,6	2,7

Однако распределение учащихся по типам учебных заведений имело значительную дифференциацию в зависимости от возрастных групп. Среди детей в возрасте от 7 до 15 лет доля учащихся существенно повышалась и составляла 86,9%. Максимальные показатели приходятся на возрастную группу 10-летних – 99,38%. 100% учащихся в возрасте 7–12 лет обучались в общеобразовательных заведениях. Начиная с 15-летнего возраста число учащихся школ сокращается на $\frac{1}{4}$, а с 17-летнего в половину. Одновременно увеличивается доля обучающихся в средних специальных и прочих учебных заведениях. Начиная с 20-летнего возраста, преобладают учащиеся высших учебных заведений, вместе с тем значительная часть людей в старших возрастах продолжает получать среднее специальное и общее образование. А в возрасте 50 лет и старше лидируют снова учащиеся общеобразовательных школ².

К 1959 г. рост числа лиц с высшим, средним и начальным образованием был повсеместным. Доля лиц с высшим образованием выросла в Краснодарском крае среди мужчин в 2,6 раза, среди женщин в 4 раза. Еще

¹ Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 89. Л. 1–8.

² Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 89. Л. 1–8.

более высоким был рост доли лиц с высшим образованием за межпереписной период на Ставрополье: у мужчин их доля увеличилась в 2,8 раза, у женщин в 5,3 раза. В городе эти показатели увеличились соответственно на Кубани в 1,8 и 2,8 раза, на Ставрополье в 1,8 и 3,4 раза¹. В сельской местности число специалистов с высшим образованием в 1959 г. увеличилось в обоих регионах среди мужчин в 2,7 раза, среди женщин в 6 раз (таблица 3.22). Такой рост был достигнут не столько и не только в результате развития системы высшего образования, но в значительной степени стал результатом перемещения специалистов с высшим образованием на периферию как в результате стихийных миграций, так и целенаправленных программ, в том числе и государственной системы распределения для выпускников вузов.

На каждую тысячу сельского населения Кубани теперь приходилось 8 мужчин и 6 женщин с высшим образованием и 218 мужчин и 184 женщины с незаконченным высшим образованием и средним образованием. Таким образом, в сравнении с 1939 г. число имеющих высшее образование выросло почти в 3,5 раза, в том числе в селе среди женщин в 6 раз².

Выросло и число учащихся во всех типах учебных заведений. Причем на средней и высшей ступени образования практически во всех возрастных группах преобладание было на стороне мужчин. Значительный перевес мужчин среди учащихся в возрастах 20 лет и старше, и только в группе старше 50 лет перевес почти в два раза на стороне женщин. Среди обучавшихся в вузах в целом соотношение мужчин и женщин было тем же, что и в школах: преобладало мужское население³. При этом в отдельных областях хозяйства среди специалистов, в том числе с высшим и средним специальным образованием преобладали женщины.

Так на Ставрополье на 1955 г. доля женщин – специалистов с высшим образованием среди врачей составляла 71%, педагогов, библиотечных и

---

¹ Ставрополье за 50 лет... С. 153, 157.

² Народное хозяйство Краснодарского края. Краснодар, 1965. С. 338–339; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 128, 136.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141.

культурно-просветительских работников – 69%, экономистов и экономистов-статистиков – 52%¹.

Таблица 3.22 – Население Краснодарского и Ставропольского краев по уровню образования в 1959 г., (% от всего населения)²

Население	Пол	Уровень образования							
		высшее	незаконченное высшее	среднее специальное	среднее общее	незаконченное среднее	семилетнее	незаконченное семилетнее	начальное
Краснодарский край									
Городское	мужчины	3,2	1,2	5,6	7,1	3,5	17,5	7,4	20,1
	женщины	2,5	1,1	5,9	7,9	3,3	15,8	4,9	14,7
	Оба пола	2,8	1,1	5,8	7,5	3,4	16,6	6,0	17,1
Сельское	мужчины	0,8	0,4	2,5	3,0	2,1	13,9	7,9	23,2
	женщины	0,6	0,4	2,4	2,4	2,0	11,3	5,2	15,0
	Оба пола	0,7	0,4	2,4	2,6	2,0	12,4	6,4	18,7
Все население	мужчины	1,8	0,7	3,7	4,6	2,7	15,3	7,7	22,0
	женщины	1,3	0,7	3,8	4,5	2,5	13,1	5,1	14,9
	оба пола	1,5	0,7	3,7	4,5	2,6	14,1	6,3	18,1
Ставропольский край									
Городское	мужчины	4,6	1,6	6,4	8,0	3,4	16,7	7,0	20,0
	женщины	3,7	1,6	7,3	8,7	3,2	14,7	4,5	14,5
	Оба пола	4,1	1,6	6,9	8,4	3,3	15,6	5,6	16,9
Сельское	мужчины	0,8	0,3	2,3	2,6	2,0	12,5	6,9	23,2
	женщины	0,6	0,4	2,5	2,3	1,8	10,6	4,7	14,6
	Оба пола	0,7	0,4	2,4	2,5	1,9	11,4	5,7	18,4
Все население	мужчины	2,0	0,7	3,6	4,3	2,5	13,8	6,9	22,2
	женщины	1,6	0,8	4,0	4,3	2,2	11,9	4,6	14,6
	оба пола	1,8	0,7	3,8	4,3	2,3	12,7	5,6	18,0

Таким образом, за период 1930–1950-х гг. произошло кардинальные изменения в области грамотности и образования населения. В регионе к концу 1950-х гг. были достигнуты показатели практически сплошной грамотности.

¹ Ставрополье за 50 лет... С. 154.

² Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. Л. 31–57, 118–141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 144.

Наибольшие успехи наблюдались в сфере преодоления неграмотности среди женского населения. Политика государства, обеспечивавшая им широкую возможность ликвидации неграмотности, привела к тому, что в городе женщины почти догнали мужчин по грамотности, а в селе, отставание хотя и сохранялось, но было уже не столь значительным. Существенные изменения произошли в грамотности сельских жителей. Они почти догнали в этой области горожан.

В целом же к концу 1950-х гг. проблема сплошной грамотности практически была решена. Нерешенным пока оставался вопрос повышения уровня образования, но и в этой области произошли значительные изменения. Особенно заметный рост наблюдался в численности средних школ, значительное увеличение которых происходило за счет организации новых, а также преобразования более крупных начальных школ в семилетние. Повсеместно увеличилось число специалистов с высшим образованием. Однако в регионах и прежде всего в сельской местности и национальных автономиях этот рост был достигнут за счет притока сюда в том числе и по государственным программам выпускников вузов. Достаточно заметными были достижения у женщин. Ставрополье, несколько отстававшее от Кубани по общим показателям грамотности и образования в 1939 г., к 1959 г. практически имело равные показатели с Кубанью, и в целом с РСФСР.

3.4. Национальная структура населения

Специфической особенностью региона, практически на всем протяжении его истории являлся полиэтничный состав населения. Это было обусловлено факторами самого разного порядка: от географических и природно-климатических до геополитических и геостратегических.

В рассматриваемый период Кубань и Ставрополье сохраняли статус многонациональных территорий. Однако соотношение этнических групп, их абсолютная численность в составе населения существенно менялись на

протяжении 1930–1950-х гг. В значительной степени эта динамика была обусловлена экстремальными экзогенными факторами. Однако при анализе национальной структуры необходимо учитывать и методологические принципы проведения переписей населения. Поскольку этническая принадлежность представляет собой характеристику в значительной степени субъективную (в отличие от пола, возраста, места проживания и т.д.), то способ и характер фиксации этнической принадлежности в ходе статистического наблюдения играл важную роль и был способен повлиять на численность этнических совокупностей.

В понятие национальность социальные науки вкладывают различное содержание, однако для статистического анализа имеет значение, прежде всего, тот критерий, который используется в социальной статистике и демографии для определения национальной принадлежности опрашиваемого. М.В. Птуха отмечал, что: «с точки зрения социальной статистики ... остается только два главных критерия для отнесения того или иного индивидуума к известной национальности: его собственные показания (мнение) и родной (материнский) язык. Практически же, во время переписей и текущих записей надлежит ставить как вопрос о родном языке, так и вопрос о самоопределении»¹.

Схожие позиции занимают А.И. Гозулов и М.Г. Григорьянц отмечая, что постановка вопросов о родном языке и национальности опрашиваемого в отечественных переписях в известной мере позволяют выявить их истинное самоопределение².

Проблема определения этнической структуры населения связана с тем, что хотя вопросы о национальной принадлежности и родном языке включались в программы практически всех отечественных переписей населения, в их трактовке не было полного единства. В переписях 1939 г. и 1959 г. национальность определялась исходя из социально-психологических

---

¹ Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 241–242.

² Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 79.

мотивов, а в классификациях результатов были использованы и генетические мотивы. Причем в классификации 1959 г. генетический момент был представлен шире, чем в классификации 1939 г. различия в исходных позициях в определении национальностей отразились и на конечных результатах¹. Этим, возможно, объясняются резкие колебания в численности отдельных народов.

Следствием неодинаковых оснований для группировки по признаку национальной принадлежности явились различия в классификациях национальностей, национальных групп и народностей для переписей 1926, 1939 и 1959 гг. В классификации 1926 г. были выделены 194 национальности, национальные группы и народности, раскрывавшие племенной (этнографический) состав населения. В ней наряду с национальностями и независимо от них были приведены этнографические группы. При разработке материалов переписи населения 1939 г. было выделено 97 национальностей и народностей, в том числе 62 национальности и народности СССР и 35 национальностей, проживающих преимущественно за пределами СССР. В классификации 1939 г. также отсутствовали некоторые народности и этнографические группы. Классификация национальностей и народностей в переписи 1959 г. содержала 126 наименований, из них 93 национальности и народности СССР и 33 национальности, живущие в основном за пределами СССР. Также в классификации 1959 г. было на 29 национальностей и народностей больше, чем в классификации 1939 г.²

Ряд моментов (изменение этнотерриториальных границ, подвижность самосознания и др.) так же затрудняет сравнительный анализ распределения населения по национальностям. Несмотря на это, результаты Всесоюзных переписей населения вполне сопоставимы и дают возможность провести объективный анализ национальной структуры.

Сравнение данных переписи населения 1939 г. о национальном составе с

---

¹ Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 80.

² Там же. С. 84.

данными переписи 1926 г. показывает, что наиболее заметно изменилась численность русского и украинского населения.

Исторические условия определили тот факт, что доля украинского населения на Кубани и на Ставрополье была значительной. Это казачий компонент в отделах Кубанской и Терской областей, и не входящие в казачье сословие переселенцы с территории Украины. В 1897 г. в Кубанской области их доля составляла 47,4%¹. Согласно переписи 1926 г. удельный вес украинцев на Кубани, территория которой на данный момент была представлена Армавирским, Майкопским, Кубанским и Черноморским округами в составе Северо-Кавказского края составлял 47,3%. На Ставрополье, территория которого была представлена Ставропольским и Терским округами Северо-Кавказского края в 1926 г. украинцы составляли около трети (30,3%) всего населения. Доля украинцев была наиболее значительной в Кубанском (62,2%) и Черноморском (37,5%) округах, в остальных округах численно доминировали русские, но доля украинцев была высокой (33,1% в Армавирском и 29% в Майкопском округах)².

К 1939 г. численность русского населения и его доля существенно выросла, а численность украинцев и их доля в составе населения Кубани и Ставрополья резко сократилась. Подобная трансформация была не специфична для региона, она проявила себя по всей стране, но в меньших масштабах. В целом по РСФСР с 1926 г. по 1939 г. доля русского населения увеличилась с 78% до 82,1%, а украинского наоборот сократилась с 7,5% до 3%³.

Как видно на рисунке 3.13, за межпереписной период численность украинцев и их доля в составе населения Кубани и Ставрополья сократилась

---

¹ Так как в Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., не было графы национальность, расчет был произведен по категории «родной язык», т.е. украинцами считались те, кто назвал своим родным языком украинский (малороссийский).

² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений).

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9... С. 34–51; Т. 17. С. 9–25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966. Л. 1–3, 10–17.

почти в 10 раз и в 12 на Ставрополье. Тогда как доля русского населения увеличилась практически вдвое. При этом на Кубани, где украинское население прежде преобладало над русским, доля русских стала заметно выше, чем в Ставрополье.

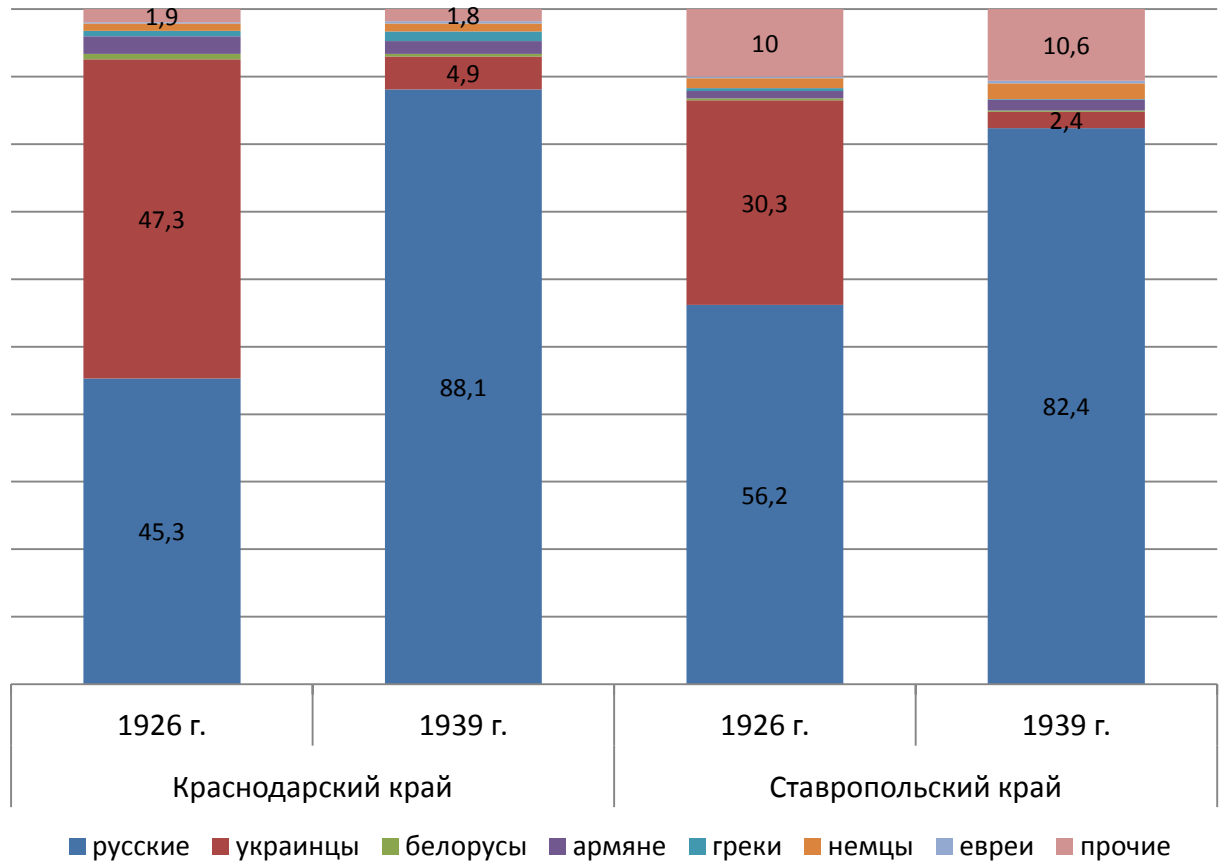

Рисунок 3.13 – Соотношение численности отдельных народов Кубани и Ставрополья в 1926 г. и 1939 г., %¹

Одной из причин таких резких изменений могли стать процессы ассимиляции в среде украинского населения. Как отмечает В.М. Кабузан, это «уникальное явление в истории, когда украинский этнос, некогда преобладавший над русским в этом регионе, полностью утратил здесь свои позиции, причем даже на территории бывшей Земли Войска Черноморского,

¹ Рисунок составлен на основе источников: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; 274. Л. 6; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

где доля русских была невелика и украинцы были почти единственными жителями. Около 2 млн чел. украинской национальности сменили здесь свое этническое самосознание на русское»¹. То есть вслед за языковой ассимиляцией, активно проходившей на протяжении 1920-х гг., в 1930-е гг. произошла трансформация этнического самосознания украинцев, в результате которой и увеличилась численность русских в регионе.

По мнению А.И. Гозулова и М.Г. Григорьянц, уменьшение численности украинцев в этот период может быть объяснено различным пониманием национальной принадлежности в переписях 1926 г. и 1939 г. «Без сомнения, – отмечают они, какая-то часть украинцев и прежде всего та их часть, которая проживала за пределами Украинской ССР, при переписи 1939 г. отнесла себя к русским»².

А.С. Бежкович отмечает, что имела место неопределенность в использовании термина «украинец», так как до 1917 г. официальным термином, обозначающим представителей этого народа в России было понятие «малоросс». Сами же украинцы, проживающие на Кубани считали себя «руськими»³.

Этого же мнения придерживаются и авторы коллективной монографии «Кубанские станицы»: «Включение Кубани в состав Российской Федерации сыграло важную роль в формировании современного национального сознания кубанцев ... при определении национальности решающим для них становится место рождения или район длительного проживания... украинцами называли себя в большинстве своем уроженцы Украины, прожившие на Кубани сравнительно небольшой срок 1–20 лет»⁴.

Другими причинами, которые также могли повлиять на изменения в численном составе двух наиболее многочисленных этнических групп были выселение, голод и компенсаторная миграция. Численность украинского

---

¹ Кабузан В.М. Указ. соч. С. 112–113.

² Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Указ. соч. С. 93.

³ Бежкович А.С. Указ. соч. С. 7.

⁴ Кубанские станицы: этнические... С. 33.

населения, несомненно, сократилась и вследствие голода и репрессий в отношении казачьего населения региона, среди которого украинский этнический компонент исторически был значительным. В ходе компенсаторных переселений территории Кубани и Ставрополя опустевшие в результате голода и высылки расказаченных и раскулаченных, они замещались воинскими контингентами, которые были преимущественно русскими¹. Но численность переселенцев была не столь велика, поэтому вероятно миграционный поток совпадает с ассимиляционными процессами.

Этническая структура региона менялась и вследствие национальной политики Советской власти. С конца 1920-х гг. в местах компактного расселения национальных меньшинств формируются национально-территориальные единицы: национальные районы и национальные сельсоветы. На Северо-Западном Кавказе, регионе где компактно проживали представители коренных национальностей, а также исторически сложились крупные массивы этнических переселенческих групп армян, греков, эстонцев, немцев, туркмен и других народов, эти процессы протекали особенно активно.

В 1920–1930-х гг. были образованы Армянский, Шапсугский, Греческий, Ванновский (немецкий), Туркменский районы, а также армянские, молдавские, ассирийские, греческие, эстонские, чешские и другие сельские советы. Активно проводится политика «коренизации» – перевод делопроизводства на язык коренной национальности, активное развитие культуры и образования на национальном языке. Осуществляется, стимулируемая государством, политика этнических переселений на территорию национальных районов². Это приводит к увеличению

---

¹ Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: В 4 т. Т. 2... С. 116.

² ГАРФ. Ф. 3302. Д. 108. Л. 2–3, 7; Д. 130. Л. 2–3, 6–8, 14–18; Д. 151. Л. 15–46; Д. 206. Л. 1–19; Д. 233. Л. 17–23; РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 141. Л. 2–27; Д. 168. Л. 6; Д. 149. Л. 75; ГАКК. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 50. Л. 14; ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 546. Л. 5–6; Д. 560. Л. 2–3; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1003. Л. 3–7; Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 61. Л. 50; Князев В. У трудящихся ассирийцев // Известия. 1937. 9 июл.; Бачинський Д.В. Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція. Чернівці, 2010; Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979; Плохотнюк Т. Немецкое население

численности и представленности отдельных этносов на Кубани и Ставрополье.

Однако, начиная с середины 1930-х гг., в национальном вопросе власть переходит от лояльного опыта создания и развития национальных районов к преследованиям и репрессиям в отношении отдельных этнических групп, ликвидации национально-территориальных единиц, что особенно сильно проявилось в 1937–1939 гг.¹ Это существенным образом повлияло на численность и соотношение этнических групп в регионе. На основе данных переписей населения 1926 г. и 1939 г. можно проследить динамику численности народов за межпереписной период (таблица 3.23).

Проведенный анализ позволил нам выделить две группы народов в соответствии с изменениями их численности и удельного веса в составе населения региона. В первую группу вошли народы, численность которых в период 1926–1939 гг. на Кубани и Ставрополье выросла. Это русские, татары, немцы, евреи, мордва.

Для большинства народов в первой группе были характерны высокие коэффициенты прироста, поскольку они сохраняли традиционный тип воспроизводства, отличавшийся высокой рождаемостью. Кроме того они

Северного Кавказа в условиях тоталитарной системы в середине 1920-х – 1930-х гг. // Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики: Материалы конф. М., 1999; Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. В 4-х тт. Т. 1. 1900–1920 гг. Краснодар, 2005; Сивер А.В. Шапсуги: Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002; Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирования, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVIII – конец XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2003; Тверитинов И.А. Национально-территориальное строительство в Северо-Восточном Причерноморье и на Кубани // Этнографическое обозрение. 1992. № 1; Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008; Тер-Саркисянц А.Е. Национальные меньшинства Краснодарского края Российской Федерации: история и современное положение // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. М., 1996.

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 546. Л. 16–18; Д. 560. Л. 5–6; ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 53. Л. 9; Джуха И.Г. Как это было на Кубани... Репрессии против греков Краснодарского края. СПб., 2013; Кропачев С.А. Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов // Проблемы отечественной истории и историографии: сборник научных статей. Краснодар, 2010.

преобладали в миграционных потоках, направлявшихся в регион. Высокие показатели прироста были характерны для греков. В Краснодарском крае их доля в составе населения выросла вдвое, на Ставрополье, напротив, их абсолютная численность и доля в составе населения сократилась. Увеличилась доля еврейского населения, совсем незначительный прирост произошел у немцев. Численность мордвы увеличилась в основном за счет миграционного прироста, в частности в Краснодарском крае на 245%¹.

Таблица 3.23 – Доля отдельных народов в Краснодарском и Орджоникидзевском (Ставропольском) краях в 1926 и 1939 гг., %²

Народы	Краснодарский край		Ставропольский край	
	1926 г.	1939 г.	1926 г.	1939 г.
Русские	41,6	88,1	56,2	82,4
Украинцы	50,3	4,9	30,3	2,4
Белорусы	0,7	0,4	0,3	0,2
Армяне	2,4	1,9	1,1	1,6
Греки	0,7	1,4	0,4	0,1
Немцы	1,1	1,2	1,5	2,3
Евреи	0,2	0,3	0,2	0,4
Прочие	3,0	1,8	10,0	10,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Другую группу образуют народы, численность и удельный вес которых в период между переписями сократились. Это украинцы и белорусы, молдаване, поляки, армяне и проч. Причем численность украинцев и белорусов в регионе сократилась катастрофически. Если в масштабах СССР численность украинского населения сократилась с 21,2% в 1926 г. до 16,5% в 1939 г.³, то на

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л.6; Д. 274. Л. 6; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

² Таблица составлена на основе источников: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; Д. 274. Л. 6; Д. 971. Л. 316; Д. 972. Л. 287; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9... С. 34–51; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966. Л. 1–3, 10–12; Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др.; авт. коммент. Н.А. Араловец и др. М., 1992. С. 59.

Кубани доля украинцев сократилась с 50,2% до 4,9%, т.е. в 10 раз, на Ставрополье более чем в 12 раз с 30,3% до 2,4%¹. Сократилась в более чем в два раза абсолютная численность и доля польского населения Кубани². Убыль народов второй группы стала следствием голода начала 1930-х гг., выселений в ходе коллективизации, репрессий по национальному признаку, а так же активных ассимиляционных процессов.

Этническая структура исследуемых регионов в 1939 г. в результате различных трансформаций приобрела более однородный характер и стала более сходной. Абсолютно доминировали и на Кубани и на Ставрополье русские, доля которых в 1939 г. превышала 80%³. Крупными по численности после русских народами на Кубани были украинцы, армяне, немцы, греки.

На Ставрополье второй по численности после русских этнической группой были карачаевцы – 3,8%. Так же сравнительно многочисленными были группы украинцев, немцев, армян, ногайцев. В целом за счет Карачаевской и Черкесской автономий и близости к другим национальным территориям Северного Кавказа национальная структура Ставрополья отличалась от Кубани большей этнической мозаичностью и значительной долей коренных этносов. Большую полиэтничность Ставрополья подтверждает и тот факт, что доля семи наиболее значительных по численности этносов (русских, украинцев, белорусов, армян, греков, немцев, евреев) в совокупности составляла на Кубани 97% в 1926 г. и 98,2% в 1939 г. и соответственно на группу прочих народов здесь приходилось 3% и 1,8%. На Ставрополье доля тех же семи народов составляла 90 и 89,4% соответственно. То есть категория «прочие» народы здесь насчитывала 10 и 10,6%⁴. Различия

---

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; 274. Л. 6; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

² Рассчитано по тем же источникам.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; 274. Л. 6.

⁴ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; Д. 269. Л. 6; Д. 274. Л. 6; Д. 275. Л. 6; Д. 276. Л. 6; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

в этнической структуре городского и сельского населения на региональном уровне так же имели место. В городах Ставрополья несколько выше была доля русских, а так же армян и евреев. В составе сельского населения, напротив, выше была доля немцев, представителей коренных народов: карачаевцев, ногайцев, адыгейцев (черкесы и адыгейцы)¹, туркмен, калмыков и т.д. (таблица 3.24).

Таблица 3.24 – Национальный состав Орджоникидзевского (Ставропольского) и Краснодарского краев в 1939 г., %²

Народы	Орджоникидзевский (Ставропольский) край			Краснодарский край		
	все население	городское население	сельское население	все население	городское население	сельское население
Русские	82,37	82,66	82,30	88,1	85,02	87,39
Украинцы	2,39	4,40	1,88	4,9	5,37	4,51
Армяне	1,52	4,98	0,64	1,9	3,50	1,38
Немцы	2,34	1,03	2,68	1,2	0,76	1,19
Евреи	0,40	1,41	0,14	0,3	0,77	0,05
Карачаевцы	3,78	1,10	4,45	0,0	0,00	0,00
Адыгейцы	0,88	0,19	1,06	0,3	0,52	2,51
Белорусы	0,18	0,38	0,13	0,4	0,44	0,34
Грузины	0,24	0,44	0,18	0,2	0,28	0,09
Татары	0,37	0,29	0,39	0,2	0,26	0,18
Прочие	5,53	3,12	6,15	2,5	3,08	2,36
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Разработчики переписи 1939 г. отнесли черкесов и нижних черкесов в группу адыгейцев, верхних черкесов к кабардинцам. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 205. Л. 25–34 (Материалы к словарю национальностей по переписи 1939 г.). В результате в сводных таблицах по национальностям в Орджоникидзевском (Ставропольском) и Краснодарском краях в переписи 1939 г. черкесы и адыгейцы объединены в одну группу. См. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 6–8. При разработке материалов переписи 1959 г. в вопросе о национальности и национальном языке черкесы с родным адыгейским языком, также были отнесены к адыгейцам. См.: Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписного листа (о национальности и родном языке). М., 1959 г.

² Таблица составлена на основе источника: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–81, 83–87, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; 274. Л. 6; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

Отмеченное выше отличие национального состава многих городов от национального состава окружающей их сельской местности объясняется тем, что основная часть городов в национальных районах были основаны исторически как опорные пункты постепенно расширяющегося российского государства, как центры административного управления включаемых в него областей. Причем военные и административные, а так же торговые и ремесленные функции в них с самого возникновения выполнялись преимущественно русскими. Приток в такие города местного и другого инонационального населения не только тормозился различиями в языке, но нередко ограничивался административными запретами или трудностями вступления в городские сословия. Особенно наглядно это демонстрирует распределение населения по национальности в населенных пунктах национальных автономий (таблица 3.25).

С точки зрения расселения этнических групп, действие такого универсального принципа, когда развивающиеся города «притягивают», а сельские местности по мере укрупнения производства, механизации интенсификации труда «выталкивают» население, обеспечивая тем самым процесс урбанизации, не является универсальным. Зачастую этот механизм действует избирательно: он оказывается справедлив в отношении одних народов и совершенно не «работает» в отношении других. Процессы урбанизации по отношению к отдельным этническим группам в большей степени оказываются обусловленными не развитием самих городов и их притягивающими факторами, а скорее культурно-бытовыми традициями, национально-хозяйственной специализацией, а также другими причинами, в том числе и историческими особенностями социально-экономического развития конкретных областей и регионов¹.

Замедленно проходил процесс урбанизации среди народов, занимающихся скотоводством кочевого типа и ранее почти совершенно не

---

¹ Козлов В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1982. С. 85.

знакомых с городским образом жизни¹. В регионе к таким народам относились ногайцы, туркмены, калмыки. Массовый переход этих народов к оседлости начался в годы советской власти, но переселение их в города и после этого шло замедленными темпами. В некоторых случаях определенную роль играл религиозный фактор.

Таблица 3.25 – Национальный состав автономных областей Кубани и Ставрополья в 1939 г., %²

Народы	Карачаевская АО		Черкесская АО		Адыгейская АО	
	город	село	город	село	город	село
Русские	64,3	41,3	87,6	45,3	85,7	66,2
Украинцы	5,6	1,2	3,6	1,2	7,7	2,2
Адыгейцы и черкесы ³	0,6	0,3	1,4	24,3	0,0	28,6
Карачаевцы	21,5	48,7	0,8	0,6	0,0	0,0
Абазины	0,7	2,7	1,5	15,3	0,0	0,0
Ногайцы	0,5	0,5	0,5	9,4	0,0	0,0
Армяне	1	0,1	1	0,5	0,1	0,6
Немцы	0,4	0,1	0,6	0,3	1,3	0,1
Осетины	2,1	2,4	0,5	0,3	0	0,1
Прочие	3,3	2,7	2,5	2,8	5,2	2,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Одним из наиболее урбанизированных народов к концу 1930-х гг. на Кубани были евреи (82,2%). Этот статус сохраняется за ними на протяжении всей истории региона в силу существовавшей в 1791–1917 гг. «черты еврейской оседлости», определявшей территории Российской империи, в пределах которых разрешалось жить евреям. Кубань и Ставрополье в черту

¹ Козлов В.И. Указ. соч. С. 86.

² Таблица составлена на основе источника: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 269. Л. 6; Д. 275. Л. 6; Д. 276. Л. 6.

³ Разработчики переписи 1939 г. отнесли черкесов и нижних черкесов в группу адыгейцев, верхних черкесов к кабардинцам: См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 205. Л. 25–34 (Материалы к словарю национальностей по переписи 1939 г.). В результате в сводных таблицах по национальностям в Орджоникидзевском (Ставропольском) и Краснодарском краях в переписи 1939 г. черкесы и адыгейцы объединены в одну группу: См. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6–8; Д. 274. Л. 7–8.

оседлости не входили и здесь, в порядке исключения, разрешалось селиться лишь небольшому числу специалистов, в основном в городах.

Так же городскими жителями были поляки – 60,6%, армяне – 45,1%, грузины – 50,9%, татары – 40,7%, чехи – 35,8%, мордва – 39,3%. Около четверти горожан имели такие крупные этносы как русские – 23,9%, украинцы – 27,9%, белорусы – 29,6%, адыгейцы – 25,3%, греки – 28,7%. Максимальная доля сельских жителей на Кубани была зафиксирована у немцев – 17,1% и молдаван – 13,1%¹.

На Ставрополье соотношение городского и сельского населения в национальных группах в основном было схожим, хотя и имелись некоторые отличия. Здесь также абсолютное большинство еврейского населения проживало в городах – 71,6%. Несколько выше, чем на Кубани, была доля отдельных национальностей в среде городского населения: у армян – 66,3%, украинцев – 37,3%, в тоже время ниже у грузин – 37,8%, мордвы – 24,8%, русских – 20,3%, греков – 18,2%, немцев – 8,9%. Титульные и коренные народы Северо-Западного Кавказа в большинстве своем в 1939 г. были сельскими жителями. Доля горожан среди карачаевцев на Ставрополье составляла 5,9%, ногайцев – 1,6%, чеченцев – 6,0, калмыков – 6,1, адыгейцев и черкесов – 4,3%, абазин – 3,8%, туркмен – 1,2% и т.д. На этом фоне заметно выделялись осетины, имевшие на Ставрополье 15,1% городских жителей и кабардинцы имевшие 17,8%².

Усилившийся в 1930-е гг. процесс урбанизации как в целом по стране, так и в национальных регионах с одной стороны стимулировал приток в города русского и русскоязычного населения. Это определялось задачами ускоренного экономического развития национальных автономий, которые не могли быть выполнены усилиями национальных профессиональных кадров, численность и состав которых еще были недостаточными. Таким образом, вопрос кадрового обеспечения городской инфраструктуры на Кубани и

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 968. Л. 19–27.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 968. Л. 58–66.

Ставрополье и в первую очередь в национальных автономиях: Адыгейской, Карачаевской и Черкесской решался путем привлечения специалистов из числа русского и русскоязычного населения.

С другой стороны, переселению в города инонациональных групп препятствовал языковой барьер, так как полная адаптация в условиях городской жизни требовала не просто знания русского языка, но достаточно хорошего владения им как языком межнационального общения, основным языком научной и технической литературы. Русский язык был так же необходимым инструментом для освоения и выполнения большинства квалифицированных видов деятельности.

В то же время, политика Советской власти в национальном вопросе отличалась неустойчивостью и противоречивостью. Осознавая потребность в привлечении квалифицированных русских и русскоязычных кадров в города национальных территорий, одновременно власти стремились создать условия для закрепления в них и увеличения национальных кадров титульных народов¹.

Как отмечает В.С. Белозеров, в рассматриваемый период «русские сохраняли свою активность в заселении автономий, продолжая расселяться преимущественно в городах. Титульные народы на этом этапе, напротив, осваивали «русские» районы, включенные в состав автономий в ходе земельной реформы 1920–1930-х гг., а так же города в автономиях»².

Наряду с голодом, репрессиями и активными миграционными перемещениями населения в 1930-е гг. этническую структуру меняют и ассимиляционные процессы. Масштабные процессы ассимиляции в данный период были детерминированы трансформацией сознания, в том числе и под влиянием советской идеологии. Политика коренизации, развития и поддержки национальных культур и языков, осуществляемая советской властью в 1920-е гг., оказалась временной уступкой и сменилась политикой направленной на

---

¹ Белозеров В.С. Указ. соч. С. 85–86.

² Там же. С. 65.

унификацию и ассимиляцию, на формирование «советского человека».

Показателем этого служат изменения в сфере языка, и в первую очередь языка родного, как важного признака этнической идентификации, определяющего этническое сознание. Вопрос о родном языке был в программе всех советских переписей, и дополнял вопрос о национальной принадлежности. Как полагает Л.М. Дробижева: «переписи населения фиксировали роль языка в качестве консолидирующего психологического фактора. Категория “родной язык” по сути отражала не реальное языковое поведение, а скорее представление о нем как о языке “своей” этнической общности, т.е. выступала элементом этнического самосознания»¹.

Язык, выступает важным элементом этнического самосознания, а изменения в языковой сфере оказывают непосредственное влияние на изменение этнического самосознания и на этносоциальные процессы в целом. Ю.В. Бромлей выделяет две основные формы этнических процессов: этноэволюционную и этнотрансформационную². В первом случае, как правило, сохраняется национальное самосознание при достаточно заметных внешних изменениях этноса. В ситуации этнических трансформаций наблюдаются глубокие внутренние изменения, в том числе затрагивающие этническое самосознание³. На ход и характер этих изменений могут оказывать влияние различные факторы: социальные, экономические, географические. К числу последних относится и форма расселения, влияющая на ход этнических процессов⁴.

Несмотря на то, что вопрос о родном языке был в инструментарии всех отечественных переписей, в его определении были некоторые различия. В Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. под ним понимался язык, который опрашиваемый считает для себя родным, а уже в советской переписи

---

¹ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычья. М., 1984. С. 57.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 234.

³ Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 235.

⁴ Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки. М., 1978. С. 189.

1926 г. под родным понимался разговорный язык, т.е. язык на котором он чаще всего говорит или знает лучше всего. В переписи 1939 г. уже сам опрашиваемый определял какой язык для него является родным, который мог и не совпадать с его этнической принадлежностью. По такому же принципу строилось и определение языка по переписи 1959 г., дополняя, что если опрашиваемый не может назвать свой родной язык, то название языка записывается по тому языку каким он лучше всего владеет и пользуется в быту¹. Таким образом, материалы переписей 1939 г. и 1959 г. являются сопоставимыми и могут нами в полной мере использоваться в работе.

Различного рода факторы и их комбинации способны определить направление ассимиляционных и консолидационных процессов в национальной среде. Одним из них является характер и форма расселения. В условиях компактного проживания представителей определенных народов существуют благоприятные условия для воспроизводства родного языка и национального самосознания, наблюдаются процессы этнической консолидации. В ситуации дисперсного проживания, малочисленности определенных этнических групп складываются условия для их постепенной ассимиляции, утрачивается потребность в воспроизводстве и широком использовании родного языка. По мнению ряда исследователей языковая ассимиляция выступает первым и чаще всего необходимым этапом ассимиляции этнической. Анализ языковой ситуации в таком случае позволяет отследить направление этнических трансформаций, степень интенсивности данных процессов, хотя и не может однозначно определить их временную протяженность².

В одних случаях ассимиляции могут протекать скоротечно и безвозвратно, в других затягиваться на продолжительное время. Есть примеры ситуаций, когда отдельные этнические группы, проживая в среде других

---

¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 215.

² Козлов В.И. Указ. соч. С. 207.

народов, переходили на язык доминирующего этноса, а затем меняли и свою этническую принадлежность, и самосознание. И, наоборот, этнические группы переходя на язык доминирующей национальности продолжали сохранять свою прежнюю этническую идентичность. Вторым вариантом в регионе демонстрируют цыгане, белорусы, евреи, чехи и др.

В условиях унификации социальных процессов и широкого распространения русского языка, как языка межнационального общения и официального делопроизводства происходит рост лиц представителей нерусских национальностей с родным русским языком. По переписи 1939 г. доля народов Кубани с родным языком не своей национальности увеличилась, но в то же время выросла и доля лиц с родным языком своей национальности: белорусов с 12% в 1926 г. до 33% в 1939 г., мордвы с 43,5% до 62,9%¹. По всей вероятности, это связано с организованной и стихийной миграцией 1930-х гг. представителей данных национальностей в регион с территориями компактного проживания, не затронутых языковой ассимиляцией. Другим фактором, влияющим на процесс языковой ассимиляции наряду с формой расселения, выступает удаленность от основной этнической территории. Для мордвы проживающей в Краснодарском крае доля лиц с родным мордовским языком была 62,1% в городе и 63,4% в селе², в то время как в самой Мордовской АССР – 83,2% в городе и 98,8% в селе³. Существенное сокращение лиц с родным национальным языком с 1926 г. по 1939 г. на Кубани наблюдалось у евреев⁴ с 40,5% до 24,4%, чехов с 80,5% до 69%, поляков с 39,8% до 13,9%. В то же время в сельской местности, в местах компактных поселений, родной национальный язык продолжал иметь широкое распространение у армян – 92,6%, греков –

---

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–85, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

² Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

³ Козлов В.И. Указ. соч. С. 244.

⁴ Основная масса евреев Кубани в качестве родного еврейского языка показывали идиш.

80,1%, немцев – 91,9%, молдаван – 71,6%¹ (рисунок 3.14).

Более интенсивно процессы этноязыковой ассимиляции происходили в городе. Структура советских городов традиционно была полиэтничной, а необходимость использования в межнациональном общении и делопроизводстве русского языка только усиливало эти процессы. Соответственно, доля лиц с родным языком своей национальности в городе была заметно ниже, чем в селе. Относительно незначительный разрыв в доле лиц с родным языком между городом и селом на Кубани наблюдался у русских, проживающих по всей территории края и коренного этноса адыгейцев. У других групп этот разрыв выражен сильнее: на 33% у чехов, 30,1% у немцев, 20,3% у армян, 19% у грузин, 16,2% у татар, 15,7% у белорусов².

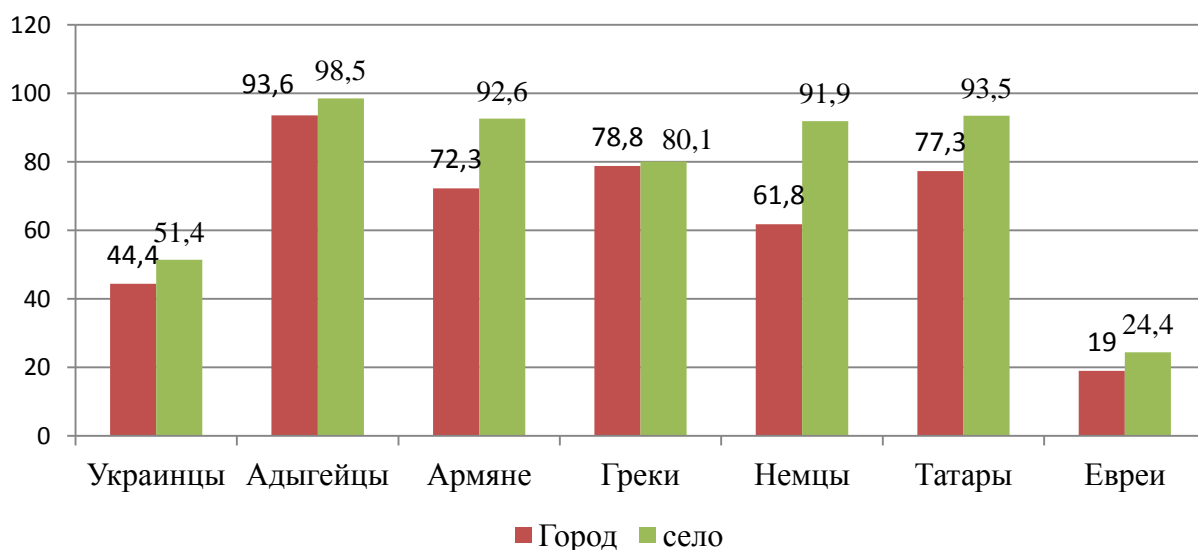

Рисунок 3.14 – Территориальное распределение по национальности и родному языку отдельных этносов в Краснодарском крае в 1939 г., %³

А число сельских жителей Ставрополя с родным языком своей

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5... С. 57–62, 71–85, 91–100, 106, 112, 116 (с учетом административно-территориальных изменений); ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50.

² Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 7–8; Д. 968. Л. 19–36.

³ Рисунок составлен на основе тех же источников.

национальности было выше на: 30,4% у немцев, 26,1% у евреев, 12,2% у украинцев, 11,1% у адыгейцев, 11% у армян¹ (рисунок 3.15).

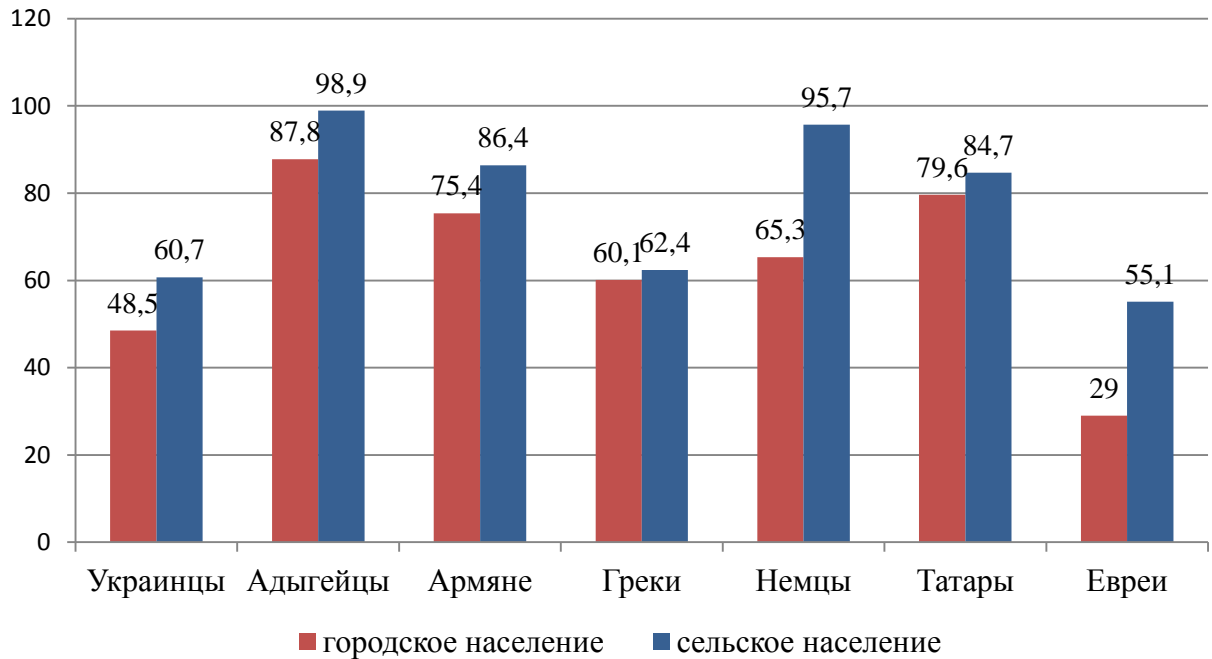

Рисунок 3.15 – Территориальное распределение по родному языку отдельных этносов в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае в 1939 г., %²

Высокая степень социальной и профессиональной мобильности мужчин оказывала влияние на языковую ассимиляцию. Причем эти процессы охватывали не только город, но и село. Так у евреев, грузин, поляков, белорусов Кубани по данным переписи 1939 г. доля мужчин с родным языком своей национальности была достаточно высокой не только в городе, но и в селе.

Этнолингвистические процессы на Ставрополье были во многом схожи с Кубанью, хотя некоторые отличия все же имелись. Так у украинцев и татар процессы языковой ассимиляции больше коснулись женщин, чем мужчин, а среди евреев, наоборот мужчин. В целом на Ставрополье этнолингвистические процессы не имели столь выраженного гендерного характера, как на Кубани,

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 7–8; Д. 968. Л. 58–84.

² Рисунок составлен на основе тех же источников.

что скорее объясняется более низким характером урбанизации населения¹. Динамика этнического состава и специфика демографического поведения этносов и этнических групп в регионе в рассматриваемый период с одной стороны унифицировалась, а с другой стороны данные процессы продолжали развиваться под влиянием внешних факторов, наиболее значительными из которых были Великая Отечественная война, репрессии и депортации по национальному признаку, послевоенный голод. Кроме того, некоторые изменения в этнической структуре стали следствием методических особенностей переписи 1959 г., которая при учете этнической принадлежности опрашиваемых, с одной стороны, учитывала социально-психологические мотивы (как и в 1939 г.), с другой, в классификации был шире представлен генетический момент. В итоге различия в исходных позициях определения национальности повлияли и на конечные результаты переписи.

Материалы переписи 1959 г. указывают на существенные сдвиги, которые произошли за 20-летний период в этническом составе населения регионов. На Кубани и Ставрополье выросла численность русского населения. Удельный вес русских составил к 1959 г. в Краснодарском крае 89,4%, в Ставропольском – 88,5%². Вторым по численности этносом на Кубани оставались украинцы, на Ставрополье – карачаевцы. Это в свою очередь отразилось на соотношении народов в населении Краснодарского и Ставропольского краев (таблица 3.26).

Отличались и темпы прироста у разных народов, на что влияли ряд прямых и косвенных факторов: особенности расселения, преобладающий тип хозяйства, вероисповедание, этнические репрессии и другое. Так высокие темпы прироста за межпереписной период отмечены у белорусов. Причем прирост их на Ставрополье был почти вдвое выше, чем на Кубани.

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 7–8; Д. 269. Л. 6–7; Д. 274. Л. 7–9; Д. 275. Л. 6–7; Д. 276. Л. 6–8; Д. 968. Л. 19–36, 58–84.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566. Л. 15–21, 64–70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 322.

Таблица 3.26 – Доля отдельных народов в населении Краснодарского и Ставропольского краев в 1939–1959 гг.¹

Народы	Краснодарский край		Ставропольский край	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
Русские	86,8	89,4	82,4	85,4
Украинцы	4,7	3,9	2,4	2,3
Белорусы	0,4	0,6	0,2	0,5
Армяне	1,9	2,1	1,6	1,4
Греки	1,3	0,3	0,1	0,7
Немцы	1,1	0,1	2,3	0,1
Поляки	0,1	0,1	0,4	0,1
Адыгейцы	2,0	2,0	0,9	-
Карачаевцы	0,0	0,0	3,8	3,7
Черкесы	-	0,1	-	1,3
Прочие	1,7	1,4	5,9	4,5

Достаточно высокими были темпы прироста у адыгейцев и черкесов. На Кубани также существенно увеличилась численность армян и грузин, тогда как на Ставрополье наблюдается сокращение численности этих народов. Убыль, кроме украинцев на обеих территориях проявилась у таких народов как евреи, немцы, греки и др. Решающую роль в сокращении численности отдельных народов в регионе, наряду с потерями в ходе войны сыграли этнические репрессии и депортации в результате практически на 100% сократилась численность греков и немцев.

На Кубани отрицательный прирост наблюдался у молдаван. На Ставрополье, напротив, их численность увеличилась. У таких этнических групп как грузины, татары, мордва на Ставрополье прирост был отрицательным, в отличие от Кубани. Возможно, произошло определенное перераспределение их между регионами.

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; Д. 269. Л. 6; Д. 274. Л. 6; Д. 275. Л. 6; Д. 276. Л. 6; Д. 968. Л. 19–27, 58–66; Д. 1566. Л. 15–21, 64–70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 322.

Помимо внешних факторов определенную роль в изменении численности тех или иных народов играли процессы воспроизводства, а именно соотношение показателей рождаемости и смертности. У славянских народов: русских, украинцев, белорусов наблюдался низкий естественный прирост, а у народов Кавказа: армян, грузин, адыгейцев, черкесов, карачаевцев и др., наоборот – высокий (таблица 3.27).

Таблица 3.27 – Прирост численности народов Кубани и Ставрополья за 1939–1959 гг., %¹

Народы	Краснодарский край	Ставропольский край
Всего	18,7	-3,5
Русские	22,5	0,1
Украинцы	-4,3	-7,4
Белорусы	76,1	148,2
Грузины	19,0	-36,5
Адыгейцы / Черкесы	13,7	43,6
Армяне	29,3	-13,5
Греки	-70,9	41,3
Татары	6,3	-6,2
Немцы	-86,7	-95,8
Мордва	1,5	-26,1
Евреи	-7,8	-23,8
Молдаване	-32,3	59,3

Низкий уровень урбанизации, эндогамия, ранние браки, занятость женщин – эти и другие факторы оказывали влияние на репродуктивное поведение кавказских (неславянских) народов. Модернизационные процессы в которые славянские народы включаются раньше, повлияли на снижение уровня и возраста брачности и понижение детности². Следствием различий в демографическом и матримониальном поведении так же была неравномерность роста численности представителей разных народов и

¹ Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 6; Д. 269. Л. 6; Д. 274. Л. 6; Д. 275. Л. 6; Д. 276. Л. 6; Д. 968. Л. 19–27, 58–66; Д. 1566. Л. 15–21, 64–70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г... С. 322.

² Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР. (Этнодемографический аспект). М., 1977. С. 26–27.

изменение этнической структуры региона.

Продолжали набирать силу процессы языковой ассимиляции. Война, репрессии, а затем реабилитация и возвратные миграции способствовали активным перемещениям населения, усиливалась полиэтничность городов и сел.

Наиболее активно языковая ассимиляция затронула на Кубани немцев и греков, у которых доля лиц с родным языком своей национальности сократилась в межпереписной период почти в два раза. У греков с 79,7% в 1939 г. до 39,9% в 1959 г., у немцев соответственно с 86,7 до 41,2%, на что оказали влияние и репрессии, т.к. депортация представителей этих народов с территорий Кубани и Ставрополья нарушала сложившиеся поселенческие, семейные и культурные связи, вела к языковой и культурной ассимиляции. У украинцев родным языком назвали украинский в 1959 г. – 40,3% против 49,4% в 1939 г., у татар 57,6 против 87,2%, у мордвы 43,4 против 62,9%, у молдаван 54,2 против 67,7%. Среди белорусов этот показатель практически не изменился и составил в 1959 г. 33,4% против 33,6 в 1939 г.¹

По переписи 1959 г. на Кубани в среднем в качестве родного языка выделяли язык своей национальности 40–60% опрошенных. Заметная языковая ассимиляция происходит у евреев, к 1959 г. только 9,8% указали родной язык своей национальности и поляков, где польский отметили только 12,2%. У отдельных народов, по переписи 1959 г. была зафиксирована высокая доля тех, у кого родной язык и язык национальности совпадали. Это 91,7% адыгейцев, 76,7% армян, 68,7% грузин. Однако, и у них доля лиц с родным языком своей национальности уменьшилась по сравнению с 1939 г.: на 7,9% у грузин, на 6,7% у армян и на 5,6% у адыгейцев².

На Ставрополье к народам с наибольшей долей лиц с родным языком

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 7–8; Д. 269. Л. 6–7; Д. 1566. Л. 15–28; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50; Д. 83. Л. 1–12.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 7–8; Д. 269. Л. 6–7; Д. 274. Л. 7–9; Д. 275. Л. 6–7; Д. 276. Л. 6–8; Д. 1566. Л. 15–28, 64–77; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 49–50; Д. 83. Л. 1–12.

своей национальности помимо русских (99,9% отметили в качестве родного русский язык) можно отнести карачаевцев (99,0%), черкесов (98,5%), абазин (95,8%), народности Дагестана (94,7%). Несколько большая языковая ассимиляция была характерна для кабардинцев (88,3% с родным языком своей национальности), калмыков (89,9%), грузин (71,3%), татар (81,1%). В то же время у части народов к концу 1950-х гг. языковая ассимиляция была выражена гораздо сильнее. Родным языком украинский указали 40,5% украинцев, родным языком язык своей национальности указали 38,6% белорусов, 66,7% армян, 41,1% греков, 41,2% немцев. Наиболее ассимилированным в языковом плане народов в Ставропольском крае по данным переписи были евреи, у которых доля лиц с родным языком еврейским составила 11,4%¹.

По-прежнему повышенной долей лиц, указавших родным язык не своей национальности (преимущественно русский) отличалось мужское население, а так же горожане. В местах компактного расселения этносов и этнических групп в регионе сохранял свои позиции национальный язык. Появившиеся во второй половине 1950-х гг. новые миграционные возможности, приводили к оттоку молодежи из села в город, и соответственно, снижению роли и значения национального языка и широком распространении русского языка как языка межнационального общения, делопроизводства и образования.

На процессы языковой ассимиляции народов Кубани и Ставрополя существенное влияние оказывала и удаленность от территории исторического проживания. Удаленные от метропольной территории «западные» народы: поляки, белорусы, чехи, греки и др. показывают более высокую степень ассимиляции, чем «южные»: коренные этносы – адыгейцы, черкесы, карачаевцы и другие народы северо-кавказского региона, а также армяне, грузины, азербайджанцы, крымские татары².

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 7–9; Д. 275. Л. 6–7; Д. 276. Л. 6–8; Д. 1566. Л. 64–77.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566. Л. 15–21, 64–77.

К концу 1950-х гг. состав населения Кубани и Ставрополя становится более полиэтничным как в городе, так и в селе. Наиболее многонациональными были административные центры Краснодар и Ставрополь, а также крупные города, расположенные в курортно-рекреационной зоне, транспортные и экономические центры. В Краснодарском крае это города расположенные на Черноморском побережье – Новороссийск, Сочи, Туапсе, Анапа, Геленджик, а в Ставропольском в районе Кавказских Минеральных Вод – Пятигорск, Кисловодск, Минеральные Воды и др. Изменение этнической структуры городов Кубани и Ставрополя в сторону большей полиэтничности шло также за счет постепенно нараставших миграций титульных этносов из села в город. Начавшийся период либерализации «хрущевская оттепель» приводит к существенному увеличению национального компонента в государственных управленческих структурах, культуре, образовании, торговле, сфере обслуживания.

Таким образом, в этнической структуре населения Кубани и Ставрополя в рассматриваемый период произошли кардинальные изменения, в числе которых наиболее значимым стало существенное сокращение численности украинского населения и увеличение абсолютной и относительной численности русских. Русское население стало доминирующим в обоих регионах. Решающую роль в этих изменениях сыграл процесс ассимиляции, а также голод начала 1930-х гг., депортации в ходе раскулачивания и компенсаторные миграции.

В результате этнических репрессий и депортаций ряд этнических групп проживавших на Кубани и Ставрополье фактически прекратили свое существование. С увеличением абсолютной численности русских и их доли в составе населения снижается доля прочих национальных групп в Краснодарском и Ставропольском краях и национальных автономиях, усиливается влияние русского языка и культуры, активизируются процессы ассимиляции.

Наиболее активно в рассматриваемый период у народов Кубани и Ставрополья шли процессы языковой ассимиляции. Увеличивалась доля лиц отмечавших в качестве родного языка русский, в том числе и среди титульных народов. Сильнее процессы языковой ассимиляции шли в городах, а так же в среде мужского населения. Однако постепенно они усиливаются и в сельской местности (в том числе и в национальных автономиях) которая становится с одной стороны, более полиэтничной благодаря миграциям, с другой, в результате развития системы образования и культуры.

Наряду с общими процессами сохранялись определенные различия в этнической структуре Краснодарского и Ставропольского краев. Население Ставрополья отличалось большей полиэтничностью, здесь выше была доля представителей коренных этносов Северного Кавказа. Для Кубани был характерен, с одной стороны, значительный украинский компонент, с другой, большая чем на Ставрополье доля русского населения. Также здесь существовали значительные по численности этнические группы, компактно проживавшие в пределах практически моноэтнических населенных пунктов.

В целом трансформации национальной структуры происходили в русле унификации и нивелирования этнических компонентов, усиления демографического, языкового и культурного русского влияния, что могло обеспечить более быструю модернизацию.

4. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ в 1930–1950-е гг.

4.1. Переселенческая политика Советского государства в 1930-е гг. и ее реализация на Кубани и Ставрополье

Модернизация советского общества и связанные с ней политические и народно-хозяйственные задачи существенно повлияли на миграционную мобильность. Население страны было вовлечено в добровольную и вынужденную «индустриальную миграцию», которая с конца 1920-х гг. переходит под жесткий контроль со стороны государства. Активно применяется административный подход к управлению миграционными потоками, государство берет под свой контроль перемещение трудовых ресурсов с целью решения экономических задач. Необходимость такого подхода отмечал еще В.И. Ленин: «Необходимое в целях планомерного развития народного хозяйства максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти...»¹.

Такое перемещение осуществлялось не только в принудительном порядке посредством квот, разнарядок и т.п., но и с помощью различных стимулирующих механизмов. Зачастую создавались условия, при которых миграция в трудонедостаточные регионы, на стройки индустриализации, была возможностью повысить свой профессиональный и социальный статус, а в ряде случаев и просто сохранить свободу.

---

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 16 т. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова. М., 1967. Т. 1. С. 134.

Организованные миграционные перемещения были направлены и на решение стратегических задач в рамках «доктрины безопасности». Разработанная в конце XIX в. военными статистиками А. Макшеевым, Н.Н. Обручевым, В.А. Золотаревым, она исходила из географического распределения и соотношения «благонадежного» и «неблагонадежного населения» в конкретной местности¹. В целях обеспечения безопасности государство имело исключительные права по перемещению населения, в том числе и принудительному.

Одним из первых крупных административных миграционных перемещений стала высылка раскулаченных в ходе коллективизации крестьян в северные и восточные районы СССР. Правовое обеспечение этих мероприятий обеспечивал ряд документов центральных и региональных органов государственной власти: «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. ЦК ВКП(б), «О сплошной коллективизации Северного Кавказа» от 27 ноября 1929 г. Северо-Кавказского крайкома ВКП(б); «О конфискации имущества, выселении и расселении кулаков» от 4 февраля 1930 г. и др.²

Но они давали довольно расплывчатое определение понятию кулак, что в свою очередь привело к субъективной оценке принадлежности к кулачеству и лояльности советской власти. Вместо предполагаемых 3–5% хозяйств в стране, под раскулачивание попали более 15% хозяйств³, что составляло не менее 2 млн чел.

В мае 1930 г. коллективизация крестьянских хозяйств в Северо-Кавказском крае составила 55,2%, существенно увеличившись по сравнению с 19% в 1929 г. Край лидировал, выполняя задачи перехода к сплошной коллективизации. Наиболее близкие показатели были на Юге Украины –

---

¹ Полян П.М. Не по своей воле... С. 27.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 457. Л. 33–38об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 776. Л. 14; Оп. 162. Д. 8. Л. 64–67; Сборник материалов по вопросам сплошной коллективизации сельского хозяйства края. Ростов н/Д, 1930. Вып. 1. С. 14; Молот. 1929. 6 дек.

³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 75–76.

45,4% и Нижней Волге – 34,8%¹. К августу 1931 г. Северо-Кавказский край наряду с Украиной, Нижней Волгой и Крымом охватил коллективизацией уже 68–70% крестьянских хозяйств². Этим был обусловлен и довольно большой процент кулаков среди жителей Кубани и Ставрополья, как территории сплошной коллективизации.

Обращаясь к вопросу о том, существовало ли кулачество как реальная группа, идеологически настроенная против советской власти, или это исключительно продукт советской идеологической машины, выделим важное, на наш взгляд, положение, высказанное И.Г. Яковенко: «Крестьянское традиционное общество было архаичным. Представитель такого общества втягивается в рынок или в данном случае в индустриализацию довольно медленно и болезненно. Дозревший до рынка традиционный человек обретал мощные конкурентные преимущества по отношению к своим соседям – архаикам, которые в скором времени превращаются в его батраков. Так начинается классовая борьба в деревне»³. Это противостояние и использовала советская власть в деревне, реализуя программу ликвидации кулачества как класса.

Согласно циркуляру НКЮ РСФСР от 3 февраля 1930 г. кулаки были разделены на три категории⁴, в отношении которых были предусмотрены различные меры силового воздействия, в том числе переселение в трудонедостаточные районы с суровыми климатическими условиями.

С территории Северо-Кавказского края было запланировано к переселению на Северный Урал до 15 февраля 1930 г. – 20 000 чел., но затем из-за неподготовленности цифра была сокращена до 10 000 чел.⁵

3 февраля 1930 г. в шифротелеграмме секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева говорится: «В связи с близостью сева и

---

¹ Колхозы в 1929 г.: Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931. С. 14.

² Турчанинова Е.И. Указ. соч. С. 245.

³ Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 81.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 75–76.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 10.

массовых бегств кулаков мы решили ускорить операцию для переселения ... установили четыре очереди, первую идут Кубань, Армавирский, Терский, Майкопский, где операции начинаются седьмого февраля»¹.

Поставленный план был перевыполнен – было переселено 10 595 семей (51 577 чел.), из них 15 778 чел. – мужчины, 15 233 – женщины, 20 566 – дети². Переселению подвергались уже раскулаченные крестьяне «не имеющие минимальной нормы продовольствия и средств производства»³. Это, наряду с недостатком теплой одежды в суровых климатических условиях северного Урала, увеличивало их смертность.

Развернулось пропагандистское движение за выселение: «Мы требуем немедленно выселить кулаков из пределов края» писали в газету «Правда» жители ст-цы Абинской Северо-Кавказского края⁴. На общем собрании ст-цы Гривенской было принято решение «... единоличных хозяев лишить усадебных мест и переселить их из ст-цы Гривенской за пределы Северо-Кавказского края»⁵. Об искренности таких заявлений, конечно, говорить сложно. Архивные документы показывают и другую позицию: «Необходимо отметить, что в ряде мест имелись такие отрицательные моменты: отклонение списков выселенных на собраниях, групповые и массовые выступления в защиту кулачества, недопущение выселения, проявление панических настроений и выражение сочувствия к кулачеству»⁶.

Отчетные документы показывают, что в ходе коллективизации отмечалось массовое добровольное вступление крестьян в колхоз. Это подавалось как правильное понимание крестьянами государственной политики, но вероятнее всего, людей на такие действия толкали соображения безопасности. Так в селе Овоци (Ставрополье) секретарь местной партийной

---

¹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2005. Кн. 1. № 193-30. С. 58.

² ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 54.

³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 14.

⁴ Правда. 1930. 27 февр.

⁵ ГАКК. Ф. Р-580. Оп. 1. Д. 436. Л. 7–8.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 22; ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 753. Л. 91.

ячейки на одном из собраний заявил, что «кто не войдет в колхоз, тому не дадим ни земли, ни воды, а то и на Соловки сошлем»¹.

Часть крестьянства еще до начала операций по выселению начинает бежать из мест постоянного места жительства. По оперативным данным «до 25 апреля 1930 г. бежало 20 433 кулака, из них 3 184 с семьями. 8 305 чел. было задержано, из них 652 с семьями. Местами наибольшего “притяжения” бегущих явились промышленные центры и отдельные местности СССР (Сибирь, Украина, Туркестан, Кавказ, Донбасс, Средняя Азия, Северный край, Алтай, Татарская и Башкирская республики), в надежде поступить на крупные предприятия или заняться каким либо ремеслом и экономически окрепнуть»². Но каких-то экстренных мер по поимке бежавших не предпринимается, пополняя ряды рабочего класса они решали кадровую проблему на стройках индустриализации.

Ставрополье, в отличие от Кубани, не только было регионом, откуда высылались представители кулачества, но и являлось местом спецпоселения для высланных из других регионов кулаков. Ссылные размещались в засушливых степных районах: Прикумском, Арзгирском и Воронцово-Александровском³, где была образована самая крупная на Северном Кавказе Дивенская спецзона.

По преимуществу туда направлялись выселенные из районов Северо-Кавказского края в августе-сентябре 1930 г. кулаки 3-й категории – 11 854 хозяйств, в том числе из: Донецкого округа – 1 173, Шахтинского – 833, Сальского – 628, Ставропольского – 1 101, Терского – 1 365, Донского – 1 571, Кубанского – 2 535, Армавирского – 1 356, Майкопского – 1 069, Черноморского – 223, Адыгее-Черкесской области – 200 хозяйств.⁴ Из них 9 820 семей были направлены в Дивенский массив и 1 365 семей в

¹ Турчанинова Е.И. Указ. соч. С. 197.

² ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 26–27.

³ В результате активно проводившихся в 1930–1940-е гг. административных преобразований Дивенская спецзона территориально входила и в другие районы Ставропольского края.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 138.

Арзгирский¹. В Дивенскую спецзону направлялись раскулаченные крестьяне и из других регионов Юга России и к концу 1930 г. здесь было размещено 62 727 чел.² Раскулаченные составляли значительный процент жителей этих территорий, так в 1940 г. в Апанасенковском районе (центр с. Дивное) спецпоселенцы составляли 60,2% населения³.

Несмотря на то, что Кубанский округ лидировал по числу выселенных, для него и Черноморского округа было намечено дополнительное переселение 15 000 чел.⁴ В 1931 г. число выселенных с территории Северо-Кавказского края увеличилось и составляло уже 27 809 семей (120 356 чел.)⁵. Всего за 1930–1931 гг. с территории Северо-Кавказского края было выселено 38 404 семьи, в том числе в том числе за пределы края (Урал) – 67,7%, в пределах края – 32,3%⁶. На 1932 г. намечено переселение еще 3 000 семей⁷.

Существовала также практика выселения за пределы СССР, на Кубани и Ставрополье она коснулась отдельных иностранных подданных⁸.

Даже в случае развода члены семьи кулака не могли вернуться на прежнее место жительства самостоятельно, а должны были подать соответствующее заявление. Так в документе ГАСК брата Семененко просят вернуть свою разведенную сестру из Дивенской спецзоны: «Просим Вашего ходатайства вернуть на место жительства в село Родыки Улиту Васильевну Бугунову, в настоящее время Семененкову, так как она получила свидетельство о прекращении брака с мужем Бугуном И.И. ... она середнячка Бугуновым имуществом не пользовалась ... и потому мы считает, кто этим хозяйством пользовался и роскошно жил, тот пусть эту чару и пьет»⁹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 158.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 143 (со ссылкой на секретаря Ставропольского Крайкома А. Орлова).

³ Рассчитано по: ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 753. Л. 37.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 158; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 399. Л. 23.

⁵ «По решению Правительства Союза ССР...»: сборник... № 1.37. С. 91–92.

⁶ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 207.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 464. Л. 93.

⁸ Джуха И.Г. Как это было на Кубани... С. 30.

⁹ Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930–1940 г... № 306. С. 369.

Советская власть вырабатывает критерий благонадежности, делит население на своих и чужих. Чужие, в данном случае – кулаки, переселяются в заведомо неплодородные местности, а свои – трудовое крестьянство, на плодородные земли¹. По свидетельству документов «при внутрикраевом переселении кулаки выселялись в наиболее отдаленные и неурожайные села и станицы недородных районов Ставропольского и Сальского округов»², а на их место (Армавирский, Майкопский и Кубанский округа) переселяется трудящееся население из недородных районов и «им создаются благоприятные условия на новых местах»³, причем при переселении они занимают дома и имущество выселенных кулаков⁴.

Но и одни и другие были не свободны в своих перемещениях, государство, в соответствие с политическими и военно-стратегическими задачами, определяет, кто и куда должен быть переселен. Административный подход к управлению миграциями до середины 1950-х гг. останется приоритетным.

В сложившихся условиях начинается бегство населения из станиц, попавших в зону сплошной коллективизации. «Домов пустых становилось все больше и больше. Удирали из села уже и те, кому не грозила высылка, кто попал в категорию зажиточных и середняков. Бросали дома, скот, имущество... ночью, как воры, тайно покидали родные гнезда. На дорогах стояли уже милицейские посты, но беглецы обходили их по глухим зимним степям, по бездорожью. Цеплялись на товарные поезда и уезжали, кто куда смог. Большинство из них осело в Ростове, в Шахтах»⁵. Стремительное сокращение численности трудоспособного населения вынуждает власть предпринимать шаги по предотвращению бегства из станиц, организовывать проверки и облавы⁶.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 862. Л. 26; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 3184. Л. 32, 43.

² Политбюро и крестьянство... № 194-47. С. 251–252.

³ Политбюро и крестьянство... № 194-47. С. 251–252.

⁴ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание... С. 110.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 34–39.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 67. Л. 20–21; Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 87.

Постепенно приходило отрезвление, бедняки и батраки, ранее выступавшие за выселение, начинают давать положительные отзывы о кулаках, ходатайствовать об их освобождении. В политдонесениях появляется информация о сращивании кулаков с беднячеством, усилении позиций религии, о желании выйти из колхоза. Отмечается сокращение трудоспособного населения в станицах и селах, рост упаднических настроений. В конце 1934 г. незначительная часть спецпоселенцев Северо-Кавказского края была восстановлена в правах и возвращается в места прежнего проживания¹.

Следующий этап принудительных крестьянских переселений пришелся на 1932–1933 гг. и был связан с кризисом хлебозаготовок в основных зерновых районах страны. Невыполнение плана хлебозаготовок 1932 г. грозивших срыву планов индустриализации приводит к использованию государством репрессивных мер экономического и административного воздействия, в том числе: занесение на «черные доски» (списки враждебно настроенных) и выселение «саботажников».

В постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 4 ноября 1932 г. отмечалось, что жители станиц, занесенных на «черную доску»: Новорождественской Тихорецкого района, Медведовской Тимашевского района и Темиргоевской Курганского района, должны быть предупреждены о том, «что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок краевыми организациями будет поставлен перед правительством вопрос об их выселении из пределов края в северные области и заселении этих станиц добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях»².

Было вынесено «последнее предупреждение районам, наиболее позорно проваливающим сев и хлебозаготовки» и в отношении их приняты пока лишь

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 14.

² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 214. Л. 163–164.

частичные меры воздействия¹.

В оперсводках ОГПУ фигурирует ст-ца Полтавская как «наиболее контрреволюционно активная», «возглавляющая контрреволюционную организованную деятельность в районе» и др. Подчеркивалось, что на территории станицы действовали крупные банды и контрреволюционные организации².

Направленный на Северный Кавказ для решения проблемы хлебозаготовок секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович выступая на собрании в ст-це Полтавской, открыто угрожал станичникам выселением: «Что же от вас, полтавцев, станичников передать правительству...? Если мы увидим, что в станице начался перелом, по честному сдают имеющийся хлеб, мы пойдем навстречу, поможем вам. Если нет, советская власть найдет достаточно силы и крепости, чтобы переселить срывающих государственные задания на север, а на их место переселить с севера трудолюбивых крестьян. Кубанские земли – прекрасные земли, они не заслуживают такого обращения с ними, как это делаете вы. Так засорить кубанские земли, это ганьба (т.е. позор)»³.

Эти угрозы получили конкретную реализацию в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», где рассматривалось положение в ряде станиц Кубани «продолжающих злостно саботировать хлебосдачу и сорвавших сев», в отношении которой планировалось применение репрессивных и ограничительных мер, в том числе высылку организаторов саботажа, и ст-це Полтавской, обвиненной в злостном саботировании всех хозяйственных инициатив Советской власти и высылке всех жителей станицы из пределов края. Исключение составляли отдельные жители станицы «доказавшие на деле свою преданность Советской власти»⁴.

---

¹ Молот. Ростов н/Д, 1932. 5 нояб.

² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 90–92.

³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 38.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2277. Л. 115–116; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 466. Л. 178–180.

29 декабря 1932 г. Г.Г. Ягода докладывает И.В. Сталину об окончании «операции по выселению из станицы Полтавской Северо-Кавказского края 2 158 семей (9 187 чел.) и отправление переселенных на Урал для последующего размещения и трудового использования»¹.

По данным Е.Н. Осколкова к середине января 1933 г. было выслано с территории Кубани 63,5 тыс. чел., в том числе из станиц: Полтавской, Медведовской и Урупской 45,6 тыс. чел. (из проживавших к тому времени 47,5 тыс. чел.), Уманской – 6 тыс. чел., Ново-Рождественской, Платнировской, Бейсугской и Пластуновской – 10 тыс. чел. и др.²

Примененные репрессивные меры привели к тотальному изъятию зернопродуктов у оставшегося населения и начавшемуся в 1933 г. голоду в ряде районов Кубани и Ставрополья.

Чем же была обусловлена такая жесткость в отношении населения станиц? Архивные документы показывают, что продовольственная ситуация действительно была достаточно сложной, хлеба не хватало не только на сдачу государства, но и вообще на пропитание. Многие руководители, в том числе и первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) Б.П. Шеболдаев обращались с предложением об отсрочке выполнения планов хлебозаготовок. Но советское и партийное руководство страны не собиралось идти на уступки, так как от сбора урожая в основных сельскохозяйственных районах, к числу которых относились Кубань и Ставрополье, напрямую зависела реализация планов индустриализации.

По данным ЦУНХУ Госплана СССР зерновые культуры³ составляли основную долю экспорта, их процент в составе прибыли в 1930 г. был 19,9%, 1931–19,4, 1932 г. – 10%, что существенно больше, чем других экспортных товаров. Следующие позиции по доле прибыли занимали пушнина (1930–

---

¹ Политбюро и крестьянство... № 196-72. С. 568.

² Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933: Хлебозаготовки... С. 55–56.

³ В авторских расчетах представлена только прибыль по категории «зерновые культуры» и не учитываются другая продукция сельского хозяйства, отправляющаяся на экспорт.

7,4%, 1931–6,9%), пиломатериалы (1930–8,4%, 1931–8,3%) и нефтепродукты (1930–12%, 1931–10,8%) (таблица 4.1).

Таблица 4.1 показывает существенное снижение прибыли от продажи зерновых культур в 1932 г. до 10%. Увеличение доли прибыли от продажи нефтепродуктов до 14,3% не могли изменить общей тенденции снижения экспорта. В 1930 г. общая прибыль от экспорта товаров составила – 1 03 6371 тыс. руб., в 1931 – 811 210, а в 1932 г. – 563 884 тыс. руб.¹

Таблица 4.1 – Из сведений ЦУНХУ СССР о вывозе из СССР главнейших товаров за 1928/29–1932 гг. и получение прибыли от их продажи, %²

Годы	Зерновые культуры	Пушнина	Пиломатериалы	Нефтепродукты
1928–1929	1,8	12,4	8,8	11,6
1930	19,9	7,4	8,4	12
1931	19,4	6,9	8,3	10,8
1932	10	7,4	7,8	14,3

В 1933 г. сельхозпродукты составляли 35,3% экспорта, а 64,7% приходилось на товары промышленного назначения (сырье), в том числе на лес – 10,3%³. Некоторая корректировка основных экспортных товаров выявила и существенные критерии отставания по этим показателям. Так по лесозаготовкам выявился «ничтожный уровень механизации трудоемких процессов», вследствие чего план лесозаготовок 1931 г. был выполнен на 61,7%⁴.

Вербовка на лесозаготовки была неудовлетворительной и составляла только 86,1% от плана, в некоторых отраслях недокомплект рабочей силы составлял до 55%. Большие трудности вызывало привлечение и удержание на лесозаготовках больших масс рабочих⁵. В сложившейся обстановке И.В. Сталин делает вывод: «от политики самотека надо переходить к политике

¹ Рассчитано по: Социалистическое строительство СССР... С. 382–385.

² Таблица составлена на основе того же источника.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 48. Л. 36.

⁴ Рассчитано по: История индустриализации СССР... № 25. С. 289.

⁵ История индустриализации СССР... № 39. С. 443, 445.

организованного набора рабочих мест для промышленности»¹. Также одним из путей решения проблемы виделось активное привлечение к этому виду деятельности заключенных. Рабочие руки требовались также и в черной металлургии, хлопководстве и других отраслях².

Функции вербовки и отправки рабочих на предприятия были возложены на колхозы, которые не были заинтересованы в потере рабочих рук и возможности этому препятствовали. На стройки и предприятия, как правило, выезжали мужчины, а женщины и дети оставались в колхозе и напрямую зависели (в том числе и в продовольственном отношении) от воли колхозного руководства. Обращения колхозников отправленных на работу в Свирьстрой, наглядно демонстрируют эту проблему: «председатель нашего колхоза тов. Моисеенков Петр обругал нас всякими нахальными и срамными словами и категорически сказал, что я здесь вашими женами и семьями распоряжусь как мне захочется, всех поразграблю. “Вези их, этих паразитов, – (обращение к вербовщику), – чтобы они не вернулись, а я их поразграблю здесь и их семьям ничего не дам и дальше к своим холупам не вернетесь, я их здесь пожгу на дрова”»³.

Такое положение дел обуславливало большую текучесть кадров: на 26 важнейших стройках СССР за май–август 1931 г. было принято 124 140 рабочих и убыло за то же время 102 492 (82,6%)⁴.

Наряду с государственной миграционной кампанией осуществляется и стихийная миграция из мест охваченным голодом и репрессиями.

Пытаясь остановить стихийный характер переселений, власть принимает ряд ограничительных мер: «ЦК ВКП и Совнарком СССР предписывают крайкому, крайисполкому и ПП ОГПУ Северного Кавказа не допускать массовый выезд крестьян из Северного Кавказа в другие края и въезд в

---

¹ Трубников С. Источники комплектования рабочей силы в СССР // Проблемы экономики. 1939. № 6. С. 149.

² История индустриализации СССР... № 25. С. 289, 308.

³ История индустриализации СССР... № 39. С. 428.

⁴ Рассчитано по: История индустриализации СССР... № 39. С. 441.

пределы края из Украины... , арестовывать пробравшихся на север «крестьян» Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных в места их жительства»¹.

Издаются постановления местных советских и партийных органов по предотвращению бегства крестьян: «... немедленно развернуть всю систему мер борьбы с бегством: выделить в помощь райотделению ОГПУ и милиции проверенный актив и комсомольцев; организовать заслоны на выходах из станций и ж/д станциях не допуская ни одного случая бегства»²; «к лицам убегающим и пытающимся убежать принимать самые строгие меры судебного воздействия вплоть до расстрела»³.

Домоуправления и частные владельцы домов в городской местности при прописке граждан, прибывших из сельской местности, в обязательном порядке должны были требовать справку сельсовета об их социальной принадлежности и причинах выбытия в город⁴.

Но репрессии и голод охватили и городское население, в 1933 г. наблюдается резкое сокращение миграционного прироста в городах Кубани и Ставрополя (таблица 4.2).

Таблица 4.2 наглядно показывает изменившуюся в 1933 г. ситуацию. В число городов Кубани и Ставрополя, где население увеличилось, попали только Кисловодск (на 4 627 чел.), Майкоп (на 1 710 чел.) и Минводы (на 1 007 чел.).

Наиболее существенная миграционная убыль в 1933 г. наблюдается в Краснодаре (-2 717 чел.) и Новороссийске (-1 868 чел.), притом, что здесь в 1932 г. наблюдался и самый высокий миграционный прирост, в Краснодаре – 23 824 чел. и в Новороссийске – 9 755 чел. Это соотносится с географией голода и репрессивных мер в ходе кризиса хлебозаготовок 1932 г.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 80. Л. 9–11; Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 106.

² ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 67. Л. 20–21.

³ ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 87.

⁴ Мальцева Н.А. Указ. соч. С. 139.

Таблица 4.2 – Миграционные процессы в отдельных городах Кубани и Ставрополья в 1932–1933 гг.¹

Города	1932			1933		
	прибыло	выбыло	всего	прибыло	выбыло	всего
Новороссийск	29868	20113	9755	20537	22405	-1868
Краснодар	68163	44339	23824	27258	29975	-2717
Кропоткин	7504	5608	1896	4661	5413	-752
Майкоп	7889	6554	1335	6581	4871	1710
Ессентуки	41945	41138	807	37924	38404	-480
Пятигорск	46467	42830	3637	28561	29628	-1067
Баталпашинск (Черкесск)	2021	578	1443	1139	1169	-30
Кисловодск	94880	89150	5730	82566	77939	4627
Минводы	7282	2581	4701	4196	3189	1007
Ставрополь	19111	12395	6716	4950	4979	-29

Северный Кавказ в этот период выступает регионом-донором. Можно сказать, что раскулачивание, расказачивание, репрессии, депортации, голод не только сократили численность населения, но и подтолкнули его к движению. Более безопасной была миграция в крупные индустриальные центры, где в меньшей степени искали врагов народа. Такие враги виделись скорее в традиционном обществе, в крестьянине как носителе старых дореволюционных традиций, а переселение, репрессии должны были уничтожить его как уже отживший себя класс.

В следствие репрессивных мер в ходе коллективизации численность крестьянства существенно уменьшилась. Известный ученый-аграрник Н.А. Ивницкий приводит конкретные цифры: «...за время коллективизации численность крестьянских хозяйств уменьшилась на 5,7 млн или примерно на 25 млн чел. В колхозах к лету 1937 г. числилось 18,5 млн хозяйств, или 93% оставшихся к тому времени крестьянских хозяйств и 72,3% к числу имевшихся к началу сплошной коллективизации. Объясняется это как миграцией сельского населения в города и промышленные центры, так и ликвидацией

¹ Таблица составлена на основе источников: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 240. Л. 25–48.

части крестьянских хозяйств в результате раскулачивания. В течение 1929–1937 гг. было раскулачено в связи с коллективизацией и другими хозяйственно-политическими кампаниями (налоговыми, заготовительными и т.п.) не менее 750 тыс. крестьянских хозяйств, кроме того, примерно 200–250 тыс. хозяйств “самораскулачились”, т.е. распродали или побросали свое хозяйство и ушли из деревни. Следовательно, прямому или косвенному раскулачиванию в 1929–1937 гг. подверглись почти один миллион крестьянских семей, что в целом составило 5–6 млн человек. Это была трагедия советской деревни, пагубные последствия которой продолжали сказываться долгие годы»¹.

Всю трагедию ситуации начинает осознавать и власть. Сокращение численности населения в местах сплошной коллективизации создало экономические проблемы для развития этих регионов, при том, что сельское хозяйство должно было стать экономической базой индустриализации.

Издаются постановления, направленные на ограничение массовых выселений крестьян², но восстановить сократившуюся численность эти меры уже не могли. Решить демографическую проблему в районах Северо-Западного Кавказа потерявших население в результате коллективизации и хлебозаготовок 1932 г. власти пытаются путем компенсаторных миграций³.

Основным «поставщиком» идеологически подготовленных кадров для переселения становится Красная Армия. Именно армия, со строгой дисциплиной и политической подготовкой становится мощнейшим институтом коммунистического воспитания молодых выходцев из деревни. Этому способствовала и большая пропагандистская кампания развернувшаяся в средствах массовой информации: «Переселяется наиболее активная часть крестьян... еще будучи в рядах Красной Армии, многие из них становятся пионерами новой, не только хозяйственной, но и бытовой жизни»⁴, «Красная

---

¹ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР... С. 30.

² ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 66а. Л. 22, 22об.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 482. Л. 36.

⁴ Баранов М.Э. Переселение и коллективизация. М., 1929. С. 69.

Армия, руководимая партией Ленина и Сталина, воспитала великолепных людей, новых людей нашей великой эпохи, стоящих на передовых позициях построения бесклассового социалистического общества»¹.

Начало использования Красной Армии было положено Постановлением РВС РСФСР от 30 января 1930 г. «Об участие Красной Армии в колхозном развитии страны»², в котором говорилось, что все демобилизованные красноармейцы должны направляться для развития колхозного строительства страны. Уже 2 октября 1932 г. И.В. Сталин в письме к Л.М. Кагановичу говорит об организации агитационной работы среди красноармейцев и подготовке к переселению их на Северо-Западный Кавказ³.

Вопрос о переселении поднимали и сами военные. Заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом В.М. Примаков в октябре 1932 г. высказывал предложение о заселении пустующих земель Дона и Кубани демобилизованными красноармейцами: «... и земли перестанут пустовать, будут хорошо обработаны, и политическое лицо этих станиц изменится»⁴.

Эта инициатива была поддержана РВС СССР и 20 декабря 1932 г. принимается секретная директива № 97299 об отправке демобилизованных красноармейцев в ряд кубанских станиц⁵. Кроме того Северо-Кавказский край попал под государственную программу строительства красноармейских колхозов в районах пограничной полосы и предоставления им соответствующих льгот и преимуществ⁶.

Всего на 1933 г. было запланировано строительство 4 975

---

¹ Скурихин М. Победители степи // Красноармеец, Краснофлотец: Массовый журнал ПУРККА. 1933. № 19–20. С. 15; Петров Д. Переменник Герасименко // Там же. № 15. С. 14.

² Генкина Э.Б. Борьба за победу колхозного строя в деревне // Историк – марксист. 1940. № 12 (88). С. 56.

³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис и др. М., 2001. № 376. С. 370.

⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 213.

⁵ Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация... С. 247.

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 479. Л. 63; Д. 467. Л. 11.

красноармейских колхозов в РСФСР¹. 7 января 1933 г. издается Директива Наркома земледелия СССР Яковлева № 10/11мс о переселении красноармейцев в колхозы Северо-Кавказского края².

Первоначальный, утвержденный в сентябре 1933 г., план предполагал переселение 12 000 демобилизованных красноармейцев и членов их семей с территориальным распределением по районам Азово-Черноморского края: 1 200 чел. – Славянский район, 2 100 – Краснодарский, 1 150 – Тихорецкий, по 1 000 Тимашевский и Ейский, 900 – Старо-Минский, по 800 – Усть-Лабинский и Павловский, 600 – Кореновский, по 500 – Армавирский, Брюховецкий и Куцевский, 250 – Курганинский и 200 чел. – Кропоткинский район³.

Переселенцы-красноармейцы направлялись из всех военных округов, наибольшее число выделили Московский – 4 720 семейств (19 264 чел.) и Белорусский – 4 714 семейств (18 231 чел.) военные округа⁴.

Всем членам семей переселенцев выдавались пособия в размере 100 руб. на человека, причем еще в месте отправки, так согласно документам в МВО было завербовано 5 143 семейства, и выдано пособий в размере 100 рублей на каждого переселяющегося на 514 300 рублей. Переселились же 4 720 семейств, 8,2% до места назначения не доехали⁵. Документы дают разъяснение сложившейся ситуации: «Приволжский Военный Округ по решению Крайкомов ВКП(б) Нижней Волги и Урала оставил на территориях последних из числа завербованных красноармейцев на Северный Кавказ 854 красноармейца»⁶.

Сжатые сроки, постоянно повышающиеся квоты по переселению, задержка финансирования, несогласованность центральных и региональных органов существенно влияли на выполнение государственного плана по

---

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 55.

² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 10.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.

⁴ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

⁶ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

переселению¹. Вместе с тем масштабы миграции растут. К концу 1933 г. на Кубань прибывает 38 504 переселенцев, в том числе мужчин – 50,6%, женщин – 29,6%, детей – 19,8%². Переселяемые активно привлекаются к работе, отчеты политотделов МТС разных районов края за 1933–1934 гг. сообщают о создании красноармейских колхозов, красноармейских полеводческих бригад³. Особо подчеркивается, что идет подбор кадров из прибывших красноармейцев преимущественно из коммунистов и комсомольцев взамен старых⁴.

С целью закрепления красноармейцев-переселенцев на новом месте была разработана система мер хозяйственного обеспечения и льгот: предоставление жилья, в большинстве своем за счет домов депортированных местных жителей; выделение долгосрочных кредитов; продовольственное и хозяйственное обеспечение⁵. Члены семей красноармейских колхозов пользовались преимущественным правом поступления в учебные заведения всех типов, курсы и школы⁶. Предусматривалась выдавать в исключительных случаях переселенцам-красноармейцам бесплатные проездные билеты на проезд по месту жительства за семьями и имуществом⁷.

Важное значение уделялось и идеологической стороне переселенческой политики. Многочисленные брошюры, распространяемые среди переселенцев-красноармейцев и членов их семей, стремились показать местных жителей – казаков в негативном свете и объяснить причины их высылки. Казаки огульно обвинялись в том, что умышленно калечили лошадей и рабочий скот, намеренно портили пахотные земли и инвентарь,

¹ ГАРО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 29–31; Д. 4. Л. 1; Д. 5. Л. 273.

² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.

³ ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 95–102; Ф. 1863. Оп. 1. Д. 92. Л. 7; Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 613. Л. 22.

⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 2–3; ГАКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 139. Л. 12; ГАРО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 16; Д. 3. Л. 38; Д. 61. Л. 9, 14; Д. 63. Л. 35; ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 31. Л. 11; РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13–14.

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 3.

⁷ ГАКК. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 160. Л. 2; РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 58; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 997. Л. 39.

занимались «вредительством»¹.

Все это в итоге способствовало установлению определенного барьера между местными жителями и переселенцами-красноармейцами, затрудняя процессы социальной адаптации. Успешная адаптация возможна в том случае, когда у индивида или группы формируется способность функционировать, вырабатывать оптимальные поведенческие нормы, адекватные условиям среды, позволяющие оптимально реагировать на ее изменение². Однако миграционные процессы 1930-х гг. характеризуются в основном принудительным характером. Строгая централизация, мощный идеологический контроль существенно снижали роль естественных адаптационных механизмов.

Немаловажную роль в межличностном и межэтническом взаимодействии играла идеологическая составляющая, направленная на противопоставление местного населения – противников советской власти и мигрантов-красноармейцев – сторонников и проводников советской политики. Этот идеологический разрыв усугублялся еще и искусственно созданным привилегированным положением красноармейцев, поддерживаемым системой льгот.

В общественном сознании двух групп формируются стереотипы, определяющие характер и формы взаимодействия. Это накладывается на традиционно существующее в региональном социуме противопоставление местного населения – казаков и пришлых, которые традиционно здесь именовались «иностранцами», или же презрительно «гамселями», «кацапами».

В результате переселенцы-красноармейцы воспринимаются как чужая не только в идеологическом, но и в культурном плане группа. Местное население

---

¹ Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов н/Д, 1932. С. 7; Товаровский Б., Филов В. Как был сломлен кулацкий саботаж хлебозаготовок в станице Темиргоевской. Ростов н/Д, 1933. С. 7–8; РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 479. Л. 28; ГАКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.

² Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 81.

указывало на широко распространенное в среде пришлых пьянство, отсутствие социального контроля, бесхозяйственность: «...а северный народ выпивать любит и вместо того, чтобы жить культурно, люди в свободную минутку пьяны и драки происходят. Есть случаи, когда один убит, когда зять шурина убил во время пьянки. Живут они вместе, поссорились, а он его убил насмерть»¹.

Устойчивость этих стереотипов сохранялась достаточно долгое время. Д.Н. Хубова в своей статье приводит материалы научной экспедиции РГГУ 1989 г. В интервью с местными жителями ряда кубанских станиц: «У нас их (*переселенцев – авт.*) называли кацапы. Они, я не знаю уж, как, что, почему, сами по себе грязные. В комнатах у них тоже: и свинья в комнате, может, и теленок в комнате, все это, в общем, там... тут живут, тут и поросята. А дом... Будут жить до тех пор, покуда он до такой степени не развалится, что уже в нем жить нельзя»².

Со стороны переселенцев местные жители – казаки также наделялись негативными чертами: «Во двор детей мы первое время боялись пускать. Сидели дома: местные – казаки мастерили капканы и ставили их у наших дверей, в траве, вокруг дома, у колодца... Саботаж устроили...»; «Плохо жить было, очень плохо. Как услышат, что мы по-русски говорим: “А-а! Кацапки! И нас матом гонят с очереди. Ну, а потом немножко лучше, лучше, разогнали их, увезли их всех, куда – не знаю”...»³; «Вон отсюда кацапня, кто тебе разрешил набирать воду»⁴.

Идеологически подготовленные переселенцы в официальных выступлениях подчеркивают лень, неумение и нежелание местных жителей работать⁵: «На Кубани колхозники голодали, так как не хотели работать»⁶, «Наша задача не только построить образцовые колхозы на Кавказе, а доказать

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 76. Л. 15.

² Хубова Д.Н. Указ. соч. С. 85.

³ Хубова Д.Н. Указ. соч. С. 85.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 23. Л. 108.

⁵ Платунов Н.И. Указ. соч. С. 208.

⁶ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

всем трудящимся, как мы красноармейцы умеем работать. В условиях Кавказа всего можно добиться. Нужно иметь только старание и желание работать»¹.

Но мощная идеологическая кампания, оказалась не столь обеспечена в хозяйственном смысле. Попадая на новые места красноармейцы сталкивались с объективной реальностью – плохим снабжением, неподготовленности домов, задержкой выплат и пособий². Среди переселенцев появляются упаднические настроения, сомнения в правильности проводимой политики, что отмечается в спецсообщениях ОГПУ: «... Нас сюда прислали, как баранов на убой. Высосут из нас все лучшее и привезут других, а через несколько лет и нас выселят, как кубанских кулаков»³, «При вербовке нам обещали полное обеспечение на месте. Гарантировали свободное возвращение по домам, в случае, если не понравятся станицы. Здесь нам ничего не дают, станицы заросли бурьяном, колхозы неблагоустроены. Отправляйте нас обратно»⁴, «Если в этой станице остаться на зиму, то придется подыхать с голоду. Пока не поздно нужно скрываться»⁵, «... Нас обманули, мы не получили на 50% больше на трудодень против местных, положение с хлебом плохое, его нет, люди голодные»⁶.

В ряде станиц проблемы со снабжением переселенцев фактически привели к голоду⁷: «Живем очень плохо, почти по суткам живем голодные. Сейчас сеем, сеять не на ком, лошадей в бригаде 17, посеяли 60 га, лошади стали, не ходят, приходится пахать и сеять на людской силе. Хлеба дают, что корм, 400 г на день. Эх, знал бы, что я помру здесь от голода и скоро, то покончил бы сам себя. За что нас сюда выгнали... Я определенно заявляю, пушай судят, живу только до осени, только если останусь жив. Вот какая нам пошла жизнь,

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.

² ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 109; ГАРО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 48. Л. 79; Д. 61. Л. 36, 53, 75; Д. 67. Л. 3; Д. 70. Л. 7, 42; Д. 95. Л. 13; ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 6; Д. 52. Л. 166; Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 6, 16, 18.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.

⁴ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 113. Л. 31.

⁶ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1006. Л. 35.

⁷ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 111. Л. 68, 73; Д. 257. Л. 8.

что от голода десятки умирают каждый день»¹.

Отмечались и трудности с жильем². Так в письме красноармейца Фетисова завербованного в ст. Полтавскую говорится: «приехали, местного народа нет, мы живем пятеро в одной хате, а семейные каждый в своей. ... Хотел взять Клашу к себе, а теперь подумаю»³.

Сложной оказалась и адаптация к непривычным климатическим условиям, многие переселенцы оказались восприимчивы к заболеванию малярией, что в условиях недостатка лекарственных средств, в первую очередь – хинина, обернулось для них настоящим бедствием⁴.

Так в выступлении красноармейца-переселенца П. из колхоза «Красный пограничник» Тихорецкого района, в частности говорилось: «Сейчас мы переживаем болезнь-малярию. Примерно, у нас от малярии, здесь у нас партийное совещание, я буду говорить открыто, у нас умерло около 30 чел. трудоспособных. Эта же малярия в этом году превратилась в сыпной тиф... Я неоднократно пытался разговаривать с райздравом, чтобы выслать специально врача для нашего колхоза, пока результатов никаких нет...»⁵. Причем часть местного руководства относилась к переселенцам как к симулянтам. Так в колхозе ст. Васюринской парторг неоднократно угрожал переселенцам: «Что вы все время болеете, на работу не ходите. Вас всех перестрелять надо и избавиться от Вас»⁶.

Со стороны отдельных председателей колхозов, директоров МТС и работников сельских советов, местной милиции по отношению к красноармейцам-переселенцам намеренно выстраивалась дистанция⁷.

¹ Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / отв. составитель В.В. Кондрашин. М., 2012. № 359. С. 472–474.

² ГАРО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 48. Л. 79; Д. 61. Л. 75; Д. 62. Л. 1, 3; Д. 69. Л. 42; ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 6; Д. 113. Л. 16; Д. 180. Л. 6.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 558. Л. 51–52.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 559. Л. 17; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1025. Л. 15; Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 61. Л. 36; Д. 62. Л. 4, 15; ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 20; Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 52; Д. 111. Л. 62.

⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 76. Л. 16.

⁶ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1025. Л. 43.

⁷ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 72. Л. 62; ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 109; ГАРО. Ф.

Весь перечень проблем обусловленных как объективными, так и субъективными факторами, ухудшившееся положение переселенцев приводит к массовому выезду последних из мест переселения на территорию прежнего проживания.

В делопроизводственных документах для обозначения социальной практики данного вида возвратной миграции появляется неологизм «обратничество». Сначала документы фиксируют отдельные факты обратничества, затем это становится массовой практикой. Документы Всесоюзного переселенческого комитета показывают, что в 1933 г. с территории Кубани и Ставрополя бежало 1 084 переселенца, 554 побега были предотвращены¹.

«Обратники» были и в ст-це Красноармейской, так теперь именовалась бывшая ст-ца Полтавская, заселенной практически полностью переселенцами-красноармейцами, «за 3 года из 450 красноармейских хозяйств в ст. Красноармейской остались лишь 150, 300 красноармейских хозяйств в разное время вышли из колхоза и выехали из района»². Причины – плохое состояние домов переселенцев, проблемы со снабжением продуктами питания, повседневными товарами, обувью, массовый приток «чуждого элемента» и связанное с этим воровство³.

В целом из красноармейцев переселившихся в Азово-Черноморский край за период с ноября 1933 г. по ноябрь 1936 г., доля оставшихся распределилась по районам следующим образом: Армавирский – 64,7%, Архангельский – 70,8, Белореченский – 67, Брюховецкий – 73, Выселковский – 66,2, Гиагинский – 69,7, Горячеключевской – 31,3, Гражданский – 59,1, Гулькевический – 58,9, Ивановский – 55,7, Кагановический – 67,3, Камышеватский – 37,7, Каневской – 61,2, Кореновский – 50,9, Крапоткинский – 30, Красноармейский – 43,1, Краснодарский – 45,1, Крыловской – 65,2, Кущевской – 46,9, Лабинский – 31,2,

---

Р-1390. Оп. 6. Д. 3184. Л. 30; Оп. 7. Д. 1006. Л. 6; Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 62. Л. 63.

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 904. Л. 23.

³ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 16, 18; Д. 113. Л. 33; Д. 180. Л. 5.

Ладожский – 53,3, Ленинградский – 49,2, Майкопский – 57,8, Мостовской – 64, Незамаевский – 54,5, Неклиновский – 52,6, Ново-Леушковский – 32,8, Ново-Минской – 47,4, Ново-Титаровский – 61,7, Павловский – 54, Пластуновский – 66,7, Приморско-Ахтарский – 12,5, Роговской – 69,9, Рязанский – 0, Северский – 69,2, Славянский – 46,9, Советский – 47,2, Сталинский – 62,3, Старо-Минской – 65,6, Темиргоевский – 44,9, Темрюкский – 49,2, Тимашевский – 54,6, Тифлисский – 43,7, Тихорецкий – 66,1, Усть-Лабинский – 41,4, Цымлянский – 61,4, Черноерковский – 37, Штейнгардтовский – 59,6, Щербиновский – 54,2, Ярославский – 60, в общем по районам «обратники» составили – 55%¹. Основную массу красноармейцев-обратников составили одиночки², которые были более мобильны по сравнению с семейными переселенцами и бывшие городские жители не сумевшие адаптироваться в селе³.

Обратничество могло повлиять на идеологическую перестройку кубанских станиц, так как появлялась «...опасность растворения красноармейцев в большинстве пришлого и казачьего населения»⁴.

Не последнюю роль в обратничестве сыграло и местное население, широко использовавшее практики запугивания и деморализации, которые лишь подстегивали бегство⁵. Политдонесения сообщают, что: «под видом гадалок, ходили прямо по домам красноармейцев-колхозников, гадали, говорили разную чушь: “здесь их ожидают болезни, смерть и разные небылицы”»⁶, отмечались многочисленные факты запугивания переселенцев: «Начнется война, казаки вернуться домой и Вас перережут», «Мрем с голода, едим кошек, собак. Сюда уже до нас приезжали, ничего не сделали и у вас ничего не выйдет»⁷, «Как вы не боитесь пить воду из колодца... идут

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 95. Л. 53–54; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 998. Л. 2–7.

² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22; РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 378.

³ ГАРО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 32; Д. 7. Л. 2; РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 378.

⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 216. Л. 79.

⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 20; Д. 43. Л. 23; ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.

⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 465. Л. 124.

разговоры, что казаки потравят всех переселенцев», «Климат здесь малярийный, народ умирает, то же ждет и вас. Дом в котором вы живете принадлежит выселенному, у него здесь много родственников и они вам будут мстить»¹, «Зачем вы сюда приехали, здесь людоеды, накидывают на шею веревочку, поедая и женщин и детей, вас здесь задушит малярия, вымрете от голода»². В ряде случаев проявлялись факты прямого физического насилия в отношении переселенцев. «В ст-це Красноармейской бывший владелец К., высланный из этой станицы в 1932 г., а теперь возвратившийся, под силой оружия выгнал красноармейца-переселенца Ш.»³. «В пос. Петровский бригадир С. – сын высланного кулака избивал переселенцев, вследствие чего одна женщина умерла»⁴. Были и случаи вооруженного нападения и грабежа домов переселенцев⁵.

Это вынуждает переселенцев поднимать перед властью вопрос о самозащите и выдаче им оружия: «До каких же пор будем сидеть в поле. Ночевать в степи больше не будем. Иначе наши семьи ограбят, что могут сделать наши жены, если будет нападение. Нам нужно какое-либо оружие» (обращение после вооруженного нападения на переселенцев в ст-це Новотитаровской)⁶; «Народ требует, чтобы им выдали какое-нибудь оружие... Со своей стороны считаю, что оружие дать им нужно... для самообороны... » (из обращения начальника ПУ СКВО в ПУ РККА)⁷.

С целью выхода из сложившейся критической ситуации начинается разработка комплекса мер направленных на предотвращение фактов бегства переселенцев, обустройства и закрепления их в колхозах и МТС, включавших: «а) конкретную информацию-сигнализацию и постановку перед партийными

¹ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 113. Л. 15, 17.

² ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1006. Л. 7.

³ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1006. Л. 6.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1006. Л. 7.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 23. Л. 90.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 23. Л. 90.

⁷ Цитата приводится по источнику: Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация... С. 256.

организациями и Политотделами вопросов об усилении массово-разъяснительной работы среди переселенцев и более внимательного отношения к их нуждам; б) обеспечение всестороннего чекистско-оперативного обслуживания переселенцев, своевременное изучение и устранение причин бегства, усиление обработки отдельных переселенцев, пытающихся бежать и т.д.; в) освещение политических настроений переселенцев, изучение происходящих политических процессов, среди них и своевременная сигнализация партийным органам и Политотделам на местах; г) использование возвращающихся из побегов переселенцев, своевременное развертывание вокруг этого политмассовой работы; д) борьбу с действиями а\с кулацкого элемента, пытающегося деморализовать переселенцев»¹.

Местное руководство обязывают «2 раза в месяц 13 и 28 числа 1934 г. докладывать о произошедших изменениях в движении красноармейцев» – указывать сколько и в какие станицы красноармейцев прибыло и сколько из них «возвратилось обратно»².

Эти меры постепенно привели как к изменению отношения властных органов к переселенцам, так и налаживанию взаимоотношений между переселенцами и местными жителями, что в свою очередь способствовало хозяйственному восстановлению станиц. Так директор Уманского (с 1934 г. Ленинградского) педагогического техникума И.Л. Полежаев в своем дневнике писал, что приезд переселенцев белорусов – «народа крепкого и трудолюбивого» спас станицу от вымирания после депортации большей части местных жителей – казаков³.

В донесениях ОГПУ появляются материалы о возвращении сбежавших переселенцев: «В ст. Старо-Щербиновскую и Копанскую возвратилось 10 человек, которые заявили: “...Нас на Родине в колхозах не приняли, почему мы обратно приехали к Вам”. Возвращение беглецов положительно

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 24.

² ГАКК. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 166. Л. 7.

³ Дневники Ивана Лазаревича Полежаева... С. 51–61.

воздействует на хозяйственное освоение переселенцев, за это говорят факты сокращения бегства за последнее время в Ейском районе»¹.

Растет стихийная миграция², в станицы переезжают родственники переселенцев-красноармейцев: «в станицу Урупскую за последние 1–2 месяца переселились из Московской области, ЦЧО свыше 160 семей главным образом знакомых и родственников из красноармейских колхозов»³.

В сводках и донесениях уже практически нет упоминаний о конфликте между местным и пришлым населением, а в региональной газете «Молот» постоянно публикуются материалы о работе переселенческих колхозов: «Переселенческие колхозы имени Гамарника, Шеболдаева и Белорусского военного округа в числе передовых колхозов района закончили сев колосовых, перевыполнив план... Соседние старые колхозы сеют хуже переселенческих, но последние своим примером сумели и их повести за собой»⁴; «В переселенческих колхозах быстро растут кадры руководителей из самих колхозников»⁵; «Красноармейские колхозы показывают образцы работы не только в темпах, но и качество сева»⁶.

Изменение восприятия переселенцев отмечают и спецсводки ОГПУ: «Основная масса переселенцев в станицах успешно закрепляется. Отмечены случаи, когда переселенцы тянут на буксире остальные колхозные бригады, вызывая своим энтузиазмом симпатии колхозников...»⁷.

Периодически встречаются материалы о задержании бежавших из ссылки казаков, проживавших в станицах без паспорта. Формируется новое население станиц у которого уже другие враги: «парикмахеры» – колхозники ворующие хлеб (срезающие колоски, отсюда и название) на полях, тунеядцы, вредители. Но в этот список уже попадают как местные, так и переселенцы.

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

² ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 1029. Л. 47, 55; ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 21. Л. 190.

³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 216. Л. 101.

⁴ Молот. 1933. 5 мая. С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 10 мая. С. 1.

⁷ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

Во второй половине 1930-х гг. помимо административных мер, стимулировавших переселение на Кубань, мигрантов привлекает экономически более благоприятная обстановка в регионе. Сюда направляются самостоятельные переселенцы из других регионов. Так в 1934 г. отмечался «самовольный» выезд белорусских колхозников и единоличников на Украину, в Сибирь и на Северный Кавказ¹.

В 1934 г. в регионе наблюдается положительный, хотя и незначительный, миграционный прирост. В Северо-Кавказский край въехало 610,1 тыс. чел., в том числе в города – 475,1 и в сельскую местность – 135 тыс. чел. Миграционный прирост составил 57,1 тыс. чел. Рост урбанизационных тенденций отразился и на распределении миграционного потока по типам населенных пунктов: 77,9% из числа въехавших и 72,4% из числа выехавших в крае пришлось на города².

У выехавших за пределы Северо-Кавказского края приоритетными направлениями были столичные города Москва – 90 090 чел. и Ленинград – 27 460 чел., а также индустриально развитые регионы страны: Уральская область – 17 949 чел., Центрально-Черноземная область – 10 782, Московская область – 10 625, Горьковский край – 9 993, Нижне-Волжский край – 8 048, Дальне-Восточный край – 6 785, Западно-Сибирский край – 6 276, Западная область – 6 336 чел и др. Значительную долю составляла внутрирегиональная миграция. В пределах Северо-Кавказского края переместилось 94 155 чел., в Азово-Черноморский край выехали 41 715, в Дагестанскую АССР – 7 691 чел.

Среди союзных республик наибольший поток выезжающих направлялся в Украинскую ССР – 66 805 чел. и ЗСФСР – 36 156 чел. непосредственно граничащих с краем, а также в Узбекскую ССР – 9 330 чел. и Белорусскую ССР – 6 472 чел., в остальные республики миграционный поток был существенно ниже³.

---

¹ Врублевский А.П., Протьюко Т.С. Из истории репрессий против белорусского крестьянства 1929–1934 гг. / под ред. М.П. Костюка. Минск, 1992. С. 61.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 34. Л. 37.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 35. Л. 8–11.

В Азово-Черноморский край в 1934 г. въехало 550 тыс. чел., в том числе в города – 413,0 и в сельскую местность – 137 тыс. чел. Миграционный прирост составил 52,7 тыс. чел., но соотношение между городом и селом было иным, чем в Северо-Кавказском крае. Городское население увеличилось на 4,9%, а сельское на 95,1%. В процентном соотношении число въехавших и выехавших в города число сельских жителей тоже было заметно выше. Из числа въехавших в города 55,1% ранее проживали в городе, а 44,9% в селе. Примерно такое же соотношение наблюдалось и среди выбывших: 61% направились в город и 39% в сельскую местность¹.

География миграций из Азово-Черноморского края схожа с Северо-Кавказским: Москва – 22 339 чел., Ленинград – 7 055, Центрально-Черноземная область – 6 844, Дальне-Восточный край – 5 230, Нижне-Волжский край – 5 204, Уральская область – 3 574, Московская область – 3 480, Ленинградская область – 1 715, Горьковский край – 1 555, Ивановская промышленная область – 1 473 и др. Во внутрирегиональной миграции наибольшее число переместившихся пришлось на Азово-Черноморский край – 206 506 чел. В Северо-Кавказский край выехало 28 297 и Дагестанскую АССР – 4 434 чел. В межреспубликанской миграции также преобладали Украинская ССР – 27 044 чел., ЗСФСР – 23 980 и Белорусская ССР – 1 448 чел.²

В первой половине 1930-х гг. миграционные притоки на Кубань и Ставрополье стимулировали также решения в области национальной политики: создание национально-территориальных образований (районов, сельсоветов), коренизация (перевод делопроизводства на национальный язык) и др. Переселение в регион армян, ассирийцев, немцев, греков и других народов повлекло изменения в этнической карте региона.

В 1937 г. в административно-территориальном устройстве региона произошли новые изменения. Были образованы Орджоникидзевский и

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 34. Л. 37.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 35. Л. 8–11.

Краснодарский края, в состав которых вошли автономные области: Карачаевская, Черкесская и Адыгейская.

В последующие годы Кубань и Ставрополье остаются привлекательными с миграционной точки зрения, но миграционный прирост был нестабильным, что, по всей видимости, связано с внутривосполнительскими процессами в стране (таблица 4.3).

Таблица 4.3 – Перемещения населения в Краснодарском и Орджоникидзевском (Ставропольском) краях в 1937–1938 гг.¹

Регионы	1937			1938		
	прибыло	выбыло	всего	прибыло	выбыло	всего
Краснодарский край	263392	200528	62864	254022	218772	35250
в т.ч. Адыгейская АО	14364	9979	4385	14847	11178	3669
Орджоникидзевский (Ставропольский) край	132138	88205	43933	127651	88433	39218
в т.ч. Карачаевская АО	5356	3009	2347	5928	3895	2033
в т.ч. Черкесская АО	5906	3500	2406	4548	2988	1560

В 1937 г. численность населения Краснодарского края увеличивается за счет миграционного прироста на 62 864 чел., в том числе 31,7% прибыло в города, 67,5% в сельскую местность и для 0,8% направление миграции не было учтено.

Ситуация в Орджоникидзевском крае в 1937 г. в общих чертах схожа с ситуацией в Краснодарском крае. Миграционный прирост здесь составил 43 933 чел., в том числе 41,4% пришлось на городское население, 57,7% на сельское, а 0,9% не указали направление миграции².

В 1938 г. в Орджоникидзевском крае отмечается некоторое снижение миграционного прироста, он составил 39 218 чел., в том числе в город прибыло 31,9% мигрантов, в сельскую местность – 68% и 0,1% были не учтены³.

Для Краснодарского края в 1938 г. изменения были более заметны.

¹ Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 117. Л. 1.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 117. Л. 1; Д. 145. Л. 1.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 117. Л. 1.

Миграционный прирост остается положительным – 35 250 чел., но снижается по сравнению с 1937 г. Существенно выросло число лиц, не указавших направление миграционного перемещения (город-село). Если в 1937 г. число таких лиц составляло 0,8% миграционного прироста, то в 1938 г. их доля уже составила 3,6%. В территориальном распределении мигрантов в Краснодарском крае отмечается существенная диспропорция между городом – 0,4% и селом – 99,6%¹.

Возможно, столь существенные изменения в масштабах и направлениях миграционных потоков в регионе были связаны с репрессивной политикой 1937–1939 гг., затронувшей, в большей степени, городское население.

Продолжается практика организованных переселений. Их цель – решение народнохозяйственных задач. Однако, масштабы этих перемещений заметно сокращаются. Для развития виноделия, «расширения сырьевой базы для производства советского шампанского и высококачественных десертных вин» в винодельческие колхозы Анапского и Новороссийского районов Краснодарского края в 1937 г. были переселены и размещены 505², а в 1938 г. 600³ хозяйств колхозников.

К концу 1930-х гг. наблюдается снижение миграционной активности, что было связано как с завершением реализации государственных внутриполитических и экономических задач, так и с введением ряда ограничительных мер на передвижение населения.

Таким образом, миграции 1930-х гг. были преимущественно связаны с решением проблем модернизации страны и оказывали значительное влияние на демографическое развитие региона. В процесс добровольно-вынужденных и принудительных миграций оказались вовлеченными значительные массы населения, преимущественно трудоспособных возрастов. На протяжении всего периода государство осуществляло управление миграциями на основе

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 117. Л. 1.

² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 171. Л. 11.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 187. Л. 1-4.

административного подхода, широко используя при этом как стимулирующие, так и принудительные меры в виде депортаций и организованных переселений. Значительным был поток стихийных миграционных перемещений. 1930-е гг. один из немногих в истории региона период, когда выталкивающие факторы, преобладали над притягивающими, миграционная привлекательность Кубани и Ставрополя значительно снизилась в период голода и репрессий.

Миграционные процессы на Кубани и Ставрополье имели отличие не только в отношении масштабов, направлений и форм миграций, но и в плане реализуемых государством на их территории миграционных программ. На Кубани более массовым и имевшим серьезные негативные по отношению к демографической ситуации последствия был миграционный поток связанный с раскулачиванием и депортацией кулаков. На Ставрополье выселения были менее масштабными, при этом территория края так же выступала в качестве места ссылки кулаков, депортированных из соседних регионов (Дона, Кубани и др.). Опустевшие в результате депортаций и голода территории заселяются сначала в организованном, а затем в стихийном порядке демобилизованными красноармейцами и выходцами из других регионов страны.

Существенную роль в миграционных перемещениях в период 1930-х гг. сыграли такие факторы как голод, государственная политика по образованию национальных районов и коренизации и др.

4.2. Миграции периода Великой Отечественной войны и их демографические последствия для региона

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на формы и направления миграционных потоков в стране, которые носили преимущественно вынужденный и принудительный характер. К числу добровольно-вынужденных миграций в этот период можно отнести мобилизацию и демобилизацию, процессы эвакуации, а затем реэвакуации. К

принудительным – депортации репрессированных народов и отдельных групп населения, обвиненных в государственной измене.

Приоритетным направлением организованных миграционных потоков в предвоенный период являлось восточное – шла переброска трудовых ресурсов в азиатскую часть страны, где форсированными темпами осуществлялось строительство комплекса военно-промышленных предприятий-дублеров. Миграционные потребности этого направления решались, в основном, за счет перемещения населения из западных регионов страны и практически не затронули Кубань и Ставрополье.

В условиях военных действий административный подход к управлению миграциями оставался приоритетным. В частности это проявилось в организации мобилизации и эвакуации. Уже 23 июня 1941 г. с началом Великой Отечественной войны была объявлена всесоюзная мобилизация военнообязанного населения. Согласно мобилизационному плану в армию призывались сразу 14 возрастов – военнообязанные 1905–1918 гг. рождения. В рамках мобилизационного плана в Краснодарском крае к 1 января 1942 г. было призвано в ряды Красной Армии 371 430 чел.¹, в Орджоникидзевском крае к 1 октября 1941 г. – 100 000 чел.²

Помимо обязательного призыва в стране наблюдается массовое добровольческое движение, в первые две недели войны подали заявления о вступлении в Красную Армию 17 000 чел. в Краснодарском крае³ и 5 000 чел. в Орджоникидзевском⁴.

Другим, значительным по мощности миграционным потоком стала эвакуация. В соответствии с принятым 24 июня 1941 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1740-сс «Для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других

---

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 486. Л. 1–2, 5.

² ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 74. Л. 51.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 60. Л. 5.

⁴ Ставрополье: правда военных лет... № 2. С. 23.

ценностей»¹ начинает работу Совет по эвакуации во главе с Л.М. Кагановичем. В целях оптимизации процессов эвакуации 16 июля 1941 г. постановлением ГКО была проведена реорганизация Совета, теперь его возглавил Н.М. Шверник, а в состав Совета был введен В.С. Абакумов, заместитель наркома внутренних дел².

На начальном этапе войны Кубань и Ставрополье не относились к регионам, куда планировался перенос промышленных мощностей и обслуживающего их технического персонала из западных районов страны, но они участвуют в разгрузке основных потоков эвакуированных на восток страны, как вспомогательное и транзитное направление. Миграционный поток на Северо-Западный Кавказ был гораздо меньшим по объему, чем восточное направление, но все же оказывал влияние на изменение демографической структуры региона.

На 1 октября 1941 г. число принятых и размещенных в Краснодарском крае эвакуированных граждан составило 218 169 чел.³, в Орджоникидзевском крае – 226 000 чел.⁴

Наибольший процент эвакуированных на Кубань прибыло из Украинской, Белорусской, Молдавской ССР и Крымской АССР. В составе эвакуированных большую часть составляли женщины и дети (66,1 и 11,9% соответственно) и 33,9% мужчины⁵. Схожая картина была в Орджоникидзевском крае.

В результате массовых миграций на территорию Северо-Западного Кавказа беженцев из прифронтовых и оккупированных районов к началу 1942 г. здесь было сосредоточено значительное число высококвалифицированных технических кадров, обеспечить работой которых

---

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 т. М., 1970–1982. Т. 6. 1941–1954. 1971. С. 13.

² Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 8.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 271. Л. 7.

⁴ Ставрополье: правда военных лет... № 12. С. 41.

⁵ Рассчитано по: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 271. Л. 7.

не было возможности¹. Одной из актуальных задач становится срочная их переброска в те тыловые области страны, где требовались кадры для промышленности. В мае 1942 г. было принято решение о проведении набора из числа эвакуированных ленинградцев на заводы авиапромышленности СССР. В Орджоникидзевском крае в рамках набора было рекрутировано 11 тыс. чел., в Краснодарском – 8 тыс. чел.²

В целях разгрузки городов Северо-Западного Кавказа, куда прибывали по железной дороге основные потоки мигрантов, местные власти организуют переселение части эвакуированных в сельскую местность. Это должно было частично восполнить демографические потери трудоспособного сельского населения призванного по мобилизации на фронт. Осложняла ситуацию передача части колхозной техники в армию и возникшая в связи с этим необходимость увеличения численности сельскохозяйственных рабочих.

30 сентября 1941 г. Краснодарский крайком ВКП(б) принял постановление о воспрещении прописки в городах Краснодаре, Майкопе, Новороссийске и Туапсе беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывших в неорганизованном порядке, т.е. не с предприятиями или учреждениями и не имеющих соответствующих разрешительных документов Совета по эвакуации. Горсоветам городов предоставлялось право направлять трудоспособных граждан из числа эвакуированных, не устроившихся в двухнедельный срок на работу, «для использования в обязательном порядке на работе в предприятиях промышленности, транспорта и в сельском хозяйстве, нуждающихся в рабочей силе». Органам милиции поручалось отказавшихся от работы эвакуированных граждан выселять, с запрещением проживать в городах Краснодаре, Майкопе, Новороссийске, Туапсе, а также в режимных местностях, запретных зонах и других населенных пунктах предусмотренных Постановлением ГКО³. Эти меры позволили частично

---

¹ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 57. Л. 104.

² ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 62.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 58. Л. 17; Д. 399. Л. 3–5.

компенсировать потерю трудоспособного населения региона, призванного по мобилизации.

К концу 1941 г. примерно треть всех прибывших во время первой волны эвакуации была расселена в городской местности, остальные в сельской¹. Данные текущей статистики 1941 г. показывают, что шел отток населения из города в сельскую местность, а затем дальше от театра военных действий в тыл (таблица 4.4).

Отток жителей наблюдался практически по всем городским поселениям, тогда как сельские населенные пункты имели хотя и незначительное, но все же положительное миграционное сальдо. В декабре число выехавших превысило ноябрьские показатели более чем на 3 000 чел. или 15,9%. Положительное сальдо миграции в приморских населенных пунктах – Сочи, Туапсе, Темрюке объясняется доставкой туда раненых и эвакуированных из районов непосредственных военных действий.

На территорию Орджоникидзевского края за второе полугодие 1941 г. прибыло 59 157 чел., из них 79,3% в город, 18,3 в село, 1,4% было не учтено. Выбыло из края 35 369 чел, в том числе городского населения – 35,2%, сельского – 14,1, при довольно большом проценте не учтенных – 50,7%². Миграционный прирост населения составил 23 788 чел.

Положительный миграционный прирост во второй половине 1941 г. был отмечен и для автономных областей Кубани и Ставрополья. В Карачаевскую АО прибыло 1 682 чел., Черкесскую – 905 чел., Адыгейскую – 130 чел.³

Кубань и Ставрополье попадают число регионов, определенных для размещения населения эвакуированного из блокадного Ленинграда. Для обеспечения эвакуации было выделено, согласно Постановлению СНК РСФСР № 128/32с от 17 марта 1942 г., 10,5 млн руб., из которых 1,5 млн руб. направлялись в Орджоникидзевский край, а 1 млн руб. в Краснодарский⁴.

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2... С. 74.

² ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 2. Л. 17об.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 307. Л. 1.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 36.

Таблица 4.4 – Сведения о передвижении населения в Краснодарском крае за ноябрь-декабрь 1941 г.¹

Города и прочие населенные пункты	Число пунктов вошедших в сводку	Ноябрь			Декабрь		
		Прибыло	Выбыло	Механический прирост	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
Апшеронская	1	174	137	37	341	1023	-682
Армавир	1	1794	3084	-1290	2788	3776	-988
Ейск	1	140	890	-750	333	913	-580
Краснодар	1	2566	5365	-2799	2680	6169	-3489
Кропоткин	1	449	645	-196	687	749	-62
Майкоп	1	1050	1469	-419	911	1087	-176
Новороссийск	1	628	2139	-1511	861	2278	-1417
Сочи	1	932	943	-11	1266	741	525
Темрюк	1	94	116	-22	109	80	29
Тихорецк	1	175	273	-98	207	251	-44
Туапсе	1	1468	678	790	3077	629	2448
Всего по выделенным городам	11	9470	15739	-6269	13260	17696	-4436
Прочие города и горпоселения	12	979	1535	-556	862	1129	-267
Всего по городам и горпоселениям	23	10449	17274	-6825	14122	18825	-4703
Райцентры сельского типа	65	5046	3035	2011	5852	4713	1139
Всего по краю	88	15495	20309	-4814	19974	23538	-3567

В апреле 1942 г. в Краснодарский край прибыли 36 тыс. эвакуированных ленинградцев, из которых свыше 10 тыс. составляли дети². К расселению в Орджоникидзевском крае намечалось 23 тыс. чел., в том числе более 8 тыс. детей, половина из которых потеряла родителей³. В Карачаевскую и Черкесскую автономные области прибыло более 900 детей из оккупированных районов Ленинграда, Крыма, Белоруссии, Украины⁴.

¹ Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 14. Л. 21, 23.

² Краснодарскому краю – 65 лет... С. 24.

³ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 251. Л. 29.

⁴ Темиров У.Е. Указ. соч. С. 58.

Нестабильная обстановка на фронте в 1941 г. и продолжавшееся организованное переселение на восток технических специалистов и учащихся ряда учебных заведений, приводила к панике и стихийной миграции в «глубокий тыл» части эвакуированных. Так в докладной записке секретаря Крыловского райкома говорится, что из числа находившихся в районе 6 тыс. чел. эвакуированных, к 21 октября «осталось примерно сотни две-три» и «их выезд влияет на часть и коренного населения»¹. Изменившаяся к концу 1941 г. ситуация на фронте, провал немецкого наступления под Москвой, привела к возвращению части эвакуированных на Кубань и Ставрополье. Были изданы распоряжения СНК РСФСР о приостановлении эвакуации населения в Казахскую ССР из Краснодарского и Орджоникидзевского краев².

Из расселенных в Краснодарском крае осенью 1941 г. 226 тыс. чел. эвакуированных к январю 1942 г. осталось 51 353 чел., 58% из которых составляли взрослые и 42% дети³. Большая часть из числа эвакуированных осела в сельской местности – 74,2%, а 25,8% в городах, из числа взрослого населения были обеспечены работой – 62,2%, а 37,8% в большинстве своем были иждивенцами⁴.

На территории Орджоникидзевского края на 1 января 1942 г. насчитывалось 116 956 чел. эвакуированных, территориальное распределение которых было схожим с Краснодарским краем: 25,1% в городах, 74,9% – в сельской местности⁵.

Объемы миграции в 1942 г. существенно снижаются. За восемь месяцев 1942 г. в Краснодарский край прибыло 15 226 чел., убыло – 14 137 чел., миграционный прирост составил – 1 089 чел. Приоритетным направлением миграций становится село. Сюда за тот же период прибыло 4 798 чел., выбыло – 2 782 чел, миграционный прирост составил 2016 чел., в отличие от города,

---

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / Кн. 1... С. 99.

² ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 60.

³ Рассчитано по: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 373. Л. 69.

⁴ Рассчитано по: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 373. Л. 69–70.

⁵ Рассчитано по: ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 251. Л. 26–27.

где миграционный прирост был отрицательный (– 927 чел.), сюда прибыло 10 428 чел, а выбыло – 11 355 чел.¹

Имеющиеся статистические и архивные данные позволяют сделать вывод о том, что миграция: как мобилизация, так и эвакуация привели к существенному изменению демографической структуры населения Кубани и Ставрополья. В мобилизационном потоке направлявшемся на Запад основную массу составляли мужчины репродуктивных возрастов. В потоке эвакуированных в регион в свою очередь преобладали женщины и дети. Результатом этих перемещений стала значительная половая и возрастная диспропорция.

Вместе с заметными успехами по эвакуации предприятий и населения, следует отметить, что поставленные задачи на Северо-Западном Кавказе были выполнены не в полном объеме. Стремительное наступление немецких войск летом 1942 г. требовало быстрого реагирования и определенного мужества в принятии самостоятельных решений об эвакуации, не дожидаясь распоряжений из центра, к которым были не готовы многие партийные и административные работники.

С августа 1942 г. на территории Северо-Западного Кавказа развернулись ожесточенные бои, советские войска, неся большие потери, вынуждены отступить. Территории Краснодарского и Орджоникидзевского краев попадают в зону оккупации продлившейся до 1943 г.² Оккупированные немецкими войсками советские районы были разделены на рейхскомиссариаты, Кубань и Ставрополье входили в комиссариат «Украина»³.

Северный Кавказ рассматривался германским командованием как важный в стратегическом плане регион по нескольким причинам. Во-первых,

---

¹ ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

² 23 января 1943 г. было освобожден Ставропольский край, а 9 октября 1943 г. – Краснодарский. В зону оккупации не попали только четыре района Краснодарского края: Лазаревский, Туапсинский, Адлерский и Геленджикский.

³ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 14.

Германия рассчитывала привлечь на свою сторону часть местного населения, предполагая антисоветские настроения в регионе, как последствия коллективизации, раскулачивания, голода, депортаций. Во-вторых, регион представлял интерес с экономической точки зрения как один из основных сельскохозяйственных и ресурсных центров СССР, потенциал которого немцы планировали использовать в своих целях. Наконец, регион рассматривался как один из центров вербовки местного населения для работы в Германии испытывавшей дефицит трудовых ресурсов в связи с мобилизацией в армию.

В ходе войны немцам пришлось существенно корректировать свои планы и с 1942 г. приоритетным становится именно масштабный миграционный проект – переселение трудоспособного населения из оккупированных территорий на работу в Германию, так называемые «Программы Заукеля» (Ф. Заукель – Генеральный уполномоченный по трудоустройству Третьего Рейха). Цель данных переселений заключалась в обеспечении рабочей силой предприятий и сельского хозяйства Германии в связи с призывом значительного числа немцев в армию¹.

На оккупированных территориях СССР первоначально применялись методы добровольной вербовки, которые не пользовались популярностью у населения, вследствие чего немецкие оккупанты переходят к принудительному вывозу советских граждан на работы в Германию и страны-союзницы. Так возникла специфическая категория принудительных трудовых мигрантов с территории СССР – «остарбайтеры».

Важную роль в агитации населения для выезда на работу в Германию играла пресса, издаваемая на оккупированной территории. «В Германии, образцовой стране труда, – писала газета “Кубань”, печатный орган кубанского бургомистра – вместе с миллионами трудящихся немцев, прокладывают путь к новой лучшей жизни рабочие и работницы из всех стран

---

¹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур... С. 162.

Европы. Германское правительство, которое всегда стремилось оказать помощь угнетённым и обездоленным народам, разрешило так же русским мужчинам и женщинам в возрасте от 17 до 40 лет уезжать на работу в Германию. ... поехав на работу ты сможешь изучить прекрасную страну немцев, познакомиться с просторными предприятиями ... »¹, «... оставшиеся нетрудоспособные члены семьи получают пособия от общинного управления под надзором германских учреждений. Отход первого транспорта последует в ближайшем времени, о чём будет своевременно объявлено. Будь готов к поездке ...»². Тексты похожего содержания публиковались и в других оккупационных изданиях региона³.

Однако желающих добровольно ехать в Германию оказалось немного. Тогда в качестве агитационного приема газета помещает «прелестные письма» тех, кто якобы уже устроился на работу в Германии и доволен своей жизнью там: «... по воскресеньям я хожу в цирк или в кино в Франкфурте на Майне. Я получаю тот же паёк, что и германские рабочие ...»⁴, «... я так рада, что приехала в прекрасную, счастливую Германию... мы получаем такое же хорошее содержание, как и немецкие рабочие...»⁵.

И стиль писем, и идеализация жизни в Германии заставляют усомниться в их подлинности. Но даже если допустить, что написаны они самими «остарбайтерами», цель этих писем скорее в том, чтобы дать родным знать о себе, сообщить, что они живы. Одна из современниц вспоминала, когда дочь отправляли на работы в Германию они условились, зная что правду писать не разрешат, чтобы дочь, если ей будет там плохо нарисовала на конверте цветочек. «Пришло письмо такое радостное, все здесь хорошо и еда и жилье и другое, а на конверте целых восемь цветочков нарисовано...»⁶.

---

¹ Кубань. Краснодар, 1942. 1 дек.

² Кубань. 1942. 1 дек.

³ Беликов Г.А. Указ. соч. С. 110.

⁴ Кубань. 1943. 7 янв.

⁵ Кубань. 1943. 15 янв.

⁶ Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Т. 2... С. 148.

В декабре 1942 г. были отправлены первые эшелоны добровольцев в Германию: 1 100 чел. из Краснодарского края¹ и 1 500 чел. Орджоникидзевского². Однако добровольчество оказывается не эффективным и начинается переход к принудительному вывозу населения.

Но глобальный миграционный проект немцев в Северо-Кавказском регионе не был реализован, как вследствие нежелания местного населения, так и недолго продлившегося периода оккупации. Подсчет населения Кубани и Ставрополя как добровольно выехавших, так и угнанных на работу в Германию стал возможен только после окончания войны.

В 1943 г. начинается освобождение Северо-Западного Кавказа советскими войсками. Часть населения, пошедшая на сотрудничество с оккупантами и опасавшаяся за свою жизнь отступает вместе с ними. По сведениям казака А.К. Ленинова, служившего в войсках вермахта, численность мигрировавших кубанских и ставропольских коллаборационистов и членов их семей составляла около 120 тыс. чел.³

После освобождения территории Кубани и Ставрополя начинается процесс реэвакуации – возвращение на прежние места жительства беженцев и эвакуированных граждан, а также призыв на военную службу населения временно находившегося в зоне оккупации.

В течение 1943 г. из Краснодарского края было призвано 188 509 чел, в числе которых было 26 874 чел., бывших военнообязанных, находившихся в плену или окружении⁴. Из числа призванных 7 046 кубанских казаков были направлены для прохождения службы в казачьи подразделения РККА⁵.

С территории Ставропольского края (старое название возвращено Орджоникидзевскому краю после освобождения) во втором полугодии 1943 г.

---

¹ Кубань. 1943. 5 янв.

² Ставрополье: правда военных лет... № 72. С. 122.

³ Ленинов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец: журнал Кубанского казачьего союза. Краснодар, 1991. № 1.

⁴ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / Кн. 1... С. 258–259.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 645. Л. 1.

было призвано и направлено в войсковые части 15 010 чел., мобилизовано на работу в предприятиях оборонной промышленности 4 742 чел. Всего 19 752 чел.¹ Также за период с июня 1943 по апрель 1944 г. была осуществлена трудовая мобилизация – 76 189 чел, половина из которых направлялась в военную промышленность за пределы края, а вторая половина на работы, в том числе и сельскохозяйственные внутри края².

Был произведен подсчет эвакуированного населения. На 1 сентября 1943 г. в Краснодарском крае находилось 62 196 чел., из них 29,5% составляли мужчины, 70,5% – женщины. Довольно высокой в общей численности эвакуированных была доля детей до 16 лет – 42,9%³.

Наибольшее количество эвакуированных в Краснодарский край прибыли из Ленинграда – 7 697 чел., в том числе 4 167 детей размещенных в детских домах; Украинской ССР – 13 207 чел.; Белорусской ССР – 878; Крымской АССР – 6 398; областей: Ленинградской – 2 996; Ростовской – 5 134; Сталинградской – 1 420 чел.⁴ Часть эвакуированных возвращается на Кубань, на 1 октября 1943 г. их численность здесь уже составила 65 190 чел.⁵

В этих условиях принимаются решения о возвращении эвакуированных в места прежнего проживания, что решало стратегические задачи восполнения человеческих ресурсов в западных районах страны. В соответствии с этими задачами эвакуированных переселяющихся на Кубань и Ставрополье в конце войны и послевоенный период было рекомендовано направлять по месту прежнего жительства. 22 августа 1943 г. принимается решение «о немедленном откомандировании специалистов сельского хозяйства эвакуированных из Краснодарского и Ставропольского краев и других сельскохозяйственных регионов к месту их прежней работы»⁶.

---

¹ Ставрополье: правда военных лет... № 38. С. 75.

² Ставрополье: правда военных лет... № 113. С. 192.

³ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–4.

⁴ Рассчитано по тем же источникам.

⁵ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁶ Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.). М., 1944. С. 19.

Но многочисленные государственные стройки по восстановлению народного хозяйства на Северо-Западном Кавказе также нуждались в рабочих руках, а руководители имели для привлечения трудовых ресурсов определенные полномочия, что давало возможность эвакуированным остаться в регионе.

По мере освобождения страны разворачивается процесс реэвакуации. Важной стратегической задачей стало восстановление Ленинграда на промышленные предприятия которого из Ставропольского¹ и Краснодарского краев² в 1944 г. направляются эвакуированные сюда ленинградцы.

В то же время процесс реэвакуации был сопряжен с определенными сложностями. 31 марта 1943 г. Краснодар был объявлен режимным городом, а затем к этой категории были отнесены города Сочи и Туапсе. Ограничения на въезд вводились на всей территории Краснодарского края, теперь даже для возвращения эвакуированных требовалось разрешение крайисполкома³.

Это определило и низкую интенсивность миграций в Краснодарском крае в 1943 г.: в край прибыло 1 107 чел., из них 95,4% в города и 4,6% в сельскую местность; выбыло 287 чел., 92,7% из города и 7,3% из села. Механический прирост составил 820 чел., из которых 96,3% пришлось на город и 3,7 на село⁴. Однако, в документах статистического учета отмечалось, что за 1943 г. в крае имелся большой недоучет как прибывшего, так и выбывшего населения⁵.

Постепенно объемы миграционного движения увеличиваются. Так из прибывших в г. Краснодар за шесть месяцев 1944 г. 15 092 чел., 69,9% пришлось на прибывших из-за пределов края и 29,1% на внутрикраевую миграцию. Из административно-территориальных образований РСФСР основной приток мигрантов в город направлялся из восточных и северо-восточных промышленных районов и был связан с реэвакуацией. С союзными

---

¹ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 64. Л. 56, 53.

² ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7. Л. 56; Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. Кн. 2. Часть 1... С. 208.

⁴ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.

республиками обозначились два противоположных потока: первый – возвращение эвакуированных из Казахской, Узбекской, Грузинской, Киргизской ССР и других республик тыловой части страны, а второй наоборот возвращение эвакуированных из края в западные районы страны: Украинскую, Белорусскую, Карело-Финскую, Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР¹.

Из 42 130 чел. эвакуированных на 1 января 1944 г. находившихся на территории края, к 1 января 1945 г. осталось 26 675 чел., 15 455 чел. возвратились к местам своего прежнего проживания. Масштабы въезда в край были гораздо меньше, в течение 1944 г. было выдано только 5 576 разрешений².

Такая же ситуация наблюдается и в Ставропольском крае. 1944 г. характеризуется миграционным оттоком населения связанным с призывом в армию и реэвакуацией: в край прибыло 37,1 тыс. чел., а убыло 74,2 тыс. чел.³, в 1945 г. наоборот отмечается миграционный прирост, из Ставропольского края выехало 43,8 тыс. чел., а прибыло 74,3 тыс. чел.⁴

В основном реэвакуация предприятий, организаций и населения на Кубань и Ставрополье была завершена в 1945 г., хотя частично продолжалась и в послевоенные годы. В отличие от других регионов, попавших в зону оккупации и боевых действий и имевших существенные разрушения, Кубань и Ставрополье оставались привлекательными для мигрантов послевоенного периода оставаясь в представлении жителей страны «благодатным югом».

Интенсивные потоки реэвакуированных, самостоятельно возвращающихся в регион мигрантов, пополняли демобилизованные, возвращавшиеся военнопленные и репатрианты.

Демобилизация советских воинов началась после издания Закона ВС СССР от 23 июня 1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного

---

¹ ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–5; Д. 217. Л. 68–69; Д. 403. Л. 1–15.

² ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.

³ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 66. Л. 7.

⁴ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 10.

состава действующей армии»¹ по которому приказывалось демобилизовать из действующей армии тринадцать старших возрастов военнослужащих до конца 1945 г. Демобилизация прошла достаточно организованно и народное хозяйство получило 3,3 млн чел. Затем по плану происходила демобилизация второй и третьей очереди военнослужащих и к концу 1948 г. 8,5 млн чел. вернулись к гражданской жизни².

К концу 1945 г. в регион возвращается большая часть демобилизованных, в Краснодарский край прибыло 116 764 чел.³, в Ставропольский – 50 945 чел. В августе 1946 г. на Кубань уже прибыло 195 071 чел.⁴

С окончанием войны начинается репатриация на родину советских перемещенных лиц, к которым относились военнопленные и мирные жители, угнанные на принудительные работы в фашистскую Германию и состоящие с ней в военном союзе страны. По данным Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба⁵ оккупантами было угнано за пределы страны 4 258 тыс. граждан СССР⁶.

В марте 1946 г. Центральное управление по делам репатриации при СМ СССР представляет результаты масштабной работы по выявлению советских военнопленных и гражданских перемещенных лиц. По подсчетам Управления за годы войны за пределами СССР оказались 6,8 млн чел., из которых осталось в живых около 5 млн. чел.⁷ Это соотносится с расчетами П.М. Поляна, по которым к весне 1946 г. в СССР вернулось 5 352 963 репатрианта (гражданских и военнопленных)⁸.

¹ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1945–1946 гг. М., 1947. С. 145–148.

² Донченко В.Н. Демобилизация Советской армии и решение проблем кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 97–98.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1558. Л. 7.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 401. Л. 117.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 515. Л. 14.

⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2... С. 145.

⁷ Там же.

⁸ Полян П.М. Жертвы двух диктатур... С. 402.

Проводится работа по подсчету советских перемещенных лиц и по регионам страны. Так согласно данным Переселенческого отдела Краснодарского крайисполкома от 1 мая 1947 г. с территории края было насильственно вывезено 130 521 чел., 62,1% из которых составляли женщины и 29,1% – дети¹. Наибольшее число кубанцев было угнано из приморских районов – Темрюкского (30 401 чел.), Верхнее-Баканского (3 930 чел.), Анапского (1 512 чел.), г. Новороссийска (45 000 чел.), а также Крымского (38 011 чел.), Славянского (1 008 чел.) и Варениковского (8 311 чел.) районов². К 1 января 1949 г. численность учтенных репатриантов уже составила 133 162 чел., из которых 37 452 чел. составляли дети³.

В Ставропольском крае численность советских перемещенных граждан была несколько ниже, по данным переселенческого отдела крайисполкома от 1 января 1949 г. насильственно было уведено фашистскими захватчиками с территории края 2 546 чел., в том числе: 1229 женщин, 890 мужчин и 375 чел. детей.⁴

Организация и прием перемещенных советских лиц осуществлялись в соответствии с Постановлением СНК СССР от 6 января 1945 г. «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан»⁵, согласно которому были созданы специализированные структурные подразделения по организации работы с репатриантами, в том числе 249 приемно-распределительных пунктов⁶. На северокавказском направлении такие пункты находились в Батайске, Миллерово, Ставрополе и Кропоткине (ст. Кавказская)⁷.

Приемно-распределительный пункт для репатриированных граждан на

---

¹ Рассчитано по: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 891. Л. 1–2; ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

² Рассчитано по: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 891. Л. 1–2.

³ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 2.

⁵ Репатриация советских граждан: Сборник официальных документов. М., 1945. С. 11.

⁶ Полян П.М. Жертвы двух диктатур... С. 364.

⁷ ГАКК. Ф. Р-585. Оп. 1. Д. 8, 21, 35.

ст. Кавказской был открыт 27 января 1945 г. Для обеспечения его работы, расходов по оказанию помощи и перевозкам репатриированных граждан Краснодарский крайисполком выделил денежные средства в размере 1 009 тыс. руб.¹

К 1 мая 1947 г. на территорию Краснодарского края возвратилось 67% насильственно вывезенных в период оккупации местных жителей (87 458 чел.). В общей численности репатриантов лица трудоспособного возраста составляли 51,7% (45 212 чел.), в возрасте старше 55 лет – 19,3% (16 848 чел.) и дети в возрасте до 16 лет – 29% (25 398 чел.)². После соответствующих проверок репатрианты направлялись в промышленность – 21 тыс. чел. и сельское хозяйство – свыше 20 тыс. чел.³

В Ставропольский край возвратилось 1 908 чел., это 75% от всех угнанных с территории края в период оккупации, из них 184 чел. (9,7%) составляли дети. Среди возвратившихся доля трудоспособных была гораздо выше, чем в Краснодарском крае – 81,6% (1 557 чел.). Большая часть репатриантов (1 132 чел.) было направлено на промышленные предприятия, меньшая (776 чел.) в сельское хозяйство⁴.

Довольно высокий процент невозвращенцев был также связан с морально-психологическими проблемами адаптации репатриантов. Как отмечает в своей работе М.Р. Стругова: «Сам термин “репатриант” приобрел в общественном сознании однозначно негативный смысл. Примером может служить высказывание начальника отделения МГБ Красноармейского района: “На территории нашего района проживают неблагонадежные лица (репатрианты, разные проходимцы, воры и жулики)”»⁵. Радостные и счастливые лица с плакатов Политпросвета взывали: «Мы ждем тебя из немецкого плена!», «Здравствуй, Родина-мать!», «Освобожденные советские

---

¹ ГАКК. Ф. Р-585. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 891. Л. 1–2.

³ Там же.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 2.

⁵ Стругова М.Р. Репатриация граждан в Краснодарский край // Голос минувшего. Краснодар, 2000. № 3–4. С. 37.

люди! Вы избавлены от гнета фашистской неволи!»). На деле же чаще всего все обстояло совсем иначе, радость оборачивалась недоверием, озлобленностью к репатриантам. В этих условиях часть из них хотела начать жизнь с «чистого листа» и предпочла возвращению на места прежнего проживания переезд в другие регионы, где требовались рабочие руки и была упрощенная система поселения и трудоустройства.

Оккупация сказалась на демографической ситуации в регионе, особенно заметно это проявилось на территории Краснодарского края, где демографические потери и число вынужденных мигрантов было заметно выше.

По расчетам Л.Л. Рыбаковского, согласно данным ЧГК на территориях, которые длительное время находились в оккупации (2–2,5 г.), учтенная доля лиц, истребленных фашистами составила 4% к довоенной численности населения. Примерно 8,4% населения этих районов было угнано на принудительные работы в Германию. На территориях, которые либо недолго, либо частично были в оккупации, погибло чуть меньше одного процента. Вместе с угнанными на принудительные работы это составляет 1,5%, т.е. почти в 8,3 раза меньше по сравнению с первой группой. Но внутри этих групп имелись существенные различия в гибели гражданского населения и вывозе на принудительные работы. Во второй группе довольно большой процент потерь был у Краснодарского края – 3,4%¹.

Другой формой миграционных перемещений в рамках административного подхода были широко используемые в период войны принудительные миграции. Один из признанных специалистов в области изучения принудительных миграций П.М. Полян² предлагает «выделять среди

---

¹ Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР... С. 101.

² Устоявшейся терминологии в данной области знания нет, и за рабочее нами было взято определение П.М. Поляна – «принудительная миграция – это перемещение значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Само принуждение может быть прямым или косвенным» (Полян П.М. Не по своей воле... С. 11.).

них репрессивные миграции (депортации¹), к которым он относит и репрессии по этническому признаку. Во-первых, этнический характер носили принудительные миграции, проводимые советской властью в порядке “политической подготовки театра военных действий” и “зачистки границ”. Они осуществлялись как тотально, так и частично. Во-вторых, тотальные депортации “наказанных народов” осуществлялись в превентивном порядке или как депортации “возмездия”. Кроме того, этнический оттенок имели компенсаторные миграции и принудительная оседлость»².

Однако, как замечает Л.П. Белковец, внутренние перемещения, даже если они применялись принудительно в условиях тоталитарного режима некорректно называть депортациями³. Она, как и часть правоведов и специалистов в области изучения миграции, под депортациями понимает принудительное переселение лиц за пределы государства, а перемещение в пределах государства трактуют как переселение (добровольное, вынужденные или принудительное).

Вместе с тем в современной исторической научной литературе термин депортация является вполне устоявшимся и активно используется в отношении отдельных индивидов и социальных коллективов, как иностранных, так и граждан СССР, подвергнутых насильственному переселению и, на наш взгляд, его использование наряду с терминами «спецпоселение» и «спецпереселение» вполне приемлемо и обосновано.

В период войны этнические депортации приобрели масштабный характер. В первую очередь они коснулись тех народов страны, часть представителей которых в силу определенных причин не получили советского гражданства, в советской терминологии именуемые – иноподданными. В

---

¹ От лат. *deportation* – изгнание, ссылка, насильственное переселение представителей отдельных национальных групп и целых народов с территории исконного/компактного проживания.

² Полян П.М. Не по своей воле... С. 27.

³ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 26–27.

рамках «доктрины благонадежности» они могли быть переселены в административном порядке из пограничных территорий, к которым относились Кубань и Ставрополье.

Проживающие на Кубани греки, попадающие под эту категорию, были согласно постановлениям «О выселении иноподданных из Краснодарского края и Ростовской области»¹ от 12 мая 1941 г. и «О дополнительном выселении из Краснодарского края и Ростовской области греков – иностранных подданных, немцев, румын, крымских татар и лиц, признанных социально опасными»² от 29 мая 1942 г. были депортированы. По данным, приведенным А.С. Хунаговым, с территории Дона и Кубани были выселены 1402 грека, среди них 562 чел. детей в возрасте до 16 лет³.

С началом Великой Отечественной войны связано и принудительное переселение немецкого населения СССР. 28 августа 1941 г. был издан Указ Президиума ВС СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»⁴, положивший начало принудительным переселениям граждан немецкой национальности. Вслед за ним издаются постановления о переселении немцев проживающих в других административных единицах европейской части СССР. Согласно Постановлению ГКО № 698сс от 21 сентября 1941 г. выселению в срок с 21 сентября по 10 октября подлежали немцы проживающие в Краснодарском крае – 34 287 чел. и Орджоникидзевском крае – 95 689 чел.⁵

Местом размещения спецпереселенцев была определена Казахская ССР: Карагандинская, Джамбульская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская области для высланных из Краснодарского края и Акмолинская, Карагандинская, Кустанайская, Павлодарская, Семипалатинская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская области для высланных из

---

¹ Коцонис А.Н. Депортация греков Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 2000. № 2. С. 13.

² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 36. Л. 170.

³ Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...»... С. 68.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 7.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 2.

Орджоникидзевского края¹. С собой спецпереселенцу было разрешено брать личное имущество и продовольствие не более 200 кг на члена семьи².

Большинство переселенцев размещалось в казахских аулах, за исключением небольшой части жителей гор. Краснодара, расселяемых в русских и украинских колхозах³.

По данным переписи СССР 1939 г. немецкое население составляло: в Краснодарском крае (включая Адыгейскую АО) – 34 287 чел.⁴, в Орджоникидзевском крае (включая Карачаевскую и Черкесскую АО) – 45 689 чел.⁵

Разница в численности немецкого населения выселенного из Орджоникидзевского края с данными переписи 1939 г. объясняется притоком эвакуированных немцев. Согласно справке НКВД от 2 сентября 1941 г. в Орджоникидзевский край из Крыма прибыли 50 000 чел. немцев⁶.

Во время проведения мероприятий по спецпереселению немцев рассылались памятки, в которых говорилось о персональной уголовной ответственности главы семьи за уклонение членов его семьи от мероприятий по переселению⁷.

В отношении смешанных семей, национальность и соответственно отношение к категории выселяемых определялись по мужчине: «если в семье муж не является немцем, а жена немка, то семья не переселяется»⁸.

Согласно справке НКВД СССР на 1 октября 1941 г. были переселены из Краснодарского края – 38 136 чел., готовились к переселению – 2 500 чел., из Орджоникидзевского края вывезено 74 570 чел.⁹ Также к эшелонам немецко-спецпереселенцев из Краснодарского и Орджоникидзевского краев были

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 57.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.

³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 90.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 968. Л. 15.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 274. Л. 7–8.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 123.

⁷ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 57. Л. 142–150.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 191.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 157.

присоединены и немцы, выселяемые из Калмыкии – 5 965 чел.¹

Имущество переселенных колхозников немецкой национальности из 53 колхозов согласно распоряжению СНК № 1111-рс, от 23 января 1942 г. было решено передать для использования колхозам и совхозам и провести внутрирайонное переселение².

По расчетам Р.Р. Баева и А.Е. Епифанова «за годы Великой Отечественной войны на спецпоселение поступило 949 829 советских немцев, в том числе 149 206 из Краснодарского и Ставропольского краев»³.

В местах высылки немцев организовывали в так называемые «рабочие колонны» или «трудовые армии» – формирования временно мобилизованных спецпоселенцев для выполнения трудовой повинности. Эти формирования создавались по военному образцу и подчинялись системе НКВД. Работа трудармейцев в основном проходила в отрыве от семьи в сложных климатических условиях на лесозаготовках, добыче полезных ископаемых и других работах предполагающих тяжелый физический труд. Существенно ухудшились и бытовые условия содержания немецких семей⁴. Немцы, эвакуированные из Крыма не имели справок о сданном перед выселением хлебе, чтобы получить его в месте вселения, что обрекало их на полуголодное существование⁵.

Согласно Постановлениям ГКО № 1123сс от 10 января 1942 г. и № 1281сс от 14 февраля 1942 г. в трудовые армии были мобилизованы все немцы призывного возраста от 17 до 50 лет⁶. Но уже 7 октября 1942 г. издается Постановление ГКО № 2383сс по которому в «трудовые колонны» дополнительно мобилизуются «годные к физическому труду» немцы 15–16 лет и 51–55 лет, а также женщины-немки от 16 до 45 лет за исключением

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 45.

² ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 25. Л. 4; ГАНИСК. Оп. 2. Д. 57. Л. 159; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 140–142.

³ Баев Р.Р., Епифанов А.Е. Указ. соч. С. 30.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 92.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 182.

⁶ Сталинские депортации. 1928–1953... № 3.67. С. 376–377; № 3.68. С. 377–378.

беременных и имеющих детей до 3-х лет¹. За уклонение от мобилизации и самовольное оставление «трудовых армий» была предусмотрена уголовная ответственность по законам военного времени.

Эти мероприятия оказывали существенное влияние на процесс демографического воспроизводства немецкого населения СССР, изменение его возрастной и половой структуры.

Новый виток репрессий и депортаций по этническому принципу начинается в 1943 г., после освобождения Кубани и Ставрополья. Объектом выселений становятся народы, незаслуженно обвиненные в «пособничестве оккупантам» и «недостаточной стойкости в обороне Кавказа». Первыми из северокавказских народов были депортированы с территории своего традиционного проживания карачаевцы.

Выселение карачаевцев проводилось на основании Указа Президиума ВС СССР № 115/13 от 12 октября 1943 г. «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории»², в вину карачаевцам вменялось пособничество немецко-фашистским оккупантам. Президиум ВС СССР постановил: «всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать...»³.

В сентябре 1943 г. на имя Л.П. Берии был представлен план организации выселения карачаевцев, согласно которому они направлялись в количестве 16 000 семей для расселения в областях Казахской ССР: Южно-Казахстанской – 6 000 семейств, Джамбульской – 5 000 семейств и Фрунзенской области Киргизской ССР – 5 000 семейств⁴.

Определялся размер имущества разрешенного к перевозке выселяемым карачаевцам – до 500 кг на семью⁵.

---

¹ Сталинские депортации. 1928–1953... № 3.70. С. 379–380.

² Сталинские депортации. 1928–1953... № 3.77. С. 393.

³ Карачаевцы. Выселение и возвращение... С. 80–81.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 93–94.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 34–39.

Расселение спецпереселенцев-карачаевцев было закончено 23 ноября 1943 г. Из планируемых 16 000 семей в Казахской и Киргизской ССР было размещено 15 987 семейств – 68 614 чел., без малого 100%. Среди переселенцев преобладали дети – 53,5% и женщины – 28,3%, мужчины составляли 18,2%¹. Это было практически все население автономной области, так как согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Ставропольском крае проживало 73 656 карачаевцев, в том числе в Карачаевской автономной области – 70 301 чел.²

Проходившие в это время службу в Красной Армии и проживающие в других регионах карачаевцы, согласно приказу ГКО № 0741 от 3 марта 1944 г., также подлежали переселению в Казахскую и Киргизскую ССР³.

В ходе переселения часть карачаевских семей оказалась разобщена. «Во всех районах расселения Казахской и Киргизской ССР, – читаем в докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышева, направляемой в декабре 1943 г. на имя наркома Л. Берии, – поступают в распоряжение и комендатуры НКВД много заявок в отношении розыска членов семей и соединения с ними. Только в Джамбульской области таких заявлений поступило свыше 2 000...»⁴. Всего по Казахской ССР насчитывалось 5 143 разрозненных карачаевских семей⁵.

Сложные климатические условия, в которые попали переселенцы, проблемы с жильем, медицинским обслуживанием, питанием⁶, разрозненность семей существенным образом сказались на воспроизводстве депортированных народов. Смертность у спецпоселенцев – немцев, калмыков, народов Северного Кавказа и прочих депортированных в период войны этнических групп была чрезвычайно высокой. С момента их выселения и до 1 января 1951 г. умерло свыше 328 тыс. чел., причем наиболее высокой

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 134.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 734. Л. 16, 67.

³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии... С. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 108.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 124.

смертность была в первые годы после переселения¹.

За выселением карачаевцев и ликвидацией автономии последовали территориальные преобразования. Согласно постановлению СНК № 1221-368-сс от 6 ноября 1943 г. территории бывшей Карачаевской области были переданы в состав других административно–территориальных образований: Усть-Джегутинский район, с включенной в него частью Микояновского района. Мало-Карачаевский район, переименованный в Кисловодский, и часть территорий со ст-цей Преградной перешли в состав Ставропольского края. Преградненский район был передан в состав Краснодарского края. Административный центр области г. Микоян-Шахар, Микояновский и Учкуланский районы были переданы в состав Грузинской ССР².

На заседании Ставропольского крайкома ВКП(б) 15 ноября 1943 г. под председательством М.А. Сулова рассматривался вопрос «О порядке заселения бывшей Карачаевской автономной области»³. Для организации хозяйственной деятельности на территориях выселения было решено привлечь силы соседних регионов. К переселению планировались 3 280 хозяйств из степных районов Ставропольского края и 200 хозяйств из горных районов Грузии⁴. По сути, эти компенсаторные переселения, тоже являлись принудительными миграциями. П.М. Полян определяет их: «как добровольно-вынужденные, когда государство влияет на обстоятельства и факторы индивидуального принятия решений о переселении именно таким образом, каким оно, государство, хотело бы его видеть»⁵.

Еще до начала организованных компенсаторных переселений в рамках выполнения постановлений СНК СССР от 14 октября и 6 ноября 1943 г.⁶ в покинутые колхозы было доставлено из районов Ставрополя 5 000 чел для

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2... С. 182.

² «По решению Правительства Союза ССР...» ... № 11.2. С. 399–401.

³ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 198.

⁴ «По решению Правительства Союза ССР...» ... № 11.2. С. 400.

⁵ Полян П.М. Не по своей воле... С. 11.

⁶ Сталинские депортации. 1928–1953... № 3. 80. С. 399–401.

уборки кукурузы, картофеля и ухода за скотом¹.

27 июня 1949 г. Президиум ВС РСФСР на основании ходатайства Ставропольского крайисполкома обратился в ЦК ВКП (б) о переименовании 11 сельсоветов и 40 населенных пунктов Ставропольского края, носящих немецкие и карачаевские названия². 9 августа 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердил это решение³.

Часть выселенных пытается самостоятельно выехать из мест поселения, в том числе вернуться на Северный Кавказ. На 1 июня 1944 г. из мест ссылки бежало 77 карачаевцев, 19 чел. было задержано⁴.

Принимаются меры по предотвращению побегов. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) «О выселенцах» от 24 ноября 1948 г. говорится, что «... за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виноватых привлекать к уголовной ответственности, определив меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ». Лица прямо или косвенно способствующие побегу выселенцев привлекались к уголовной ответственности «... лишением свободы на 5 лет»⁵.

Вместе с тем по ходатайству Управления спецпоселений «если заявитель остался на службе в Красной Армии, при отсутствии компрометирующих материалов на его родственников спецпоселенцев (жену, детей, родителей, несовершеннолетних братьев сестер) освобождать последних из спецпоселения без права возвращаться на Северный Кавказ, Крым и территорию бывшей Калмыцкой АССР», было поддержано Л.П. Берия, с оговоркой «не применять широкой практики, исключительно в индивидуальном подходе»⁶.

Следующими в списке незаслуженно обвиненных народов были калмыки. Согласно Указу Президиума ВС СССР от 27 декабря 1943 г.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 176.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 480. Л. 100–102.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1077. Л. 155–157.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 159.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 141–143.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 185.

Калмыцкая АССР была ликвидирована, более 94 тыс. калмыков были депортированы¹, в том числе и 1 014 чел. калмыков проживающих в Ставропольском крае².

Очередная волна репрессий коснулась и греков Кубани. На основании двух Постановлений ГКО от 29 мая 1944 г.³ и от 17 мая 1949 г. с территории Краснодарского края выселялись греки: иноподданные, ранее избежавшие высылки и «бывшие греческие подданные, принятые в советское гражданство»⁴. Всего, по подсчетам А.С. Хунагова, было выселено 57 680 греков⁵.

Принудительные миграции военного и послевоенного периода существенным образом повлияли на этнодемографическую структуру и территориальное расселение народов в Краснодарском и Ставропольском краях, а также на экономическое развитие тех и иных районов компактного расселения выселенных, некоторые из которых, вплоть до их реабилитации, оставались заброшенными.

Вынужденный характер переселений, снижение рождаемости, отложенные рождения детей, повышение уровня смертности, особенно детской, сложные климатические условия проживания, использование переселенцев в основном на тяжелых физических работах, где, зачастую, вместе с мужчинами были задействованы и женщины, оказали существенное влияние на демографическую структуру и развитие репрессированных народов.

Как отмечает специалист в области математической демографии Д.М. Эдиев: «Расчеты с привлечением метода демографического потенциала, указывают на то, что даже после того, как скажутся всевозможные компенсаторные процессы, и динамика численности населения

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 10.

² Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...»... С. 69–70.

³ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 181.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 185.

⁵ Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...»... С. 90–92.

депортированных уже никак не будет отражать последствия потерь 40–50-х, численность депортированных народов все еще не будет “добирать” около 30% от той численности, которая могла бы иметь место в отсутствие депортации»¹.

К концу войны меняется отношение к депортированным полякам, планируется их переселение из районов Севера в более приемлемые в климатическом отношении южные районы РСФСР и Украину, что было связано с трудностями адаптации поляков и возросшей вследствие этого смертностью. В политическом смысле, это было обусловлено с одной стороны выполнением договоренностей Правительства СССР с Польским эмигрантским правительством от 30 июля 1941 г. об амнистии польских граждан и разрешении переселения поляков в Польшу после ее освобождения от немцев, а с другой – желанием руководства СССР оказать влияние на формирование просоветских настроений у планируемого к переселению польского населения.

28 апреля 1944 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышев докладывал Л.П. Берия о планируемом переселении из северных в южные районы страны 23 248 чел., из них инвалидов – 272 чел., детей из детских домов – 639 чел.² Согласно плану из общего числа переселенцев 1 540 чел. направлялось в Ставропольский край³, а 4 120 чел. – в Краснодарский⁴. Однако цифры постоянно корректировались и уточнялись⁵.

Первые партии поляков в Краснодарский край были отправлены 23 мая 1944 г. из Коми АССР – 2 836 чел.⁶, 25 июля 1944 г. из Новосибирской области – 1 476 чел., в том числе 161 ребенок в детдом, в Ставропольский край 1 569 чел. из Кировской области и 1 401 чел. из Новосибирской⁷.

---

¹ Эдиев Д.М. Указ. соч. С. 32–33.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

³ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 62. Л. 159.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 3.

⁵ ГАКК. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 7. Л. 10; Оп. 2. Д. 21. Л. 40–41.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 204.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 157–158.

В сентябре 1944 г. программа переселения поляков в южные регионы СССР была завершена. За этот период в Краснодарский край переехало 4 423 чел.¹, в Ставропольский край – 1 953 чел.²

После изгнания интервентов появляется новая категория выселяемых – пособник немецко-фашистских захватчиков. Согласно Приказу НКВД СССР от 24 августа 1944 г. из городов Кавказских Минеральных Вод были переселены 850 чел. относящиеся к категории немецко-фашистских пособников и членов их семей (378 семей)³, а через четыре месяца НКВД расширяет географию выселяемых, теперь сюда попали Ставрополь – 523 чел. (210 семей), Кавминводы – 549 чел. (206 семей), Черкесская АО, Зеленчукский, Усть-Джегутинский, Кисловодский районы – 1166 чел. (319 семей). Общая численность выселяемых составила 2 238 чел. (735 семей), они направлялись на постоянное место жительства в Таджикскую ССР для трудового использования в совхозах республики⁴.

Вместе с тем, для части ранее находившихся на спецпоселениях был упрощен режим. Так на территории Ставропольского края уже в 1946 г. отменили особый режим в спецпоселениях и разрешили образовывать сельхозартели⁵.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны административный подход к управлению миграциями достигает своего пика. Логика войны определяла доминирующую роль государства в управлении всеми процессами жизнедеятельности страны, в том числе и миграционными. На этот период приходится наиболее активное использование мер репрессивного характера в регулировании миграционных потоков. На период войны приходятся массовые депортации народов незаслуженно обвиненных в государственной измене.

---

¹ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 10. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 352.

³ «По решению Правительства Союза ССР...» ... № 1.56. С. 110–111.

⁴ «По решению Правительства Союза ССР...» ... № 1.57. С. 111.

⁵ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 84. Л. 168.

Массовая мобилизация мужского населения, эвакуации, принудительный вывоз части населения оккупированных территорий в Германию, депортации народов, были факторами негативно повлиявшими на демографическую ситуацию в регионе. В то же время, эвакуация и реэвакуация, демобилизация и репатриация частично способствовали восстановлению численности населения. Кроме того в первые послевоенные годы Кубань и Ставрополье снова становятся миграционно привлекательными и притягивают переселенцев из разрушенных войной районов страны.

Этнические депортации привели к трансформации национальной структуры Кубани и в большей степени Ставрополья, а также негативно сказались на хозяйственном развитии части территорий традиционного проживания репрессированных народов, которые вплоть до реабилитации и возвращения оставались заброшенными.

Демографические последствия, связанные с войной и депортациями еще достаточно долго отражались на демографическом развитии народонаселения Кубани и Ставрополья.

4.3. Миграционное движение населения Кубани и Ставрополья во второй половине 1940-х – 1950-е гг.

Чрезвычайное военное положение в СССР было отменено 4 сентября 1945 г., восстановлены отпуска, 8-часовой рабочий день. Страна возвращалась к мирной жизни, но характер и направление миграционных потоков во многом определялись последствиями Великой Отечественной войны.

Существенно увеличивается мобильность населения. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский: «В России в дореволюционное время по примерным подсчетам А.А. Кауфмана в переселениях участвовало 0,14% общей численности населения страны, или 10% его годового естественного прироста. В послевоенные годы, согласно расчетам М.Я. Сониной, в миграциях

участвовало в 6 раз больше, чем до революции»¹.

Основные потоки миграции населения в этот период наблюдались на территории: Центрального района – 40,6%, Уральского региона – 12,3%, территорий Поволжья – 10,1%, Северного Кавказа и Крыма – 7,7% всех мигрантов по стране. Напротив, заметно сокращается в послевоенный период миграционный поток в Сибирь и на Дальний Восток².

В целом по стране в 1946 г. мужчины доминировали среди прибывшего населения, а женщины в составе выбывшего. Среди мигрантов-мужчин преобладала возрастная группа 25–34 года (33%), а среди женщин 16–24 года (37,6%). Здесь отчетливо видны последствия войны, так как основную часть перемещавшихся по стране составляли молодые люди в возрасте от 16 до 39 лет. При этом мужчин в 1946 г., например, прибыло на 255,3 тыс. (10%) больше, чем женщин³.

Это объяснялось, главным образом, демобилизацией из рядов Советской Армии, продлившейся до 1948 г., за этот период 8,5 млн мужчин пополнили мирное население страны, но соотношение полов все равно оставалось непропорциональным. В 1946 г. в РСФСР на 57% женщин было 43% мужчин, а в возрастной группе 20–44 года это соотношение выглядело как 61,5 и 38,5%⁴.

Советский Союз, понесший огромные человеческие потери, был заинтересован в возвращении населения. В этой связи особое внимание уделялось возвращению в СССР репатриантов, которое имело не только демографическое, но и идеологическое значение. Со странами союзниками были заключены соглашения о передаче бывших советских граждан попавших в их зону оккупации. К середине 1946 г. в основном завершается возвращение репатриантов в СССР, в том числе в Краснодарский и Ставропольский края.

Вместе с этим потоком с 1945 г. осуществлялась репатриация российских

---

¹ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) ... С. 42.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2... С. 278.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 141.

эмигрантов из Франции, Румынии, Чехословакии, Греции, Югославии, Болгарии, Польши и других стран. На июль 1948 г. в Советский Союз было репатрировано 106 835 чел.¹

Единицы репатриированных вернулись на Кубань и Ставрополье. Из общего числа реэмигрантов из Франции – 6 991 чел.², в Краснодарский край переезжает только 71 чел.³, а в Ставропольский – 16 чел.⁴ Из Чехословакии в Краснодарский край прибывает 9 чел.⁵ и 1 чел. в Ставропольский⁶.

Крупной этнографической и конфессиональной группой переселившейся в послевоенный период в СССР из Румынии были липоване – потомки старообрядцев в XVII–XVIII вв. выехавших из России. Общая численность переселенцев-липован, которые фигурировали в документах как «граждане русской национальности прибывшие из Румынии»⁷ составила 6 121 чел.⁸ Из 1 484 чел. (332 семьи) переселившихся в 1947 г. на Кубань, 28,3% составили мужчины, 30,5% – женщины, 41,2% дети до 16 лет. Липоване были размещены в трех районах: Ейском – 126 семей, Камышеватском – 105, Темрюкском – 101 семья⁹.

В Ставропольском крае на 1 октября 1950 г. липоване насчитывали 154 чел. Переселившись из Румынии в Астраханскую область¹⁰, они получили разрешение на переезд в Ставропольский край, для работы на строительстве 2-й очереди Кубань-Егорлыкской оросительной системы¹¹. В 1949 г. еще

---

¹ Земсков В. Репатриация перемещенных советских граждан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1234.html (дата обращения: 12.11.2016).

² Земсков В. Репатриация перемещенных советских граждан...

³ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 114.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.

⁶ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 114.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 12. Л. 45; Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 47. Л. 228.

⁸ Земсков В. Репатриация перемещенных советских граждан...

⁹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 8. Л. 101; Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 47. Л. 228.

¹⁰ Переселение липован должно было обеспечить трудовыми ресурсами территории, пострадавшие в результате Великой Отечественной войны и депортаций населения. В Астраханской области липоване были расселены в бывшем калмыцком селе Тюменевка, пришедшем в запустение после депортации калмыков. Переселенцы дали селу новое название – Речное.

¹¹ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 129. Л. 114.

40 семей липован самостоятельно переселились из Астраханской области в х. Ново-Покровский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края¹.

Самостоятельные действия по переселению, предпринятые липованами, не устраивали власть. Переселенческое управление издает распоряжение № 335с от 6 ноября 1948 г., в котором «требуется установить точное количество переселенцев-рыбаков из Румынии прибывших в Астраханскую область и самостоятельно выбывших в Краснодарский край, провести с ними разъяснительную работу, для обеспечения их возвращения в Астраханскую область»².

В целях закрепления дружественных отношений между Польской Республикой и Советским Союзом 6 июля 1945 г. заключается соглашение о добровольном обмене населением: с одной стороны разрешается выезд в Польшу поляков и евреев, которые до 17 сентября 1939 г. являлись гражданами Польской Республики, а с другой стороны, с территории Польши могли переехать в СССР белорусы и украинцы³.

Число попадавших в эту категорию поляков и евреев на территории Ставропольского края к 18 апреля 1946 г. составило 1 542 чел. Из них 1 532 чел. было возвращено на родину, 10 польских граждан пожелали остаться гражданами СССР⁴. В Краснодарском крае на 31 декабря 1945 г. проживало 4 177 бывших польских граждан, большая часть из которых переселяется в Польшу⁵.

Возвращение эмигрантов в СССР, миграционный обмен с Польской Республикой в численном отношении были незначительными и не оказывали

---

¹ Зудин А.И. Липоване: исторические пути русского старообрядчества // Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура / под. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2006. С. 16.

² ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 12. Л. 109.

³ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1974. T. VIII. S. 500–504; ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7. Л. 73.

⁴ Мухортов А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1950 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. С. 161.

⁵ Żaróń P. Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej. Warszawa, 1990. S. 276–277.

существенного влияния на демографическую структуру региона, но они должны были помимо демографических и экономических задач продемонстрировать укрепившиеся положение СССР на международной арене и произошедшие демократические перемены в советском обществе, в том числе в вопросах управления миграционными процессами.

Важнейшими задачами послевоенного периода, стоявшими перед государством, было восстановление экономики пострадавшей в годы войны и завершение процесса модернизации. Решение этих задач требовало большого количества трудовых ресурсов, численность рабочих занятых на восстановительных работах, в районах освобожденных от вражеской оккупации, в том числе и на Северном Кавказе, составляла в 1944 г. 119%, в 1945 г. – почти 150% к уровню 1940 г.¹

Восстанавливается система организованного набора рабочей силы². Постановлением СМ СССР от 21 мая 1947 г. были созданы региональные конторы трудовых ресурсов для народного хозяйства страны. Краснодарской конторой за 14 месяцев работы 1947–1948 гг. было завербовано 32,9 тыс. чел., из них 76,9% составили сельские, а в 1949 г. – 12 тыс. чел.³

Как и в 1930-е гг., основным источником пополнения трудовых ресурсов для промышленности стало село. Новые кадры, пополнившие ряды советских рабочих в 1947 г. – первой половине 1950-х гг., были на 60–85% бывшими сельскими жителями⁴, а сельская молодежь составляла $\frac{3}{4}$ выпускников в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищах⁵ готовивших кадры для промышленного производства.

В течение 1947 г. в Краснодарском крае было призвано по линии

---

¹ Дьяков Ю.Л. Место освобожденных районов в распределении капиталовложений и строительных кадров // Восстановление народного хозяйства освобожденных и прифронтовых районов СССР в 1944–1945 гг.: Сборник статей / под ред. Г.А. Куманева, А.В. Митрофановой. М., 1983. С. 46.

² ЦДНИКК. Ф. 4384. Оп. 1. Д. 59. Л. 7.

³ Стругова М.Р. Жизненные стратегии рабочих Краснодарского края в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Вестник архивиста Кубани. Краснодар, 2006. № 1. С. 74.

⁴ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2... С. 279.

⁵ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву... С. 85.

Министерства трудовых ресурсов в основном из сельской молодежи и вывезено в другие области – 30 026 чел., из них в школы ФЗО – 11 314 чел., 18 712 чел. для работы на промышленных предприятиях¹.

Тяжелое экономическое положение деревни связанное с увеличением прямых и косвенных налогов при сократившемся трудоспособном населении подталкивает колхозников искать возможность переезда в город. По сути, продолжает действовать механизм «выталкивания» крестьянства из деревни, запущенный еще в 1930-е гг. Наряду с легальными каналами: оргнаборами рабочих для восстановления народного хозяйства, учебой, службой в армии, действовали и стихийные. Не останавливала миграцию и низкая профессиональная квалификация переселенцев-крестьян, восстановление народного хозяйства требовало большого количества лиц, в том числе и низкоквалифицированного труда. Потребность в трудовых ресурсах при заведомо завышенных производственных планах ставили руководителей предприятий перед необходимостью привлекать рабочих любым путем, даже «закрыв глаза» на отсутствие миграционных документов.

Часть крестьян (6–10%) в течение всего послевоенного периода занималась отходничеством, т.е. часть времени работала в колхозе, где вырабатывали минимальное количество трудодней, чтобы сохранить членство в колхозе, а часть времени в городе. Такие крестьяне также были кандидатами для переезда в город. Как отмечает О.М. Вербицкая «количественный состав группы отходников определялся уровнем оплаты труда в колхозах, близость города и наличие транспортного сообщения. Самый большой процент отходников был в Московской области – 33,3% и Владимирской – 25,1%. В Краснодарском крае преобладали более мощные в экономическом отношении колхозы и отходников здесь было заметно меньше, на 1950 г. они составляли только 2,2%»². Низкий процент отходников был и в других регионах Юга России, где существовала реальная возможность заработать в своем колхозе.

---

¹ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 47. Л. 41.

² Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву... С. 88.

В 1950 г. в среднем по РСФСР среднегодовая выработка одним трудоспособным колхозником составляла 251 трудодень, в Белоруссии – 211, в Калининской области – 324, Курганской – 322, а на Северном Кавказе и в Крыму – 326 трудодней¹.

В послевоенный период на Кубани и Ставрополье продолжает использоваться практика привлечения трудовых ресурсов для выполнения народнохозяйственных задач в других регионах страны. Это создавало определенные проблемы развития региона который сам нуждался в трудовых ресурсах необходимых для развития сельского хозяйства и других стратегически важных отраслей².

Во исполнение Постановления СМ РСФСР от 4 октября 1948 г. № 3735 «О развитии рыбной промышленности Дальнего Востока» в Сахалинскую область должно было быть переселено 8 000 семей рыбаков-колхозников. Квота Краснодарского края на переселение составляла 800 семей, из них: в 1949 г. – 100, 1950 – 200, 1951 – 200, 1952 г. – 300³. Причем это было уже второе решение о переселении – согласно Постановлению СМ РСФСР от 17 сентября 1947 г. на 1947 и 1948 гг. было намечено к переселению ежегодно по 250 семей⁴. Руководство края обращалось в Переселенческий комитет СССР с просьбой снизить квоты на переселение, так как существовала острая нехватка рабочих рук в самих рыболовецких колхозах Краснодарского края⁵, на что была получена рекомендация о привлечении к работе женщин⁶. Из Ставропольского края на развитие рыбной промышленности, но уже

---

¹ Волков И.М. Указ. соч. С. 115.

² Вектор послевоенного экономического развития СССР И.В. Сталин определил в программной речи на встрече с избирателями Сталинского округа Москвы 9 февраля 1946 г. В экономике он выделил четыре стратегические позиции, которые страна должна была развивать в первую очередь. К ним относились: металл (для производства вооружения и оборудования предприятий), топливо (для поддержания работы заводов и транспорта), хлопок (для производства обмундирования), хлеб (для снабжения армии) (Правда. 1946. 10 февр.). Учитывая, что на территории региона помимо хлеба, еще выращивали хлопок и вели добычу нефти он относился к стратегически важным.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1662. Л. 152.

⁴ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 302. Л. 231–233; Оп. 3. Д. 72. Л. 34.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1661. С. 11–12.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1662. С. 152.

каспийского побережья Азербайджана, в 1946 г. было направлено 1 000 чел. трудоспособных сельских жителей¹.

Привлекаются рабочие в тяжелую и добывающую промышленность. В 1946 г. Ставропольский край отправляет 3 000 чел. для работы на угольных предприятиях Ростовской области², Краснодарский край – 1 500 чел. на строительство предприятий тяжелой промышленности³. Происходила активная вербовка на промышленные предприятия Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Грозненской областей⁴.

Поступали разнарядки на временную работу, где не оговаривались сроки. В результате переезд на временную работу превращался в переезд на новое место жительства. Так в 1948 г. 720 лесорубов и 80 возчиков с подводами направлялись на лесозаготовки. Из них по районам Краснодарского края распределялись 427 лесорубов и 80 возчиков, а 293 лесоруба направлялись в Архангельскую область⁵. Схожие процессы происходили в Ставропольском крае.

На миграционные перемещения населения существенное влияние оказал голод 1946–1947 гг. Северо-Западный Кавказ принял на себя часть мигрантов, спасавшихся от голода в других регионах страны. Сказывалась уже давно закрепившаяся за регионом слава хлебного края. Однако Кубань, и Ставрополье сами находившиеся в тяжелом положении не могли обеспечить переселенцев ни работой, ни продовольствием. Среди этой категории мигрантов было довольно большое количество детей.

В информационной записке Армавирского горкома ВКП(б) от 2 апреля 1947 г. отмечалось, что «ежедневно в город приезжает из Украины, Донбасса, Воронежской и других областей 500–600 человек, большей частью семьями. Приезжают, главным образом, для трудоустройства, и некоторая часть, за

---

¹ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 84. Л. 38, 229.

² ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 3. Д. 154. Л. 35–35об.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 2256. Л. 13.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 84. Л. 38, 229.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 623. Л. 16.

продуктами питания, или с целью спекуляции»¹.

Однако регион был «не в состоянии обеспечить такого количества прибывающих работой, жилой площадью, питанием. Попадая исключительно тяжелое положение многие стремятся возвратиться обратно, но в связи с отсутствием поездов дальнего следования – не могут в течение длительного времени выехать, а израсходовав имеющиеся средства впадают в крайнюю нужду. По городу увеличилось хождение взрослых и детей из приезжих с просьбой подаяния. В детский приемник ежедневно поступает 15–20 беспризорных детей»². В 1946 г. детприемники Краснодарского края приняли 6 тыс. беспризорников, а в 1947 г. – более 12 тыс.³

Краснодарский и Ставропольский крайисполкомы в 1947 г. принимают ряд постановлений ограничивающие въезд в регион в связи с продовольственными затруднениями. Эти меры существенно снижают миграционный прирост, который в Ставропольском крае в январе 1947 г. составил 2 139 чел., а в январе 1948 г. снизился до 453 чел.⁴

Пытаясь преодолеть послевоенный кризис в сельском хозяйстве, крайней точкой которого стал голод 1946–1947 г., государство снова прибегает к жестким административным методам. ВС СССР 2 июля 1948 г. принимает указ о выселении в отдаленные районы страны по решению местных органов власти лиц уклоняющихся от работы в колхозах и не выполняющего минимум трудодней «ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» на срок до 8 лет⁵. Жители села называли это «вторым раскулачиванием»⁶. На основании этого указа за 1948–1952 гг. из Краснодарского края был выселен 661 колхозник⁷.

Принимаются постановления, ограничивающие с 1949 г. набор рабочей

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 660. Л. 6–6об.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 660. Л. 6–6об.

³ Краснодарскому краю – 65 лет... С. 82.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 3. Д. 154. Л. 3.

⁵ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 61. Л. 6; Д. 51. Л. 3; Д. 52. Л. 2; Д. 60. Л. 3.

⁶ Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» ... С. 109–125.

⁷ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2... С. 172.

силы в колхозах, призыв сельской молодежи для учебы в школах ФЗО и ремесленных училищах. Однако интенсивность миграций из села в город со временем только нарастала. Миграционный отток в Ставропольском крае в 1949 г. составил 3 657 чел., тогда как в 1948 г. наблюдался миграционный прирост населения – 4 674 чел.¹ Устоявшиеся миграционные каналы продолжали активно функционировать, количество трудоспособных колхозников уменьшалось, в Краснодарском крае в 1952 г. по сравнению с 1951 г. на 31,9 тыс. чел., по сравнению с 1950 г. – на 39,2 тыс.²

Фактически переезд в город уже сам по себе давал старт к дальнейшим миграционным перемещениям. За двенадцать месяцев 1950 г. – январь-февраль 1951 г. 3 880 чел. молодежи было направлено на стройки и промышленные предприятия Краснодарского края, но в тоже время численность молодых рабочих за 1950 г. сократилась на 394 чел. с 6 279 чел. на 1 января 1950 г. до 6 673 чел. на 1 января 1951 г. Таким образом, текучесть молодых рабочих составила за 1950 г. – 56,2% (3 709 чел.), а большее число из них оставили свои предприятия самовольно³.

Население Кубани и Ставрополья в 1950-х гг. становится более мобильным. Миграционный прирост населения в Краснодарском крае в 1953 г., по сравнению с 1952 г. увеличился на 54,5% (с 40 518 чел. в 1952 г. до 62 604 чел. в 1953 г.), в том числе городского населения на 64,5%, сельского на 33,7%, г. Краснодара на 107,6%. Миграционный прирост в Ставропольском крае также был положительным, хотя и численно меньшим – 18,9%. В абсолютных цифрах он вырос с 22 892 чел. в 1952 г. до 27 207 чел. в 1953 г., в том числе в городах на 21,5%, селах на 13,6%, в г. Ставрополе на 44,9%⁴ (таблица 4.5). Более высокими темпами увеличивается городское население, в особенности краевых центров.

¹ ГАСК. Ф. Р-1886. Оп. 3. Д. 155. Л. 16–16об; Д. 398. Л. 20.

² Стругова М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945-1953 гг.): на примере Краснодарского края. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. С. 20.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 267. Л. 105.

⁴ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3384. Л. 12–36.

Таблица 4.5 – Миграционные процессы в Краснодарском и Ставропольском краях в 1952–1953 гг.¹

Регионы	1952			1953		
	прибыло	выбыло	всего	прибыло	выбыло	всего
Краснодарский край	210472	169954	40518	234224	171620	62604
Городское	136026	108672	27354	157942	112943	44999
Сельское	74446	61282	13164	76282	58677	17605
г. Краснодар	32153	24662	7491	41636	26088	15548
Ставропольский край	77922	55030	22892	88298	61091	27207
Городское	51488	36358	15130	59445	41056	18389
Сельское	26434	18672	7762	28853	20035	8818
г. Ставрополь	12720	9085	3635	15428	10162	5266

Соотношение взрослых и детей в потоке мигрантов на Кубани и Ставрополье было примерно одинаковым. Среди прибывших на Кубань в 1952 г. 86% составляли взрослые и 14% – дети до 16 лет. В 1953 г. соотношение оставалось примерно таким же: 86,3 – взрослые и 13,7% – дети. В Ставропольский край в 1952 г. прибыло 86% взрослых и 14% детей, а в 1953 г. – 85,7% взрослых и 14,7% – детей².

Высокая миграционная мобильность в послевоенные годы была обусловлена отсутствием сдерживающих факторов: разрушенное жилье, продовольственные проблемы, неустроенная личная жизнь, что с успехом использовалось государством в решении экономических задач.

Отдельной формой миграционных перемещений этого периода были компенсаторные миграции – организованное переселение жителей Кубани и Ставрополья на территории, опустевшие в результате депортаций.

Население Ставрополья было сильнее вовлечено в эти процессы, поскольку часть территорий Карачаевской АО, Калмыцкой и Чечено-Ингушской АССР после их ликвидации были включены в состав Ставропольского края. Кроме того, переселение ставропольцев обходилось государству дешевле вследствие непосредственной близости территорий.

¹ Таблица составлена на основе источника: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3384. Л. 12–36.

² Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3384. Л. 12–36.

По данным приведенным А.С. Мухортовым на территории бывшей Карачаевской автономной области из Ставропольского края было переселено около 10 000 чел.¹

В Грозненскую область планировалось до 15 апреля 1944 г. переселить с территории Ставрополя 8 000 хозяйств «из числа проверенного контингента населения, с условием обязательного наличия в семье трудоспособных членов, в том числе 1 600 чел. из Кизлярского округа»². При этом часть территорий Ставропольского края (Кизлярский округ и Наурский район) с проживавшим там населением, 12 апреля 1944 г. была передана в состав Грозненской области³.

Однако цифры впоследствии увеличиваются. Отчетные документы Переселенческого управления при СМ РСФСР показывают, что в Грозненскую область было переселено: в 1944 г. – 10 250 семей, 1945 – 2 680, 1946 – 1 911, 1947 – 1 488, всего – 16 329 семей⁴. По данным приведенным В.Г. Шнайдером «к февралю 1946 г. в Грозненскую область из Ставропольского края прибыло 5 472 семей переселенцев»⁵.

Среди переселенцев были и те, кто прибыл в Грозненскую область стихийно⁶. Вероятнее всего, из-за неурожая и голода 1946 г. в область самостоятельно прибыло 2 404 семьи⁷, в 1948 г. – 1 488 семей, в том числе и с территории Ставрополя. Большинство из них были зачислены в число плановых переселенцев⁸. Однако преобладающими остаются организованные миграции.

Переселенцы из Ставрополя направляются на территорию ликвидированной Калмыцкой АССР. Число переселенцев из Краснодарского

---

¹ Мухортов А.С. Указ. соч. С. 72–73.

² ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 66. Л. 4, 7.

³ Сталинские депортации. 1928–1953... С. 439.

⁴ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 618. Л. 1.

⁵ Шнайдер В.Г. Указ. соч. С. 274.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 732. Л. 38.

⁷ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 618. Л. 24; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 732. Л. 38.

⁸ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 629. Л. 41.

края на эти территории было существенно меньше.

Несмотря на предпринятые шаги по организации компенсаторных переселений демографически территории депортированных северокавказских народов были заселены не полностью и неравномерно: равнинные на 75%, а горные лишь на 15%.

Следующим важным направлением организованных компенсаторных миграций стал Крым¹. Сюда после депортации крымских татар и других народов в соответствии с постановлением ГКО от 12 августа 1944 г. осуществляется переселение сельского населения из Краснодарского и Ставропольского краев, а так же ряда областей РСФСР и Украинской ССР. По определенным в постановлении переселенческим квотам Краснодарский край должен был представить 9 000 чел., а Ставропольский край – 6 000 чел.² Первым секретарем Крымского обкома партии в 1944 г. был назначен П.Ф. Тюляев, занимавший до этого должность председателя Краснодарского крайисполкома³.

Колхозникам-переселенцам оказывалась широкая государственная финансовая и продовольственная поддержка, предоставлялись различные льготы, в том числе освобождение от всех видов денежных платежей и натуральных поставок на три года и отсрочка от призыва в армию в 1944–1945 гг.⁴

По данным Государственного архива Республики Крым, приведенным Э.И. Сеитовой: «в Крым в сентябре 1944 г. переезжает 17 040 семей (62 104 чел.), в том числе 2 349 чел. из Краснодарского края в Алуштинский район и 2 469 чел. из Ставропольского и Краснодарского краев в Судакский район»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 629. Л. 43.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 309. Л. 17–18; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 579. Л. 39.

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. Кн. 1... С. 743.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 659. Л. 5–5об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 407. Л. 15.

⁵ Сеитова Э.И. Трудовая миграция в Крым (1944–1976) // Пространство и время. 2013. № 2 (12) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-v-krum-1944-1976> (дата обращения: 06.02.2017).

В 1950 г. в колхозы Крымской области приняли 472 чел. (100 семей) переселенцев из Краснодарского края, из них 57% трудоспособного возраста, а также 438 чел. (94 семьи) переселенцев из Ставропольского края, из них 56% трудоспособного возраста¹.

Такие переселения тоже попадали под категорию принудительных, так как региональные власти получали государственные квоты на переселение и обязаны были их выполнять. Попавшие в списки на переселение колхозники практически не имели возможности отказаться. Эти факторы влияли на характер адаптации переселенцев на новых местах жительства, часть из них не приживалась, среди них распространяется практика обратничества². Только из Алуштинского района Крыма за январь-февраль 1947 г. самовольно вернулись на Кубань 66 семейств³.

Партийные и советские органы Кубани и Ставрополя в свою очередь пытались противодействовать попыткам возвращения колхозников⁴. В постановлениях крайкома ВКП(б) и крайисполкома отмечается, что: «самовольное возвращение из Крымской области колхозников-переселенцев является грубейшим нарушением государственной дисциплины и требуется установить причины самовольного возвращения из Крымской области колхозников переселенцев и провести среди них разъяснительную работу и принять ряд административных и хозяйственных мер по немедленному возвращению в Крымскую область»⁵.

Массовая возвратная миграция кубанских переселенцев, по сравнению с другими объяснялось тем, что многие из них сохранили на прежнем месте жительства дома, имущество, скот, которые находились под присмотром родственников⁶. Такие переселенцы рассматривали переселение по

---

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4463. Л. 2.

² ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 130.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 659. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 629. Л. 43; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 701. Л. 6; ГАКК. Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–15.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 579. Л. 39.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 659. Л. 5–5об.

госпрограмме как временную меру, собираясь при благоприятных обстоятельствах вернуться на прежнее место жительства.

Наряду с запретительными мерами происходит существенный пересмотр подходов к организации переселений в Крым, качественному отбору переселенцев, решению их хозяйственных и бытовых проблем¹. Это в свою очередь повлияло на закрепление населения на местах переселения, фактическому прекращению обратничества.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. на Кубани и Ставрополье также широко использовалась практика внутрирегиональных переселений связанных с государственной программой расширения посевов чая² и хлопка³ и необходимостью привлечения дополнительных трудовых ресурсов. По данным Переселенческого комитета на 1950 г. с территории Краснодарского края для этих целей было рекрутировано 2 212 чел. (494 семьи), Ставропольского – 1 035 чел. (257 семей)⁴.

За период 1949–1953 гг. жители Кубани направлялись в чаеводческие колхозы Адлеровского района – 1 449 чел., Лазаревского района – 1 551 чел.⁵ и в хлопкосеющие совхозы – 530 семей⁶, жители Ставрополья в хлопкосеющие совхозы⁷.

---

¹ Сеитова Э.И. К вопросу социально-бытовой адаптации колхозников-переселенцев в послевоенном Крыму // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016. Т. 12. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://j-spacetime.com/actual%20content/t12v1/2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.24.php (дата обращения: 09.02.2017).

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 583. Л. 116; РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 13; ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 72. Л. 53.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 7. По предложению И.В. Сталина с 1940-х гг. в регионе началось широкое внедрение культуры хлопка. По урожайности неполивного хлопка Кубань до войны занимала первое место в РСФСР. Развивалось хлопководство и на территории Буденовского района Ставропольского края. В 1931 г. туда направлялись выселенные из районов Средней Азии кулаки (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 408. Л. 36). Однако после войны эта отрасль стала одной из самых отстающих. Восстановление ее началось в 1947 г., но проходило крайне медленно, так как хлопок вызревал плохо, с этим был связан и ряд решений по развитию хлопководства, в том числе и плановые переселения.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4463. Л. 9.

⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 32.

⁶ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 72. Л. 332.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4463. Л. 9.

Но поставленный правительством план внутрикраевого переселения был выполнен только на 74,9%¹. Основная причина – плохая приживаемость переселенцев и их отток на прежние места жительства².

Причем приживаемость в хлопкосовхозах была заметно выше, чем в чайколхозах, что было обусловлено более высокими зарплатами, решением бытовых проблем, привычным климатом и спецификой межэтнического взаимодействия³.

В отчетных документах Переселенческого управления в качестве проблемных в основном фигурируют именно чайколхозы. Переселенцы жалуются на трудности с жильем, приусадебными участками, дровами, намеренную дистанцию выстраиваемую местными жителями по отношению к ним⁴: «... местное население Лазаревского района враждебно относится к переселенцам – “Ваш приехал сюда, затем, чтобы нас выслали с гор, с аулов – говорят они – Пусть русские разбегаются с аулов, тогда мы дольше будем жить в ауле”...»⁵; «... как правление, председатель, так и рядовые колхозники, почтительны, любезны на словах и проявляют исключительную неповоротливость на деле... переселенцам здесь не помогают, но наоборот смотрят на нас как на каких-то пришельцев ...»⁶; «имеется со стороны руководства колхоза отвратительное отношение и забота о переселенцах, на февраль 1952 г. 20 семей переселенцев не имеют наделенных приусадебных участков, что грозит опасности для их дальнейшей жизни»⁷; «... Отношение какое-то враждебное, жаловаться нельзя... сколько поухало. ...»⁸.

Следствием возникших проблем в реализации переселенческой программы, бытовые и личностные конфликты переселенцев с местными

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 70.

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 583. Л. 139.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 17; ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 72. Л. 332.

⁴ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 551. Л. 37.

⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 109.

⁶ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 109.

⁷ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 109–110.

⁸ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 110.

жителями стало бегство переселенцев – «обратничество», причем основную часть «обратников» составляли переселяемые из других районов жители Кубани. Проведенный Переселенческим комитетом СССР анализ ситуации привел к снятию с Краснодарского края квот по внутрикраевому переселению вследствие «отсутствия избытка рабочей силы» и указанию по формированию трудовых ресурсов в чаеводческих колхозах края за счет переселения из других регионов страны, уволенных в запас военнослужащих и привлечения жителей Черноморского побережья занятых в других отраслях производства¹.

Активное использование региональных ресурсов в процессе компенсаторных миграций 1940-х гг. на Северном Кавказе негативно сказались на демографическом развитии населения региона. Особенно заметно это проявилось в Ставропольском крае. По подсчетам А.С. Мухортова: «в связи с трудовой мобилизацией и заселением районов, откуда были депортированы местные жители, к 1948 г. край лишился 125–127 тыс. чел. Хотя, по данным руководства края, к 1947 г. на Ставрополье не хватало примерно 22 тыс. чел. для народохозяйственного комплекса самого региона. Но СНК СССР игнорировал эти жалобы, полагая, что аграрное Ставрополье может обойтись и имеющимися трудовыми ресурсами»².

Краснодарский край в результате выполнения программы компенсаторных миграций испытал меньшие демографические потери.

Вместе с ужесточением системы наказаний и контролем за стихийными миграционными перемещениями во второй половине 1940-х гг. наблюдаются и обратные процессы, в ряде регионов СССР местные органы возбудили ходатайства о полном освобождении бывших спецпоселенцев-кулаков, аргументируя это тем, что последние хорошо себя зарекомендовали и на трудовом фронте и в период Великой Отечественной войны. Инициативу в этом вопросе взяло на себя руководство Ставропольского края на территории которого находилась самая крупная на Севером Кавказе Дивенская спецзона.

---

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 632. Л. 28.

² Мухортов А.С. Указ. соч. С. 91.

В ходатайстве на имя И.В. Сталина секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) А. Орлова говорилось, что «на территории Дивенской спецзоны на 11 июня 1946 г. находилось 6 975 хозяйств, в которых проживало 23 302 чел., в том числе 7 538 мужчин, 9 327 женщин и 6 437 детей до 16-ти летнего возраста. 7 636 чел. во время войны были призваны в РККА, в период оккупации оставались сторонниками Советской власти»¹.

13 августа 1946 г. СМ СССР принял постановление № 1767-769сс «Об отмене особого режима в спецпоселках Ставропольского края»², а 7 сентября 1946 г. ЦК Ставропольского Краевого совета депутатов трудящихся принимает Решение № 028 «О мероприятиях по выполнению постановления СМ СССР № 1767-769сс от 13 августа 1946 г.»³. В соответствие с законодательными актами был отменен особый режим в спецпоселках, находящихся на территории Апанасенковского, Арзгирского и Буденовского районов и там был упразднены спецкомендадуры МВД СССР⁴.

В целях предотвратить возможность оттока бывших спецпоселенцев был принят ряд мер, в том числе: «до 01.10.1946 г. вручить колхозам, находящимся в спецпоселках акты на бессрочное (вечное) пользование земель», «разработать и обсудить мероприятия по укреплению каждого колхоза находящегося в спецпоселках по предотвращению текучести колхозников» и др.⁵

Отмена особого режима привела к выезду большей части спецпоселенцев на места своего прежнего проживания, что временно сказалось на численности населения районов Ставропольского края, на территории которых находилась Дивенская спецзона.

Необходимость изменения стратегии в управлении трудовыми ресурсами, модернизации административного подхода к управлению

---

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 143 (со ссылкой на секретаря Ставропольского Крайкома А. Орлова).

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 78.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 84. Л. 168.

миграциями понимали многие партийные и хозяйственные руководители уже в конце 1940-х гг., но в силу политических обстоятельств процесс изменений начался только в 1953 г. после смерти И.В. Сталина. Процессы реабилитации репрессированных, восстановление их в гражданских правах и возможность возвращения на места прежнего проживания оказали существенное влияние на миграционную подвижность населения, демографическую и поселенческую структуру.

Началом реабилитационного процесса стал Указ ПВС СССР «Об амнистии»¹, принятый 27 марта 1953 г., по которому 1 201 738 чел. были амнистированы и освобождены из мест лишения свободы².

По данным ГАРФ на 1 января 1954 г. в местах спецпоселений находилось 2 720 072 чел., из них 28,9% составляли мужчины, 39% женщины и 32,1% дети³, в том числе выселенные с территории Кубани и Ставрополья.

Число спецпоселенцев-карачаевцев составляло 64 818 чел., в том числе 25,6% мужчин, 35,5% женщин, 38,9% детей⁴. Общая численность спецпоселенцев выселенных с Черноморского побережья составляла 56 262 чел., из них 32,7% – мужчин, 36,3 – женщин, 31% – детей. В их числе были: греки – 38 973 чел., из них 32,4% – мужчины, 37,3 – женщины, 30,3% – дети; дашнаки – 15 508 чел., из них 32,5% – мужчины, 34,7 – женщины, 32,8% – дети; турки – 1 781 чел., из них 41,2% – мужчины, 27,5 – женщины, 31,3% – дети⁵. Выселенные в 1942 г. из Краснодарского края и Ростовской области составляли 6 217 чел., из них 35,8% – мужчины, 50,5 – женщины, 13,7% – дети; а бывшие кулаки – 17 120 чел., из них 30,4% – мужчины, 41,3 – женщины, 28,3% – дети⁶.

---

¹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. В 3-х т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. № 1.2. С. 15–18.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 228.

³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 123.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 123.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 124.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 124.

Непосредственно процесс реабилитации начинается с находившихся на спецпоселении кулаков. Постановлением СМ СССР от 13 августа 1954 г. № 1738-789сс они были восстановлены в правах, с них снимались ограничения по передвижению, в том числе они могли вернуться в места прежнего проживания¹. Появляются послабления и для других категорий спецпоселенцев. Постановление СМ СССР от 10 марта 1955 г. определило порядок выдачи паспортов спецпоселенцам², а с постановления от 23 марта 1955 г. начинается их призыв на военную службу³.

Однако либерализация режима не предполагала свободного обсуждения проблем репрессий в отношении отдельных народов СССР и критики советского строя. Как отмечает В.Н. Земсков: «... за разговоры о том, что депортации народов – это преступления режима, тогда вполне можно было угодить на скамью подсудимых за антисоветскую агитацию по ст. 58 УК РСФСР»⁴.

Вместе с тем была очевидна необходимость пересмотра правового положения репрессированных народов, возможности их частичной или полной реабилитации. Первым реабилитированным народом Советского Союза стали немцы, 13 декабря 1955 г. Указом ПВС СССР с них были сняты правовые ограничения по спецпоселению. Однако реабилитация немцев была лишь частичная, им запрещалось возвращаться в места прежнего проживания и не компенсировалось утраченное в ходе депортации имущество⁵. Полностью ограничения по передвижению немецкого населения были ликвидированы только Указом ВС СССР от 29 августа 1964 г.⁶

Прозвучавший 25 февраля 1956 г. на XX съезде партии секретный доклад Н.С. Хрущева четко показал, что руководство партии считает репрессии и

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 34.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 35.

³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 13.

⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 245.

⁵ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т. Т. 1... № 58. С. 289.

⁶ Ведомости ВС СССР. 1964. № 52. Ст. 592.

депортации в отношении отдельных народов страны преступлением, а процесс реабилитации будет продолжен¹. Но если вопрос о личной реабилитации был практически решен, то вопрос о территориальной реабилитации народов до 1957 г. оставался предметом острых дискуссий партийного и советского руководства страны.

В соответствии с решениями съезда Президиум Верховного Совета СССР в 1956 г. издает ряд указов об освобождении из мест спецпоселений и восстановлении в правовом положении: калмыков – указ № 134/33 от 17 марта², армян, болгар, греков – указ № 139/47 от 27 марта³; балкарцев, крымских татар, курдов, турок – советских граждан, хемшинов – указ № 0-135/42 от 28 апреля⁴; карачаевцев, ингушей, чеченцев – указ № 139/1920 от 16 июля⁵.

Также как и в ситуации с немцами реабилитация состоялась лишь частично, формально сохранялся запрет на возвращение в места прежнего проживания и компенсацию за конфискованное в ходе депортации имущество. Коллективные обращения представителей репрессированных народов в советские и партийные органы о разрешении вернуться в места прежнего проживания наряду с массовой несанкционированной (формально запрещенной) возвратной миграцией подтолкнули власти к подготовке правовых положений о восстановлении национальных автономных образований репрессированных народов.

9 января 1957 г. указами ПВС СССР были восстановлены автономии балкарцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей, а представителям этих народов и членам их семей предоставлялась свобода передвижения, в том числе и возвращение на территорию исхода⁶.

---

¹ См.: XX съезд Коммунистической партии Советского союза 14–25 февраля 1956 г.: стенографический отчет. М., 1956. Т. 2.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 11.

³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 11.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 12.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 12.

⁶ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы.

Однако восстановленные автономии подверглись некоторым структурным и административным преобразованиям. Так вместо Карачаевской АО была образована объединенная Карачаево-Черкесская АО; Чечено-Ингушской АССР не была возвращена часть Пригородного района, но в ее составе оставили Наурский и Шелковской районы переданные из Ставропольского края в Грозненскую область 22 марта 1944 г.¹, а Калмыкия была образована в статусе АО и только в 1958 г. ей был возвращен статус АССР.

Это повлияло на границы Ставропольского края. Из территорий, переданных в состав Грозненской области в 1944 г. в Ставропольский край возвращаются только Ачикулакский и Каясулинский районы², населенные преимущественно ногайцами и туркменами, в ходе административных преобразований 1965 г. вошедшие в состав Нефтекумского района.

Территориальная реабилитация коснулась не всех народов страны, права восстановить свои автономии были лишены крымские татары и поволжские немцы, оставался запрет на возвращения в прежние места жительства для представителей ряда других народов. Как верно отмечает В.Н. Земсков: «Указы 1957 г. сняли социальную напряженность и с немцев, крымских татар, курдов, турок-месхетинцев и представителей других народов, породив у них надежды и уверенность (как впоследствии оказалось, несбыточные) в скором разрешении на возврат к прежним местам жительства и восстановлении автономии у тех народов, у которых она существовала до депортации»³.

Реабилитационные процессы 1956–1957 гг. существенно повлияли на миграционную подвижность населения страны. Так в «соответствии с Указом ПВС СССР о восстановлении национальных автономий было намечено в 1957 г. вернуть 40 тыс. семей. В связи с большим стремлением населения

В 3-х т. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М., 2003. № 32–35. С. 218–220.

¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. ... С. 42.

² «По решению Правительства Союза ССР...» ... № 23.68. С. 751.

³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 255.

быстрее вернуться к прежнему месту жительства, фактически возвратилось 90 496 семей (из них в Чечено-Ингушскую АССР – 56 992 семьи, в Дагестанскую АССР – 2 274 семьи, в Калмыцкую АО – 12 798 семей, в Карачаево-Черкесскую АО – 12 362 семьи, в Кабардино-Балкарскую АССР – 4 671 семья»¹.

Это в свою очередь активизировало обратный процесс – отток из национальных автономий населения заселенного в рамках компенсаторных миграций. Планируемого постепенного выезда одних переселенцев и замену их другими не произошло. Возвращающиеся представители реабилитированных северо-кавказских народов пытались заселиться в свои дома, откуда еще не выехали переселенцы компенсаторной волны. Это неизбежно приводило к конфликту. «Мы вернулись в Чечню 13 октября 1958 г. – рассказывает в своем интервью Дж. Гаккаев, – к этому времени вместо планировавшихся 50 тысяч приехало более 200 тысяч. Начались трагедии. – Это мой дом! – говорят чеченцы. – А я куда пойду с детьми? – отвечают русские. Некоторые договаривались по мирному, а некоторые возмущались, в том числе и обездоленный войной народ из Белгородской, Курской, Смоленской, Воронежской областей»².

Начался процесс постепенного выдавливания переселенцев. Как отмечают авторы монографии «Парадоксы этнического выживания»: «... постоянно усиливавшийся нажим на “чужаков” – “выдавливание” – обезоружил новопоселенцев. Желających уехать из сельских районов Чечено-Ингушетии оказалось в несколько раз больше, чем первоначально планировали власти»³. Часть таких переселенцев остаются на Юге России, переезжая из национальных республик в русские регионы Северного Кавказа

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» ... № 23.73. С. 756.

² Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 99.

³ Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб.; М., 2016. С. 78.

– Краснодарский и Ставропольский края¹.

Если в городах национальных автономий новопереселенцы продолжают сохранять свои демографические позиции, то этнический состав сельской местности существенно меняется. С одной стороны в результате выезда переселенцев компенсаторной волны в ряде населенных пунктов стало доминировать местное население, а с другой труднодоступные горные районы были закрыты для поселения и возвращающиеся реабилитированные северокавказские народы расселяются в равнинных аулах и казачьих станицах. В этот период происходит расселение возвращающихся карачаевцев в казачьих станицах Зеленчукского и Урупского районов, также в предгорных карачаевских аулах основанных в 1930-х гг.: Кумыш, Кобу-Баши, Сары-Тюз и др.²

Процессы реабилитационной миграции второй половины 1950-х гг. совпали с новой важной государственной программой в ходе которой проводилось переселение коренных народов Северного Кавказа из горных районов их традиционного проживания в равнинные. Формально эти мероприятия проходили под лозунгами улучшения социально-экономических условий жизни коренного населения. Государство, в свою очередь получало экономию средств уходивших на развитие труднодоступных районов и больший контроль над населением.

Перемены в общественной жизни страны влияют и на методы управления миграционными процессами. Доминирующая с конца 1920-х гг. административная модель управления постепенно заменяется новой позитивистской моделью. Шире используются экономические, а не силовые методы стимулирования. Более тесное взаимодействие народов страны, культура совместного проживания приводит к их сближению, стиранию территориальных и этнических различий, формирования новой

---

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» ... № 1.66. С. 117.

² Волкова Н.Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX вв. // Советская этнография. 1971. № 2. С. 46.

метаэтнической общности – «советский народ».

В целом реабилитационные миграции второй половины 1950-х гг. существенно повлияли на демографический состав и территориальное расселение народов Кубани и Ставрополья. Увеличивается этническая мозаичность, особенно ярко это проявлялось в туристическо-рекреационных зонах: Кавказских Минеральных Водах и Черноморском побережье Кавказа.

Но в отношении стихийного характера миграционных перемещений позиция власти остается предельно жесткой, 5 октября 1956 г. издается Постановление СМ СССР № 1373 от «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством»¹, в котором говорилось, что достигшие совершеннолетия цыгане, которые будут злостно уклоняться от общественно-полезного труда и заниматься бродяжничеством будут наказываться по приговору народного суда ссылкой до 5 лет в соединении с исправительно-трудовыми работами².

Это Постановление являлось логическим продолжением Указа ПВС СССР от 23 июля 1951 г. установившего ответственность для лиц, уклоняющихся от трудовой общественно-полезной деятельности. На основании данного указа в 1957 г. в ссылку направлено 4 129 чел. из них осужденных за бродяжничество и попрошайничество – 1 750 чел.³

Либерализация системы в период «хрущевской оттепели» не изменила самого принципа миграционного поведения граждан, крестьяне не получили паспортов и также не могли самостоятельно выехать их мест своего проживания. Но, все же, произошедшие в обществе перемены создали больше возможностей для обхода административных препятствий. Это увеличило масштабы миграции сельского населения в города.

Миграционный поток в город имел определенную половозрастную специфику. Большую часть мигрантов (50–60%) составляла молодежь в

---

¹ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938–1975. В 4 т. М., 1975. Т. 3. С. 37.

² Сталинские депортации. 1928–1953... № 5.1. С. 777–778.

³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 102.

возрасте 15–29 лет, с преобладанием (на 5–10%) мужчин. Это было обусловлено потребностями городского рынка рабочей силы и учебных заведений куда направлялась молодежь¹.

Это подтверждают и исследования Института этнографии АН СССР: «Еще несколько лет назад значительная часть молодых людей, получивших среднее образование, стремились уехать из колхоза: одни устраивались на работу в города или районные центры, другие продолжали образование»².

На отток населения влиял и определенный застой в сельском хозяйстве. Наблюдавшийся в 1950-е гг. прорыв в научной организации труда коснулся только крупного промышленного производства и совершенно не затронул сельское хозяйство. Это отмечается и в академической монографии «Кубанские станицы»: «Поскольку современный уровень механизации и агротехники не позволяет еще полностью закрепить все культуры за механизированными звеньями, в колхозах до настоящего времени сохраняются звенья, применяющие ручной труд. Последнее время молодежи в таких звеньях стало работать гораздо меньше, чем раньше, она стремится овладеть более сложными профессиями»³.

Проблема имела и определенное политическое основание. Сформировавшаяся в конце 1920-х гг. этатистская модель государства была основана на иных принципах распределения материальных благ, чем в капиталистическом обществе. В этой системе промышленные рабочие изначально находились выше в иерархии, как идеологически (передовой класс), так и в материальном плане. Закрепление этого неравенства происходила путем искусственных мер, в том числе паспортной системой, фактически не дававшей возможность свободного перемещения.

Ослабление контроля в период Великой Отечественной войны и восстановление разрушенного хозяйства в послевоенный период сделали

---

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2... С. 282.

² Кубанские станицы ... С. 75.

³ Кубанские станицы ... С. 83.

более свободными перемещения как в масштабах страны, так и по линии «город-село», а в период оттепели эти возможности только усилились. По сути, переселение в город было единственной возможностью социального лифта, способом изменить свое экономическое и социальное положение.

В 1950 г. удельный вес городского населения в РСФСР оказался выше, чем в целом по СССР (43,1 и 38,9%)¹. Это увеличение происходило в основном механическим путем, за счет активного миграционного потока из деревни. В целом по стране за период 1939–1959 гг. число сельских жителей переселившихся в города, по подсчетам советских демографов составила 24,6 млн чел.² Но Кубань и Ставрополье оставались по большей части сельскохозяйственными регионами, существующие промышленные предприятия не были здесь экономически образующими и уровень миграции в города здесь был несколько ниже.

Это и имело и другие причины, уровень жизни в кубанских и ставропольских селах заметно отличался от уровня жизни в большей части сельских поселений РСФСР, что наряду с благоприятными климатическими условиями создавало общий имидж региона как одного из самых благополучных в стране. Соответственно и масштабы миграции в город были здесь несколько меньше.

Перепись 1959 г. показала, что в стране существенно сократилось сельское население. Помимо последствий Великой Отечественной войны, это было обусловлено масштабным миграционным потоком в города и привлечением сельского населения на восстановление народного хозяйства и индустриальное развитие страны. Следствием этих процессов стало стремительное старение деревни. По расчетам В.П. Попова «удельный вес нетрудоспособного сельского населения с 1953 г. по 1964 г. вырос с 14 до 20%»³. Деревня уже не могла оставаться источником человеческих ресурсов

---

¹ Сенявский А.С. Указ. соч. С. 125.

² Урланис Б.Н. Рост населения в СССР. М., 1966. С. 34.

³ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 25.

для решения стратегических народно-хозяйственных задач. Теперь она сама нуждалась в поддержке.

Проводимые после 1953 г. реформы коснулись и крестьянства. Следствием списания недоимок, повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, улучшения материального благополучия села стало снижение миграционного оттока в город и возвращение части сельского населения на прежние места жительства. Происходит и укрепление кадрового состава колхозов и совхозов в рамках государственной программы «30-тысячников»¹.

Эти изменения были заметны в регионе, особенно на Кубани – по темпам сельского жилищного строительства Краснодарский край занимал одно из первых мест в РСФСР. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в сельской местности края ежегодно возводилось от 10 до 15 тыс. домов, с 1954 по 1960 г. строилось от 15 до 30 тыс. домов². Статистическое управление Краснодарского края в 1954 г. фиксирует миграционный прирост специалистов прибывших на работу в край, в том числе и в сельскую местность³.

Вместе с предпринятыми государством мерами по улучшению ситуации имела место и обратная стратегия – продолжаются оргнаборы трудоспособного сельского населения для переселения в труднедостаточные регионы страны.

Самый крупный проект организованного переселения был связан с освоением целинных и залежных земель в районах Казахстана, Поволжья, Урала, Сибири начавшийся в 1954 г. Это, по замыслу инициаторов проекта, должно было существенно поднять объемы производства сельхозпродукции, но в тоже время забирало на его реализацию часть средств предназначенных для подъема российской деревни.

---

¹ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву... С. 92.

² Кубанские станицы: этнические... С. 131.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 2509. Л. 36.

Политическая либерализация повлияла и на стратегию организации миграции, наряду с идеологическими, начинают использоваться экономические методы – широкая система льгот которой могли воспользоваться практически все категории советских граждан¹. По данным Л.В. Зандановой «за 1954–1959 гг. на целину переехало почти 320 тыс. чел.»², значительную часть из которых составляла молодежь.

Активное привлечение комсомольской молодежи на целинные земли происходило и в регионе: Ставропольский край направил 8 000 чел.³, Краснодарский – 12 000 чел.⁴ В общественный лексикон прочно входит слово «комсомольская путевка», по таким путевкам на стройки шестой пятилетки из Краснодарского края было отправлено 7 500 чел.⁵

Недостаток средств выделяемых селу не позволял поднять его общий социально-экономический уровень до городского, а отток населения из села приводил к снижению объемов сельскохозяйственной продукции. При существующем этатистском режиме решить эту задачу было сложно. Использование экстенсивных методов, таких как целина, решали проблему только временно, требовались глобальные реформы, которые должны были на новых основаниях построить взаимоотношения между городом и селом.

Ответом на возникшие реалии социальной и экономической жизни было формирование новых экономических моделей – в том числе и нового, позитивистского подхода к управлению миграциями. При этом подходе мигрант рассматривается как «человек экономический», миграционные предпочтения которого формируются из его собственных и его малой семьи представлениях об экономической выгоде. Он обладает необходимой информацией, которая позволяет ему взвесив соответствующие выгоды и

---

¹ Сборники решений по сельскому хозяйству / сост. К.И. Орлянкин. М., 1963. С. 164–166.

² Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию. Иркутск, 1997. С. 155.

³ Край наш Ставрополье... С. 367.

⁴ Краснодарскому краю – 65 лет... С. 108.

⁵ Там же.

затраты принять окончательное решение о переселении. Эта идея была не нова, о преимуществах экономического подхода в управлении миграционными процессами перед административным говорили еще с середины 1920-х гг., в частности академик С.Г. Струмилин¹.

Вместе с тем, как показала практика, власть оказалась не готова к радикальным преобразованиям. Приостановленные сначала хрущевские, а затем косыгинские реформы, частичное использование позитивистского подхода к управлению миграциями преимущественно на региональном уровне, ограниченное применение методов экономического стимулирования постепенно вело к застою и снижению жизнеспособности всей системы. Этот вопрос стал достаточно остро в конце 1950-х – начале 1960-х гг., но открытие и развитие нефтяных месторождений в Западной Сибири, экспорт сырья принесло существенный доход в бюджет и дало возможность отложить решение этого вопроса.

Таким образом, в период второй половины 1940-х – 1950-е гг. произошли существенные изменения в демографической структуре и территориальном распределении населения Кубани и Ставрополья.

Динамика миграционного движения населения второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. была достаточно высокой. Возвращение эвакуированных, демобилизация военнослужащих, репатриация перемещенных советских лиц, организационные наборы трудоспособного населения для восстановления народного хозяйства страны во многом определялось последствиями Великой Отечественной войны и переходом к мирному образу жизни.

Как и в предыдущие периоды приоритетным остается административный подход к управлению миграциями, Кубань и Ставрополье в соответствии с политическими решениями должны были отправлять трудовые ресурсы для восстановления народнохозяйственного комплекса страны. Основным поставщиком трудовых мигрантов становится село, а основу миграционных

---

¹ Струмилин С.Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. М.; Л., 1928. С. 439–441.

потоков составляли молодые мужчины трудоспособного возраста.

При этом Кубань и Ставрополье относились к стратегически важным регионам страны, являясь основными поставщиками сельскохозяйственной продукции, и сами нуждались в пополнении трудовых ресурсов. Демобилизация и реэвакуация лишь частично исправили возникший во время войны половой и возрастной дисбаланс в населении, и отток трудоспособного населения негативно отражался на хозяйстве региона. Но специфика советской модернизационной модели заключалась в абсолютном преимуществе промышленного производства в ущерб и за счет сельского хозяйства. Задачей села было прежде всего обеспечение экономическими и демографическими ресурсами развивавшейся промышленности. Кроме того, власть понимала, что Кубань и Ставрополье неизбежно будут привлекать массы стихийных мигрантов, сохраняя за собой образ «благодатного Юга», которые и без государственного стимулирования будут компенсировать миграционный отток.

В тоже время существовали определенные различия в миграционных процессах в Ставропольском и Краснодарском краях. Если в межрегиональные миграции по разрядке население обоих регионов было вовлечено примерно одинаково, то в процессы внутрирегиональной миграции Ставропольский край был вовлечен гораздо сильнее. После депортации части северо-кавказских народов проводится программа по компенсаторному заселению этих территорий, где одним из основных доноров выступает Ставропольский край, в первую очередь для территорий бывшей Чечено-Ингушской АССР и Карачаевской АО. Здесь сказалось географическое расположение края, имеющего границы практически со всеми административно-территориальными образованиями Северного Кавказа и связанные с этим меньшие экономические затраты населения на переезд.

Реабилитация и возвращение народов в 1956–1957 гг. привело к новой волне миграционных перемещений, теперь уже население, переселенное в рамках компенсаторных миграций, возвращалось обратно. Помимо

ставропольцев возвращающихся на места прежнего проживания в край переселяется часть жителей районов Ставрополя отошедших к Чечено-Ингушской АССР и мигранты переселившиеся на Кавказ из центральных регионов РСФСР. Размеры переселений этой категории мигрантов в Краснодарский край были куда меньшими по размеру.

Возвращение реабилитированных народов повлияло на этнодемографическую структуру населения региона, вследствие чего здесь сокращается относительная доля русского населения. Этнической мозаичностью характеризуются наиболее привлекательные с экономической точки зрения рекреационные зоны: Черноморское побережье в Краснодарском крае и Кавказские Минеральные Воды в Ставропольском крае. Меняется и характер расселения, так возвращающимся карачаевцам был ограничен для поселения ряд горных населенных пунктов и они были вынуждены селиться в предгорных аулах возникших в 1930-х гг. и казачьих станицах.

Важным направлением в течение всего рассматриваемого периода остается миграция по линии село-город, которая по мере либерализации общества приобретала все более широкие масштабы. Наряду с организованным переселением в город существовал не менее мощный стихийный миграционный поток, что в свою очередь негативно отразилось на демографическом развитии сельской местности. Причиной такого переселения была неудовлетворенность условиями жизни в селе: оплатой труда, бытовыми условиями, качеством снабжения и др., а также стремление изменить свой социальный статус.

Вместе с тем процесс демократизации общества, «хрущевская оттепель», подтолкнули к изменению ситуации, административный подход к управлению миграцией начинает терять свои позиции, разрабатываются новые механизмы, в том числе и с привлечением российского и мирового опыта. В конце 1950-х гг. начинает оформляться позитивистский подход к управлению миграцией, основанный на экономическом выборе индивида исходя из его личностных предпочтений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демографическая история Кубани и Ставрополя в период 1930–1950-х гг. представляет собой уникальный объект для научного анализа. Всестороннее исследование демографических процессов и структур на протяжении длительного исторического периода позволило выявить доминирующие тенденции, факторы их обусловившие, специфические особенности, характерные для региона в целом, а так же присущие каждой из рассматриваемых административно-территориальных единиц.

Данный анализ стал возможным благодаря комплексному подходу, который представляет определенный компромисс между стадияльно-линейными и цивилизационными теориями. Основываясь на данном подходе можно утверждать, что модернизация в России с одной стороны является универсальной стадией общего исторического процесса, в рамках которой происходит движение к новым современным формам общественных отношений во всех сферах общественной жизни. С другой стороны, цивилизационные особенности российского общества накладывают свой отпечаток на процесс его обновления и трансформации на пути модернизации.

В качестве особенностей российской модернизации на этапе 1939–1950-х гг. можно выделить следующие:

- инициатива модернизационных преобразований и их реализация исходит исключительно от государства;
- модернизация осуществляется в короткие сроки, т.е. носит форсированный характер;
- она осуществляется на принципиально новом социально-экономическом базисе;
- широко используются репрессивные методы;
- модернизация рассматривается не в качестве органической, а в качестве вынужденной, защитной меры и носит принудительный характер.

Демографический переход, как важный аспект общего процесса

модернизации в российском обществе в период 1930–1950-х гг. так же имел свои особенности. При этом формы и характер демографических изменений имели прямую связь со спецификой модернизации в других сферах общества, а именно:

- государство регулировало, а в некоторых случаях осуществляло прямой контроль над репродуктивным, самосохранительным и матримониальным поведением граждан (за счет правовых ограничений, партийного контроля, системы здравоохранения, социальных льгот и гарантий и проч.);

- изменение основных демографических показателей (уровня смертности, рождаемости, брачности, разводимости) происходило также в форсированном порядке;

- контроль над демографическими процессами осуществлялся в том числе с применением репрессивных мер (депортации, уголовная ответственность за аборты и проч.) возможность индивидуального выбора в сфере демографического поведения была существенно ограничена;

- при этом закономерные изменения в демографической сфере связанные с демографическим переходом нарушались под воздействием экстремальных событий отечественной истории: снижение показателей смертности замедлялось вследствие репрессий, голода, войны, снижение показателей рождаемости, напротив, ускорялось под влиянием тех же факторов.

Проведенный анализ позволил выделить в демографической истории Кубани и Ставрополья 1930–1950-х гг. четыре этапа: 1) 1930–1941 г.; 2) 1941–1945 гг.; 3) 1945–1955 гг.; 4) 1955–1959 гг., исходя из особенностей влияния внешних социально-политических факторов на демографические процессы. На первом этапе – 1930–1941 гг., демографические процессы направлялись и организовывались властью в русле административного подхода, характеризующегося максимальным контролем со стороны государства, директивно-принудительными методами организации, репрессиями. Второй

этап – период Великой Отечественной войны, в ходе которого в условиях военного времени административный контроль над населением сочетается со стихийными экстремальными факторами, действия которых усиливаются в период боевых действий на территории региона и оккупации. На третьем этапе – 1945–1955 гг., происходит возвращение к довоенным методам административного регулирования демографических процессов, в том числе и репрессивным, при активном использовании морально-психологических мер. На четвертом этапе – 1955–1959 гг., происходят изменения в стратегии демографической политики, связанные с общими процессами демократизации в СССР. Ослабевает административный контроль, начинают использоваться материальные методы стимулирования. Демографические изменения, ставшие следствием политических решений и исторических событий, иногда выходят за рамки выделенных этапов в силу своей инертности, наблюдается эффект «демографического эха».

В изменении общей численности населения Кубани и Ставрополя в рассматриваемый период проявился ряд особенностей. За более чем тридцатилетний период динамика численности населения в Краснодарском и Ставропольском краях была положительной, однако темпы прироста были невысокими. Темпы прироста населения в регионе были выше, чем в РФ, но ниже средних по СССР. В регионе наблюдались различия в темпах прироста населения, как во времени, так и по отдельным административно-территориальным образованиям. Быстрыми темпами росло население национальных автономий, которые постепенно увеличивали и удельный вес в общей численности жителей региона. Население Ставрополя за период 1930-х – 1950-х гг. имело более высокие темпы роста, чем Краснодарский край. Первая стадия демографического перехода здесь не сопровождалась демографическим взрывом из-за значительных потерь населения в результате голода, войны репрессий и депортаций ряда народов за пределы региона.

В росте населения региона четко выражены два периода подъема: довоенный начало 1930-х – начало 1940-х гг. и послевоенный – конец 1940-х

– 1950-е гг., разделенные годами затухания процесса. Численность населения Краснодарского края изменялась более неравномерно в отличие от Ставрополья. Для Кубани были характерны более резкие сокращения и такие же быстрые периоды роста численности населения. Изменение численности населения Ставропольского края также сопровождалось спадами и подъемами, но их масштабы были значительно меньше.

Урбанизация в 1930–1950-х гг. в рассматриваемых регионах, как и в целом по стране отражала некоторые общие и типичные для этого глобального процесса черты и имела свою специфику, которая определялась целым комплексом факторов культурно-исторического, природно-экономического и социально-политического характера. Здесь в полной мере проявилась сложность и противоречивость отечественной модели урбанизации, которая отличалась радикальными изменениями, с одной стороны, (рост численности и степень концентрации городского населения) и консервативными позициями, с другой, (сохранение сельского уклада в условиях городской среды и т.п.). Разрыв между этими двумя показателями урбанизации так и не был преодолен.

В рассматриваемый период абсолютная и относительная численность городского населения на Кубани и Ставрополье значительно выросла. При этом урбанизация в регионе как в целом по стране носила экстенсивный характер, т.е. рост этот был достигнут, прежде всего, за счет развития промышленного производства и привлечения сельского населения в города, преимущественно в административном порядке, а так же стихийной миграцией из села во время голода. Кроме того рост числа городов и населения в них произошел за счет административных манипуляций, путем преобразования сельских населенных пунктов в городские.

Урбанизационный переход к концу 1950-х гг. на Кубани и Ставрополье не был завершен, регион оставался преимущественно сельскохозяйственным. Специфичной для региона была концентрация населения в крупных сельских поселениях (с числом жителей более 10 тысяч человек), по размерам

превосходивших в десятки раз городские поселения в центральных регионах страны, но сохранявших сельскую инфраструктуру, хозяйственный уклад и менталитет. Темпы роста городского населения на Кубани и Ставрополье были ниже, чем по стране. Ставрополье отставало в темпах урбанизации от Краснодарского края и отличалось меньшей долей горожан.

Закономерное снижение показателей рождаемости в условиях демографического перехода ускорялось под воздействием экстремальных факторов: голода, репрессий, депортаций, Великой Отечественной войны и т.д. В 1930–1940-е гг. политика государства была направлена на усиление административного контроля над репродуктивным поведением и факторами, способными косвенно повлиять на рождаемость, обеспечить ее рост: жестко регламентируется абортная практика, усложняется процедура развода, устанавливается налог на бездетность и проч. Последствия этих мер были кратковременным и противоречивыми.

Показатели рождаемости снижались на Кубани и Ставрополье на протяжении всего рассматриваемого периода. За весь период общий коэффициент рождаемости сократился практически вдвое. Заметнее снижение рождаемости было в селе, где быстрее шло сокращение населения и сильнее были деформированы половая, возрастная и брачная структура. К концу 1950-х гг., наметился небольшой рост показателей в городах. В целом для Кубани были характерны более резкие колебания в показателях рождаемости.

Смертность как один из основных демографических процессов на протяжении рассматриваемого периода в регионе характеризовалась неустойчивостью. Наметившаяся в связи с модернизацией тенденция к снижению смертности не смогла закрепиться в силу сложных причин общественно-политического и экономического характера. Показатели смертности также испытали на себе действие экстремальных факторов. Но несмотря на то, что они в значительной степени затормозили модернизацию смертности с количественной стороны, ее качественный характер неизбежно менялся вследствие развития медицины, совершенствования социально-

экономической сферы, изменения уклада жизни. Результаты этих изменений сказались, прежде всего, на показателях младенческой смертности, а также на структуре смертности, где действие экзогенных факторов постепенно ослабевало. Тем не менее, последствия высокой смертности на протяжении рассматриваемого периода на Кубани и Ставрополье были чрезвычайными и значительно повлияли на динамику общей численности населения, деформировали его структуру, нарушили естественный ход демографических процессов.

В рассматриваемый период в регионе наблюдалась трансформация процессов брачности и разводимости. Все эти трансформации были предопределены, прежде всего, общими процессами модернизации, движением страны по пути индустриализации, и в этом отношении были объективными и неизбежными. Однако общий модернизационный тренд корректировался специфическими условиями советского общества.

Основными причинами снижения брачности и роста разводов были глубокие деформации половозрастной структуры, вызванные на Кубани и Ставрополье помимо общих экстремальных факторов (война, репрессии) такими специфическими для региона как раскулачивание, классовые и этнические депортации, голод. Определенную роль играли трансформации общественного сознания, норм и ценностей советского общества, а так же политика государства в сфере семьи и брака. Меры семейно-брачной политики преимущественно носили спонтанный характер и предполагались в качестве своеобразной реакции на стихийные изменения в численности и структуре населения. Законодательство в сфере семьи и брака, начиная с середины 1930-х гг. было направлено на укрепление институтов семьи и брака, создание условий для высокой рождаемости, и в целом шло по пути усиления государственного вмешательства и контроля над брачно-семейной сферой. Значительно расширилась сфера государственной помощи одиноким и работающим женщинам с детьми, формировались новые нормы и ценности в сфере матримониального и репродуктивного поведения.

Несмотря на предпринятые меры, в рассматриваемый период доля лиц состоящих в браке на Кубани и Ставрополье неуклонно сокращается, наблюдалось повышение брачного возраста, увеличивалось число разводов. Одновременно сокращается средний размер семьи, увеличивается доля неполных семей, усиливается нуклеаризация.

Половая структура Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период характеризовалась значительными деформациями, которые на Кубани были выражены в большей степени, как в регионе сильнее пострадавшем от различных экстремальных факторов. В отличие от ситуации в стране в регионе половые диспропорции смещены были в более молодые возраста. Процессы модернизации, с одной стороны, и экстремальные факторы с другой, меняют возрастную структуру. Наблюдается постепенное постарение населения, однако половозрастные пирамиды Кубани и Ставрополья к концу 1950-х гг. еще имели прогрессивную форму. Важным фактором, оказавшим влияние на половозрастную структуру региона в рассматриваемый период, выступают миграционные процессы. Кубань и Ставрополье на протяжении всего рассматриваемого периода остаются регионами привлекательными с миграционной точки зрения, что отчасти способствовало сглаживанию половозрастной деформации.

Характер изменений отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополья в период 1930-1950-х гг. был напрямую связан с социально-экономическими преобразованиями в стране, неуклонно росла доля занятых в отраслях нематериального производства, а следовательно постепенно увеличивалась доля лиц занятых умственных трудом. В то же время рост занятых в промышленности происходил сравнительно небольшими темпами, сохранялась значительная доля занятых в сельскохозяйственном производстве. В целом можно отметить в качестве одной из основных тенденций рост квалифицированных кадров и уровня образования занятого населения.

За период 1930–1950-х гг. произошли кардинальные изменения в области

грамотности и образования населения. В регионе к концу 1950-х гг. были достигнуты показатели практически сплошной грамотности. Наибольшие успехи наблюдались в сфере преодоления неграмотности среди женского населения. Политика государства, обеспечивавшая им широкую возможность ликвидации неграмотности, привела к тому, что в городе женщины почти догнали мужчин по грамотности, а в селе, отставание хотя и сохранялось, но было уже не столь значительным. Существенные изменения произошли в грамотности сельских жителей. Они почти догнали в этой области горожан.

К концу 1950-х гг. задача сплошной грамотности практически была решена. Нерешенным еще оставался вопрос повышения уровня образования, но и в этой области произошли значительные изменения. Значительно увеличилось число средних школ как за счет организации новых, так и в результате преобразования крупных начальных школ в семилетние. Повсеместно увеличилось число специалистов с высшим образованием. Однако в регионах и прежде всего в сельской местности и национальных автономиях этот рост был достигнут за счет притока сюда в том числе и по государственным программам выпускников вузов из других регионов.

Кубань и Ставрополье сохраняют статус полиэтничных территорий при значительной доле восточнославянского населения. Наиболее высокие показатели этнической мозаичности были характерны для районов Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод. На протяжении всего рассматриваемого периода этническая мозаичность региона увеличивалась. На первом и втором этапах произошли кардинальные изменения в этнической структуре населения обоих регионов: резко сократилась численность украинского населения и выросла численность русских. Русское население стало доминирующим в обоих регионах. Решающую роль в этих изменениях сыграл голод начала 1930-х гг., депортации в ходе раскулачивания и компенсаторные миграции. В результате этнических репрессий и депортаций конца 1930–1940-х гг. ряд народов, традиционно проживавших на территории Кубани и Ставрополья, фактически

прекратили свое существование. В целом трансформации этнической структуры происходили в русле унификации и нивелирования этнических компонентов, усиления демографического, языкового и культурного влияния русских.

В рассматриваемый период у народов Кубани и Ставрополья активно шли процессы языковой ассимиляции. Увеличивалась доля лиц отмечавших в качестве родного языка русский, в том числе и среди титульных народов. Сильнее процессы языковой ассимиляции шли в городах, а так же в среде мужского населения. Однако постепенно они усиливаются и в сельской местности (в том числе и в национальных автономиях).

Наряду с общими признаками сохранялись различия в этнической структуре Краснодарского и Ставропольского краев. Население Ставрополья отличалось большей полиэтничностью, здесь выше была доля представителей коренных этносов Северного Кавказа. На Кубани в отличие от Ставрополья выше были доли украинского и русского населения. Также здесь существовали значительные по численности этнические группы, компактно проживавшие в пределах практически моноэтнических поселений.

Значительную роль в развитии населения Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг. играли миграционные перемещения. Основным подходом к управлению миграционными потоками в рассматриваемый период был административный, индивидуальные миграционные установки и решения фактически не учитывались. Механизмами реализации этого подхода были: введение паспортной системы минимизирующей стихийные перемещения, оргнаборы трудовых ресурсов для промышленных предприятий страны, депортации, компенсационные миграции. Одной из целей такой миграционной политики было перераспределение трудовых и демографических ресурсов с учетом нужд индустриализации, где сельскохозяйственным регионам, к которым относились Кубань и Ставрополье, отводилась роль донора. Стихийный миграционный поток в регион был обусловлен широко распространенными в массовом сознании

представлениями о благоприятных климатических и экономических условиях.

Миграции 1930-х гг. были преимущественно связаны с решением проблемы модернизации страны. В процесс добровольно-вынужденных и принудительных миграций оказались вовлеченными значительные массы населения, преимущественно трудоспособных возрастов. Важную роль в миграционных перемещениях в период 1930-х гг. сыграли такие факторы как голод, национальная политика по образованию национальных районов и др. 1930-е гг. один из немногих в истории региона период, когда выталкивающие факторы, преобладали над притягивающими, миграционная привлекательность Кубани и Ставрополья значительно снизилась в период голода и репрессий.

Миграционные процессы на Кубани и Ставрополье имели отличие не только в масштабах, направлениях и формах, но и в плане реализуемых государством на их территории миграционных программ. На Кубани более массовым и имевшим серьезные негативные по отношению к демографической ситуации последствия был миграционный поток связанный с раскулачиванием и депортацией кулаков. На Ставрополье выселения были менее масштабными, при этом территория края так же выступала в качестве места ссылки кулаков, депортированных из соседних регионов (Дона, Кубани и др.). Опустевшие в результате депортаций и голода территории заселяются сначала в организованном, а затем в стихийном порядке демобилизованными красноармейцами и выходцами из других регионов страны.

В период Великой Отечественной войны административный подход к управлению миграциями достигает своего пика. Логика войны определяла ведущую роль государства в управлении всеми процессами жизнедеятельности страны, в том числе и миграционными. На этот период приходится наиболее активное использование мер репрессивного характера в регулировании миграционных потоков. На период войны приходятся массовые депортации народов незаслуженно обвиненных в государственной измене.

Массовая мобилизация мужского населения, эвакуации, принудительный вывоз части населения оккупированных территорий в Германию, депортации народов, негативно сказались на демографической ситуации в регионе. Этнические депортации привели к трансформации национальной структуры Кубани и в большей степени Ставрополья, а также негативно сказались на хозяйственном развитии территорий их традиционного проживания, которые вплоть до реабилитации и возвращения оставались заброшенными.

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. произошли существенные изменения в территориальном распределении населения Кубани и Ставрополья. Характер и направления миграционных перемещений в стране и регионе на этом этапе еще во многом определялись последствиями войны. Это демобилизация военнослужащих из рядов Красной Армии, реэвакуация, восстановление народного хозяйства разрушенного в период войны и связанные с ним организованные и стихийные переселения.

Как и в предыдущие периоды приоритетным остается административный подход к управлению миграциями. Кубань и Ставрополье в соответствии с политическими решениями должны отправлять трудовые ресурсы для восстановления народного хозяйства. Основным донором трудовых мигрантов снова выступает село, несмотря на то, что регион являлся стратегически важным в плане сельхозпроизводства и сам остро нуждался в трудовых ресурсах. Демобилизация и реэвакуация лишь частично компенсировали убыль сельского населения во время войны. Отток трудоспособного населения существенно отражался на хозяйстве региона, но специфика советской модернизации по-прежнему отводила сельскому хозяйству роль ресурсной базы промышленности. Само село обеспечивалось экономическими и демографическими ресурсами по остаточному принципу. Кроме того, сохранявшиеся в массовом сознании стереотип «благодатного Юга» давал власти все основания надеяться, что стихийный миграционный поток на Кубань и Ставрополье решит проблему нехватки рабочих рук.

Существовали определенные различия в миграционных процессах в Ставропольском и Краснодарском краях. Если в межрегиональной миграции разнарядки на переселение были примерно одинаковыми, с незначительными перевесом для Краснодарского края, то в процессы внутрирегиональной миграции Ставропольский край был вовлечен гораздо сильнее. Так после депортации некоторых северо-кавказских народов реализуется программа по компенсационному заселению этих территорий, где одним из основных доноров выступает Ставропольский край, в первую очередь для территорий бывшей Чечено-Ингушской АССР и Карачаевской АО. Здесь сказалось географическое расположение края имеющего границы практически со всеми административно-территориальными образованиями Северного Кавказа и связанные с этим меньшие экономические затраты на организацию переселений.

Возвращение реабилитированных народов в 1956–1957 гг. создало другой миграционный поток, теперь уже население переселенное в рамках компенсационных миграций возвращалось обратно. Помимо ставропольцев возвращающихся на места прежнего проживания в край переселяется часть жителей районов Ставрополя отошедших к Чечено-Ингушской АССР и мигранты переселившиеся на Кавказ из центральных регионов РСФСР. Масштабы этих переселений в Краснодарский край были заметно меньше.

Возвращение реабилитированных народов изменило этническую структуру региона: сокращается доля русских, меняется характер расселения. Вернувшимся карачаевцам запрещалось селиться в ряде горных населенных пунктов, что вынуждало их селиться на равнине в казачьих станицах и карачаевских аулах возникших в ходе переселения с гор на равнину в 1930-х гг.

Значимым миграционным направлением на данном этапе остается миграция село-город, которая по мере либерализации общества приобретала все более широкие масштабы. Ее негативным последствием стала дальнейшая деформация демографических структур в селе.

Процесс демократизации общества, «хрущевская оттепель» изменили ситуацию, административный подход к управлению миграцией начинает терять свои позиции. В конце 1950-х гг. оформляется позитивистский подход к управлению миграцией, основанный на экономическом выборе индивида исходя из его личностных предпочтений.

Демографические процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. в основном не имели принципиальных различий, что было обусловлено схожими условиями и хозяйственной структурой регионов, но некоторое региональное своеобразие демографических процессов и структур имело место. На Кубани наиболее заметные демографические изменения произошли в 1930-е гг., когда ее население пострадало в результате депортаций и голода 1932–1933 гг., а потери населения компенсировались масштабным красноармейским переселением. На Ставрополье существенные демографические изменения происходят в 1940-е гг., связанные с депортацией карачаевцев и ликвидацией Карачаевской АО и участием в программе компенсационных миграции на территории, опустевшие в результате депортации северо-кавказских народов. Ставрополье, имевшее границы практически со всеми территориями репрессированных народов Северного Кавказа, выступало одним из основных доноров.

Полученные в результате исследования выводы, на наш взгляд, необходимо использовать в условиях современных демографических изменений в регионе и в стране в целом. Учет региональных особенностей исторического демографического развития позволит лучше понимать текущую ситуацию, разрабатывать и эффективно реализовывать мероприятия демографической политики в будущем.

В современной демографической ситуации: при существенном снижении рождаемости и росте смертности населения, глубоких трансформациях в брачно-семейной сфере, половозрастном составе населения актуальным для органов государственной власти и местного самоуправления РФ представляется учет исторического опыта 1930–1950-х гг., периода, когда

проводились социальные эксперименты по регулированию процессов естественного воспроизводства и миграции населения.

Опираясь на результаты проведенного исследования, учитывая опыт регулирования социально-демографических процессов и последствий мероприятий, реализованных в стране в 1930–1950-е гг., органам власти всех уровней, заинтересованным структурам гражданского общества при разработке и реализации различных мер в сфере демографического и социального развития как страны в целом, так и отдельных регионов, необходимо принять во внимание следующие рекомендации:

- представляется нецелесообразным использование определенных элементов административного регулирования процессов рождаемости, введения запретительных мер: запрета аборт, усложнение системы разводов, введение налога на бездетность и др.;

- необходимо учитывать инерционный характер процессов воспроизводства, эффект «демографического эха» при разработке и реализации соответствующих программ демографического развития;

- необходима разработка государственных программ с использованием новейших достижений в сфере здравоохранения, на поддержание репродуктивного здоровья населения, увеличения продолжительности здоровой жизни и т.д.;

- необходима разработка миграционных программ с акцентом на их социальную значимость. В этом случае при переселении будут учитываться как экономические интересы мигранта, так и социальные факторы: состав и лояльность принимающего общества в местах вселения, межнациональный климат, социальная защищенность и др.

- при разработке и проведении программ в демографической сфере необходимо всесторонне учитывать региональный фактор: особенности географического положения природно-климатические условия, специфика социально-экономической деятельности населения, национальный состав, исторические особенности развития конкретных административно-

территориальных единиц являются необходимыми факторами, требующими всестороннего анализа и учета при разработке и реализации соответствующих мероприятий, направленных на регулирование демографических процессов в них;

- назревшей потребностью становится проведение демографических исследований в режиме мониторинга, создание для этих целей соответствующих служб, поощрение различных научно-исследовательских проектов на грантовой основе;

- в этой же плоскости необходима реализация программ, нацеленных на формирование благоприятного климата в межэтнических отношениях, включающих меры по интеграции иноэтничных мигрантов в принимающее общество при одновременном формировании лояльности к иноэтничным переселенцам со стороны местных жителей, сохранение и развитие этнической идентичности, народов населяющих регионы страны, с приоритетом общероссийской гражданской идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

1. Ф. 1562 – Центральное статистическое управление (ЦСУ СССР) при Совете Министров СССР. 1918–1987. Оп. 20. Д. 25, 34, 35, 36, 117, 145, 195, 307, 475, 577, 700, 962, 1011; Оп. 27. Д. 103, 198, 212, 343, 354, 480, 814; Оп. 33. Д. 1052, 1061, 2185, 2638, 2643, 2990; Оп. 329. Д. 48, 131, 132, 134, 142, 143, 188, 194, 200, 256, 262, 280, 393, 394, 396, 403, 538, 540, 545, 1015, 1452, 1457, 1469, 1873, 1883, 2217, 2229, 2230, 2634, 2635, 2636, 2648, 3151, 3157, 3787, 3807, 4463, 4485, 4703; Оп. 336. Д. 57, 205, 268, 269, 274, 275, 276, 440, 446, 447, 604, 607, 610, 611, 641, 643, 648, 650, 733, 734, 880, 881, 966, 968, 970, 971, 972, 15666, 1568, 1591, 1647.

2. Ф. 4372 – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР). Оп. 92. Д. 161.

3. Ф. 5675 – Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954. Оп. 1. Д. 32, 39, 43, 51, 63, 72, 74, 76, 95, 141, 149, 168, 171, 187, 551, 632, 636.

4. Ф. 8040 – Министерство хлебопродуктов СССР. Оп. 8. Д. 25, 192.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

5. Ф. А-327 – Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР, отдел по организации приема и хозяйственному устройству переселенцев. Оп. 2. Д. 618, 629, 543, 578, 583, 594, 599.

6. Ф. А-374 – Государственный комитет РСФСР по статистике (ГОСКОМСТАТ РСФСР). Оп. 14. Д. 1702; Оп. 23. Д. 204, 221, 240, 262, 456; Оп. 24. Д. 14; Оп. 30. Д. 3362, 3384.

7. Ф. 3302 – Всероссийское общество содействия трудящихся ассирийцев. Оп. 1. Д. 108, 130, 151, 166, 206, 233.

8. Ф. Р-5446 – Совет Народных Комиссаров СССР – Совет Министров СССР. 1923–1991. Оп. 1. Д. 457, 464, 466; Оп. 47. Д. 4356.

9. Ф. Р-9414 – Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Министерства внутренних дел СССР. Оп. 1. Д. 1943, 1944.

10. Ф. Р-9415 – Главное управление милиции. Оп. 3. Д. 1420.

11. Ф. Р-9479 – 4-й Спецотдел Министерства внутренних дел СССР (Отдел спецпоселений). Оп. 1. Д. 29, 84, 85, 86, 89, 137, 160, 170, 176, 178, 949.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

12. Ф. 17 – Центральный комитет РКП(б) – КПСС. Оп. 3. Д. 776, 1077; Оп. 8. Д. 60, 309, 407, 701, 732; Оп. 21. Д. 2277; Оп. 42. Д. 80; Оп. 88. Д. 732; Оп. 118. Д. 480; Оп. 162. Д. 8, 39, 40; Оп. 163. Д. 862; Оп. 166. Д. 399, 408, 482.

13. Ф. 81 – Каганович Лазарь Моисеевич. Оп. 3. Д. 214, 215, 216.

14. Ф. 82 – Молотов Вячеслав Михайлович. Оп. 2. Д. 515, 537, 904, 905.

15. Ф. 558 – Сталин Иосиф Виссарионович. Оп. 11. Д. 45.

16. Ф. 644 – Государственный комитет обороны (1941–1945 гг.). Оп. 1. Д. 36.

Российский государственный военный архив (РГВА)

17. Ф. 9 – Политическое управление РККА. 1-й отдел – организационно-распределительный (1928–1934 гг.). Оп. 36. Д. 465, 467, 479, 558, 559, 561, 613, 615.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

18. Ф. Р-535 – Уполномоченный по снабжению эвакуированных поляков по Краснодарскому краю, Министерство торговли РСФСР (1944–1945 гг.). Оп. 1. Д. 7; Оп. 2. Д. 21, 23.

19. Ф. Р-577 – Приморско-Ахтарский районный ЦИК. Оп. 1. Д. 160, 166.

20. Ф. Р-580 – Исполнительный комитет Славянского районного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, станица Славянская Славянского района Кубанского округа Северо-Кавказского края, 1924–1939 гг. Оп. 1. Д. 436.

21. Ф. Р-585 – Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся (Краевой приемно-распределительный пункт по приему репатриированных советских граждан, станция Кавказская г. Кропоткин Краснодарского края, 1945–1946 гг.). Оп. 1. Д. 8, 10, 21, 35.

22. Ф. Р-687 – Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета народных депутатов, Краснодарский краевой Совет народных депутатов, г. Краснодар, 1937–1994 гг. Оп. 1. Д. 302; Оп. 2. Д. 675; Оп. 3. Д. 10, 24, 47, 51, 52, 60, 61, 67, 72; Оп. 5. Д. 274.

23. Ф. Р-897 – Краснодарская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками их пособниками. Оп. 1. Д. 2, 31.

24. Ф. Р-1246 – ЦСУ РСФСР Статистическое управление Краснодарского края (Краевое управление народнохозяйственного учета центрального управления народнохозяйственным учетом Госплана СССР). Оп. 1. Д. 6, 14, 15, 17, 30, 162, 190, 215, 216, 217, 218, 403, 405; Оп. 14. Д. 69, 70, 71, 73, 74, 75, 77, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 91.

25. Ф. Р-1393. – Краснодарский краевой отдел здравоохранения. Оп. 1. Д. 166, 167, 169, 178, 802.

26. Ф. Р-1539 – Переселенческий отдел исполнительного комитета Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся, г. Краснодар, 1937 – 1953 гг. Оп. 1. Д. 2, 5, 7, 8, 12, 13.

27. Ф. Р-1594 – Кубанский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, 1924–1939 гг. Оп. 1. Д. 50.

**Центр документации новейшей истории Краснодарского края
(ЦДНИКК)**

28. Ф. 162 – Протоколы заседаний бюро Тимашевского райкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 139.

29. Ф. 1072 – Краснодарский горком ВКП(б). Оп. 1. Д. 2038.

30. Ф. 1075 – Протоколы заседаний бюро Старо-Минского райкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 66а, 80, 81.

31. Ф. 1222 – Протоколы заседаний бюро Кореновского райкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 214.

32. Ф. 1384 – Протоколы заседаний бюро Павловского райкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 67.

33. Ф. 1471 – Директивы и указания Краснодарского крайкома ВКП(б) и ЦК ВКП(б) (Усть-Лабинский райком ВКП(б) Краснодарского края). Оп. 1. Д. 579.

34. Ф. 1629 – Директивные письма крайкома ВКП(б) (Ленинградский райком ВКП(б) Краснодарского края). Оп. 1. Д. 130.

35. Ф. 1774-А – Краснодарский крайком ВКП(б). Оп. 1. Д. 536, 546, 560, 566, 1319; Оп. 2. Д. 58, 271, 373, 399, 486, 645, 1399, 1558; Оп. 3. Д. 401, 659, 660, 891, 1661, 1662, 2256; Оп. 4. Д. 267, 623, 2509.

36. Ф. 1774-Р – Краснодарский крайком ВКП(б). Оп. 2. Д. 1225, 1275.

37. Ф. 1863 – Протоколы заседаний бюро Славянского райкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 92.

38. Ф. 2662 – Греческий РК ВКП(б) Греческого района. Оп. 1. Д. 15.

39. Ф. 4384 – Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Краснодарскому краю. Оп. 1. Д. 59.

40. Ф. 8069 – Политотдел Ново-Леушковской МТС. Оп. 1. Д. 4.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

41. Ф. Р-1852 – Исполнительный комитет Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся. Оп. 12. Д. 25, 62, 64, 66, 84, 129.

42. Ф. Р-1886 – Статистическое управление Ставропольского края (ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР). Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 154, 155, 398, 658, 711, 721, 722; Оп. 5. Д. 964.

**Государственный архив новейшей истории Ставропольского края
(ГАНИСК)**

43. Ф. 1 – Ставропольский краевой комитет ВКП(б) – КПСС. Оп. 1. Д. 580, 585, 685, 753; Оп. 2. Д. 57, 74, 251, 1792.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

44. Ф. Р-1390 – Азово-Черноморский краевое земельное управление (Край ЗУ) краевого исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся. Оп. 6. Д. 3184, 3235; Оп. 7. Д. 997, 998, 1003, 1006, 1025, 1029.

45. Ф. Р-2608 – Азово-Черноморский краевой переселенческий комитет при Президиуме краевого исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5, 7, 48, 61, 62, 63, 67, 69, 70, 95.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

46. Ф. 8 – Азово-Черноморский крайком ВКП(б). Оп. 1. Д. 31, 34, 52, 53.

47. Ф. 166 – Политсектор МТС Азово-Черноморского края. Оп. 1. Д. 14, 21, 23, 111, 113, 180, 257.

**II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ, ПОСТАНОВЛЕНИЯ, СБОРНИКИ
ДОКУМЕНТОВ И СТАТИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ,
СПРАВОЧНЫЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ**

Законодательные акты и постановления

48. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 42.

49. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 40.

50. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

51. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 60.

52. Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 15.

53. Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 10.

54. Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 52.

55. Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 27.

56. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1958. № 8.

57. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 т. – М.: Политиздат, 1970–1982. Том 6. 1941–1954. – 1971. – 528 с.

58. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 августа 1956 года «О передаче некоторых вопросов административно-территориального деления РСФСР на разрешение исполнительных комитетов краевых, областных Советов депутатов трудящихся и Президиумов Верховных Советов автономных республик» // Протокол Президиума Верховного Совета РСФСР. 1956. № 21. п. 4 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5124.htm (дата обращения: 12.11.2015).

59. Постановление Президиума ВЦИК от 10 июля 1931 г. «Об изменениях в административно-территориальном делении Северо-Кавказского края // СУ. 1931. № 40. Ст. 315. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPlaceArtText.aspx?pid=9&id=2148> (дата обращения: 05.10.2016).

60. РСФСР. Законы и постановления. Сборник законов РСФСР и указов Президиума Верховного Совета РСФСР, 1938–1946 гг. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1946. – 74 с.

61. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштама. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 531 с.

62. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1945–1946 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1947. – 187 с.

63. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938–1975. В 4 т. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. – Т. 3. – 478 с.

64. Сборник законов СССР. – 1931. – № 44.

65. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2-х ч. / сост.: В.С. Кулагина, В.А. Щепиков; под общ. ред. и с предисл. Г.Ф. Весновской. – Курск: ГУИПП «Курск», 1999. Ч. 1. – 510 с., Ч. 2. – 410 с.

66. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1932. № 8, 84.

67. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934. № 33, 36.

68. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1936 г. № 34, 44.

69. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1937. № 61.

70. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Госиздат, 1943. – 800 с.

71. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – М.: Народный комиссариат юстиции, 1926. – № 82. – 24 с.

72. Уголовный кодекс РСФСР: Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. с приложением постатейно систематизированных материалов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 256 с.

**Сборники документов и статистических материалов,
справочные и энциклопедические издания:**

73. XX съезд Коммунистической партии Советского союза 14–25 февраля 1956 г.: стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1956. Т. 2. – 557 с.

74. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.В. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М.: Вече, 2010. – 384 с.

75. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 22: Северо-Кавказский край. – М.: Издание ЦСУ СССР, 1929. – 516 с.

76. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 17. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 111 с.
77. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 39. – М.: ЦСУ СССР, 1930. – 291 с.
78. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 5. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – 338 с.
79. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 228 с.
80. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги / редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др.; сост. Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев. – М.: ИРИ РАН, 1991. – 238 с.
81. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др.; сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 320 с.
82. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия / редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др.; сост. В.Б. Жиромская. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 1999. – 207 с.
83. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др.; авт. коммент. Н.А. Араловец и др. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
84. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / отв. сост. В.В. Кондрашин. – М.: МФД, 2012. – 912 с.
85. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: лето 1933–1934 / отв. сост. В.В. Кондрашин. – М.: МФД, 2013. – 960 с.
86. Голод в СССР. 1930–1934 гг. Сборник документов / сост. О.А. Антипова и др. – М.: Росархив, 2009. – 518 с.
87. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах: сборник документов / сост.: Г. Никитенко, Т. Колпикова. – Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. – 560 с.

88. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 гг. Сборник документов / сост.: В. Белоконь, Т. Колпикова. – Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. – 695 с.

89. Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко, А.В. Антошкина, М.Б. Денисенко и др. – М.: ООО «Издательство Энциклопедия», 2013. – 944 с.

90. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.

91. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл. Н.Ф. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. – 288 с.

92. История индустриализации СССР: 1929–1932 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.Е. Полетаев. – М.: Наука, 1970. – 635 с.

93. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР (сводный том). – М.: Госстатиздат, 1963. – 456 с.

94. Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927–1941 гг.): Сборник документов и материалов / сост. Н.С. Вертышева, Э.М. Ефимова-Сякина, В.Ф. Латкин, А.А. Прохорова; науч. ред. И.И. Алексеенко. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1981. – Т. 2. – 207 с.

95. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.): документы и материалы / под ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осколкова. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1972. – 824 с.

96. Колхозы в 1929 г.: Итоги сплошного обследования колхозов. – М.: Государственное планово-хозяйственное издательство, 1931. – 274 с.

97. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / сост.: А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. – Краснодар: Эдви, 1997. – 1118 с.

98. Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом / сост. А.А. Алексеева, А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Эдви, 2002. – 384 с.

99. Краткая справка об административно-территориальных изменениях Ставропольского края за 1920–1992 гг. / Комитет Ставропольского края по делам архивов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stavkomarchiv.ru/opendata> (дата обращения: 25.05.2016).

100. Кубанский статистический сборник за 1929–1930 год. – Краснодар: Севкавказполиграф, 1930. – 245 с.

101. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. – Краснодар: Сов. Кубань, 2000. – 816 с.

102. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Кн. 2. Часть 1. Хроника событий. 1943 год. – Краснодар: Советская Кубань, 2003. – 896 с.

103. Кубань, опаленная войной (о жертвах и злодеяниях захватчиков на территории Краснодарского края, временно оккупированной в 1942–1943 гг.). – Краснодар: Периодика Кубани, 2005. – 84 с.

104. Народное хозяйство Краснодарского края: Статистический сборник. – Краснодар: Госстатиздат, 1958. – 234 с.

105. Народное хозяйство Краснодарского края: Статистический сборник. – Краснодар: Статистика (Краснодарское отделение), 1965. – 462 с.

106. Народное хозяйство Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Издательство «Северный Кавказ», 1932. – 417 с.

107. Народное хозяйство СССР в 1960 г. Статистический ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1961. – 22 с.

108. Народонаселение: энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Меликьян, ред. кол.: А.Я. Кваша, А.А. Ткаченко, Н.Н. Шаповалов, Д.К. Шелестов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с.

109. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области (Таблицы к отчету СТО Кубчероблэко на 1 апреля 1922 г.). – Краснодар: Госстат издательство, 1922. – 54 с.

110. Наш край: Документы, материалы (1917–1977 гг.) / сост.: Н.С. Дикалова и др. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1983. – 405 с.

111. Оперативные сведения Центрального статистического управления Госплана СССР о численности населения СССР на 01.01.1945 г. Дело № Ф – 2708/С // Цензы 1945–1951 гг.: Материалы к серии «Народы Советского Союза» / ред. кол. Ю.Б. Симченко (отв. ред.) и др. в 4-х ч. Ч. 1. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1991. – 228 с.

112. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост.: А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1986. – 396 с.

113. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Черноморская губерния. Т. 70. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – 115 с.

114. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Кубанская область. Т. 65. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – 263 с.

115. Перепись 1939 г.: документальные источники Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР // Материалы к серии «Народы Советского Союза». – М.: ИЭА АН СССР, 1990. – Ч. 1–15. – 2967 с.

116. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н.Н. Покровский. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 912 с.

117. «По решению Правительства Союза ССР...»: сборник документов / сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – 928 с.
118. Районы Северного Кавказа: краткий статистический справочник. – Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1935. – 52 с.
119. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. – М.: МФД, 2000. – 503 с.
120. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. – М.: МФД, 2003. – 960 с.
121. Репатриация советских граждан: Сборник официальных документов. – М.: Воениздат, 1945. – 50 с.
122. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 16 т. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – Т. 1. – 784 с.
123. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.). – М.: Высшая партшкола, 1944. – 374 с.
124. Сборник материалов по вопросам сплошной коллективизации сельского хозяйства Северо-Кавказского края. – Ростов н/Д: Партиздат, 1930. – Вып. 1. – 183 с.
125. Сборники решений по сельскому хозяйству / сост. К.И. Орлянкин. – М.: Сельхозгиз, 1963. – 672 с.
126. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 840 с.

127. Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 / сост.: Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк (отв. сост.) и др. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2013. – 950 с.

128. Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1934. – 128 с.

129. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. – 514 с.

130. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы / сост.: В.А. Водолажская, М.И. Кривнева, Н.А. Мельник. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2000. – 175 с.

131. Ставрополье за 50 лет. Сборник статистических материалов. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1968. – 219 с.

132. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. проф. Т.А. Булыгина; сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 608 с.

133. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис и др. – М.: «Российская политическая энциклопедия» РОССПЭН, 2001. – 798 с.

134. Сталин И. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...»: Сборник документов (1940-е годы). – М.: Готика, 1998. – 252 с.

135. Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. – 904 с.

136. Статистические материалы: Некоторые итоги переписи населения 1939 года // Вестник статистики. – 1956. – № 6. – С. 89–96.

137. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. – Ростов н/Д, 1925. – 485 с.

138. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1 января 1926 года. I. РСФСР. – М.: Издательство Главного управления коммунального хозяйства НКВД, 1926 г. – 284 с.

139. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 4. 1934–1936 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 1056 с.

140. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 1008 с.

141. Цензы 1945–1951 гг.: Материалы к серии «Народы Советского Союза». В 4-х ч. Ч. 1. М.: ИЭА АН СССР, 1991. – 228 с.

142. Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х годов // Вопросы истории. – 1994. – № 3. – С. 3–25.

143. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich / Oprac. E. Basiński, H. Adalińskiej et al.; Polska Akademia Nauk. Instytut Słowianoznawstwa i Bałkanistyki. T. VIII (Styczeń 1944 – grudzień 1945). – Warszawa: Książka i Wiedza, 1974. – 747 s.

III. МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

144. Правда (печатный орган ЦК ВКПб). – 1930. – 27 февр.; – 1934. – 28 янв.; – 1935. – 4 дек.; – 1937. – 26 сент., – 23 дек.; – 1939. – 21 дек.

145. Известия (печатный орган ЦИК СССР и ВЦИК). – 1933. – 10 окт.; – 1937. – 9 июл.

146. Труд (печатный орган ВЦСПС). – 1937. – 27 апр.

147. Красноармеец, Краснофлотец (печатный орган ПУРККА). – 1933. – № 15; № 19–20.

148. Медицинский работник (печатный орган Министерства здравоохранения СССР). – 1937. – 16 июл.; – 1938. – 28 июн.

149. Молот (печатный орган Северо-Кавказского крайкома ВКПб). Ростов н/Д, – 1929. – 6 дек.; – 1932. – 5 нояб.; – 1933. – 5 мая., – 10 мая.

150. Кубань (печатный орган бургомистра г. Краснодара – оккупационной администрации). – 1942. – 1 дек.; – 1943. – 5 янв., – 7 янв., – 15 янв.

IV. МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

151. Барка, В. Кубанский холокост / В. Барка // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). – Краснодар, 2002. – № 3. – С. 62–69.

152. Беликов, Г.А. Оккупация: Ставрополь. Август 1942 – январь 1943 гг. / Г.А. Беликов. – Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. – 152 с.

153. Воспоминания Сергея Васильевича Никифорова // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). – Краснодар, 2002. – № 3. – С. 98–102.

154. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). – Краснодар, 2002. – № 3. – С. 51–61.

155. Ленивов, А.К. Под казачьим знаменем / А.К. Ленивов / Кубанец: журнал Кубанского казачьего союза. – Краснодар, – 1991. – № 1. – С. 19–32.

156. Микоян, А.И. Так было. Размышления о минувшем / А.И. Микоян. – М.: Вагриус, 1999. – 636 с.

157. Хрущев, Н.С. Воспоминания: время, люди, власть: в 2-х книгах / Н.С. Хрущев. – М.: Вече, 2016. Кн. 1. – 895 с., Кн. 2. – 895 с.

158. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева / послесл. С.В. Кулешова. – М.: ТЕРРА, 1991. – 604 с.

V. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

159. Абулова, Е.А. Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе / Е.А. Абулова // Создание и развитие национальной государственности народов Северного Кавказа (республиканский сборник). – Ставрополь: Ставропольский государственный педагогический институт, 1977. – С. 16–21.

160. Авдеев, А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР / А. Авдеев // Историческая демография: Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 13–72.

161. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

162. Алексеенко, И.И. Голодомор на Кубани 1932–1933 гг. / И.И. Алексеенко // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы I регион. науч. конф. – Краснодар: б.и., 2003. – С. 35–40.

163. Алексеенко, И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века / И.И. Алексеенко. – Краснодар: б.и., 1993. – 114 с.

164. Амин, С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / С. Амин. – М.: Европа, 2007. – 168 с.

165. Ананьева, Г.Е. Историческая демография / Г.Е. Ананьева, А.П. Судоплатов // Система знаний о народонаселении / под ред. Д.И. Валентя. – М.: Статистика, 1976. – С. 225–237.

166. Андреев, Е.М. Демографическая история России: 1927–1957 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьков. – М.: Информатика, 1998. – 187 с.

167. Андреев, Е.М. Население Советского Союза: 1922–1991 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьков. – М.: Наука, 1993. – 143 с.

168. Андреев, Е.М. Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. / Е.М. Андреев // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши. Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. – М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 108–128.

169. Андриенко, М.В. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов / М.В. Андриенко, С.И. Линец. – Пятигорск: Изд-во ПГТУ, 2006. – 150 с.

170. Анри, Л. Проблемы современной демографии: наблюдение и язык / Л. Анри // Изучение мнений о величине семьи / под ред. А.Г. Волкова и Л.Е. Дарского. – М.: Статистика, 1971. – С. 114–126.

171. Антокольская, М.В. Семейное право: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / М.В. Антокольская. – М.: Юристъ, 2002. – 336 с.

172. Апостолов, Л.Я. Кубано-Черноморский край. Краткий очерк его современного состояния с приложением карты / Л.Я. Апостолов. – Краснодар: Изд-во КЧКНИИ, 1924. – 42 с.

173. Араловец, Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н.А. Араловец. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304 с.

174. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и стоки нашего времени / Дж. Арриги. – М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. – 472 с.

175. Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. – М.: Наука, 1970. – 466 с.

176. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с.

177. Баев, Р.Р. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект) / Р.Р. Баев, А.Е. Елифанов. – Волгоград: Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2007. – 280 с.

178. Баранов, А.В. Миграционные процессы и миграционная политика на Юге России в 1920–1933 гг.: основные тенденции развития / А.В. Баранов // Общество: философия, история, культура. Краснодар, – 2016. – № 10. – С. 82–85.

179. Баранов, М.Э. Переселение и коллективизация / М.Э. Баранов. – М.: Книгосоюз, 1929. – 75 с.

180. Баркалов, Н.Б. Моделирование демографического перехода / Н.Б. Баркалов. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 80 с.

181. Бачинський, Д.В. Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція: навч. посібник / Д.В. Бачинський. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2010. – 176 с.

182. Бежкович, А.С. Современный этнический состав населения Краснодарского края: Доклады по этнографии отделения географии Географического общества СССР / А.С. Бежкович. – Л.: ИПК «Збруч», 1967. – Вып. 5. – 14 с.

183. Бекижев, М.М. Формирование советской интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.) / М.М. Бекижев. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1978. – 288 с.

184. Белковец, Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. Историко-правовое исследование / Л.П. Белковец. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 324 с.

185. Белозеров, В.С. Этническая карта Северного Кавказа / В.С. Белозеров. – М.: ОГИ, 2005. – 304 с.

186. Блюм, А. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / А. Блюм, М. Меспуле – М.: «Российская политическая энциклопедия» РОССПЭН, 2006. – 328 с.

187. Блюм, А. Родиться, жить и умереть в СССР / А. Блюм. – М.: Новое издательство, 2005. – 172 с.

188. Богоявленский, Д.Д. О приписках в переписи 1939 г. / Д.Д. Богоявленский // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/archiv01.php> (дата обращения: 15.01.2017).

189. Бондарская, Г.А. Рождаемость в СССР. (Этнодемографический аспект) / Г.А. Бондарская. – М.: Статистика, 1977. – 128 с.

190. Борисов, В.А. Демографическая дезорганизация России, 1897–2007: избранные демографические труды / В.А. Борисов. – М.: Nota bene, 2007. – 752 с.

191. Бочкарёва, З.В. Национальная политика фашистской Германии на Северном Кавказе / З.В. Бочкарёва // Российские историки-германисты: кто они, над чем работают? / отв. ред. Я.С. Драбкин. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1994. – Бюл. 2. – С. 53–57.

192. Боярский, А.Я. Всесоюзная перепись населения / А.Я. Боярский // Научные доклады высшей школы: Экономические науки. – 1958. – № 4.

193. Боярский, А.Я. Население и методы его изучения: Сборник научных трудов / А.Я. Боярский; предисл. И.Г. Венецкого и В.И. Сиськова. – М.: Статистика, 1975. – 264 с.

194. Боярский, А.Я. Население нашей страны / А.Я. Боярский // Политическое самообразование. – 1963. – № 3. – С. 113–116.

195. Боярский, А.Я. Статистика населения: Учебное пособие / А.Я. Боярский. – М.: Союзгрупп, 1938. – 124 с.

196. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории: Сборник переводов / общ. ред. И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – С. 114–142.

197. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 418 с.

198. Брюханова, Е.А. К истории классификации профессий / Е.А. Брюханова, В.Н. Владимиров // Историческое профессиональное образование: профессия, карьера, социальная мобильность: сборник статей / под ред. В.Н. Владимирова, В.Х.Д. ван Леувена. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012. – С. 7–25.

199. Брюханова, Е.А. Модели реконструкции профессиональной структуры населения Сибири по данным переписи 1897 г. / Е.А. Брюханова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 369. – С. 67–69.

200. Буасье, С. Теория и стратегия поляризованного развития в Латинской Америке / С. Буасье // Изв. СО АН СССР. Серия «Общественные науки». – 1976. – № 6. – Вып. 2. – С. 33–38.

201. Бугай, Н.Ф. «Обязать НКВД СССР выселить греков» (о депортации греков в 1930–1950 годы) / Н.Ф. Бугай, А.Н. Коцонис. – М.: Инсан, 1999. – 168 с.

202. Бугай, Н.Ф. К вопросу о депортациях народов Северного Кавказа в 30–40-е гг. / Н.Ф. Бугай // История СССР. – 1989. – № 6. – С. 135–144.

203. Бугай, Н.Ф. Кавказ: народы в эшелонах (1920–1960-е годы) / Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. – М.: Инсан, 1998. – 368 с.

204. Бугай, Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...» / Н.Ф. Бугай. – М.: Гриф и К, 2011. – 510 с.

205. Бузин, Д. Население страны социализма (К итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г.) / Д. Бузин // Проблемы экономики. – 1939. – № 5. – С. 35–46.

206. Бутов, А.С. Трудовой подвиг сельской молодежи Ставрополя в годы Великой Отечественной войны / А.С. Бутов // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1995. – С. 81–83.

207. Валентей, Д.И. Изучение народонаселения: вопросы методологии / Д.И. Валентей. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 156 с.

208. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн / пер. с англ. под ред. Б.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
209. Валлерстайн, И. После либерализма / И. Валлерстайн / пер. с англ. М.М. Гурвица, П.М. Кудюкина, Л.В. Феденко; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
210. Василенко, В. Голодомор 1932–1933 годов в Украине как преступление геноцида: правовая оценка / В. Василенко. – К.: «Видавництво імені Олени Теліги», 2009. – 48 с.
211. Васильев, И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века) / И.Ю. Васильев. – М.: Традиция, 2014. – 336 с.
212. Васильев, И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. / И.Ю. Васильев. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2010. – 164 с.
213. Вебер, М. Политика как призвание и профессия. 1918 г. / М. Вебер // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
214. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 656 с.
215. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки. В 4-х кн. – М., 1998–1999.
216. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. / О.М. Вербицкая. – М.: Наука, 1992. – 222 с.
217. Вербицкая, О.М. Российская сельская семья в 1987–1959 гг. (историко-демографический аспект) / О.М. Вербицкая. – М.; Тула: Гриф и К, 2009. – 296 с.
218. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. – М.: Прогресс, 1967. – 774 с.

219. Вишневский, А.Г. Судьба одного демографа: портрет на фоне эпохи. Воспоминания М.В. Курмана / А.Г. Вишневский // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – Paris, 1993. – Vol. 34. – № 4. Octobre-Décembre. – P. 577–629.

220. Вишневский, А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее / А.Г. Вишневский. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.

221. Вишневский, А.Г. Время демографических перемен: избранные статьи / А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 520 с.

222. Вишневский, А.Г. Демографическая революция / А.Г. Вишневский. – М.: Статистика, 1976. – 220 с.

223. Вишневский, А.Г. Демографическая: революция: 2-е изд. / А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – 211 с.

224. Вишневский, А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.

225. Вишневский, А.Г. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики / А.Г. Вишневский // *Семья: и семейная политика*. – М.: б.и, 1991. – 76 с.

226. Вишневский, А.Г. Предисловие / А.Г. Вишневский, И.С. Кон // *Брачность, рождаемость, семья за три века* / отв. ред. А.Г. Вишневский и И.С. Кон. – М.: Статистика, 1979. – С. 3–13.

227. Владимиров, В.Н. Историческая классификация профессий: первый русскоязычный вариант HISCO / В.Н. Владимиров, А.В. Дёмкин, Е.А. Киселева, Д.В. Колдаков, Р.Н. Перебоев, И.Г. Силина // *Историческое профессиоведение*. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2004. – С. 57–81.

228. Владимиров, В.Н. К созданию русскоязычной исторической классификации профессий / В.Н. Владимиров, А.В. Демкин // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск: Изд-во «Медиа-альянс», 2004. – С. 91–97.

229. Волков, А.Г. Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР / А.Г. Волков // Проблемы современной урбанизации / под ред. Ю.Л. Пивоварова. – М.: Статистика, 1972. – С. 105–124.

230. Волков, А.Г. Избранные демографические труды: Сборник научных статей / А.Г. Волков / сост. и науч. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 567 с.

231. Волков, А.Г. Шаг к правде (О статье Ф.Д. Лившица) / А.Г. Волков // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 167–174.

232. Волков, А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы / А.Г. Волков / Экспресс-информация. Серия «История статистики». Вып. 3–5 (ч. II). – М.: Статистика, 1990. – С. 6–63 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/4Gohgg> (дата обращения: 17.11.2016).

233. Волков, Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е.З. Волков; предисл. С.Г. Струмилина. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. – 272 с.

234. Волков, И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 годах / И.М. Волков. – М.: Мысль, 1972. – 293 с.

235. Волкова, Н.Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX вв. / Н.Г. Волкова // Советская этнография. – 1971. – № 2. – С. 38–47.

236. Воспроизводство населения СССР / под ред. А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.

237. Вострикова, А. Численность населения СССР и его возрастная структура / А. Вострикова // Вестник Статистики. – 1960. – № 4. – С. 55–64.
238. Врублевский, А.П. Из истории репрессий против белорусского крестьянства 1929–1934 гг. / А.П. Врублевский, Т.С. Протьюко / под ред. М.П. Костюка. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
239. Гаврилов, Л.А. Биология продолжительности жизни / Л.А. Гаврилов, Н.С. Гаврилова. – М.: Наука, 1986. – 168 с.
240. Гаврилова, И.Н. Население Москвы: исторический ракурс / И.Н. Гаврилова. – М.: Мосархив, 2001. – 480 с.
241. Гавров, С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С.Н. Гавров. – М.: Едиториал УРСС, Второе издание. 2010. – 352 с.
242. Геллер, М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека / М.Я. Геллер. – М.: МИК, 1994. – 336 с.
243. Геллер, М.Я. Утопия у власти: Utopia in power: история Советского Союза с 1917 года до наших дней / М.Я. Геллер, А.М. Некрич. – 3-е изд. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1989. – 926 с.
244. Генкин, Д.М. История советского гражданского права (1917–1947) / Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, Н.В. Рабинович. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1949. – 544 с.
245. Генкина, Э.Б. Борьба за победу колхозного строя в деревне / Э.Б. Генкина // Историк-марксист. – 1940. – № 12 (88). – С. 53–75.
246. Генс, А.Б. Аборт в деревне / А.Б. Генс / под ред. В.П. Лебедевой. – М.: Изд-во НКЗ «Охрана материнства и младенчества», 1926. – 48 с.
247. Гозулов, А.И. Морфология населения: Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей – 1926, 1920 и 1897 гг. / А.И. Гозулов. – Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказского краевого статистического управления, 1929. – 442 с.

248. Гозулов, А.И. Народонаселение СССР (Статистическое изучение численности, состава и размещения) / А.И. Гозулов, М.Г. Григорьянц. – М.: Статистика, 1969. – 171 с.
249. Гозулов, А.И. Перепись населения СССР 1959 г. и ее народнохозяйственное значение / А.И. Гозулов, Р.С. Хрипушина. – Ростов н/Д: б.и, 1958. – 22 с.
250. Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки / під ред. В.А. Смолій. – Київ: Наукова думка, 2003. – 888 с.
251. Голотик, С.И. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов / С.И. Голотик, В.В. Минаев. – М.: Изд-во Ипполитова, 2004. – 320 с.
252. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник / под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
253. Губогло, М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычья / М.Н. Губогло. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
254. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Известия, 2003. – 500 с.
255. Данилов, В.П. Сталинизм и советское общество / В.П. Данилов // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы II регион. науч. конф. – Краснодар: ООО «Вольные мастера», 2004. – С. 4–9.
256. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
257. Демографические процессы в СССР: сборник научных трудов / отв. ред. А.Г. Волков. – М.: Наука, 1990. – 214 с.
258. Демографическое развитие семьи / под ред. А.Г. Волкова. – М.: Статистика, 1979. – 191 с.

259. Денисов, Б. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика / Б. Денисов, В. Сакевич // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. – М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 186–208.

260. Джилас, М. Лицо тоталитаризма / М. Джилас. – М.: Новости, 1992. – 544 с.

261. Джуха, И.Г. Как это было на Кубани... Репрессии против греков Краснодарского края / И.Г. Джуха. – СПб: Алетейя, 2013. – 184 с.

262. Дмитриева, Р.М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти / Р.М. Дмитриева, Е.М. Андреев // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М.: Статистика, 1977. – С. 28–34.

263. Донченко, В.Н. Демобилизация Советской армии и решение проблем кадров в первые послевоенные годы / В.Н. Донченко // История СССР. – 1970. – № 3. – С. 96–102.

264. Дус Сантус, Т. Структура зависимости / Т. Дус Сантус // Скепсис. – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scepsis.net/journal/issue4/> (дата обращения: 12.03.2016).

265. Дьяков, Ю.Л. Место освобожденных районов в распределении капиталовложений и строительных кадров / Ю.Л. Дьяков // Восстановление народного хозяйства освобожденных и прифронтовых районов СССР в 1944–1945 гг.: Сборник статей / под ред. Г.А. Куманева, А.В. Митрофановой. – М.: Наука, 1983. – С. 45–58.

266. Дэвис, К. Социология демографического поведения // Социология сегодня. Проблемы и перспективы / К. Дэвис. – М.: Прогресс, 1965. – 684 с.

267. Дюваль, Г. Голод и нищета среди всеобщего изобилия / Г. Дюваль. – М: Партийное издательство, 1932. – 48 с.

268. Дюмон, Л. Эссе об индивидуализме / Л. Дюмон. – Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. – 364 с.

269. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм / пер. с франц. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 263 с.

270. Жеребцов, И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население / И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1998. – 174 с.

271. Жеребцов, И.Л. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность / И.Л. Жеребцов, А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар: б.и., 2005. – 220 с.

272. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: историко-медицинский аспект / Дж.Д. Барбер и др. / под ред. Дж.Д. Барбера и А.Р. Дзенискевича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 265 с.

273. Жинкин, А. Кубань: история, экономика, культура / А. Жинкин, О. Паламарчук. – Краснодар: Периодика Кубани. 2001. – 460 с.

274. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 280 с.

275. Жиромская, В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений России: историко-демографический аспект: 1946–1960 / В.Б. Жиромская. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – 311 с.

276. Жиромская, В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. / В.Б. Жиромская. – М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России. 2012. – 320 с.

277. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

278. Жиромская, В.Б. Социальный состав и занятия населения России в конце 1930-х гг. / В.Б. Жиромская // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Междунар. науч. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – С. 11–35.

279. Журавлёв, Е.И. Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха / Е.И. Журавлёв // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2001. – № 1. – С. 36–43.
280. Журавлева, В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. / В.А. Журавлева. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – 219 с.
281. Зайончковская, Ж.А. Демографическая ситуация и расселение / Ж.А. Зайончковская. – М.: Наука, 1991. – 131 с.
282. Зайончковская, Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости) / Ж.А. Зайончковская. – М.: Статистика, 1972. – 164 с.
283. Занданова, Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию / Л.В. Занданова. – Иркутск: Изд. Иркутского гос. пед. ун-та, 1997. – 157 с.
284. Заславская, Т.И. Методика выборочного обследования миграции сельского населения / Т.И. Заславская. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1969. – 167 с.
285. Захаров, Е. Чи можна кваліфікувати Голодомор 1932–1933 роки в Україні та на Кубані як геноцид? / Е. Захаров. – Харків: Права людини, 2008. – 48 с.
286. Захаров, С.В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий / С.В. Захаров // Демография и Социология. Семья и семейная политика / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: ИСЭПН, 1991. – Вып. 1. – С. 87–102.
287. Зеленин, И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты / И.Е. Зеленин / отв. ред. А.С. Сенявский. – М.: Наука, 2006. – 315 с.
289. Земсков, В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан / В.Н. Земсков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1234.html (дата обращения: 17.11.2016).

290. Земсков, В.Н. Людские потери СССР в 1941–1945 гг. (оценки, расчеты, дискуссии) / В.Н. Земсков // Великой Победе – 70 лет: Сборник статей. – М.: АИРО-XXI, 2015. – С. 93–120.

291. Земсков, В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 1. – С. 13–16.

292. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В.Н. Земсков. – М.: Наука, 2005. – 306 с.

293. Зима, В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика 40-х – начала 50-х годов) / В.Ф. Зима // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109–125.

294. Зима, В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия / В.Ф. Зима. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1996. – 266 с.

295. Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. В 2-х т.: Перевод / гл. ред. С.Я. Левит. – М.: Юристъ, 1996. Т. 1. Философия культуры. – 671 с., Т. 2. Созерцание жизни. – 607 с.

296. Зудин, А.И. Липоване: исторические пути русского старообрядчества // Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура / А.И. Зудин / под. ред. Н.И. Бондаря. – Краснодар: НИЦТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», 2006. – С. 7–21.

297. Иванцов, И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. / И.Г. Иванцов. – Краснодар: ООО «Альфа-Принт», 2009. – 100 с.

298. Ивницкий, Н.А. Голод 1932–1933 годов: Кто виноват? // Судьбы российского крестьянства / Н.А. Ивницкий / Отв. ред., вступ. ст. Ю.Н. Афанасьев. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 43–66.

299. Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н.А. Ивницкий. – М.: Интерпракс, 1994. – 272 с.

300. Ивницкий, Н.А. Судьба раскулаченных в СССР / Н.А. Ивницкий. – М.: Собрание, 2004. – 296 с.

301. Ильина, О.В. Состояние в браке и брачная структура сельского населения Европейского Севера России в 1940–1950 гг. / О.В. Ильина // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, – 2010. – № 2. – С. 103–107.

302. Исаченко, Л.И. Трудовые подвиги рабочего класса и крестьянства Кубани и Ставрополя в первый период Великой Отечественной войны / Л.И. Исаченко // КПСС в период социалистического и коммунистического строительства. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1972. – С. 341–351.

303. Историческая демография: проблемы, суждения, задачи / отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1989. – 286 с.

304. Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции. Приложения / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. – Краснодар: Традиция, 2009. – 454 с. Прил.

305. Историческое профессиоведение: профессия, карьера, социальная мобильность. Сборник статей. Барнаул, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://occupations.asu.ru/?q=node/34> (дата обращения: 17.11.2016).

306. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. / ред. комиссия: П.Н. Поспелов (пред.) и др. – М.: Воениздат, 1960–1965.

307. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 тт. / гл. ред. А.А. Гречко, Д.Ф. Устинов. – М.: Воениздат, 1973–1982.

308. История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / науч. ред. Д.В. Кочура и А.А. Кудрявцев. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 2002. – 702 с.

309. Исупов, В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / В.А. Исупов. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 291 с.

310. Исупов, В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки / В.А. Исупов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.

311. Исупов, В.А. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины (1941–1945 гг.) / В.А. Исупов. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – 212 с.

312. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование / В.М. Кабузан. – СПб: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.

313. Кагарлицкий, Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Ультра. Культура, 2004. – 528 с.

314. Капица, С.П. Мировой демографический кризис и Россия / С.П. Капица // Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / под ред. Г.Г. Малинецкого. – М.: URSS Либроком, 2009. – С. 71–88.

315. Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы / под ред. З.Б. Караевой, И.М. Шаманова. – Черкесск: Издательство «ПУЛ», 1993. – 176 с.

316. Кардозо, Ф.Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации / Ф.Э. Кардозо, Э. Фалетто. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. – 130 с.

317. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

318. Кваша, А.Я. Демографическое эхо войны / А.Я. Кваша // Проблемы исторической демографии СССР. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 18–26.

319. Кваша, А.Я. Динамика численности населения СССР за 50 лет / А.Я. Кваша // Здоровоохранение Российской Федерации. – 1967. – № 12. – С. 10–13.

320. Кваша, А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР / А.Я. Кваша. – М.: Статистика, 1974. – 180 с.

321. Кваша, Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке / Е.А. Кваша // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 47–55.
322. Кваша, Я.П. Классификация занятий для переписей населения / Я.П. Кваша // Проблемы демографической статистики: Сборник статей. – М.: Госстатиздат, 1959. – С. 77–122.
333. Ковалев, Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б.Н. Ковалев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619 с.
334. Козлов, В.А. Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.) / В.А. Козлов, М.Е. Козлова, Ф. Бенвенути. – СПб.; М.: Нестор-История, 2016. – 128 с.
335. Козлов, В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор / В.И. Козлов. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.
336. Койчуев, А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.Д. Койчуев. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1998. – 484 с.
337. Колесник, А.Д. РСФСР в Великой Отечественной войне / А.Д. Колесник. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
338. Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр / за ред. В Васильева, Ю. Шаповала. – Київ: Генеза, 2001. – 399 с.
339. Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики / Н.Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 1989. – 526 с.
340. Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, В.М. Бондаренко. – Волгоград: Учитель, 2015. – 256 с.

341. Кондрашин, В. Голод 1932–1933 гг. в России и на Украине: трагедия советской деревни / В. Кондрашин // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуды. – Токио: Cirje Research Report Series, Cirje-R-2, 2005. С. 234–264.

342. Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 519 с.

343. Кондрашин, В.В. Голод: 1932–1933 гг. в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани) / В.В. Кондрашин, Д. Пеннер. – Самара; Пенза: б.и., 2002. – 432 с.

344. Конквест, Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом / Р. Конквест. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. – 594 с.

345. Коробков, Н. Переселение – крупная государственная проблема / Н. Коробков // Плановое хозяйство: ежемесячный политико-экономический журнал. – 1939. – № 9. – С. 71–80.

346. Коростелев, Г.М. Буржуазные концепции народонаселения: Критический анализ / Г.М. Коростелев, В.С. Краев. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 160 с.

347. Коротаев, А.В. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны / А.В. Коротаев, А.С. Малков, Д.А. Халтурина / отв. ред. Н.Н. Крадин. – М.: КомКнига, 2005. – 344 с.

348. Коротаев, А.В. Современные тенденции мирового развития / А.В. Коротаев, Д.А. Халтурина. – М., 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/JSTb9V> (дата обращения: 07.09.2016).

349. Котовская, М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты / М.Г. Котовская. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 358 с.

350. Коцонис, А.Н. Депортация греков Кавказа / А.Н. Коцонис // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. – Краснодар: б.и., – 2000. – № 2. – С. 6–14.

351. Коцонис, А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е гг. / А.Н. Коцонис // Понтийские греки. *Studia Pontocausasica*. III. – Краснодар: б.и., 1997. – С. 29–43.

352. Крадин, Н.Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов / Н.Н. Крадин // История и математика: модели и теории / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: URSS, 2008. – С. 166–200.

353. Край наш Ставрополье: Очерки истории / науч. ред. Д.В. Кочура и В.П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.

354. Кребер, А.Л. Избранное: Природа культуры / А.Л. Кребер / пер. с англ. Г.В. Вдовиной. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1008 с.

355. Кребер, А.Л. Стиль и цивилизации / А.Л. Кребер // Культурология: Дайджест / редкол.: И.Л. Галинская (гл. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – № 1 (16). – 215 с.

356. Кринко, Е.Ф. Миграции населения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: причины и последствия / Е.Ф. Кринко // *Historia Caucasica*: Региональный исторический сборник научных статей. – Краснодар: КГИАМЗ, 2005. – Вып. 5. – С. 58–77.

357. Кринко, Е.Ф. Война и демография: население Адыгеи в 1941–1945 гг. / Е.Ф. Кринко // Историческая демография. – М.; Сыктывкар, 2009. – № 2 (4). – С. 55–59.

358. Кринко, Е.Ф. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе в 1920-е – 1940-е годы / Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина // Историческая демография. – М.; Сыктывкар, 2007. – С. 133–137.

359. Кропачев, С.А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40 годов / С.А. Кропачев. – Краснодар: б.и, 1993. – 116 с.

360. Кропачев, С.А. Десять лет, изменившие страну // Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов: Сборник научных статей / С.А. Кропачев. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – 132 с.

361. Кропачев, С.А. Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов // Проблемы отечественной истории и историографии: сборник научных статей / С.А. Кропачев. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – 296 с.

362. Кропачев, С.А. Потери населения СССР в 1937–1945 гг. масштабы и формы. Отечественная историография / С.А. Кропачев, Е.Ф. Кринко. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2012. – 350 с.

363. Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. – М.: Наука, 1967. – 356 с.

364. Кузнецова, Н.В. Карточная система в условиях голода 1946–1947 гг. (по материалам областей Нижней Волги) / Н.В. Кузнецова // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы II регион. науч. конф. – Краснодар: ООО «Вольные мастера», 2004. – С. 154–158.

365. Кульчицкий, С.В. Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення / С.В. Кульчицкий. – К.: Наш час, 2008. – 424 с.

366. Кульчицький, С.В. Голод 1932–1933 рр. в Україні як геноцид: мовою документів, очима свідків / С.В. Кульчицкий. – К.: Наш час, 2008. – 239 с.

367. Куманев, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

368. Куманев, Г.А. Советский тыл – фронту. 1941–1945 гг. / Г.А. Куманев. – М.: Знание, 1970. – 45 с.

369. Курман, М.В. Актуальные вопросы демографии: Демографические процессы в СССР в послевоенный период / М.В. Курман. – М.: Статистика, 1976. – 220 с.

370. Кюммель, Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа / Т. Кюммель // Методы изучения расселения. – М.: Ин-т геогр. АН СССР, 1987. – С. 82–100.

371. Лазарева, С.Л. Временная оккупация края и её последствия / С.Л. Лазарева // Учёные записки кафедры общественных наук. – Пятигорск, 1958. – Т. XVI. – С. 421–460.

372. Ландри, А. Демографическая революция / А. Ландри / Пер. с фр. Е. Петуховой по тексту: Landry A. La revolution demographique. – Р., 1934 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/bzJWKp> (дата обращения: 17.11.2016).

373. Лаппо, Г.М. Сочи: вехи развития / Г.М. Лаппо // География. – 2008. – № 7. – С. 3–10.

374. Лаппо, Г.М. Города на пути в будущее / Г.М. Лаппо. – М.: Мысль, 1987. – 237 с.

375. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы / Н.Б. Лебина. – СПб.: Летний сад, 1999. – 320 с.

376. Левин, З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З.И. Левин. – М.: Институт востоковедения РАН; изд-во «Крафт», 2001. – 176 с.

377. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 3. – 792 с.

378. Лешапель, Ж. Идеи Анри Файоля: Позитивное управление / Ж. Лешапель / пер. с фр. Б. Невской. – М.: ВЦСПС–ЦИТ, 1924. – 30 с.

379. Лившиц, Ф.Д. Перепись населения 1937 года / Ф.Д. Лившиц // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 174–203.

380. Линец, С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) / С.И. Линец. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2003. – 563 с.

381. Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сборник статей. – СПб: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1995. – 190 с.

382. Макаренко, М.Ю. Анализ демографических потерь 1930-х гг. в зарубежной и отечественной исторической демографии / М.Ю. Макаренко // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы III всерос. науч. конф. – Краснодар: ООО «Компания «Волонтер», 2006. – С. 33–36.

383. Макаренко, М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование / М.Ю. Макаренко. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2009. – 259 с.

384. Максимов, Г. Национальности СССР по данным Всесоюзной переписи населения / Г. Максимов, А. Исупов // Вестник статистики. – 1960. – № 4. – С. 65–75.

385. Максимов, Г.М. Движение и состав населения СССР / Г.М. Максимов // История СССР. – 1961. – № 1. – С. 28–48.

386. Максудов, С. Потери населения СССР / С. Максудов. – Venson: Chalidze publication, 1989. – 298 с.

387. Малышева, Е.М. Вермахт и оккупация: Теория и практика / Е.М. Малышева // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 1997. – Вып. 2. – С. 96–101.

388. Мальцева, Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье / Н.А. Мальцева / под ред. Т.А. Невской. Изд. 2-е, доп. – Ставрополь: СФ СКАГС «Ставпресс», 2009. – 232 с.

389. Маркс, К. Капитал. В 3 т. / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1984.

Матвеев, К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время / К.П. Матвеев. – М.: Наука, 1979. – 190 с.

390. Матвеев, О.В. Методологические аспекты устной истории голода 1932–1933 г. на Кубани / О.В. Матвеев // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: Материалы науч.-практ. конф. / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. – Краснодар: Издательство «Традиция», 2009. – С. 19–32.
391. Матвеев, О.В. Этнические миграции на Кубани: история и современность / О.В. Матвеев, В.Н. Ракачев, Д.Н. Ракачев. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. – 200 с.
392. Менделеев, Д.И. «Из заветных мыслей. 1905 г.» / Д.И. Менделеев // К познанию России. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 576 с.
393. Мерцалов, А.Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны / А.Н. Мерцалов. – М.: Наука, 1978. – 273 с.
394. Мещерякова, А.В. Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / А.В. Мещерякова, С.И. Линец. – Пятигорск: «Технологический университет», Изд-во «Спецпечать», 2006. – 154 с.
395. Миронов, Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации / Б.Н. Миронов // Отечественные записки. – 2012. – № 2. – С. 259–276.
396. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. – 896 с.
397. Митрофанова, А.В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны / А.В. Митрофанова // Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны: Сборник статей. – М.: Ин-т истории СССР, 1976. – С. 9–52.
398. Монтанари, М. Голод и изобилие: история питания в Европе / М. Монтанари. – СПб: Alexandria, 2009. – 274 с.
399. Население и трудовые ресурсы / отв. ред. Г.С. Гужин. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. – 240 с.

400. Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции. Сборник научных трудов / ред. кол. Ю.А. Поляков и др. – М.: ИРИ РАН, 1994. – 223 с.

401. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 416 с.

402. Население России в XX веке. В 3-х т. / Т. 1. 1900–1939 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 463 с.

403. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.) / под ред. Н.Ф. Бугая, М.Б. Беджанова, В.П. Дмитренко, Д.Х. Мекулова. – Майкоп: Изд-во «Меоты», 1995. – 288 с.

404. Невельштейн, Г.С. Территориальные различия естественного движения населения СССР / Г.С. Невельштейн // География населения в СССР: основные проблемы. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 144–159.

405. Невская, Н.И. Особенности воспроизводства населения Северного Кавказа / Н.И. Невская // Развитие и размещение производительных сил Северного Кавказа: Сборник статей. – Ростов н/Д: Ростовский институт народного хозяйства, 1972. – С. 112–125.

406. Некрич, А.М. Отрешись от страха. Воспоминания историка / А.М. Некрич. – Лондон: «ORI, London», 1979. – 417 с.

407. Нефедов, С.А. Концепция демографических циклов / С.А. Нефедов. – Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2007. – 141 с.

408. Нефедова, Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия / Т.Г. Нефедова // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – М.: ИГ РАН, 2010. – С. 128–145.

409. Нефедова, Т.Г. Теория дифференциальной урбанизации и иерархия городов в России на рубеже XXI века / Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–89.

410. Новосельский, С.А. О ранней детской смертности (1941 г.) / С.А. Новосельский // Вопросы демографии и санитарной статистики: Избранные произведения / под ред. проф. А.М. Меркова. – М.: Медгиз, 1958. – 216 с.

411. Ованесов, Б.Т. Здоровоохранение Ставрополя в конце XVIII – начале XX вв. / Б.Т. Ованесов, Н.Д. Судавцов. – Ставрополь: Ставропольская краевая типография, 2002. – 256 с.

412. Осколков, Е.Н. Голод 1932 / 1933: Хлебозаготовки и голод 1932 / 1933 года в Северо-Кавказском крае / Е.Н. Осколков. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1991. – 96 с.

413. Осколков, Е.Н. Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края / Е.Н. Осколков // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. – Київ: Наукова думка, 1995. – С. 115–119.

414. Осокина, Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е.А. Осокина // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 17–26.

415. Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. / отв. ред. А.А. Коробейников. Т. 2: С 1917 года до наших дней / науч. ред. Д.В. Кочура. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986. – 606 с.

416. Павлик, З. Проблемы демографической революции / З. Павлик // Брачность, рождаемость, семья за три века: сборник статей / под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. – М.: Статистика, 1979. – С. 158–168.

417. Павлов, И.П. Рефлекс свободы / И.П. Павлов. – СПб.: Питер, 2001. – 432 с.

418. Павловский, Р.С. О некоторых вопросах советского административно-территориального устройства / Р.С. Павловский, М.А. Шафир // Советское государство и право. – 1961. – № 5. – С. 39–49.

419. Пашинская, Н.Н. Сжатие пространства: методы, модели и примеры использования в географии транспорта / Н.Н. Пашинская // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. – М.: Эслан, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/k4ZA4S> (дата обращения: 06.09.2016).

420. Переведенцев, В.И. Методы изучения миграции населения / В.И. Переведенцев. – М.: Наука, 1975. – 232 с.

421. Петренко, Т.А. Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и неудачи / Т.А. Петренко, С.И. Линец. – Пятигорск: Изд-во «Спецпечать», 2005. – 124 с.

422. Петров, В.Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России / В.Н. Петров. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004. – 265 с.

423. Пивоваров, Ю.Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика / Ю.Л. Пивоваров. – М.; Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2007. – 336 с.

424. Пивоваров, Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность / Ю.Л. Пивоваров // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 101–113.

425. Пироженко, О.Ю. Теоретические основы исследования урбанизации как фактора пространственного развития территории / О.Ю. Пироженко // Наука й економіка. – 2012. – № 4 (28). – С. 287–294.

426. Пискунов, С.А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. / С.А. Пискунов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – 340 с.

427. Платунов, Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н.И. Платунов. – Томск: Издательство Томского университета, 1976. – 284 с.

428. Плохотнюк, Т. Немецкое население Северного Кавказа в условиях тоталитарной системы в середине 1920-х – 1930-х гг. / Т. Плохотнюк // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики: Материалы конференции. – М.: Звенья, 1999. – С. 149–157.

429. Подвойский, Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему / Д.Г. Подвойский // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 3–13.

430. Подьячих, П.Г. О расчете перспективной численности населения с учетом планируемой миграции / П.Г. Подьячих // Вопросы народонаселения и демографической статистики (Доклады советских ученых и специалистов на всемирной конференции ООН по вопросам народонаселения 1965 года). – М.: Статистика, 1966. – С. 239–251.

431. Подьячих, П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. / П.Г. Подьячих. – М.: Госстатиздат, 1957. – 163 с.

432. Покшишевский, В.В. Население и география. Теоретические очерки / В.В. Покшишевский. – М.: Мысль, 1978. – 315 с.

433. Покшишевский, В.В. Этнические процессы в городах и некоторые проблемы их изучения / В.В. Покшишевский // Советская этнография. – 1969. – № 5. – С. 3–15.

434. Полляк, Г.С. Профессия как объект статистического учета / Г.С. Полляк. – СПб.: Типо-Литография Шредера, 1913. – 104 с.

435. Поляков, Л.Е. Цена войны: Демографический аспект / Л.Е. Поляков. – М.: Финансы и статистика, 1985. – 136 с.

436. Поляков, Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) / Ю.А. Поляков // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С. 122–128.

437. Поляков, Ю.А. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) / Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев // Социологические исследования. – 1990. – № 6. – С. 3–25; – № 8. – С. 30–52.

438. Поляков, Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1986. – 272 с.

439. Полян, П.М. Динамика расселения в России и демографические катастрофы XX столетия / П.М. Полян // Известия РАН: Серия географическая. – 2003. – № 3. – С. 44–52.

440. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и острабайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 896 с.

441. Полян, П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: ОГИ–Мемориал, 2001. – 328 с.

442. Полянский, П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование / П.Л. Полянский. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. – 400 с.

443. Попов, В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы / В.П. Попов // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С. 3–15.

444. Попов, В.П. Голод и государственная политика: 1946–1947 гг. / В.П. Попов // Отечественные архивы. – 1992. – № 6. – С. 36–40.

445. Пребиш, Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития / Р. Пребиш // Латинская Америка: научный и общественно-политический журнал. – 1977. – № 6. – С. 44–52.

446. Проблемы исторической демографии в СССР: Сборник статей / под ред. Р.Н. Пуллата. – Таллинн: АН ЭССР, 1977. – 243 с.

447. Проблемы исторической демографии СССР / под ред. А.Д. Колесникова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 322 с.

448. Птуха, М.В. Методы проведения переписей населения в СССР / М.В. Птуха // Доклады советских ученых на XXX сессии Международного статистического института. – М.: Соцэкгиз, 1957. – С. 40–47.

449. Птуха, М.В. Очерки по статистике населения / М.В. Птуха. – М.: Госстатиздат, 1960. – С. 241–242.

450. Пуллат, Р.Н. Историческая демография в СССР (значение, место, итоги и перспективы развития) / Р.Н. Пуллат // Проблемы исторической демографии в СССР / под ред. Р.Н. Пуллата. – Таллин: АН ЭССР, 1977. – С. 8–17.

451. Пустоход, П.П. Переписи населения / П.И. Пустоход, В.К. Воблый / под ред. М.В. Птухи. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 206 с.

452. Радин, А. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края / А. Радин, Л. Шаумян. – Ростов н/Д: Партиздат, 1932. – 16 с.

453. Ракачев, В.Н. Государственная политика хлебозаготовок 1932–1933 гг. на Кубани и ее демографические последствия / В.Н. Ракачев // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: Материалы научно-практической конференции / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. – Краснодар: Издательство «Традиция», 2009. – С. 129–141.

454. Ракачев, В.Н. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: В 4 т. Т. 1. 1900–1920-е гг. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева / отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. – 200 с.

455. Ракачев, В.Н. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: В 4 т. Т. 2. 1930–1950-е гг. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева / отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. – 267 с.

456. Ракачев, В.Н. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2012. – № 5 (15). – С. 150–156.

457. Ракачев, В.Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке / В.Н. Ракачев. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. – 100 с.

458. Ратушняк, В.Н. Хлеб ценою голода / В.Н. Ратушняк // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы I регион. науч. конф. – Краснодар: б.и, 2003. – С. 23–34.

459. Римский, Л. Адыгея в боях за сплошную грамотность / Л. Римский. – М.: Наркомпрос РСФСР, 1931. – 39 с.

460. Родзяловская, В. Уровень образования населения СССР / В. Родзяловская // Вестник статистики: ежемесячный журнал ЦСУ СССР. – 1961. – № 3. – С. 3–12.

461. Рожков, А.Ю. «Мыши съели людей...»: Память о голоде 1932–1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко / А.Ю. Рожков // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: Материалы научно-практической конференции / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. – Краснодар: Издательство «Традиция», 2009. – С. 48–57.

462. Ромашова, Т.В. Введение в экономическую и социальную географию / Т.В. Ромашова. – Томск: Издательский дом «СКК-Пресс», 2000. – 312 с.

463. Россет, Э. Процесс старения населения / Э. Россет. – М.: Статистика, 1968. – 508 с.

464. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 607 с.

465. Руденко, Л.Д. Социально-демографические процессы в деревне: 1946–1951 гг. (по материалам Ярославской области) / Л.Д. Руденко. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 105 с.

466. Рыбаковский, Л.Л. Великая Отечественная: людские потери / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 85–95.

467. Рыбаковский, Л.Л. Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX века / Л.Л. Рыбаковский // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. – М.: АН СССР, 1984. – С. 4–24.

468. Рыбаковский, Л.Л. История и теория миграции населения. Книга первая: Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты // Л.Л. Рыбаковский. – М.: Изд-во «Экон-Инфо», 2016. – 210 с.

469. Рыбаковский, Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне / Л.Л. Рыбаковский // Прикладная демография (работы 2001–2003 гг.). – М.: ИСПИ РАН, 2003. – С. 53–142.

470. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) / Л.Л. Рыбаковский. – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 240 с.

471. Рыбаковский, Л.Л. Региональный анализ миграций / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.

472. Садвокасова, Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи / Е.А. Садвокасова. – М.: Медицина, 1969. – 191 с.

473. Сакевич, В.И. Что было после запрета аборта в 1936 году / В.И. Сакевич // Население и общество. – 2005. – № 221–222. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (дата обращения: 09.11.2016).

474. Самойлов, В. Иван Павлов и Николай Бухарин (От конфликта к дружбе) / В. Самойлов, Ю. Виноградов // Звезда. – СПб., 1989. – № 10. – С. 94–120.

475. Самсоненко, Т.А. Коллективизация и здравоохранение на Юге России 1930-х гг. / Т.А. Самсоненко. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2011. – 224 с.

476. Саутин, И.В. Всесоюзная перепись населения 1939 года / И. Саутин. – М.: Госиздательство политической литературы, 1938. – 64 с.

477. Сачков, Д. Северо-Кавказский край: Экономический очерк / Д. Сачков. – Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1934. – 22 с.

478. Свердлов, Г.М. Брак и развод / Г.М. Свердлов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 147 с.

479. Свет и тени «Великого десятилетия»: Н.С. Хрущев и его время: Сборник / сост. Л.А. Киршнер, С.А. Прохвятилова. – Л.: Лениздат, 1989. – 472 с.

480. Седов, В.В. Мобилизационная экономика: советская модель / В.В. Седов. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2003. – 177 с.

481. Сеитова, Э.И. К вопросу социально-бытовой адаптации колхозников-переселенцев в послевоенном Крыму / Э.И. Сеитова // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – Т. 12. – Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://j-spacetime.com/actual%20content/t12v1/2227-9490e-aprov_r_east12-1.2016.24.php (дата обращения: 09.02.2017).

482. Сеитова, Э.И. Переселенческий билет: трудовая миграция в Крым (1944–1976) / Э.И. Сеитова. – Симферополь: Антиква, 2013. – 235 с.

483. Сеитова, Э.И. Трудовая миграция в Крым (1944–1976) / Э.И. Сеитова // Пространство и время. – 2013. – № 2 (12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-v-krym-1944-1976> (дата обращения: 06.02.2017).

484. Селицкий, А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки / А.И. Селицкий. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. – 176 с.

485. Семенов, Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. III. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. – XX в. н.э.) / Ю.И. Семенов. – М.: МФТИ, 2001. – 208 с.

486. Сенявский, А.С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе / А.С. Сенявский. – М.: Наука, 2003. – 286 с.
487. Сивер, А.В. Шапсуги: Этническая история и идентификация / А.В. Сивер. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. – 216 с.
488. Сивцева, С.И. Демографическая история Якутии (1941–1945 гг.) / С.И. Сивцева / отв. ред. В.Б. Жиромская. – Новосибирск: Наука, 2012. – 157 с.
489. Симоненко, В.Б. Материнство и детство в блокадном Ленинграде (ко дню снятия блокады Ленинграда) / В.Б. Симоненко, В.Г. Абашин, А.С. Александров, Н.О. Травин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/Znr8Ni> (дата обращения: 12.01.2017).
490. Сифман, Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований) / Р.И. Сифман. – М.: Статистика, 1974. – 183 с.
491. Сифман, Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны / Р.И. Сифман // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: Сборник статей / под ред. Е.М. Андреева, А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1979. – С. 50–60.
492. Скубневский, В.А. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий / В.А. Скубневский, М.Ю. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 1998. – № 3 (8). – С. 58–62.
493. Смирнов, В.И. Мировой процесс урбанизации и его понятийно-терминологический аппарат / В.И. Смирнов // Доклады 64-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов СПбГАСУ. – СПб: Издательство СПбГАСУ, 2007. – Ч. 3. – С. 161–166.
494. Смирнов, К. Численность и состав сельского населения СССР / К. Смирнов // Экономика сельского хозяйства. – 1963. – № 9. – С. 41–47.
495. Сови, А. Общая теория населения. В 2 т. / А. Сови. Т. 1. Экономика и рост населения / пер. с франц. Ф.Р. Окуновой, предисл. А.Я. Боярского. – М.: Прогресс, 1977. – 503 с.

496. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования: В 2 т. / А.И. Солженицын. – М.: Советский писатель; Журнал «Новый мир», 1989. – Т. 1. – 585 с., Т. 2. – 636 с.

497. Сорокин, П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П.А. Сорокин. вступ. ст., сост., коммент., подгот. к печ. В.В. Сапова и В.С. Сычевой. – М.: Academia, 2003. – 684 с.

498. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

499. Ставропольский край в истории СССР. Пособие по историческому краеведению / под общ. ред. П.А. Шацкого. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1975. – 425 с.

500. Ставропольцы в Великой Отечественной войне / под ред. Д.В. Кочуры и др. – Ставрополь: Ставропольский фонд культуры, 1995. – 349 с.

501. Стариков, Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней / Е.Н. Стариков. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 420 с.

502. Старовский, В.Н. Азбука статистики / В.Н. Старовский / под общей ред. И.А. Кравая. 3-е изд. – М.: Союзоргучет, 1936. – 116 с.

503. Старовский, В.Н. Основные вопросы статистики населения / В.Н. Старовский // Записки плановой Академии им. Молотова. – 1940. – С. 48–72.

504. Стругова, М.Р. Репатриация граждан в Краснодарский край / М.Р. Стругова // Голос минувшего. – Краснодар, 2000. – № 3–4. – С. 31–39.

505. Стругова, М.Р. Социально-экономическое положение колхозников Кубани в послевоенный период (голод 1946–1947 гг.) / М.Р. Стругова // Крестьяноведение – V. Социокультурные аспекты: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М.; Краснодар: Издательство КГАУ, 2002. – С. 110–116.

506. Струмилин, С.Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы / С.Г. Струмилин. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – С. 439–441.

507. Судоплатов, А.П. Современная буржуазная демография (Критика основных теоретических концепций) / А.П. Судоплатов. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – 320 с.

508. Сулькевич, С. Население СССР / С. Сулькевич. – М.: Государственное издание политической литературы, 1939. – 36 с.

509. Сулькевич, С. Территория и население СССР / С. Сулькевич. – М.: Политиздат при ЦК ВКП(Б), 1940. – 72 с.

510. Тадевосян, В. Закон 27 июня 1936 г. в действии / В. Тадевосян // Социалистическая законность. – 1937. – № 8. – С. 43–48.

511. Тархов, С. Изменения административно-территориального деления России в XII–XX веках / С. Тархов // Логос. – 2005. – № 1 (46). – С. 65–101.

512. Тархова, Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация 1928–1933 гг. / Н.С. Тархова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. – 375 с.

513. Тархова, Н.С. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932/1933 г. (по материалам РГВА) / Н.С. Тархова // Голос минувшего. – Краснодар, 1997. – № 1. – С. 38–43.

514. Тверитинов, И.А. Национально-территориальное строительство в Северо-Восточном Причерноморье и на Кубани / И.А. Тверитинов // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 1. – С. 21–27.

515. Темиров, У.Е. Трудовой вклад населения Карачаево-Черкессии в дело победы над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны / У.Е. Темиров // Карачаево-Черкессия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Материалы област. науч.-теоретич. конф. 1977 года. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1982. – С. 38–59.

516. Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис / пер с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.

517. Тер-Саркисянц, А.Е. Национальные меньшинства Краснодарского края Российской Федерации: история и современное положение / А.Е. Тер-Саркисянц // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. – М.: ИЭА РАН, 1996. – С. 138–182.

518. Тишков, В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 552 с.

519. Тишков, В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

520. Товаровский, Б. Как был сломлен кулацкий саботаж хлебозаготовок в станице Темиргоевской / Б. Товаровский, В. Филов. – Ростов н/Д: Партиздат, 1933. – 72 с.

521. Тойнби, А.Дж. Постижение истории: Сборник / А.Дж. Тойнби / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

522. Тольц, М. Сколько же нас тогда было? / М. Тольц // Огонек. – 1987. – № 51. – С. 10–11.

523. Тольц, М. Статистика как инструмент политики Советского Союза / М. Тольц / пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 108–125.

524. Трейвиш, А. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией / А. Трейвиш // Электронный аналитический журнал Демоскоп Weekly, – 2012. – № 507–508. – С. 12–13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/demoscope507.pdf> (дата обращения: 03.04.2016).

525. Трейвиш, А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа / А.И. Трейвиш. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.

526. Трубников, С. Источники комплектования рабочей силы в СССР / С. Трубников // Проблемы экономики. – 1939. – № 6. – С. 145–159.

527. Турчанинова, Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Ставрополье / Е.И. Турчанинова. – Душанбе: Таджикский государственный университет, 1963. – 245 с.

528. Ульянов, И. Подготовка женских промышленных кадров в национальных районах РСФСР / И. Ульянов // Революция и национальности. – 1932. – № 1. – С. 97–103.

529. Урланис, Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование) / Б.Ц. Урланис. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 567 с.

530. Урланис, Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти / Б.Ц. Урланис // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР: Сборник статей / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 8–27.

531. Урланис, Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б.Ц. Урланис. – М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.

532. Урланис, Б.Ц. Рост населения в СССР / Б.Ц. Урланис. – М.: Статистика, 1966. – 38 с.

533. Файоль, А. Общее и промышленное управление / А. Файоль / пер. Б.В. Бабина-Кореня с предисл. А.К. Гастева. – М.: Центральный институт труда, 1923. – 122 с.

534. Фейлбман Дж. Движение культур / Дж. Фейлбман / пер. с англ. О. Билык, Л. Мостовой // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3. – Вып. 3. – С. 96–117.

535. Халафян, А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных. 2-е изд. / А.А. Халафян. – М.: Бином, 2010. – 528 с.

536. Харчев, А.Г. Брак и семья в СССР / А.Г. Харчев. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.

537. Харькова, Т.Л. Население Советского Союза 1922–1991 / Т.Л. Харькова. – М.: Наука, 1993. – 143 с.

538. Хасбулатова, О.А. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (историко-социологический анализ) / О.А. Хасбулатова, А.В. Смирнова // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 3. – С. 3–14.

539. Хлевнюк, О.В. 1937 год: противодействие репрессиям / О.В. Хлевнюк // Они не молчали / сост. А.В. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1991. – С. 24–43.

540. Хлынина, Т.П. В преддверии «большого террора»: борьба с контрреволюцией в Адыгее в начале 1930-х гг. и ее последствия / Т.П. Хлынина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: Материалы IV Всерос. науч. конф. / гл. ред. С.А. Кропачев. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – С. 107–112.

541. Хлынина, Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии / Т.П. Хлынина. – М.: Издательство МГОУ, 2003. – 268 с.

542. Хоменко, А.П. Семья и воспроизводство населения / А.П. Хоменко. – М.: Статистика, 1980. – 223 с.

543. Хубова, Д.Н. Черные доски: tabula rasa: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах / Д.Н. Хубова // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / отв. ред., вступ. статья Ю.Н. Афанасьев. – М.: РГГУ, 1995. – С. 67–88.

544. Хунагов, А.С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев) / А.С. Хунагов. – Майкоп: Меоты, 1999. – 170 с.

545. Цаплин, В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Письмо в редакцию / В.В. Цаплин // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 175–181.

546. Цогоев, Н.В. Развитие народного хозяйства Ставрополя за 40 лет Советской власти (Краткий статистико-экономический очерк) / Н.В. Цогоев. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1957. – 104 с.

547. Чебоксаров, Н.Н. Народы, расы и культуры / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

548. Черкасова, О.В. Исторические концепции установления происхождения детей в семейном праве / О.В. Черкасова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 26–42.

549. Шавер, Б. Методика расследования преступных аборт / Б. Шавер // Социалистическая законность. – 1937. – № 8. – С. 43–53.
550. Шафаренко, Т.А. География населения мира: понятийно-терминологический словарь / Т.А. Шафаренко. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 50 с.
551. Швиттау, Г.Г. Профессия и занятия населения (опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики) / Г.Г. Швиттау. – СПб: Типография Ю.П. Эрлих, 1909. – 324 с.
552. Шебзухов, М.Х. Тыл фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки / М.Х. Шебзухов. – Майкоп: Изд-во «Меоты», 1993. – 327 с.
553. Шелестов, Д.К. Историческая демография: Учебное пособие для вузов по специальности «История» / Д.К. Шелестов. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
554. Шелестов, Д.К. Народонаселение: история термина и современность / Д.К. Шелестов // Население СССР сегодня: Сборник: Народонаселение / гл. ред. Д.И. Валентей и др. – М.: Финансы и статистика, 1982. – Вып. 38. – С. 113–124.
555. Шкаратан, О.И. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России / О.И. Шкаратан // Мир России. – 2000. – № 2. – С. 63–108.
556. Шнайдер, В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия / В.Г. Шнайдер. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 416 с.
557. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1–2: Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер / пер. с нем. и прим. И.И. Маханькова. – М.: «Мысль», 1998. – 606 с.

558. Шупер, В.А. Почему не происходит сжатие социально-географического пространства / В.А. Шупер // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. – М.: Эслан, 2010. – С. 67–73.

559. Щетнев, В.Е. «Расказачивание» как форма репрессий (1919 – середина 1930-х гг.) / В.Е. Щетнёв // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы III Всерос. науч. конф. – Краснодар: ООО «Компания Волонтер», 2006. – С. 43–48.

560. Щетнёв, В.Е. Коллективизация, раскулачивание, голод 1932–1933 гг. глазами партийно-советских руководителей / В.Е. Щетнёв // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы II регион. науч. конф. – Краснодар: ООО «Вольные мастера», 2004. – С. 83–86.

561. Эдиев, Д.М. Демографические потери депортированных народов / Д.М. Эдиев. – Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АРГУС», 2003. – 336 с.

562. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас / пер. А.М. Руткевич. В 2 т. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 380 с.

563. Юнге, М. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения / М. Юнге, Р. Биннер. Со специальным разделом А. Степанова «Проведение кулацкой операции в Татарстане». С библиографией при участии Т. Мартина. – М.: АИРО-XX, 2003. – 352 с.

564. Яковенко, И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры / И.Г. Яковенко. – М.: Новый хронограф, 2011. – 336 с.

565. Anderson, B.A. Family and fertility in Russian and Soviet censuses / B.A. Anderson // Research Guide to Russian and Soviet Censuses. R.S. Clem (ed.). Ithaca: Press, 2016. – P. 131–154.

566. Baran, P. *Political Economy of Growth* / P. Baran. – N.Y.: Monthly Review Press, 1967. – 308 p.
567. Braudel, F. *Histoire et sciences sociales. La longue durée* / F. Braudel // *Annales: ESC*. Octobre-décembre. – Paris, 1958. – Vol. XIII. – № 4. – P. 725–753.
568. Caldwell, J.C. *Démographie Transition Theory* / J.C. Caldwell. – Dordrecht: Springer, 2006. – 404 p.
569. Chesnais, J.C. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications* / J.C. Chesnais. – Oxford: University Press, 1992. – 648 p.
570. Davies, R.W. *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933* / R.W. Davies, S.G. Wheatcroft. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 555 p.
571. Fitzpatrick, Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* / Sh. Fitzpatrick. – Oxford: University Press, 1999. – 304 p.
572. Frank A.G. *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age* / A.G. Frank – Berkeley: University of California Press, 1998. – 416 p.
573. Fuelop-Miller, R. *Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in Soviet Russia* / R. Fuelop-Miller. – N.Y.: Harper Torchbooks, 1965. – 347 p.
574. Gavrilov, L.A., Heuveline, P. *Aging of Population* / L.A. Gavrilov, P. Heuveline // *The Encyclopedia of Population* / Paul Demeny and Geoffrey McNicoll (Eds.). – N.Y.: Macmillan Reference, 2003. – Vol. 1. – P. 32-37.
575. Geyer, H.S. *A theoretical foundation of the concept of differential urbanization* / H.S. Geyer, T. Kontuly // *International Regional Science Review*. – London, 1993. – Vol. 15. – No 3. – P. 157–177.
576. Gibbs, J. *The evolution of population concentration* / J. Gibbs // *Economic Geography*. – Wolceter, 1963. – No 2. – P. 119–129.
577. Goldmen, W. *Women, the State and Révolution. Soviet Family Policy and Social Life 1917–1936.* / W. Goldmen. – N.Y.: Cambridge University Press, 1993. – 351 p.

578. Graziosi, A. Lettered a Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomati italiani, 1932–1933 / A. Graziosi. – Torino: Giulio Einaudi, 1991. – 242 p.

579. Huntington S. The Clash of Civilizations / S. Huntington. – N.Y.: Simon and Schuster, 1996. – 368 p.

580. Leurs, A.R., Rowland H.R. Population redistribution in the USSR. It's impact of Society, 1897–1977 / A.R. Leurs, H.R. Rowland. N.Y.; Washington, 1979.

581. Notestein, F.W. Population: The Long View / F.W. Notestein // Food for the World. – Chicago: University of Chicago Press, 1945. – P. 36–57.

582. Penner, D.R. Stalin and the Ital'ianka of 1932–1933 in the Don Region / D.R. Penner // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. – Paris, 1998. – Vol. 39. – № 39. – P. 1–2.

583. Richardson, H.W. Polarization reversal in developing countries / H.W. Richardson // Papers of the Regional Science Association. – 1980. – No 45. – P. 67–85.

584. Riecker, K. Ein Mann verlier einen Weltkrieg / K. Riecker. – Frankfurt a.M., 1955.

585. Tauger, M.B. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931–1933. / M.B. Tauger // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. – 2001. – № 1506.

586. Tauger, M.B. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 / M.B. Tauger // Slavic Review 50. – 1991. – № 1. – P. 70–89.

587. Viola, L. Contending with Stalinism: Soviet power and popular resistance in the 1930s. / L. Viola. – Ithaca: Cornell University Press, 2002. – 235 p.

588. Weil, D.N. Population Aging / D.N. Weil // New Palgrave Encyclopedia of Economics, second edition. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 1–15.

589. Wheatcroft, S.G. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 / S.G. Wheatcroft // Slavic Review. – Cambridge, 1999. – Vol. 58, № 1. – P. 159–165.

590. Żaroń, P. Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej / P. Żaroń. – Warszawa, 1990. – S. 276–277.

VI. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

591. Бондарев, В.А. Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Бондарев. – Новочеркасск, 2001. – 20 с.

592. Булгакова, Н.И. Сельское население Ставрополя во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.И. Булгакова. – Ставрополь, 2003. – 325 с.

593. Войтенко, Е.А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Войтенко. – Ставрополь, 2005. – 236 с.

594. Долинянська, Т.В. Голод в СРСР: ретроспективний соціально-політичний аналіз: Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Т.В. Долинянська. – Чернівці, 2006. – 23 с.

595. Журавлева, В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.А. Журавлева. – Екатеринбург, 2016. – 698 с.

596. Кринко, Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии источниковедения. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Евгений Федорович Кринко. – М., 2004. – 458 с.

597. Кропачев, С.А. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / С.А. Кропачев. – Майкоп, 2011. – 54 с.

598. Литвинова, Г.И. Право и демографические процессы в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Г.И. Литвинова. – М., 1982. – 31 с.

599. Макаренко, М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века: историко-демографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / М.Ю. Макаренко. – Краснодар, 2011. – 391 с.

600. Манелова, М.Н. Аграрный сектор в период послевоенного восстановления и реконструкции управленческой системы (1945–1964 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Н. Манелова. – Пятигорск, 2004. – 169 с.

601. Мухортов, А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1950 г.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Мухортов. – Пятигорск, 2010. – 193 с.

602. Ногина, Е.В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополья в 1920–1930 годы: опыт исторического исследования. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Ногина. – Ставрополь, 2004. – 264 с.

603. Пискунов, С.А. Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР (2-я половина 1940–1980-е гг.). Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.А. Пискунов. – Тамбов, 2017. – 516 с.

604. Попов, В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.П. Попов. – М., 1996. – 32 с.

605. Сергиенко, Л.М. Население Ставрополья накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.): историко-демографический аспект. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.М. Сергиенко. – Пятигорск, 2016. – 217 с.

606. Сивцева, С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.И. Сивцева. – М., 2014. – 604 с.

607. Симонян, М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVIII – конец XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.С. Симонян. – Майкоп, 2003. – 25 с.

608. Скрыбина, Е.О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.) (историко-медицинский аспект). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.О. Скрыбина. – СПб., 2008. – 147 с.

609. Служак, О.Ю. Миграционные процессы на Ставрополье во второй половине XX века: историко-культурный аспект. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.Ю. Служак. – Ставрополь, 2004. – 245 с.

610. Стругова, М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Р. Стругова. – Краснодар, 2007. – 265 с.

611. Хунагов, А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-е – 50-е годы). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Хунагов. – М., 1998. – 227 с.

612. Шаповалова, Я.А. Государственная политика в области семейно-брачных отношений в 1945–1991 гг. (на материалах Краснодарского края). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Я.А. Шаповалова. – Краснодар, 2014. – 186 с.

613. Шнайдер, В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 190-х гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.Г. Шнайдер. – Армавир, 2008. – 58 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Численность городского населения Краснодарского края, 1959 г.

Населенный пункт	Число жителей
1	2
г. Анапа (рц)	19602
г. Апшеронск (рц)	29837
г. Армавир	110994
г. Белореченск (рц)	35864
г. Геленджик (рц)	14131
г. Ейск	55324
г. Краснодар	313110
г. Кропоткин	53997
г. Крымск (рц)	32803
г. Лабинск (рц)	41944
г. Новороссийск	93461
г. Приморско-Ахтарск (рц)	22006
г. Славянск-на-Кубани (рц)	38954
г. Сочи (без Хостинского района)	81912
г. Темрюк (рц)	22182
г. Тихорецк (рц)	49658
г. Туапсе	36650
г. Усть-Лабинск (рц)	30212
г. Хадыженск	20164
пгт Абрау-Дюрсо	3462
пгт Адлер (рц)	19658
пгт Афипский	9923
пгт Ахтырский	15691
пгт Ачуево	1341
пгт Гайдук	3984
пгт Гирей	5064
пгт Горячий Ключ (рц)	9858
пгт Гулькевичи (рц)	20280
пгт Дагомыс	7192
пгт Ильский	17086
пгт Кабардинка	2685
пгт Калинино	12842
пгт Каменноостская	9368
пгт Красная Поляна	4443
пгт Кутаис	5675

Продолжение приложения 1

1	2
пгт Лазаревское (рц)	8966
пгт Нефтегорск	8800
пгт Нижне-Баканский	6325
пгт Пашковский	32692
пгт Псебай (рц)	14152
пгт Солнцедар	2341
пгт Хуторок	15368
пгт Черноморский	10110
<i>Адыгейская АО</i>	
г. Майкоп	82135
пгт Яблоновский	13327

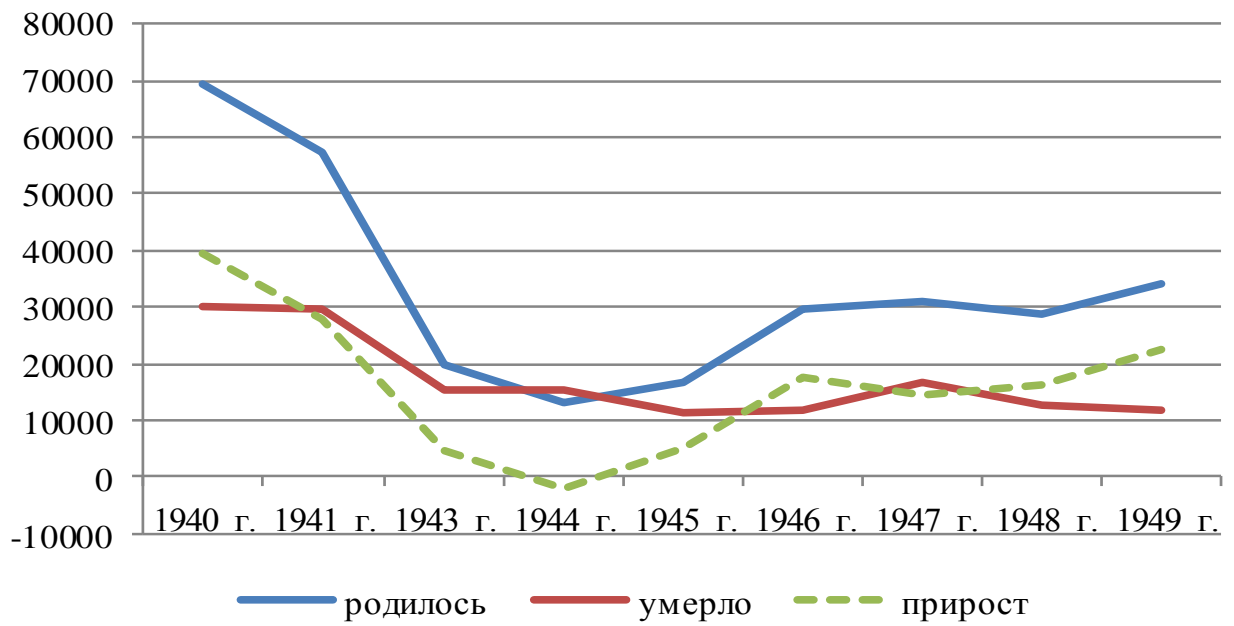
Таблица составлена на основе источников: Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960.

Численность городского населения Ставропольского края 1959 г.

Населенный пункт	Число жителей
г. Ставрополь	141023
г. Ессентуки	48101
г. Железноводск	11927
г. Кисловодск	77998
г. Лермонтов	10926
г. Минеральные Воды	40131
г. Невинномысск	39806
г. Пятигорск	69617
г. Прикумск (Буденовск)	27895
г. Георгиевск	35135
пгт Затеречный	3748
пгт Иноземцево	12070
пгт Анджиевский	2373
<i>Карачаево-Черкесская автономная область</i>	
г. Черкесск	41709
г. Карачаевск	7169
пгт Новый Карачай	4675
пгт Орджоникидзевский	3873
пгт Теберда	4433
пгт Эльбрусский	1441
пгт Уруп	2220

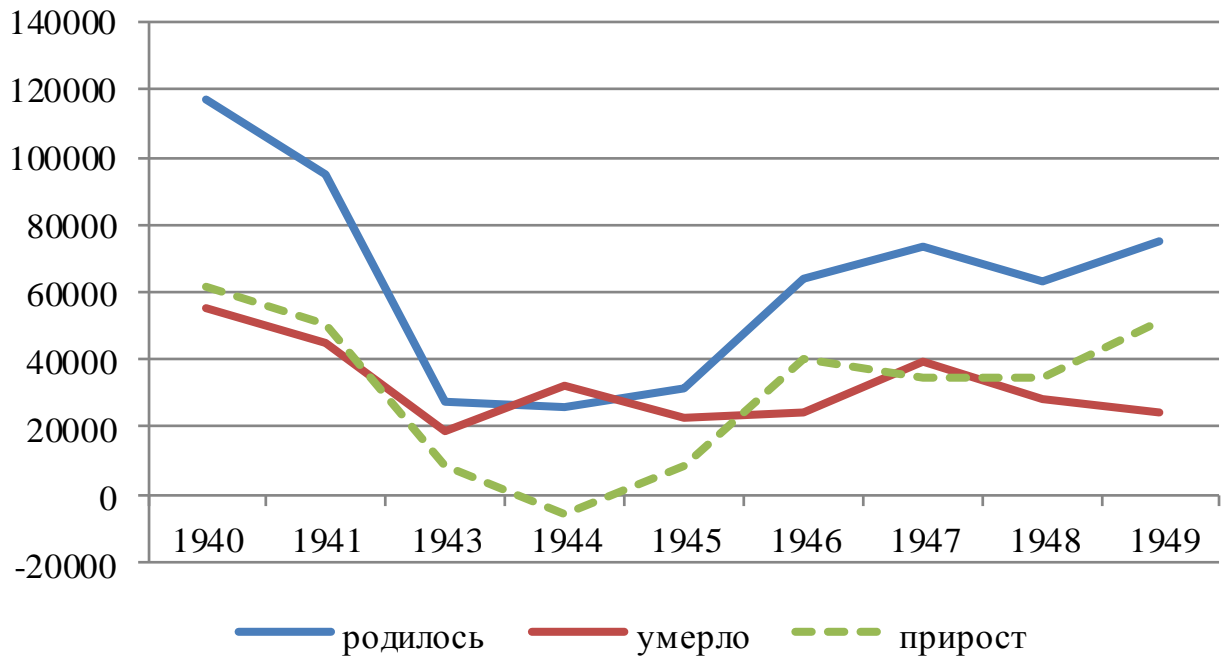
Таблица составлена на основе источников: Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960.

Рождаемость, смертность и естественный прирост
по Ставропольскому краю в 1940–1949 гг.

Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1.

Рождаемость, смертность и естественный прирост
по Краснодарскому краю в 1940–1949 гг.

Рисунок составлен на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1.

Естественный прирост городского и сельского населения по Краснодарскому
и Ставропольскому краям за 1940–1949 гг.

Год	город			село		
	умерло	родилось	прирост	умерло	родилось	прирост
Краснодарский край						
1940	12831	22663	9832	42175	94165	51990
1941	12155	19222	7067	32679	75931	43252
1943	7607	4725	-2882	11282	22769	11487
1944	9436	6348	-3088	22952	19892	-3060
1945	7046	8459	1413	16043	23223	7180
1946	7722	16493	8771	16659	47706	31047
1947	13197	19015	5818	26236	54677	28441
1948	9102	15295	6193	19061	47735	28674
1949	7247	16910	9663	17145	58405	41260
Ставропольский (Орджоникидзевский) край						
1940	5675	10579	4904	24225	58766	34541
1941	5682	9467	3785	23810	47945	24135
1943	5072	3863	-1209	10244	16060	5816
1944	4345	2965	-1380	10946	10159	-787
1945	3221	4075	854	8289	12594	4305
1946	3578	7191	3613	8220	22340	14120
1947	5016	7899	2883	11579	22966	11387
1948	3462	6170	2708	9022	22418	13396
1949	3062	6651	3589	8651	27485	18834

Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7–9, 13–15; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1.

Доля состоящих в браке в Краснодарском крае
по возрастным группам, 1939 г., %

Возраст (лет)	Городское население			Сельское население		
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола
Всего	69,0	58,7	63,4	72,2	60,9	65,9
15	0,0	0,1	0,1	0,0	0,2	0,1
16	0,1	1,4	0,8	0,2	2,0	1,1
17	0,4	5,4	3,0	0,7	7,9	4,4
18	1,5	17,0	9,5	3,3	21,3	12,4
19	4,6	28,4	17,1	10,2	35,0	23,3
20–29	55,7	70,8	63,8	66,9	74,7	71,1
30–39	89,8	77,8	83,4	94,4	81,8	87,6
40–49	93,6	68,9	80,2	95,4	69,8	80,8
50–59	92,5	50,6	69,8	95,2	48,3	66,6
60–69	84,7	30,4	52,5	84,5	31,2	50,5
70 и старше	56,2	10,1	24,3	55,7	11,4	25,1

Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36.

Доля состоящих в браке в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае
по возрастным группам, 1939 г., %

Возраст (лет)	Городское население			Сельское население		
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола
15	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
16	0,1	1,1	0,6	0,2	1,9	1,1
17	0,3	4,6	2,6	1,1	10,1	5,7
18	2,0	16,5	9,4	4,9	33	19,1
19	5,4	30,6	18,6	15,7	43,9	31,0
20–29	57,9	71,6	65,1	61,5	78,8	70,6
30–39	91,9	78,5	84,8	95,5	84,6	89,8
40–49	94,3	69,9	82,0	96,2	74,5	84,3
50–59	93,3	51,3	71,6	93,6	54,5	70,3
60–69	85,5	29,4	51,7	85,6	36,3	55,2
70 и старше	67,3	11,2	28,6	67,5	17,6	35,1
Во всем населении	70,0	56,9	63,0	69,2	61,7	65,1

Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641. Л. 10–18, 28–36.

Число заключенных браков в Краснодарском и Ставропольском краях
в 1937–1959 гг.

Год	Краснодарский край		Орджоникидзевский (Ставропольский) край	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
1937	8840	19626	3997	8382
1938	8121	23204	4114	10684
1939	7397	14646	3617	8764
1940	6838	12127	3152	7814
1941	7988	10365	3611	6767
1943	2218	2127	1813	1837
1944	3986	6480	2117	2967
1945	7085	13330	3995	5776
1946	13660	29582	7880	13066
1947	11469	28940	5275	11917
1948	11239	26023	4282	12042
1949	12606	29019	6055	14444
1950	12856	28378	5950	15303
1951	11313	23785	4980	13625
1952	10113	21552	4442	12286
1953	11704	22863	4835	12967
1954	11384	22618	5005	13005
1955	12422	23949	5643	13431
1956	11587	23967	6397	14594
1957	13442	27369	6412	16293
1958	19664	27742	7215	16129
1959	20534	29446	7604	17799

Таблица составлена на основе источников: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 14. Д. 1702. Л. 7–8; Оп. 23. Д. 456. Л. 50–51; Оп. 30. Д. 3362. Л. 95–96; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 198. Л. 21, 25; Д. 212. Л. 1–2; Д. 343. Л. 20, 25; Д. 354. Л. 1–2; Д. 480. Л. 1–2; Д. 814. Л. 1–2; Оп. 33. Д. 1061. Л. 30–31; Д. 2185. Л. 1; Д. 2638. Л. 1–2; Д. 2643. Л. 103–104, 106–107; Оп. 329. Д. 134. Л. 29; Д. 188. Л. 14; Д. 194. Л. 4, 7, 15; Д. 394. Л. 7–8, 13–15; Д. 396. Л. 1–2; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2634. Л. 148; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1; Д. 4703. Л. 157, 179–180.

Число разводов в Краснодарском и Ставропольском краях в 1937–1959 гг.

Год	Краснодарский край		Орджоникидзевский (Ставропольский) край	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
1937	1197	1355	704	648
1938	1529	1990	899	1049
1939	1686	1639	963	962
1940	1824	1639	1104	1069
1941	1258	976	643	805
1943	480	335	533	334
1944	611	621	372	239
1945	73	18	44	6
1946	209	69	158	19
1947	310	93	170	37
1948	378	180	218	60
1949	574	321	365	89
1950	781	484	474	146
1951	784	451	365	244
1952	895	483	602	308
1953	1188	658	653	266
1954	1474	678	841	281
1955	1703	807	1049	329
1956	1597	793	1131	371
1957	2112	1184	1438	503
1958	3474	1124	1638	520
1959	3737	1463	1829	714

Таблица составлена на основе источников: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 14. Д. 1702. Л. 7–8; Оп. 23. Д. 456. Л. 50–51; Оп. 30. Д. 3362. Л. 95–96; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 198. Л. 21, 25; Д. 212. Л. 1–2; Д. 343. Л. 20, 25; Д. 354. Л. 1–2; Д. 480. Л. 1–2; Д. 814. Л. 1–2; Оп. 33. Д. 1061. Л. 30–31; Д. 2185. Л. 1; Д. 2638. Л. 1–2; Д. 2643. Л. 103–104, 106–107; Оп. 329. Д. 134. Л. 29; Д. 188. Л. 14; Д. 194. Л. 4, 7, 15; Д. 394. Л. 7–8, 13–15; Д. 396. Л. 1–2; Д. 545. Л. 1–2; Д. 1015. Л. 1, 6; Д. 1457. Л. 1, 12; Д. 1883. Л. 1–2; Д. 2229. Л. 3; Д. 2634. Л. 148; Д. 2648. Л. 202; Д. 3157. Л. 1; Д. 3807. Л. 1; Д. 4703. Л. 157, 179–180.

Приложение 10

Распределение отдельных национальностей Краснодарского края
по возрастным группам и типам поселений, %

Возрастные группы	Русские		Украинцы		Адыгейцы	
	город	село	город	село	город	село
0–19 лет	39,6	49,47	22,2	35,3	36,1	52,1
20–59 лет	55,9	47,05	71,9	59,1	61,9	41,1
60 лет и старше	4,5	3,5	5,8	5,6	2,4	6,8

Таблица составлена по источнику: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 58–81-об.

Приложение 11

Возрастная структура населения Кубани и Ставрополя, 1939 г., %

Возраст	Ставропольский край						Краснодарский край					
	город			село			город			село		
	все	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины
0–14	28,7	30,1	27,4	39,6	41,9	37,5	27,8	29,6	26,2	37,9	40,8	35,4
15–29	27,6	27,4	27,9	25,6	25,8	25,4	29,1	28,9	29,0	26,4	26,5	26,3
30–49	30,6	30,8	30,5	23,7	23,2	24,1	29,9	29,5	30,4	25,2	24,4	25,9
50 и старше	13,4	11,9	14,7	11,6	9,4	13,6	13,2	11,8	14,4	10,4	8,2	12,4

Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 19–36, 55–81.

Доля лиц со средним образованием в Краснодарском крае в 1939 г.
среди отдельных национальностей, %

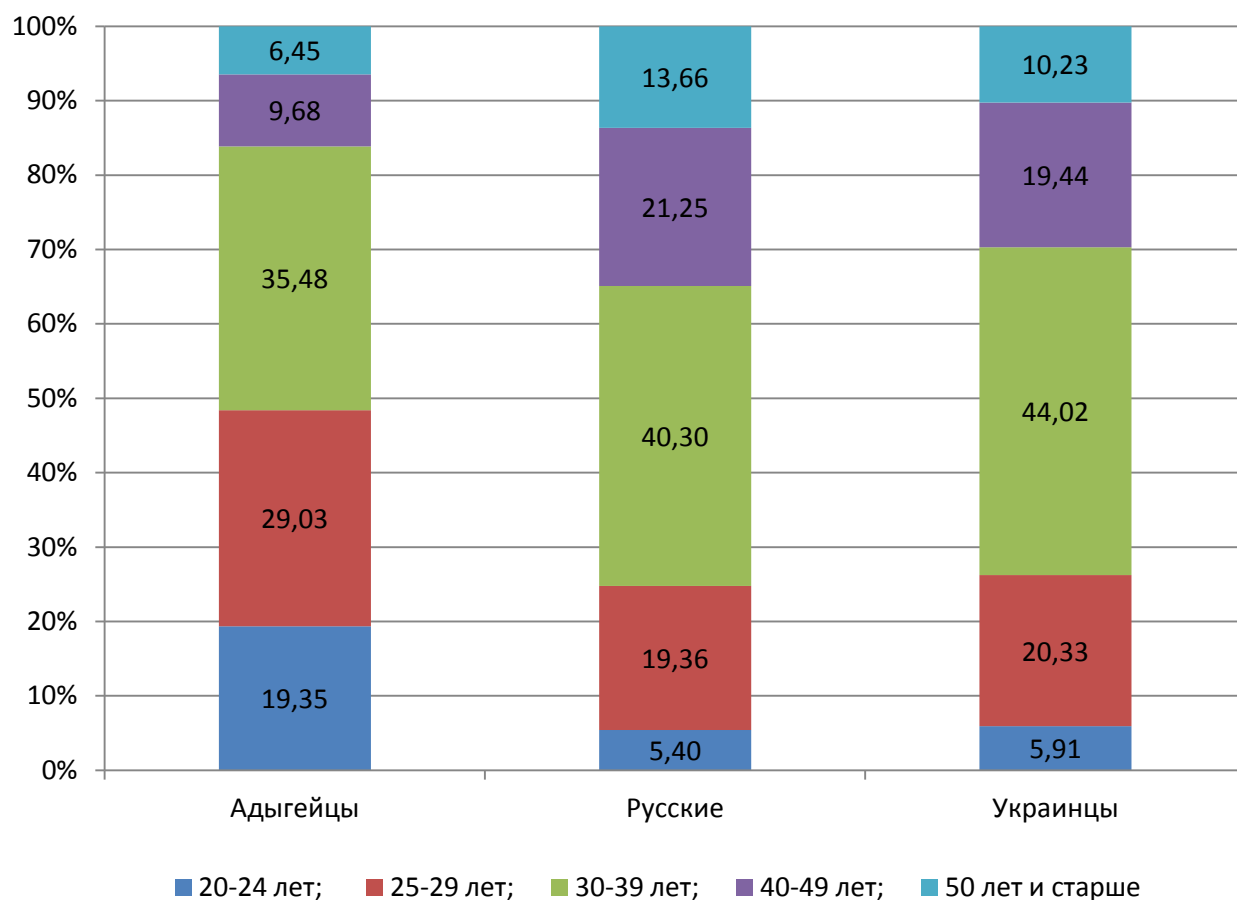
Возрастные группы	Сельское население			Городское население		
	русские	украинцы	адыгейцы	русские	украинцы	адыгейцы
До 19 лет	2,7	15,8	3,8	10,3	4,8	15,6
20–24	13,4	38,7	22,4	36,6	24,5	40,4
25–29	5,1	23,4	11,3	20,6	11,5	24,8
30–39	4,1	19,6	3,3	17,2	8,2	16,9
40–49	2,7	12,8	0,9	12,2	5,2	5,2
50 и старше	1,3	7,4	0,2	6,7	2,5	2,2
Возраст не указан	6,1	20,0	0	11,6	12,5	0
Во всех возрастных группах	3,9	18,5	5,4	14,9	7,6	19,5

Таблица составлена на основе источников: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 58–81об.

Доля неграмотного населения в Краснодарском крае по основным
национальностям, 1939 г., %

Возрастные группы	Сельское население			Городское население		
	русские	украинцы	адыгейцы	русские	украинцы	адыгейцы
До 8 лет	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
9 лет	5,9	5,9	6,3	2,0	2,2	4,0
10	2,3	2,2	1,1	0,9	0,8	0,0
11	1,2	1,0	0,0	0,7	0,2	2,7
12	1,3	0,9	0,9	0,5	0,0	0,0
13	1,6	1,3	0,5	0,6	0,3	0,0
14	1,8	1,4	1,2	0,5	0,3	0,0
15	2,2	1,4	1,9	0,6	0,0	0,0
16	2,7	2,1	2,9	0,6	0,8	0,0
17	2,8	1,9	2,2	0,6	0,5	0,0
18	2,7	2,0	2,5	0,7	0,4	2,1
19	2,9	1,1	0,0	0,6	0,4	11,8
20–24	6,3	2,7	8,2	1,6	1,2	4,5
25–29	13,5	6,9	17,8	3,8	2,5	8,4
30–34	14,4	7,5	22,0	4,5	3,4	12,3
35–39	20,1	12,8	33,6	6,9	5,3	15,4
40–44	27,8	18,8	33,2	10,1	8,9	21,9
45–49	36,8	24,5	49,5	15,8	11,9	44,1
50–54	46,4	32,2	65,5	22,9	17,0	28,3
55–59	58,1	43,9	74,5	31,8	22,8	32,7
60 лет и старше	72,1	60,3	86,5	50,0	41,8	69,7
<i>Итого</i>	14,3	12,5	18,5	7,9	7,3	11,5

Таблица составлена на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 74. Л. 1–6об.

Распределение лиц с высшим образованием у русских, украинцев, адыгейцев в Краснодарском крае по данным переписи 1939 г. по возрастным группам, %

Рисунок составлен на основе источника: ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 14. Д. 73. Л. 58–81об.